

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Павленок Г.Д., Зубова А.В.** Новые данные о носителях селенгинской палеолитической культуры (Западное Забайкалье) 3
- Молодин В.И., Женест Ж.-М., Зоткина Л.В., Черемисин Д.В., Кретэн К.** «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии 12

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Хансен С.** Технические и социальные инновации: новая область исследований 27
- Ткачев В.В.** Ишкининский горнорудный комплекс эпохи бронзы на Южном Урале в контексте радиоуглеродного датирования 38
- Дураков И.А., Кобелева Л.С.** Литейная мастерская на поселении раннего железного века Каргат-4 на юге Западной Сибири 48
- Труфанов А.Я., Мыльникова Л.Н.** Сибирское I – памятник позднеирменской культуры в степном Прииртышье 55
- Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А., Гнездилова И.С.** Направления культурного взаимодействия в эпоху палеометалла (на примере бронзовых ритуальных предметов с территорий Кореи и Японии) 68
- Мурыгин А.М., Косинцев П.А., Марченко-Вагапова Т.И.** Поселение раннего железного века охотников на северного оленя в Большеземельской тундре (территория Ненецкого автономного округа) 74
- Гуляев В.И.** Культ медведя и элитные курганы Скифии 85
- Забяко А.П.** Ранний чжурчжэньский текст наскальных изображений на реке Архаре в Приамурье (история, результаты исследования и новые данные) 94

ЭТНОГРАФИЯ

- Бауло А.В.** К вопросу о следах деятельности христианских миссий в Зауралье и на севере Западной Сибири в VIII–XVI веках 104
- Салмин А.К.** Экспедиция И.И. Лепёхина в Средневожжский регион 111
- Щанкина Л.Н.** Мордва на территории Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: некоторые проблемы переселения и обустройства 119
- Боронова М.М.** Буряты: этносоциальное развитие в условиях постсоветских трансформаций (по материалам опроса молодежи Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края в 2017 году) 127

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

- Яцишина Е.Б., Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Никитин А.С., Никитин С.А., Галеев Р.М., Карташов С.И., Ушаков В.Л., Васильева О.А., Дюжева О.П., Новиков М.М., Чичаев И.А.** Комплексное исследование египетских мумий из коллекции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (методические аспекты) 136
- Федотова Т.К., Горбачева А.К.** Секулярная динамика показателей длины и массы тела детей России от рождения до 17 лет 145

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 158

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 159

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

- G.D. Pavlenok and A.V. Zubova.** New Dental Finds Associated with the Paleolithic Selenga Culture, Western Trans-Baikal Region 3
- V.I. Molodin, J.-M. Geneste, L.V. Zotkina, D.V. Cheremisin, and C. Cretin.** The “Kalgutinsky” Style in the Rock Art of Central Asia 12

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

- S. Hansen.** Technical and Social Innovations: A New Field of Research 27
- V.V. Tkachev.** The Ishkinino Bronze Age Mining Complex in the Southern Urals: Radiocarbon Dating 38
- I.A. Durakov and L.S. Kobeleva.** An Early Iron Age Foundry at Kargat-4, Southwestern Siberia 48
- A.Y. Trufanov and L.N. Mylnikova.** Sibirskoye I: A Late Irmen Site on the Irtysh Steppe 55
- A.L. Nesterkina, E.A. Solovieva, and I.S. Gnezdilova.** Cultural Interaction Patterns in the Bronze Age: Ritual Bronze Artifacts from Korea and Japan 68
- A.M. Murygin, P.A. Kosintsev, and T.I. Marchenko-Vagapova.** An Early Iron Age Camp of Reindeer Hunters in the Bolshezemelskaya Tundra, Nenets Autonomous Okrug 74
- VI. Gulyaev.** The Bear Cult and Kurgans of the Scythian Elite 85
- A.P. Zabyako.** An Early Jurchen Text Among Rock Representations Near the Arkhara River in the Amur Basin (History, Research Results, and New Evidence) 94

ETHNOLOGY

- A.V. Baulo.** Evidence Relating to the Christian Missions in the Trans-Urals and Northwestern Siberia (8th to 16th Centuries) 104
- A.K. Salmin.** Ivan Lepyokhin’s Expedition to the Middle Volga 111
- L.N. Shchankina.** Mordvins in Western Siberia in the Late 19th to Early 20th Century: Certain Issues in the Migration and Settlement 119
- M.M. Boronova.** The Buryats: Ethno-Social Development and Post-Soviet Transformations (Based on the 2017 Opinion Polls Among the Young People of Buryatia, the Irkutsk Region, and the Trans-Baikal Region) 127

ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS

- E.B. Yatsishina, S.V. Vasilyev, S.B. Borutskaya, A.S. Nikitin, S.A. Nikitin, R.M. Galeev, S.I. Kartashov, V.L. Ushakov, O.A. Vasilieva, O.P. Dyuzheva, M.M. Novikov, and I.A. Chichaev.** A Multidisciplinary Study of Egyptian Mummies from the Pushkin State Museum of Fine Arts (Methodical Aspects) 136
- T.K. Fedotova and A.K. Gorbacheva.** Secular Dynamics of Body Height and Weight in Russian Children Aged 0–17 145

ABBREVIATIONS 158

CONTRIBUTORS 159

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.003-011
УДК 903+572.77

Г.Д. Павленок¹, А.В. Зубова²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

²Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: zubova_al@mail.ru

Новые данные о носителях селенгинской палеолитической культуры (Западное Забайкалье)

В работе обсуждаются одонтологические находки, обнаруженные в 2012 г. при повторном изучении коллекции со стоянки Усть-Кяхта-3 в Западном Забайкалье, раскопки которой проводились А.П. Окладниковым в 1976 г. Памятник является одним из базовых объектов финальнопалеолитического времени на данной территории, поскольку имеет четкую стратификацию отложений, непротиворечивую серию радиоуглеродных дат, самую крупную и представительную коллекцию археологических материалов. Одонтологические находки происходят из слоя I, датированного в пределах от $11\,505 \pm 100$ до $12\,151 \pm 58$ л.н. Они представляют собой фрагменты молочного верхнего второго левого моляра ребенка 11–13 лет и не полностью прорезавшегося постоянного верхнего моляра, возможно, этого же ребенка. Сравнительный анализ находок из Усть-Кяхты-3 и аналогичных материалов стоянки Мальта, расположенной в Прибайкалье, продемонстрировал высокую степень сходства морфологических характеристик зубов. Это позволило выдвинуть гипотезу об их принадлежности к единому южно-сибирскому верхнепалеолитическому морфогенетическому комплексу.

Ключевые слова: Усть-Кяхта-3, Забайкалье, финальный палеолит, одонтология, южно-сибирский верхнепалеолитический морфогенетический комплекс.

G.D. Pavlenok¹ and A.V. Zubova²

¹Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

²Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: zubova_al@mail.ru

New Dental Finds Associated with the Paleolithic Selenga Culture, Western Trans-Baikal Region

We describe human teeth discovered in 2012 during the re-examination of the collection from Ust-Kyakhta-3 in the western Trans-Baikal region, excavated by A.P. Okladnikov. This is one of the key Final Paleolithic sites in this area, having a distinct two-layer stratigraphy, a non-contradictory series of radiocarbon dates, and the largest (and the most representative) collection of artifacts. Human teeth come from layer I, whose dates range from $11,505 \pm 100$ to $12,151 \pm 58$ BP. Finds include fragments of a deciduous left upper second molar of a child aged 11–13 and an incompletely erupted upper permanent molar, possibly of the same child. Morphological comparison of these teeth with those from Malta in the Cis-Baikal region demonstrates considerable similarity. The finding suggests that the populations of Malta and Ust-Kyakhta-3 represent one and the same southern Siberian Upper Paleolithic dental complex.

Keywords: Ust-Kyakhta-3, Trans-Baikal region, Final Upper Paleolithic, dental anthropology, southern Siberian Upper Paleolithic dental complex.

Введение

Наиболее древняя история Забайкалья запечатлена в многочисленных памятниках эпохи среднего и верхнего палеолита [Константинов, 1994, с. 13–38; Лбова, 2000, с. 6–22; Ташак, 2004; 2005, с. 5–16; Мороз, 2014, с. 19–23; Павленок Г.Д., 2015б]. При несомненном богатстве археологического наследия опубликованных антропологических материалов палеолитического времени в Забайкалье на настоящий момент нет. Есть лишь устное сообщение В.И. Ташака о присутствии в коллекции со стоянки Ошурково одонтологических находок, которые пока, к сожалению, не введены в научный оборот.

Изучение Усть-Кяхты-3 – двуслойного памятника эпохи финального палеолита на юге Западно-

Рис. 1. Карта Прибайкалья и Забайкалья с обозначением места расположения стоянки Усть-Кяхта-3.

го Забайкалья (рис. 1) – имеет достаточно длительную историю. Стоянка была обнаружена в 1947 г. А.П. Окладниковым, возглавлявшим Бурят-Монгольскую экспедицию [Окладников, 1948, 1950]. Первоначально был собран только подъемный материал [Абрамова, 1953, 1959]. Однако А.П. Окладников отмечал и наличие артефактов в погребенном состоянии. Поэтому в 1976 и 1978 гг. на стоянке Усть-Кяхта-3 были проведены раскопки, в результате которых получена уникальная по насыщенности археологическая коллекция для двух культурных слоев – более 40 тыс. каменных изделий и массовый остеологический материал.

Первичные сведения о памятнике и его стратифицированном комплексе отражены в полевых отчетах А.П. Окладникова [1977, 1979]. Затем следуют упоминания о нем в обобщающих работах [Лбова, Хамзина, 1999, с. 125–127; Лбова, 2000, с. 136]. Самая подробная характеристика стоянки и ее индустрий представлена в монографии И.В. Асеева [2003, с. 33–40]. Последнее крупное исследование, где привлекаются материалы этой стоянки, посвящено палеолитическим и мезолитическим памятникам Усть-Кяхтинского археологического района [Ташак, 2005]. Возобновление работ с коллекцией из Усть-Кяхты-3 [Павленок Г.Д., 2015б] позволило обнаружить в 2012 г. среди материалов слоя 1, полученных при промывке отложений, фрагменты двух зубов человека. Их введению в научный оборот посвящена данная статья.

Общие сведения о памятнике

Памятник Усть-Кяхта-3 расположен на правом берегу р. Селенги (рис. 2). Первоначально отложения стоянки интерпретировались как относящиеся ко второй надпойменной террасе реки [Окладников, 1977]. Однако наблюдения д-ра геол.-мин. наук Э.И. Равского, по-

Рис. 2. Вид на стоянку.

1 – фотография 1978 г. (по: [Окладников, 1978]); 2 – фотография 2012 г.

лученные ранее в целом по Внутренней Азии, свидетельствуют о том, что речные террасы у подобных рек или отсутствовали, или же выявлялись лишь в моменты значительного спада уровня воды [1972, с. 108–118]. По результатам исследований Усть-Кяхты-3, продолженных в 1978 г., А.П. Окладников пересмотрел первичные заключения. Он пришел к выводу, что в разрезе стоянки фиксируются две различные по характеру своего образования морфологические структуры с наличием четко выраженной границы. Первую представляют дюнные пески, которые перекрывают вторую – осадки озерного типа с ленточной слоистостью и следами криогенных процессов [Окладников, 1979].

Позже было высказано несколько иное мнение о происхождении отложений Усть-Кяхты-3. Канд. геол.-мин. наук Д.-Д.Б. Базаров также разделил их на две толщи: первую определил как осадки субэвразального генезиса, что не противоречит ранее высказанному суждению А.П. Окладникова [Там же], вторую – как пойменный и русловый речной аллювий (неопубликованные данные, представленные в диссертации В.И. Ташака) [1995, с. 105–109]. В.И. Ташак, проводивший изыскания на стоянке Усть-Кяхта-17 в 6 км от рассматриваемого памятника и имевший возможность ознакомиться с его разрезом, определяет верхнюю толщу отложений как результат эоловых процессов с участием склоновых и ряда других, а нижнюю – как аллювиальную (пойменная и русловая фации аллювия) [Там же, с. 30].

Проведенные в 2012 г. исследования позволили зафиксировать следующую стратиграфическую ситуацию [Павленок К.К., 2013; Павленок Г.Д., 2015б]. Толща была разделена на 12 литологических подразделений (рис. 3). В формировании верхней пачки (слои 1–5) участвовали делювиальные и эоловые процессы осадконакопления. Нижняя пачка (слои 6–12) сложена пойменно-аллювиальными отложениями, что согласуется с наблюдениями Д.-Д.Б. Базарова и В.И. Ташака.

В ходе работ 2012 г. было установлено залегание археологического материала в двух литологических подразделениях. Верхний уровень приурочен к гумусированной тонкозернистой супеси слоя 9 мощностью от 4 до 12 см. Археологический материал был зафик-

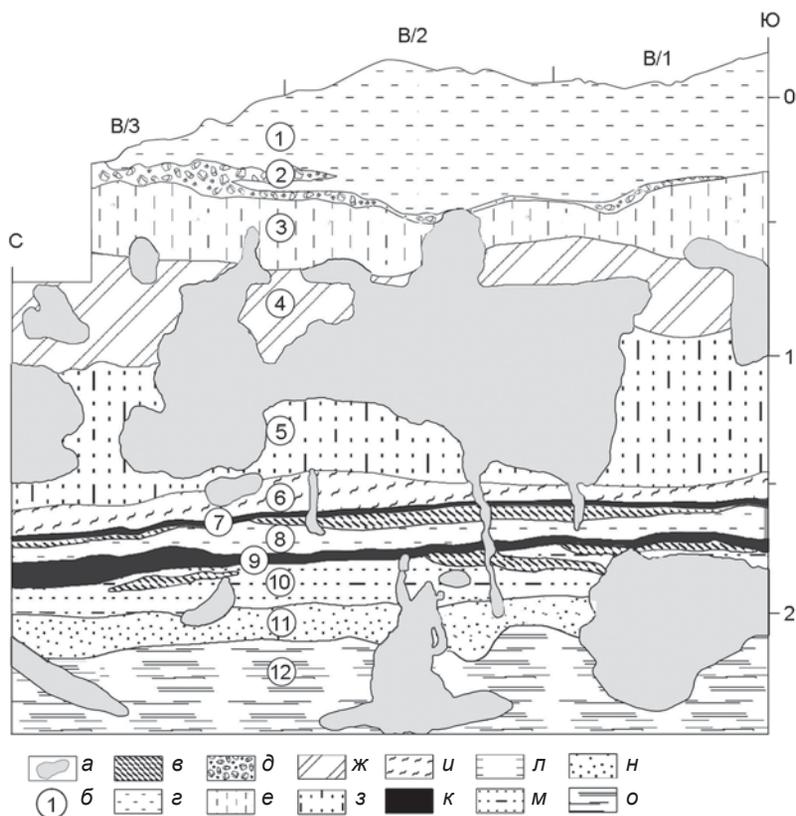

Рис. 3. Схема стратиграфического разреза стоянки.

а – ходы землеройных животных; б – номер литологического слоя; в – участок карбонизации; г – современная почва (коричнево-бурая супесь); д – коричнево-бурая супесь с дрсевой и щебнем; е–н – супесь: е – опесчаненная буро-серая, ж – серо-желтая тонкозернистая, з – коричневая, и – белесо-серая, к – гумусированная черно-коричневая, л – темно-коричневая, м – светло-коричневая, н – серо-коричневая; о – мелкий белесо-серый песок.

сирован в единой плоскости с разбросом артефактов по вертикали в пределах 1–2 см, что свидетельствует о залегании культурных остатков *in situ*. Анализ каменных изделий из культуросодержащего слоя 1 подтверждает гомогенность индустрии и позволяет отнести ее на основе технико-типологической характеристики к финалу палеолита [Павленок Г.Д., 2015б].

Нижний уровень залегания археологического материала включен в тело слоя 11, представленного серо-коричневой супесью мощностью от 15 до 20 см. Разброс артефактов по вертикали значительный, однако анализ каменных изделий свидетельствует об однородности индустрии и ее финальнопалеолитическом возрасте [Там же]. Ремонт нескольких артефактов [Павленок Г.Д., 2016] позволяет говорить о формировании этого комплекса в течение непродолжительного периода. Финальноплейстоценовое время накопления культуросодержащих отложений Усть-Кяхты-3 подтверждает компактная серия дат в пределах 13 000–15 000 кал. л.н. (см. таблицу).

Анализ каменного и костяного инвентаря стоянки позволил отнести ее индустрию к селенгинской

Результаты радиоуглеродного датирования материалов стоянки Усть-Кяхта-3

Археологический слой	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванное значение*, л.н.	Материал	Метод	Лабораторный номер	Источник
1	11 505 ± 100	13 399 ± 140	Уголь	¹⁴ C	СО АН-1552	[Орлова, 1995]
1	12 136 ± 54	14 165 ± 236	Кость	AMS	AA-12176; NSKA-00830	[Павленок Г.Д., 2015б]
1	12 151 ± 58	14 183 ± 234	»	»	AA-12185; NSKA-00831	[Там же]
2	12 595 ± 150	14 930 ± 367	Уголь	¹⁴ C	СО АН-1553	[Орлова, 1995]
2	11 851 ± 53	13 758 ± 138	»	AMS	AA-11936; NSKA-00828	[Павленок Г.Д., 2015б]
2	12 250 ± 60	14 326 ± 266	Кость	»	AA-12292; NSKA-00829	[Там же]

* Калибровка выполнена с помощью ресурса <http://www.calpal-online.de/>

финальнопалеолитической культуре [Павленок Г.Д., 2015б], которая, как и иные культурные подразделения палеолита Забайкалья, ранее не была представлена антропологическим материалом. Сам термин «селенгинская культура» изначально был предложен Г.Ф. Дебецем для экспонированных каменных предметов, собранных в районе г. Кяхта и с. Усть-Кяхта и охарактеризованных им как раннеолитические [Дебец, 1930]. Новое наполнение этот термин получил в результате исследований В.И. Ташака. Он выделил селенгинскую культуру по комплексам стоянок Усть-Кяхта-3 и -17 и отнес к эпохе мезолита, «несмотря на то, что бытовала она в плейстоценовое время» [Ташак, 2005, с. 115]. Новейшие исследования материалов Усть-Кяхты-3 позволили дополнить прежние и сформулировать новые характеристики этой культуры Западного Забайкалья, а также скорректировать ее хронологическую атрибуцию на финальнопалеолитическую [Павленок Г.Д., 2015б].

Сырьевой базой каменной индустрии выступало местное галечное сырье, включающее кремнистый алевролит, алевропелит и песчаник. Расщепление камня было направлено на получение пластин в рамках плоскостного и призматического скалывания, микропластин при утилизации клиновидных форм нуклеусов и в меньшей степени отщепов с необъемных, часто ситуационных ядрищ (рис. 4, А, Б). Специфическая особенность культуры заключается в том, что после уплощения фронта часть плоскостных нуклеусов, наряду с гальками и массивными сколами, использовалась в качестве заготовок для клиновидных ядрищ (рис. 4, В). Переоформление реализовывалось в рамках двух схем (техник) [Ташак, 2000; Павленок Г.Д., 2015а].

Каждая из реконструированных стратегий расщепления ассоциируется с четко определенным набором технических снятий, а также характеризуется использованием конкретного инструментария на разных этапах срабатывания нуклеуса. Первые этапы оформления крупных плоскостных и призматических

нуклеусов сопряжены с применением техники прямого удара твердым отбойником. Получение заготовок с пропорциями пластин велось с помощью прямого или опосредованного удара мягким отбойником. Аналогичные признаки были зафиксированы на отщепках, которые использовались для переоформления и подправки ядрищ на стадии серийного получения заготовок. Производство микропластин с клиновидных ядрищ напрямую связано с технологией ручного отжима. Анализ самих сколов позволил заключить, что они могли быть получены тремя способами (использование ручного отжимника, ручного отжимника и зажима для нуклеуса, плечевого костыля и зажима). Операции по оформлению и подправке данных нуклеусов производились мягким отбойником.

Типологические характеристики инвентаря органично дополняют технологические параметры индустрии. Так, специализация первичного расщепления на изготовлении пластин и микропластин находит полное отражение и в отборе заготовок для вторичной обработки. В орудийном наборе преобладают ножи, скребла, скребки, резе представлены специфические остроконечники усть-кяхтинского типа [Ташак, 2012] и резцы, выполненные преимущественно на пластинах (рис. 4, Г). Выразительна серия проколов на микропластинах (рис. 4, Д) [Павленок Г.Д., 2015б, с. 14, 20]. Основным приемом оформления орудий является дорсальная ретушь [Ташак, 2005, с. 41–66; Павленок Г.Д., 2015б, с. 20].

Кроме каменных изделий, материалы памятников селенгинской культуры включают немногочисленный, но выразительный костяной инструментарий, условно разделенный на три группы – острийные формы (в т.ч. иглы), основы одно- и двулезвийных вкладышевых орудий и рыболовные крючки [Ташак, 2005, с. 57–60, 120–121; Павленок Г.Д., 2014]. Важными характеристиками комплексов являются предметы искусства [Зоткина, Павленок Г.Д., Ташак, 2018] и свидетельств организации жилого пространства [Ташак, 2005, с. 28–38].

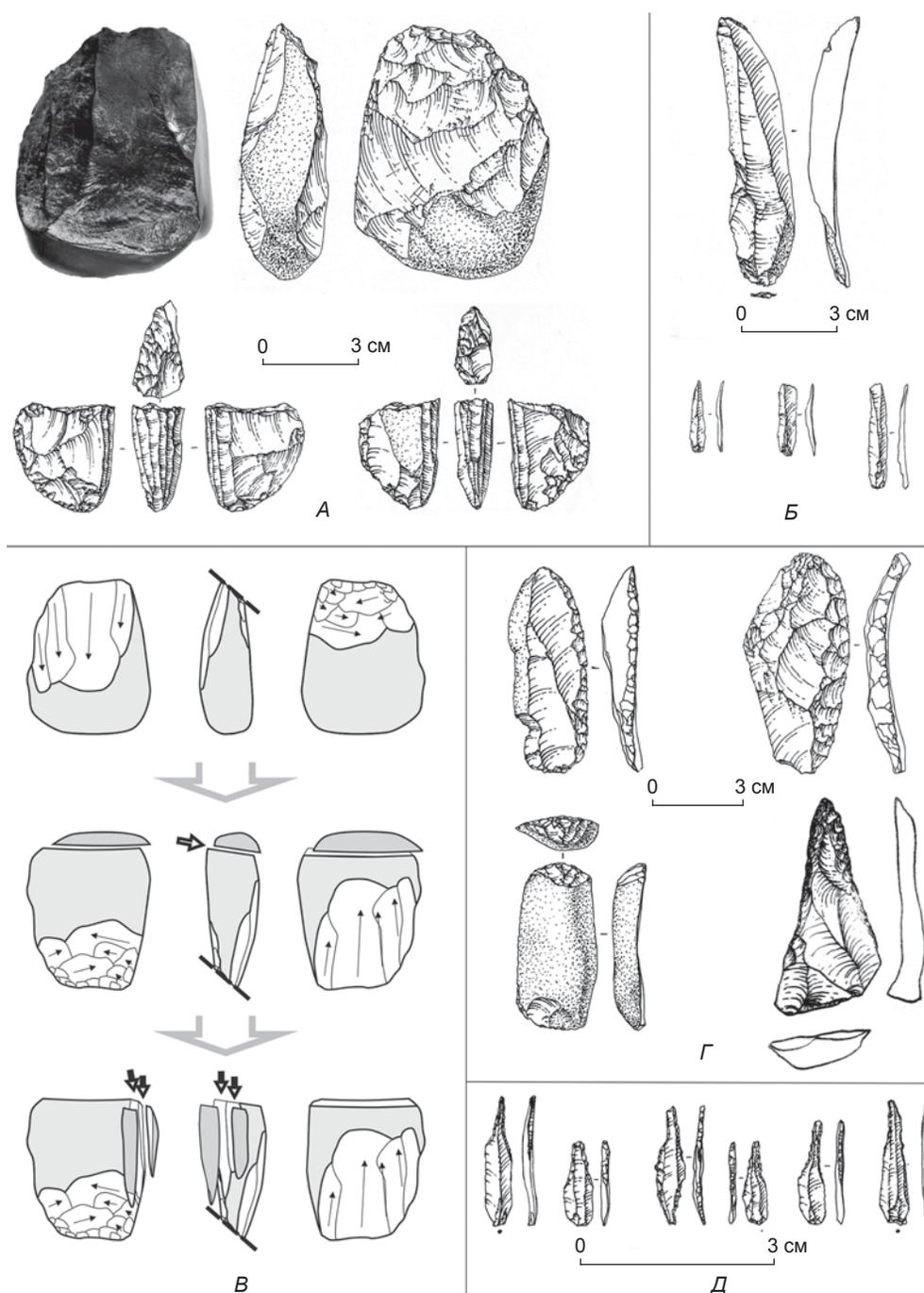

Рис. 4. Каменная индустрия.

А – нуклеусы; Б – сколы-заготовки без вторичной обработки; В – схема переориентации плоскостных нуклеусов и использования их в качестве заготовок для клиновидных ядрищ; Г, Д – орудийный набор.

Селенгинская финальнопалеолитическая культура выступает как автохтонная, генетически связанная с более ранним усть-мензинским вариантом поздней поры верхнего палеолита (~18–13 тыс. л.н.) [Мороз, 2014, с. 98–102], который, в свою очередь, корнями уходит в еще более ранние комплексы региона [Павленок Г.Д., 2015б, с. 23].

Материалы и методы

Одонтологические находки из слоя 1 стоянки Усть-Кяхта-3 (рис. 5) представляют собой четыре фрагмента (размером от $6,2 \times 3,1$ до $6,5 \times 9,0$ мм) коронки моляра. Три из них относятся к одному зубу – молочному верхнему второму левому моляру. Первый – фрагмент

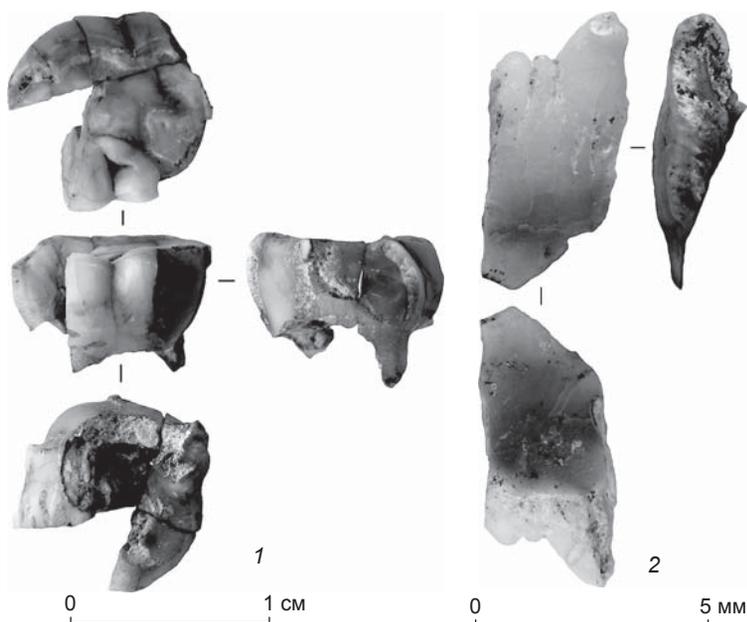

Рис. 5. Одонтологические находки.

1 – молочный верхний второй левый моляр; 2 – фрагмент эмали мезиального края постоянного верхнего моляра ребенка.

вестибулярного отдела коронки, два других – лингвального с прилежащей частью мезиальной интерпроксимальной поверхности, на которой сохранился фрагмент контактной фасетки. О молочном статусе зуба свидетельствуют форма полости коронки, резкое ее сужение в области шейки, малая толщина эмали и дентина, малая толщина и сильная изогнутость сохранившейся части корня, малая высота фрагментов. Идентифицировать зуб как верхний позволяют расширенная форма коронки с округлыми углами, дистальный сдвиг фиссуры, разделяющей бугорки лингвальной стороны, заметно меньшая стертость вестибулярных бугорков, по сравнению с лингвальными, поскольку в молочном прикусе они перекрывают зубы нижнего ряда и менее интенсивно участвуют в пережевывании пищи. Сторона челюсти, к которой относился моляр, определяется по положению фиссуры IV, разделяющей гипоконус и протоконус. Практически полное рассасывание корневой системы и стертость большей части эмали коронки свидетельствуют о том, что зуб принадлежал индивиду в возрасте 11–13 лет.

Четвертый фрагмент относится к другому зубу. Это фрагмент (6,2 × 3,1 мм) эмали мезиального края постоянного верхнего моляра ребенка. Шероховатость поверхности эмали и сохранность одонтоглифических элементов третьего порядка позволяет предполагать, что он представляет собой часть зуба, который еще не прорезался полностью. К сожалению, фрагмент слишком мал для того, чтобы быть объектом морфологического анализа.

Описание морфологии молочного зуба выполнялось в соответствии с общепринятыми протоколами ASUDAS и российской одонтологической школы [Зубов, 2006, Edgar, 2017]. Также регистрировались патологические изменения (кариес, гипоплазия эмали и дентина, зубной камень) и травмы, которые использовались для характеристики особенностей рациона питания индивида из Усть-Кяхты-3.

Морфологическая характеристика молочного моляра

Большинство деталей строения коронки описать невозможно из-за сильной стертости, но можно предполагать, что обсуждаемый моляр характеризовался крупным метаконусом (балл 1 по шкале А.А. Зубова) и умеренно редуцированным гипоконусом (балл 4 по шкале А. Дальберга). На вестибулярной стороне зуба можно идентифицировать фиссуру I, разделяющую метаконус и параконус, на лингвальной – фиссуру IV, разделяющую гипоконус и протоконус. Их положение свидетельствует о том, что зона контакта метаконуса и протоконуса была весьма протяженной. Это позволяет предполагать присутствие в строении коронки хорошо развитого косога гребня (плагирокристы), хотя судить о степени его непрерывности, к сожалению, невозможно. На метаконусе сохранился фрагмент одной из туберкулярных борозд, предположительно I'me, который впадает в фиссуру I. Наличие этой борозды свидетельствует об изначально сильной дифференцированности одонтоглифического узора, что подтверждает также значительная глубина фрагментов интертуберкулярных борозд. В районе локализации бугорка Карабелли наблюдается прижизненный скол эмали размером примерно 2,5 мм, не позволяющий точно говорить о присутствии начальной степени развития фенос системы Карабелли, но не скрывающий факта отсутствия выраженных форм бугорка. Парастиль отсутствует.

Метрические характеристики коронки зуба определены с погрешностью, поскольку необходимость передачи фрагментов на палеогенетический анализ исключает возможность их склейки, но эта погрешность не выходит за пределы средней статистической ошибки. Мезио-дистальный диаметр коронки измерить невозможно из-за посмертных повреждений ее мезиальной части, вестибуло-лингвальный составляет приблизительно 9,5 мм. Минимальный мезио-дистальный размер шейки 7,7 мм, вестибуло-лингвальный – 7.

Серьезных патологических изменений на имеющихся фрагментах зуба не зафиксировано. Отсутствуют гипоплазия эмали, кариес, зубной камень, хотя на некоторых участках коронки наблюдаются незначительные по размерам и плотности пятна желтоватого налета. Вместе с прижизненным сколом эмали мезио-вестибулярного угла коронки это свидетельствует о низком содержании углеводов в рационе индивида, грубой обработке употребляемой пищи и, возможно, о периодическом разгрызании им мелких костей животных.

Результаты сравнительного анализа

Возможности сравнительного анализа находки из Усть-Кяхты-3 ограничены, поскольку молочные верхние вторые моляры на территории Северной Евразии до сих пор были обнаружены только на стоянке Мальта, которая расположена в соседнем регионе – Прибайкалье. Они принадлежали двум индивидам (Мальта 1 и Мальта 2), строение зубной системы которых довольно заметно различалось [Зубов, Гохман, 2003; Зубова и др., 2018, рис. 4; Шпакова, 2001]. Мальта 1 (младший ребенок) характеризуется крайне выраженной архаичностью морфологии молочных зубов и небольшими их размерами. Зубы ребенка Мальта 2 заметно крупнее и имеют намного меньше архаичных особенностей; в целом их характеристики тяготеют к одонтологическим комплексам европейского происхождения. Верхние вторые моляры этого индивида не редуцированы, здесь присутствует крупный гипоконус, морфологически оформляющий дисто-лингвальный угол коронки, умеренно развитый бугорок Карабелли. У соответствующих зубов ребенка Мальта 1 гипоконус умеренно редуцирован, бугорок Карабелли отсутствует (насколько можно об этом судить при неполной сформированности коронок).

Моляр из Усть-Кяхты-3 по своим характеристикам ближе к зубам индивида Мальта 1, чем Мальта 2. Их сближает специфическая форма коронки, выраженная редукция гипоконуса, отсутствие бугорка Карабелли и малые размеры. Вестибуло-лингвальный диаметр коронки зуба из Усть-Кяхты-3 (9,5 мм) заметно меньше, чем средние значения, характерные для современных популяций (10,1 мм [Зубов, Халдева, 1993, прил., табл. 4]), но у индивида Мальта 1 он еще меньше (9,2 мм).

Нужно отметить, что рационы питания старшего ребенка из Мальты (степень сформированности зубной системы у младшего не позволяет охарактеризовать состав его диеты) и индивида из Усть-Кяхты-3 могли быть схожими. На верхних молярах из Мальты также нет кариозных поражений, а зубной налет выражен крайне незначительно, в виде желтоватых

пятен. Для сравнения по палеопатологическим характеристикам можно привлечь также нижнюю челюсть девочки 14–15 лет, обнаруженную на памятнике Афонтова Гора II в 2014 г. [Деревянко и др., 2014]. В отличие от детей из Мальты и Усть-Кяхты-3, у нее наблюдались достаточно интенсивные отложения зубного камня на относительно недавно прорезавшихся постоянных зубах. Частично это обусловлено наличием у девочки метаболических нарушений [Чикишева, Зубова, 2016], но также может свидетельствовать о различиях в составе диеты индивидов Афонтова Гора II, Мальты и Усть-Кяхты-3.

Необходимо отметить, что классический комплекс Мальты значительно более древний (в пределах 20–23 тыс. л.н.) [Sitlivy, Medvedev, Lipnina, 1997, p. 31], нежели находки со стоянок Усть-Кяхты-3 и Афонтова Гора II. Поэтому мы не можем проводить прямое сопоставление материалов данных памятников, ограничиваясь общей оценкой их позиций в региональной культурно-хронологической схеме палеолита.

Происхождение комплексов селенгинской культуры связывается с автохтонным развитием более ранних каменных индустрий региона [Ташак, 2000, с. 69; Павленок Г.Д., 2015б]. В качестве прямого предшественника селенгинской традиции камнеобработки, в т.ч. одного из главных ее элементов – оформления клиновидных нуклеусов на сколах и гальках, рассматривается усть-мензинский вариант подготовки и утилизации клиновидных ядрищ, выделенный на материалах памятников поздней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья (~18–13 тыс. л.н.) [Мороз, 2014, с. 99–102]. Таким образом, минимальные значения в диапазоне дат классического комплекса Мальты вплотную приближаются к максимальным усть-мензинского варианта.

В регионе фиксируются и более ранние истоки традиции оформления клиновидных нуклеусов на истощенных плоскостных ядрищах [Ташак, 2000, с. 69]. В.И. Ташак обнаруживает подобную стратегию в комплексах начальных этапов верхнего палеолита – Подзвонкой (более 35 тыс. л.н.) [Ташак, 2016, с. 18–19] и Толбаги (42–26 кал. тыс. л.н.) [Izuho et al., 2019]. Важно отметить, что материалы этих стоянок демонстрируют все элементы материальной культуры, ассоциируемые с селенгинской. В них присутствуют яркие формы костяной индустрии [Васильев, 2005; Ташак, 2007] и свидетельства неутилитарной деятельности человека [Ташак, 2002; Константинов и др., 1983]. На стоянках Подзвонкая и Толбага планиграфически выделяются жилищные и хозяйственные комплексы [Константинов, 1994, с. 50–51; Ташак, 2014; 2016, с. 42–70]. Как известно, в материалах Мальты также представлены все эти элементы [Герасимов, 1931, 1935, 1958, 1961; Медведев, 1983; Липнина, 2002; Кикура, 2003].

Таким образом, несмотря на фрагментарность имеющихся на настоящий момент данных антропологии и археологии, непротиворечивой представляется модель, увязывающая комплексы Подзвонкой, Толбаги, Мальты, усть-мензинского варианта поздней поры верхнего палеолита и селенгинской культуры в единую последовательность развития материальной культуры.

Заключение

Проведенный анализ одонтологических находок из слоя 1 стоянки Усть-Кяхта-3 позволяет заключить, что они представляют собой фрагменты молочного верхнего второго левого моляра ребенка в возрасте 11–13 лет и не полностью прорезавшегося постоянного верхнего моляра, возможно, этого же ребенка. Морфологические и метрические характеристики молочного зуба сближают его с аналогичными зубами индивида Мальта 1, что может служить аргументом в пользу отнесения антропологических находок из Усть-Кяхты-3 и Мальты к одному морфогенетическому комплексу, обозначенному ранее как южно-сибирский верхнепалеолитический [Зубова, Чикишева, 2015], но говорить об этом на основании имеющихся данных пока преждевременно.

Палеопатологические характеристики свидетельствуют о хорошем состоянии здоровья индивида из Усть-Кяхты-3, преобладании в его рационе мясной пищи и, возможно, о различиях в составе диеты между ним и детьми из Мальты, с одной стороны, и девочек со стоянки Афонтова Гора II – с другой.

Возвращение исследовательского интереса к старым коллекциям позволяет получить новые уникальные данные. В случае с коллекцией Усть-Кяхты-3 особую роль сыграла прогрессивная для времени раскопок методика, включающая промывку отложений. Именно она позволила сохранить мельчайшие фрагменты антропологического материала, одного из первых в истории изучения древнекаменного века Забайкалья. Дальнейшие перспективы связаны с палеогенетическими исследованиями в Институте эволюционной антропологии М. Планка, что позволяет в самое ближайшее время ожидать новой информации о населении Забайкалья на рубеже геологических эпох.

Благодарности

Работа выполнена за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-39-20003). Авторы выражают признательность А.Ю. Федорченко за подготовку фотографий одонтологических находок, Н.В. Вавилиной и Р.Д. Лукьянову за помощь в оформлении иллюстраций.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолитические находки в районе г. Кяхты // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Наука, 1953. – С. 266–275. – (МИА; № 39).
- Абрамова З.А.** Памятники палеолита низовьев р. Селенги // Археологический сборник. – Улан-Удэ: Бургом, 1959. – Вып. 1. – С. 26–32.
- Асеев И.В.** Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.
- Васильев С.К.** Поселение Толбага: технология обработки кости и костяные орудия // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 56–63.
- Герасимов М.М.** Мальта – палеолитическая стоянка (предварительные данные): Результаты работ 1928–1929 гг. – Иркутск: Краев. музей, 1931. – 34 с.
- Герасимов М.М.** Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта // Палеолит СССР: Материалы по истории дорожного общества. – М.; Л.: ОГИЗ, 1935. – С. 78–124. – (Изд. ГАИМК; вып. 118).
- Герасимов М.М.** Палеолитическая стоянка Мальта: раскопки 1956–1957 гг. // СА. – 1958. – Вып. 3. – С. 28–32.
- Герасимов М.М.** Круглое жилище стоянки Мальта // КСИА. – 1961. – Вып. 82. – С. 128–134.
- Дебеч Г.Ф.** Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья: (палеоэтнологический этюд) // Изв. Ассоциации НИИ при физ.-мат. фак-те Моск. ун-та. – 1930. – Т. 3, № 2-А. – С. 151–169.
- Деревянко А.П., Славинский В.С., Чикишева Т.А., Зубова А.В., Слепченко С.М., Зольников И.Д., Лысенко Д.Н., Дроздов Н.И., Цыбанков А.А., Деев Е.В., Рыбалко А.Г., Стасюк И.В., Харевич В.М., Артемьев Е.В., Галухин Л.Л., Богданов Е.С., Степанов Н.С., Дудко А.А., Ломов П.К.** Новые антропологические находки эпохи палеолита со стоянки Афонтова Гора II (предварительное описание, краткий стратиграфический контекст) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 431–434.
- Зоткина Л.В., Павленок Г.Д., Ташак В.И.** Технология производства бусин из скорлупы яиц страуса в финальном палеолите Западного Забайкалья // *Stratum plus*. – 2018. – № 1. – С. 181–197.
- Зубов А.А.** Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-онлайн, 2006. – 72 с.
- Зубов А.А., Гохман И.И.** Некоторые новые одонтологические данные по верхнепалеолитической стоянке Мальта // Вестн. антропологии. – 2003. – № 10. – С. 14–23.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в антропофенетике. – М.: Наука, 1993. – 224 с.
- Зубова А.В., Моисеев В.Г., Хлопачев Г.А., Кушков А.М.** Результаты изучения молочных зубов с верхнепалеолитической стоянки Юдиново (Среднее Подесенье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 3. – С. 138–145.
- Зубова А.В., Чикишева Т.А.** Морфологический комплекс зубов человека со стоянки Афонтова Гора II и его положение в системе одонтологической дифференциации верхнепалеолитического населения Северной Евразии //

Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 4. – С. 135–143.

Кимура Х. Индустрия пластин стоянки Мальта // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1. – С. 11–33.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН; Изд-во Читин. гос. пед. ин-та, 1994. – 180 с.

Константинов М.В., Сумароков В.Б., Филиппов А.К., Ермолова Н.М. Древнейшая скульптура Сибири // КСИА. – 1983. – № 173. – С. 78–81.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии: Карта археологических памятников. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 241 с.

Липнина Е.А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур (современное состояние изученности и перспективы исследования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2002. – 24 с.

Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 44 с.

Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья: к IV Междунар. науч. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Чита, 2013). – Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2014. – 182 с.

Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 году // ВДИ. – 1948. – № 3 (25). – С. 155–163.

Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги // КСИИМК. – 1950. – Вып. XXXV. – С. 85–90.

Окладников А.П. Отчет об исследовании палеолитического поселения Усть-Кяхта в 1976 г. Новосибирск, 1977 // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224. 78 л.

Окладников А.П. Научный отчет о раскопках стоянки Усть-Кяхта-1 (Кяхтинский район БурАССР) в 1978 г. Новосибирск, 1979 // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224. 21 л.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – Ч. 2. – С. 207–232.

Павленок Г.Д. Костяная индустрия стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 2. – С. 14–18.

Павленок Г.Д. Технология изготовления клиновидных нуклеусов в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3) // Изв. Алт. гос. ун-та. Исторические науки и археология. – 2015а. – № 3/2 (87). – С. 178–184.

Павленок Г.Д. Технология обработки камня в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015б. – 26 с.

Павленок Г.Д. Предварительные результаты применения метода ремонта при реконструкции технологии расщепления камня в индустрии стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье) // Esse quam videri: К 80-летию Германа Ивановича Медведева. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016. – С. 248–255.

Павленок К.К. Отчет об исследовании памятника Усть-Кяхта-3 в 2012 году в Кяхтинском районе Республики Бурятия. Новосибирск, 2013. 72 с. // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2327. 73 л.

Равский Э.И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972. – 336 с.

Ташак В.И. Палеолит и мезолит юга Бурятии: дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 1995. – 175 с.

Ташак В.И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 59–74.

Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура востока Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 159–164.

Ташак В.И. Вариант развития среднепалеолитических индустрий Западного Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 2–12.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 130 с.

Ташак В.И. Орудия из кости и их производство в верхнем палеолите Западного Забайкалья (по материалам Подзвонкой) // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2007. – Вып. 5. – С. 118–137.

Ташак В.И. Остроконечники усть-кяхтинского типа и орудия на дивергентных сколах // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2012. – № 1 (9). – С. 31–42.

Ташак В.И. Становление раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам Нижнего комплекса стоянки Подзвонкая) // Stratum plus. – 2014. – Вып. 1: Фрагменты доистории. – С. 149–164.

Ташак В.И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2016. – 185 с.

Чикишева Т.А., Зубова А.В. Палеопатологическая характеристика нижней челюсти из верхнепалеолитического местонахождения Афонтова Гора II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 190–193.

Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 64–76.

Edgar H.J.H. Dental morphology for anthropology: An illustrated Manual. – N.Y.: Taylor & Francis group, 2017. – 184 p.

Izuho M., Terry K., Vasil'ev S., Konstantinov M., Takahashi K. Tolbaga revisited: Scrutinizing occupation duration and its relationship with the faunal landscape during MIS 3 and MIS 2 // Archaeological Research in Asia. – 2019. – Vol. 17. – P. 9–23.

Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A. Les civilisations préhistoriques d'Asie Centrale. I. Le Paléolithique de la rive occidentale du lac Baikal. – Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire, 1997. – 86 p.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.012-026
УДК 903.07.31

**В.И. Молодин¹, Ж.-М. Женест², Л.В. Зоткина¹,
Д.В. Черемисин¹, К. Кретэн³**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: office3@archaeology.nsc.ru; lidiazotkina@gmail.com; topsya@bk.ru

²Научно-исследовательское подразделение 5199 Национального центра научных исследований, Франция
UMR 5199 CNRS, Université de Bordeaux

Bâtiment B8, Allée Geoffroy Saint Hilaire CS 50023 33615 PESSAC CEDEX, France

E-mail: jeanmichelgeneste@orange.fr

³Национальный музей первобытной истории, Франция

Musée national de Préhistoire

1 Rue du Musée, 24620 Les Eyzies-de-Tayac-Sireuil, France

E-mail: catherine.cretin@culture.gouv.fr

«Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии

На основе материалов памятников Калгутинский Рудник (плато Укок), Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа (северо-запад Монголии) выделяется особый «калгутинский» стиль в наскальном искусстве Российского и Монгольского Алтая. Расстояние между этими местонахождениями порядка 20 км. Здесь представлена серия наскальных изображений, отличающихся совершенно особой стилистической манерой, общими технологическими особенностями, узко очерченным сюжетом (исключительно животные) и высокой степенью интенсивности «пустынного» загара. Все эти черты своеобразия наскального искусства и фактор территориальной близости памятников обуславливают необходимость выделения данных петроглифов в особую группу. Авторы предлагают относить «калгутинский» стиль к эпохе верхнего палеолита на основании нескольких аргументов. На памятниках Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа встречаются изображения мамонтов, которые находят аналогии в классическом пещерном искусстве палеолита в Западной Европе. Выделена целая серия специфических стилистических характеристик «калгутинского» канона, прослеживаемых в т.ч. и на изображениях мамонтов. Эти особенности манеры передачи образов весьма созвучны с западно-европейскими образцами верхнепалеолитического наскального и пещерного искусства. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о существовании своеобразного «калгутинского» стиля и, более того, отдельного центрально-азиатского очага наскального искусства эпохи верхнего палеолита.

Ключевые слова: наскальное искусство, стиль, иконография, технология, Монгольский и Российский Алтай, плоскогорье Укок, Калгутинский Рудник.

**V.I. Molodin¹, J.-M. Geneste², L.V. Zotkina¹,
D.V. Cheremisin¹, and C. Cretin³**

¹Institute of Archaeology and Ethnography,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: office3@archaeology.nsc.ru; lidiazotkina@gmail.com; topsya@bk.ru

²UMR5199 CNRS, University of Bordeaux,

Bâtiment B8, Allée Geoffroy Saint Hilaire

CS 50023 33615 PESSAC CEDEX, France

E-mail: jeanmichelgeneste@orange.fr

³National Museum of Prehistory,

1 Rue du Musée, 24620 Les Eyzies-de-Tayac-Sireuil, France

E-mail: catherine.cretin@culture.gouv.fr

The “Kalgutinsky” Style in the Rock Art of Central Asia

On the basis of petroglyphic sites Kalgutinsky Rudnik (Kalgutinsky mine) on the Ukok Plateau, Baga-Oigur and Tsagaan-Salaa in northwestern Mongolia, a distinct “Kalgutinsky” style of rock art of the Russian and Mongolian Altai is described. The distance between these sites is about 20 km. This group is marked by very specific stylistic features, common technological properties, a narrowly defined motif, featuring only animals, and a very intense desert varnish. All these features and the proximity of the sites suggest that they should be regarded as a special group, which we term the “Kalgutinsky” style and date to the Upper Paleolithic on the basis of several criteria. Images of mammoths at Baga-Oigur and Tsagaan-Salaa are similar to those known in the classic Upper Paleolithic cave art of Western Europe. An entire set of stylistic features typical of the “Kalgutinsky” canon is seen also in the representations of mammoths, and this manner is consonant with that of European Upper Paleolithic rock art. Our findings suggest that a peculiar “Kalgutinsky” style existed and, moreover, that it represented a separate Central Asian locus of Upper Paleolithic rock art.

Keywords: Rock art, petroglyphs, style, iconography, technology, Mongolian Altai, Russian Altai, Ukok Plateau, Kalgutinsky Rudnik.

Введение

В 1990-х гг. на плато Укок в южной части Российского Горного Алтая проводились масштабные археологические исследования [Molodin, 1995]. Они обогатили науку серией блестящих открытий, к числу которых можно отнести выделение наиболее раннего из известных в регионе изобразительного пласта, ярко представленного на местонахождении Калгутинский Рудник [Молодин, Черемисин, 1999, с. 83–86]. В монографическом исследовании, посвященном анализу памятника, авторы попытались обосновать датировку обнаруженных там петроглифов периодом финальной стадии плейстоцена, исходя прежде всего из специфики стилистических особенностей основной массы изображений.

Открытия, сделанные на рубеже веков российско-монгольско-американской экспедицией на сопредельной с Укоком территории Северо-Западной Монголии, на памятниках Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур, расположенных в огромном петроглифическом массиве, позволили выделить наиболее ранний пласт изображений. Хотя хронологическая трактовка была различной*, исследователи считали его архаичным, отличающимся от наскального искусства эпохи бронзы, раннего железа и Средневековья [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a, p. 63]. Следует отметить, что, кроме стилистических особенностей, эти петроглифы передавали образы животных, обитавших на данной территории только в плейстоцене. Речь идет об изображениях мамонтов [Ibid.]. Серия петроглифов на местонахождении Ишгэн-Толгой также по стилистическим характеристикам была отнесена монгольскими исследователями к древнейшему пласту [Цэвээндорж, 1982; 1999, с. 95–100, табл. 132]. Уже в начале XXI в. стилистически сходные изображения были открыты в более южных районах Монго-

лии [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a, b] и более северных районах Российского Горного Алтая [Миклашевич, 2000].

Памятники Калгутинский Рудник, Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа расположены очень близко друг от друга – примерно в 20 км (рис. 1). Такое положение вещей требовало целенаправленного обращения к проблеме датировки петроглифов раннего пласта, что и было предпринято российско-французской экспедицией Международной ассоциированной лаборатории АРТЕМИР (LIA ARTEMIR), в состав которой входили авторы данной статьи. В результате мультидисциплинарных исследований, проведенных на памятнике Калгутинский Рудник на Укоке (рис. 2), были обнаружены новые изображения, несомненно тяго-

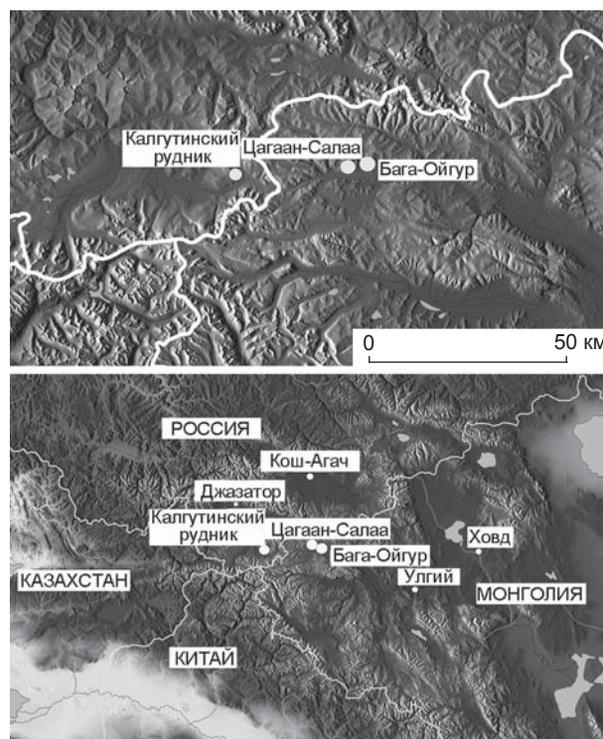

Рис. 1. Расположение памятников Калгутинский Рудник (Россия), Бага-Ойгур, Цагаан-Салаа (Монголия).

*Д. Цэвээндорж датировал его эпохой палеолита, Э. Якобсон допускала мезолитический возраст, а В.Д. Кубарев относил изображения к раннему голоцену [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a, p. 63]

Рис. 2. Общий вид на некоторые плоскости памятника Калгутинский Рудник.

теющие по иконографическим канонам к рисункам, выявленным здесь ранее [Молодин и др., 2016]. Продолжением этих работ стало проведение специализированной экспедиции в Северо-Западную Монголию на памятники Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур. В творческий коллектив влились монгольские коллеги во главе с академиком Д. Цэвээндоржем. В 2017 г. нами обнаружено свыше 20 изображений раннего хронологического пласта, дополнительно изучены уже введенные в научный оборот рисунки и зафиксирована большая серия ранее неизвестных архаичных петроглифов [Черемисин и др., 2018].

Таким образом, только на трех памятниках (Калгутинский Рудник, Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур) на сегодняшний день зафиксировано более 50 изображений, выполненных в сходной стилистической манере, что, с нашей точки зрения, позволяет ставить вопрос о выделении, по крайней мере в данном регионе Азии, особого стиля, который предлагается назвать «калгутинским». Настоящая работа посвящена обоснованию этого стиля и определению его основных канонов.

Понятие стиля в первобытном искусстве

Исследователям первобытного творчества давно стало понятно, что наскальное искусство, не имеющее чаще всего непосредственной связи с культурным сло-

ем, невозможно привязать к стратиграфии, а значит, и надежно датировать. Поэтому используются такие методы, как соотнесение петроглифов с остатками материальной культуры, в т.ч. и с мелкой пластикой. К счастью, иногда возможна прямая датировка пигмента, что позволяет определить абсолютную хронологию наскальных изображений.

Хронологическая атрибуция довольно рано стала приоритетной задачей для исследователей палеолитического искусства. Для этого применялись методы непрямого датирования: анализ палимпсестов и привлечение аналогий в мобильном искусстве, а также изучение развития изобразительной манеры и стилистических особенностей. А. Брейль, а за ним А. Леруа-Гуран предложили две хронологические схемы.

Аббат А. Брейль разработал концепцию [Breuil, 1952], основанную на разных критериях, в т.ч. формальных стилистических особенностях в способах передачи образов, наличии художественной перспективы в изображении животных и их деталей. Согласно этой схеме, исследователь выделял два больших, независимых друг от друга цикла развития искусства: ориньяк–перигор и затем солютре–мадлен. В настоящее время его система практически не используется специалистами.

А. Леруа-Гуран взял за основу принцип А. Брейля, полагаясь на те источники, которые были датированы стратиграфическим методом [Leroi-Gourhan,

1965b]. Он выявил различные способы изображения фигур животных в перспективе и на основе статистических данных выделил сменявшие друг друга стили, характеризующие определенные хронологические периоды. Исследователь проследил эволюцию манеры изображения животных в зависимости от хронологических этапов, ассоциированных с четырьмя стилями, которым предшествовал «префигуративный». Он выделил четыре последовательные стадии развития образности: чистую геометрическую, фигуративную геометрическую, синтетическую и аналитическую. Хронологическая классификация А. Леруа-Гурана, создававшаяся с некоторой осторожностью, отличалась практической обоснованностью. Хронологическая последовательность стилей, выделенных им на основе формального анализа изображений, не всегда совпадала с фазами развития материальной культуры. Помимо этих оговорок, система А. Леруа-Гурана содержала несколько спорных моментов, которые не раз ставились под сомнение другими исследователями (см., напр.: [The Use of Style..., 1990; Lorblanchet, Bahn, 1993]) и позднее претерпели известную корректировку на концептуальном уровне. Речь идет о концепции единственной однолинейно развивавшейся изобразительной традиции в эпоху палеолита, противопоставлении специфики мобильного и пещерного искусства, идее о стабильном культурном единстве на протяжении всего развития палеолитического искусства в Европе.

В настоящее время проблема стиля как «манеры изображать» пересмотрена, и стилистический подход к анализу источников обоснованно реабилитирован [Otte, Remeacle, 2000]. Стиль стал рассматриваться как своего рода культурный код. Так, если фокусироваться на определенном периоде наскального искусства, то надежно датированные изображения Фош-Коа в Португалии [Aubry, Sampaio, 2008] позволили выявить аналогичные фигуративные особенности на памятниках достаточно отдаленных друг от друга эпох и территорий [Guy, 2010]. Недавно изобразительные ансамбли начала верхнего палеолита во франко-кантабрийской области были надежно атрибутированы благодаря сопоставлению с датированным напрямую искусством Шове-Пон-д'Арк [Petrognani, 2013], в котором прослеживается определенная стилистическая свобода, особенно заметная на контрасте с более поздней традицией эпохи мадлен, где условности стиля выражены гораздо ярче.

В свете последних работ важно напомнить, каким образом в европейской археологии палеолита могут быть использованы данные об изобразительной манере (то, что называют стилем), но прежде всего отметить, с какой еще целью изучается это явление, кроме как для хронологической атрибуции, как делали наши известные предшественники А. Брейль

и А. Леруа-Гуран. В первобытной истории понятие культуры по большей части основывается на изучении и интерпретации хозяйственного аспекта. Предметы бытового назначения первыми привлекли внимание ученых, т.к. они являются продуктом материальной культуры. С учетом того, что речь идет об отдаленной первобытной эпохе, многие открытия в данной области выглядели весьма неожиданными, поскольку указывали на такие функции орудий и способности человека, которые исследователи не ожидали обнаружить.

Видение проблематики в духе материализма стало основой для переориентации исследований в сторону пещерного искусства, расширив возможности в этой области. Кроме того, сам феномен первобытного настенного искусства не был ограничен рамками стратиграфии археологических слоев, замыкавшей материальную культуру в пределах хронологических «конвертов». Общая концепция развития дисциплины первобытной истории с самого начала формирования многое заимствовала у естественных наук. В этом контексте присущий изучению пещерного искусства дефицит информации стал причиной использования стиля в этом искусстве как основного инструмента для установления хронологической последовательности.

Артефакты, формирующие материальную культуру, позволяют судить об их назначении, но не о ценностях и идеях, которые объединяли носителей одной культуры [Testart, 2012]. Между тем способ передачи образов животных в пещерах Шове, Ляско или в Альтамире дает основание задаться вопросом: что с социальной точки зрения представлял собой стиль этих разных памятников изобразительного искусства верхнего палеолита? Как прекрасно показали А. Леруа-Гуран и другие исследователи его школы, изображения животных в пещерах свидетельствуют о существовании общих представлений, которые разделяло население обширных территорий на протяжении тысячелетий. Эти представления, возможно, составляли некую мифологизированную структурированную концепцию мировосприятия [Leroi-Gourhan, 1965a, b; 1992].

Новаторские подходы, более близкие нашему времени, развивают гипотезу о том, что среди принципов создания палеолитических настенных изображений можно обнаружить характерные черты символического использования образов животных в ритуальных целях для достижения определенного результата (экономического или политического), как это встречается в другие эпохи и в ином историческом и этнографическом контексте. Абсолютное преобладание образов животных, избирательность сюжета, отсутствие контекста и нарратива, точное воспроизведение характерных черт, благо-

даря чему безошибочно определяется видовая принадлежность, и, наконец, повторяемость сюжета и формальных особенностей передачи образов от памятника к памятнику свидетельствуют о высокой степени стандартизации изображений [Guy, 2017, p. 170–177]. Очертания фигур довольно рано подверглись геометризации. Это облегчило стандартизацию и позволило добиться безошибочного и мгновенного узнавания, что обеспечило преемственность и транслирование таких форм.

Самые поздние работы, базирующиеся на сопоставлении данных о стабильности формальных признаков (критериев стиля) во времени и пространстве, позволяют предполагать существование различных художественных «школ», о которых говорили многие археологи и ранее на основании других признаков, относящихся к описанным выше принципам. Транслирование изобразительной манеры было предназначено для передачи определенных коллективных культурных кодов, увековечивавших ценности. Бесспорно, изображения в пещерах своими монументальными размерами, топографическим расположением, обилием фигуративных и нефигуративных символов были рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление на зрителя и установить над ним некую власть при помощи визуального эффекта, что характерно для стратегий престижа [Ibid., p. 187]. Высокая степень стандартизации в искусстве позднего палеолита, достигнутая посредством особой стилистики, свидетельствует об адаптированности произведений пещерной живописи для передачи информации. Пожалуй, впервые в истории великий расцвет культуры наблюдается на всей территории Евразии.

В советской и российской археологии, как и в искусствознании, понятие стиля использовалось для характеристики феноменов художественной культуры прошлого, а стилистический анализ служил продуктивным инструментом археологического исследования. Стоит признать, что и в настоящее время, даже с учетом новаций, применяемых специалистами при изучении наскального искусства, он остается важнейшим методом определения единства изобразительных канонов, принятых в том или ином сообществе.

Напомним, что зарождение изобразительной деятельности А.П. Окладников относил к эпохе мустье и культуре неандертальцев. Это подтверждается результатами изучения палеолитических комплексов в Горном Алтае [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2017а, б; Деревянко и др., 2018; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2018]. А.П. Окладников выдвинул концепцию существования особого центрально-азиатского очага первобытного искусства, отнеся к верхнему палеолиту ряд памятников на территории Западной Мон-

голии [1967, с. 120, 126]. Этой эпохой он датировал красочные росписи пещеры Хойт-Цэнкер Агуй и петроглифы местонахождения Аршан-Хад [1972, с. 76]. Основанием послужило восприятие ряда фигур животных как изображений представителей плейстоценовой фауны, а также тематическое и стилистическое своеобразие других анималистических рисунков. А.П. Окладников понимал стиль как устойчивую совокупность выразительных средств, которыми пользовался древний мастер, как изобразительный канон, характерный для особой группы изображений [1980, с. 88].

В развитие данного тезиса уместно привести определение художественного стиля, предложенное Е.Е. Кузьминой: «Устойчивая... совокупность изобразительных приемов, элементов трактовки определенного круга образов на определенной территории и в определенную эпоху» [1983, с. 95]. В.А. Коренько определяет стиль как структурное единство образной системы и приемов художественного выражения, при этом последние позволяют дифференцировать стили, а по ним установить эпоху [1998, с. 69–77]. По мнению Е.Ф. Корольковой, именно стилистические параметры позволяют выполнить культурно-хронологическую атрибуцию [1996].

В контексте изучения «языка» первобытного искусства понятие стиля на материалах петроглифов Средней и Центральной Азии детально рассматривалось в работах Я.А. Шера, предложившего способ формализации трудноуловимых стилистических деталей, теорию «изобразительных инвариантов» – формальных выразительных элементов художественных особенностей древних изображений, инструмент определения их своеобразия. Эти элементы выделяются исследователем в ходе «препарирования», разложения изображений на составные части и выявления их структурных составляющих [1980, с. 28–32]. Устойчивое сочетание стилистических инвариантов или блоков таких инвариантов и определяет своеобразие стиля.

Позднее Я.А. Шер, разрабатывая концепцию происхождения изобразительного искусства, продемонстрировал возможность применения понятия стиля для изучения древнейшего, самого что ни на есть первобытного искусства эпохи палеолита [Первобытное искусство..., 1998, с. 63–84; Шер, 2004]. По его мнению, «стиль как совокупность выразительных средств, создающих своеобразие художественной манеры, появляется вместе с изобразительной деятельностью. Уже на заре искусства, в эпоху верхнего палеолита, сложились выразительные особенности плоскостных, рельефных и объемных изображений, присущие только этому периоду и больше нигде не повторяющиеся» [Первобытное искусство..., 1998, с. 74]. Крупные исследователи наскального ис-

куства Азии А.-П. Франкфор и Э. Якобсон определяют стиль как «совокупность отличительных особенностей художественного выражения представлений, присущих отдельным лицам, группе людей, школам мастеров своего дела, эпохам» [2004, с. 62].

В основе трактовки стиля, предложенной Д.Г. Савиновым, лежит идея изобразительного канона, в котором и заключаются стилистические особенности изображений [2009]. Исследователь вводит также важное понятие «изобразительный пласт», подразумевающее «пространственно-временное распространение изображений, выполненных в одной изобразительной традиции, соответствующей определенному состоянию духовной культуры» [Савинов, 2008, с. 73]. Своего рода стержнем для каждого изобразительного пласта является характерный стиль. Д.Г. Савинов, пожалуй, впервые производит синхронизацию стилей в наскальном искусстве Центральной и Северной Азии в голоцене. Минусинский и ангарский стили относятся им к неолиту, окуневский, сейминско-турбинский, карасукский – к эпохе бронзы, аржано-майэмирский – к раннескифскому времени, пазырыкский – к эпохе ранних кочевников Горного Алтая, «лабиринты» рассматриваются как идеограммы хуннского времени, реалистический стиль многофигурных композиций отнесен к раннему Средневековью [Там же].

Существуют различные классификации понятия стиля. Можно выделить следующие: по хронологии («древнейший», «ранний», «архаичный», «поздний») [Окладников, 1968, с. 26–27; Черемисин, 2006; Молодин, Черемисин, 2007]; по степени реализма («реалистический», «динамично-реалистический», «абстрактно-схематичный») [Леонтьев, 1976; Подольский, 1973; Окладников, Мартынов, 1972, с. 176–187]; по ареалу («минусинский», «ангарский»); по художественным особенностям («линейный», «геометрический», «битреугольный») [Окладников, 1976, с. 44–50; Рогожинский, 2008]; по культурно-региональному аспекту («скифо-сибирский звериный стиль») [Савинов, 1995]. Этот перечень может быть продолжен.

В завершение раздела уместно привести точку зрения М.А. Дэвлет и Е.Г. Дэвлет, которые констатируют, что хронологическая шкала европейского пещерного, по сути, древнейшего искусства, разработанная на основе стилистического анализа и изучения палимпсестов, подкреплена сегодня результатами прямого радиоуглеродного датирования [2001, с. 130]. Таким образом, можно сделать вывод, что стилистический анализ является базовым методом, позволяющим судить о культурно-хронологическом единстве создателей наскальных изображений. Стилистика сама по себе, вне контекста, не может рассматриваться как самостоятельный инструмент хронологиче-

ской атрибуции петроглифов. Однако соотнесение стилистических характеристик наскальных рисунков с другими данными (сюжетной, технологической составляющей и пр.) позволяет делать выводы о месте того или иного стиля в культурно-хронологической схеме региона.

«Калгутинский» стиль

В результате самых первых исследований памятника Калгутинский Рудник была предложена гипотеза о древнейшем возрасте серии петроглифов архаичного облика [Молодин, Черемисин, 1993; 1999, с. 83–86]. Она основывалась на нескольких аргументах: очень интенсивном пустынном загаре выбитой поверхности, отсутствии изображений представителей однозначно голоценовой фауны, архаичной манере передачи образов, практически полном отсутствии аналогий на сопредельных территориях и, напротив, стилистическом сходстве с западно-европейским пещерным и наскальным искусством эпохи палеолита. Дополнительным косвенным аргументом в пользу древнего возраста изображений стали результаты проведенного впоследствии экспериментально-трассологического исследования петроглифов этого памятника. Не останавливаясь на деталях, можно констатировать: все изученные изображения, предположительно отнесенные к древнейшему пласту, были выполнены каменными орудиями из местного сырья или даже в некоторых случаях не обработанными специальным образом гальками. Однако нельзя не отметить, что в более поздние эпохи камень оставался единственным эффективным материалом для обработки риолита, интенсивно зашлифованной при движении ледника, крайне устойчивой к любым воздействиям твердой породы, на обнажениях которой и выполнены петроглифы.

В последние годы на Калгутинском Руднике выявлены новые петроглифы, стилистически относящиеся к древнейшему пласту. Однако среди них по-прежнему не встречаются сюжеты, которые могли бы быть интерпретированы как исключительно поздние (например, голоценовая фауна, антропоморфные изображения, всадники и т.п.). Типичными остаются такие образы, как лошадь, бык, козел, реже олень.

В ходе многократных исследований было установлено, что многие изображения на Калгутинском Руднике зачастую даже не видны целиком (рис. 3, 2). Это связано с крайне интенсивным пустынным загаром данной группы петроглифов, а также особенностями техники выполнения некоторых из них. Самыми распространенными приемами являются поверхностный пикетаж и шлифовка. Эксперименты показали, что именно эти способы обработки позволяют достаточно

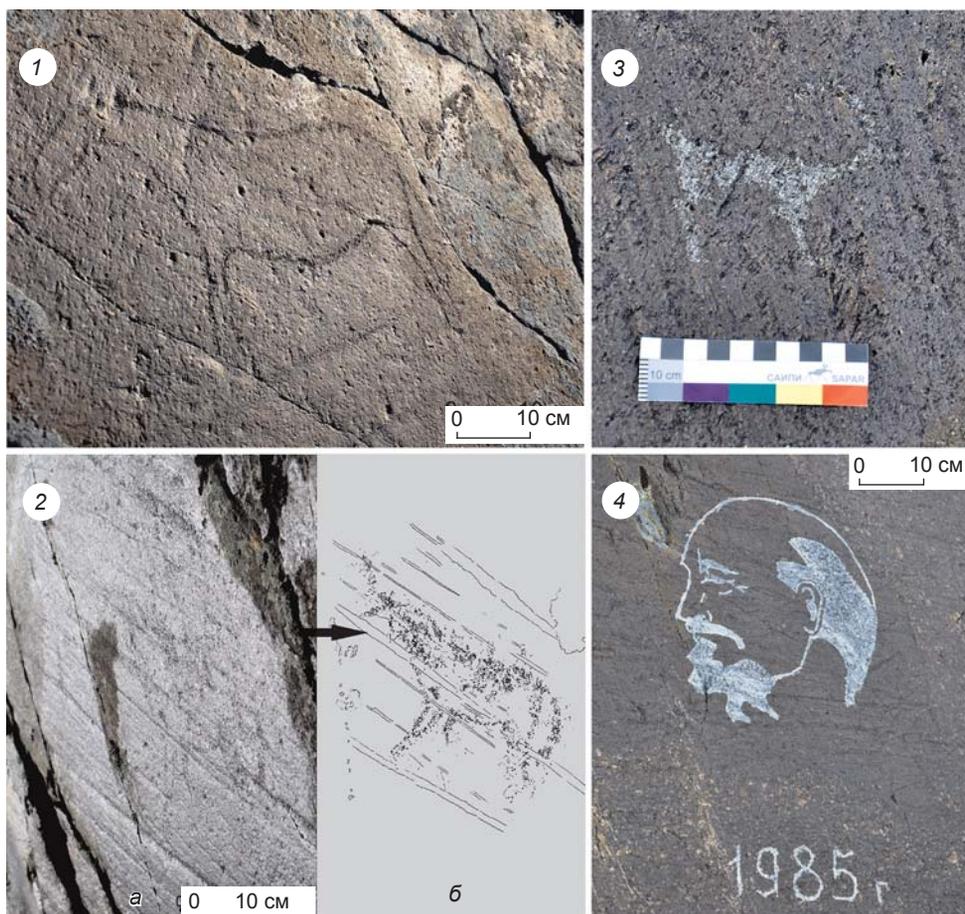

Рис. 3. Сопоставление интенсивности «пустынного» загара петроглифов на памятнике Калгутинский Рудник.

1 – изображение лошади, выполненное в технике глубокой выбивки, предположительно отнесено к древнейшему пласту; 2 – изображение-«фантом» лошади с подогнутой ногой (а) и его прорисовка (б); 3 – отнесенное к железному веку изображение, выполненное в технике глубокого пикетажа; 4 – современное изображение В.И. Ленина, выполненное металлическим инструментом в технике глубокого пикетажа.

легко нарушить целостность скальной корки и создать эффект контраста (светлые участки поврежденной поверхности). Иногда они выступали как самостоятельные, а иногда как подготовительные перед более глубокой проработкой. Очевидно, что такие крайне поверхностные следы становятся темными значительно быстрее, чем глубокие.

Другой немаловажный аспект – особенности выветривания поврежденных участков скальной корки. При глубокой выбивке (рис. 3, 1, 3, 4) порода утрачивает естественный зашлифованный ледником прочный слой, и гранулы, из которых она состоит, начинают активно выкрашиваться. Поэтому, даже несмотря на длительное солнечное воздействие, поверхность, обработанная глубоким пикетажем, выглядит более светлой. Разница в интенсивности пустынного загара между выполненными в технике глубокого пикетажа петроглифами, надежно датированными железным веком (рис. 3, 3), и предположительно древнейшими

изображениями очевидна (рис. 3, 1). Последние выглядят такими же темными, как немодифицированная поверхность скалы. Отдельно стоит упомянуть о технике тонкой гравировки, которая также представлена среди калгутинских петроглифов раннего пласта. Речь идет о небольшом изображении лошади, совершенно невидимом на поверхности скалы из-за того, что оно выполнено тончайшими, сильно загорелыми линиями (рис. 4, 7). Этот петроглиф стилистически и композиционно связан с крупным изображением лошади, выполненным в технике шлифовки (рис. 4, 6).

Главной характеристикой для объединения в одну группу своеобразных изображений на памятниках наскального искусства соседствующих регионов России и Монголии является сходная манера передачи образов. Прежде всего она отличается реалистичностью (рис. 4, 5). Встречаются парциальные изображения, причем это не связано с плохой сохранностью, они

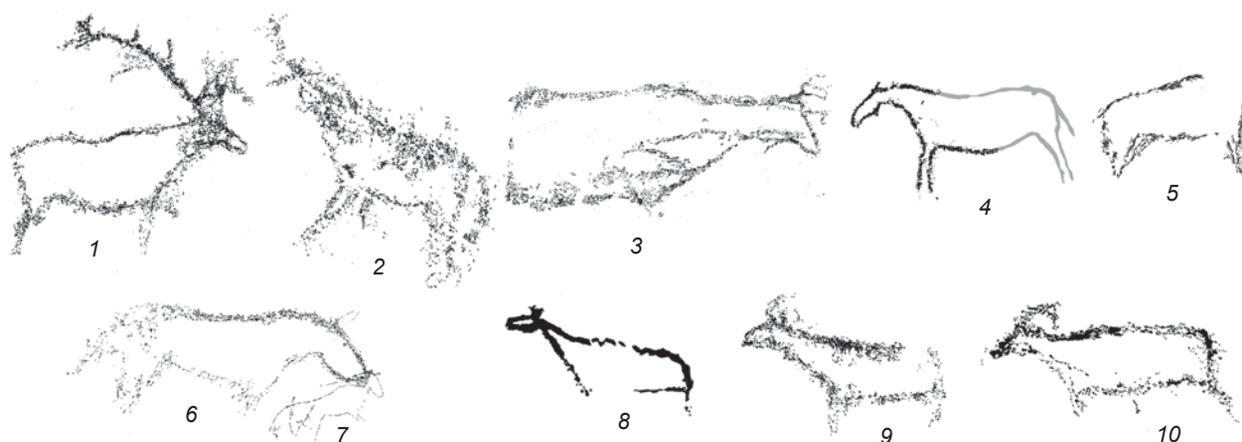

Рис. 4. Петроглифы «калгутинского» стиля на Калгутинском Руднике (плато Укок, Российский Алтай).

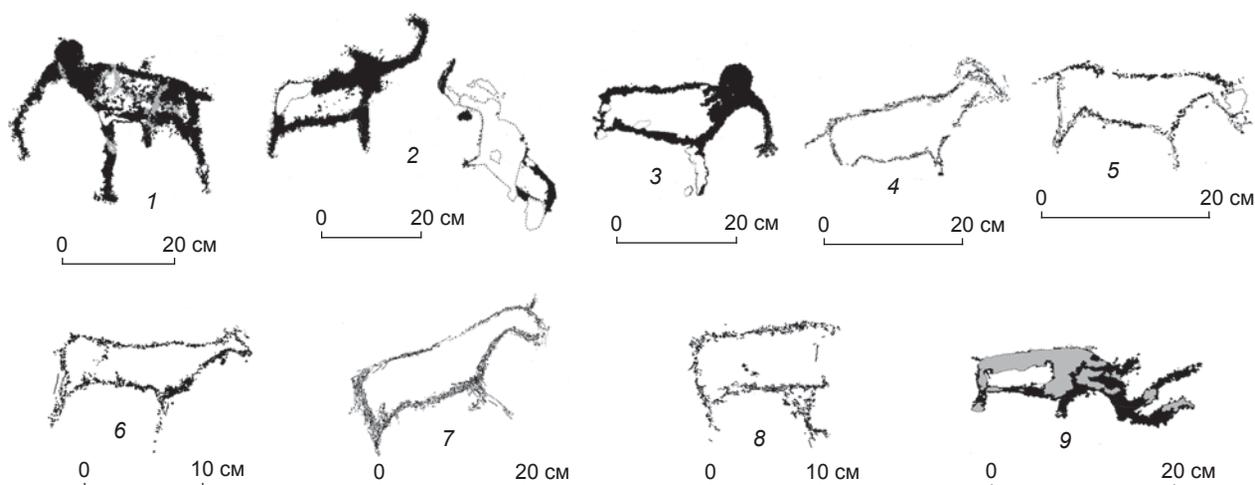

Рис. 5. Петроглифы «калгутинского» стиля на памятниках Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа (Монгольский Алтай).
1–2, 9 – Бага-Ойгур II; 3 – Цагаан-Салаа; 4–8 – Бага-Ойгур III.

были не закончены преднамеренно (см., напр., рис. 4, 3, 6, 8, 10). К общим чертам можно также отнести статичность и отсутствие перспективы (за редким исключением). Выделены характерные особенности способов передачи некоторых деталей изображений.

В рамках рассматриваемой серии петроглифов художественная манера исполнения головы животного является важнейшим признаком. Встречаются два варианта передачи этой детали изображения. В первом случае она трактуется как треугольник, без детализации, причем между линиями головы и шеи (последняя переходит в контур спины) четко выражен угол 90° (рис. 6, 1–9). Часто такой манере передачи головы сопутствуют другие элементы, например изображение рогов. Этот прием связан с очевидным перебивом в выполнении пикетажа: после верхней части головы, которая могла быть продолжена в рог, менялось направление, положение руки и орудия и начиналась новая линия – спины. Такой способ организации

изобразительного пространства распространен в классическом палеолитическом искусстве (рис. 6, 15, 16). Второй прием принципиально иной: верхняя линия головы плавно переходит в контур спины (рис. 6, 10–14). Такая манера достаточно часто встречается в первобытном искусстве, в т.ч. и среди классических западно-европейских образцов (рис. 6, 17). В обоих случаях нижняя линия пикетажа, составляющая контур морды, является как бы отдельной. То есть очертания головы животного образуются не одной непрерывной линией, а как минимум двумя, соединенными в области рта.

Другая важная особенность связана со способами передачи задней ноги. Первый вариант трактовки основан на простом соединении двух практически прямых линий – живота и внешнего контура ноги (иногда это продолжающаяся линия спины). В таких случаях внутри абриса фигуры образуется характерный угол между ними – прямой, реже близкий к острому

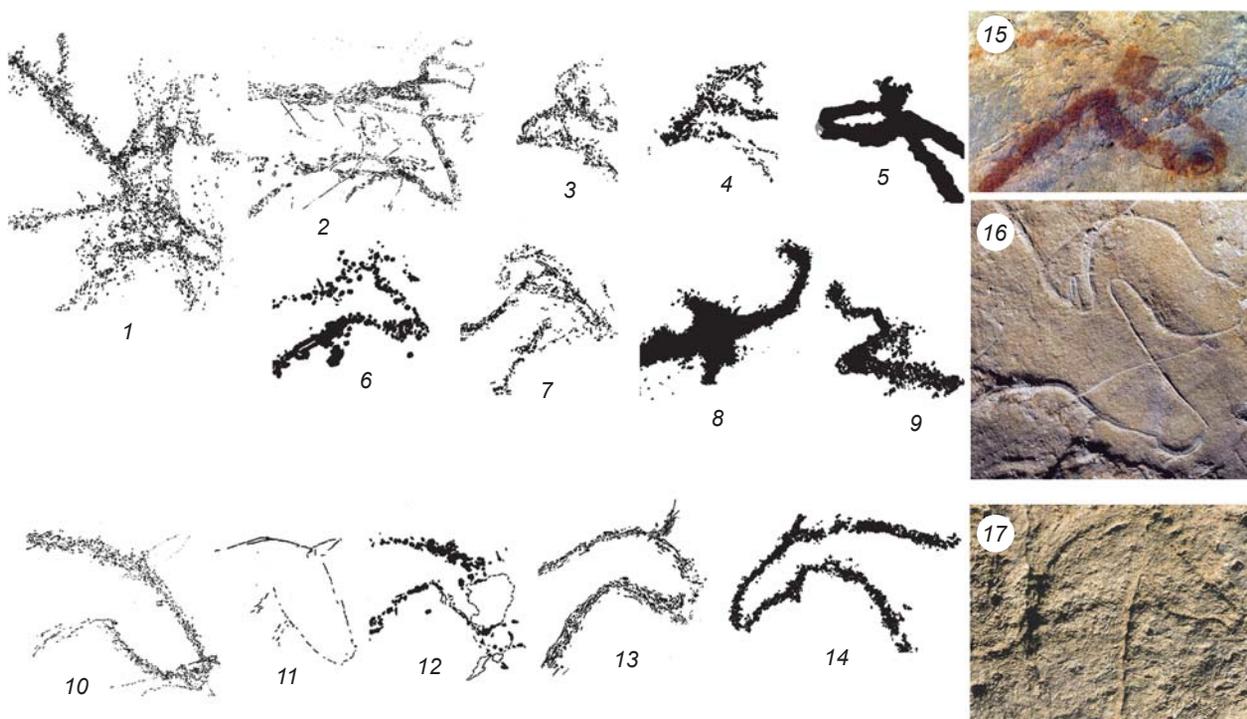

Рис. 6. Два приема исполнения головы зооморфных изображений.

1–5, 10, 11, 14 – Калгутинский Рудник, Российский Алтай (прорисовки авторов); 6–9, 12, 13 – Бага-Ойгур, Монгольский Алтай (прорисовки авторов); 15 – Ла-Пасьега, Испания (по: [Groenen, 2016]); 16 – Коске, Франция (по: [Clottes, Courtin, Vanrell, 2005]); 17 – Пэр-нон-Пэр, Франция (по: [Clottes, 2008]).

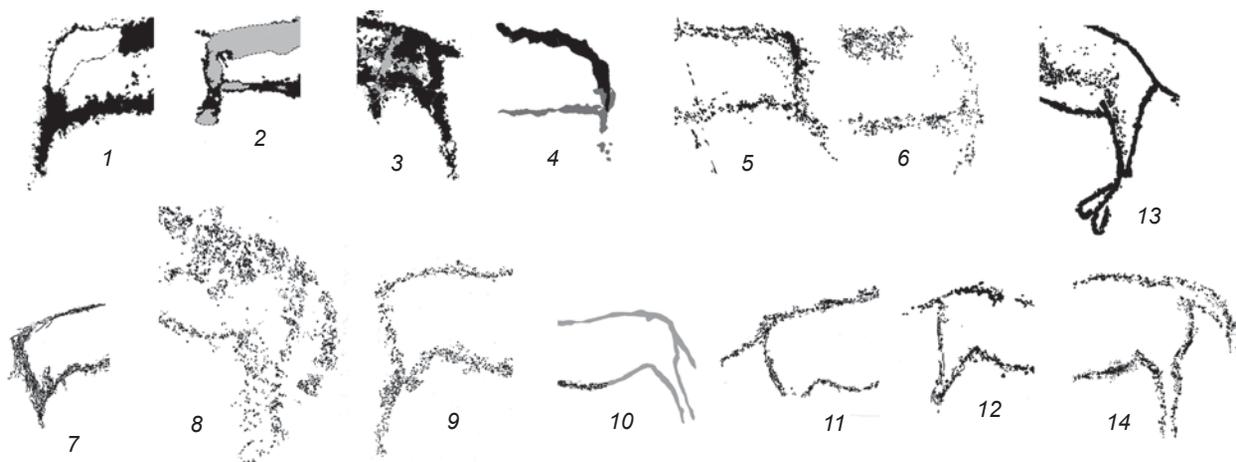

Рис. 7. Два приема исполнения задней ноги зооморфных изображений.

1–3, 7, 11, 12 – Бага-Ойгур, Монгольский Алтай (прорисовки авторов); 4–6, 8–10 – Калгутинский Рудник, Российский Алтай (прорисовки авторов); 13 – Рего-де-Виде, Португалия (по: [Baptista, 2009]); 14 – Марсенак, Франция (по: [Lorblanchet, 2010]).

(рис. 7, 1–7). Этот прием простого соединения двух линий подразумевает отсутствие детализации бедра. Такая манера является довольно распространенной. Другой, не менее часто встречающийся способ, напротив, позволяет более реалистично передать эту часть тела животного. Нога показана двумя линиями, одна из которых сопряжена с контуром живота.

Вовне абриса они образуют угол, близкий к тупому. Такой прием позволяет подчеркнуть выпуклый, иногда даже нарочито грузный живот (рис. 7, 8–12). Оба описанных способа характерны для первобытного наскального искусства Западной Европы (рис. 7, 13–14).

Еще одна важная деталь – изображение хвоста. В тех случаях, где последний присутствует, он явля-

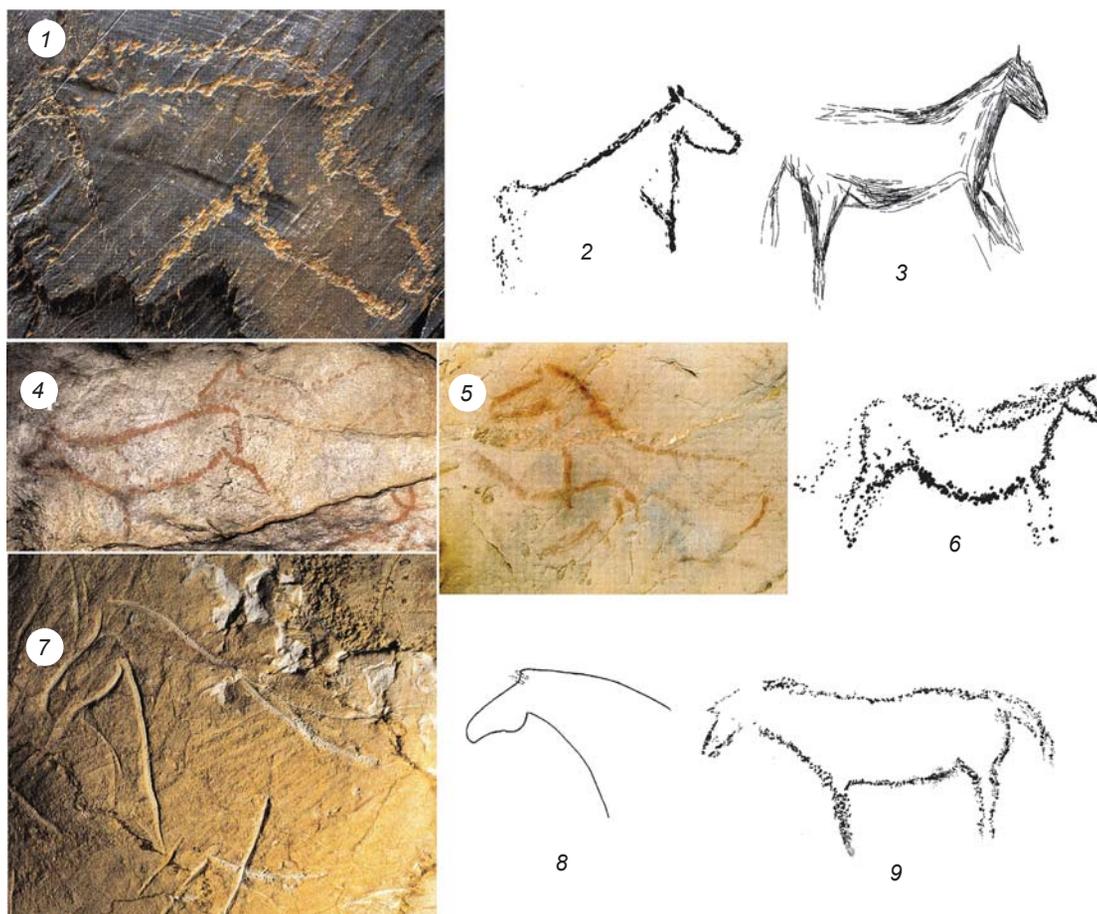

Рис. 8. Аналогии петроглифам «калгутинского» стиля в пещерном и наскальном искусстве Западной Европы.

1 – Сиега Верде, Испания (по: [Groenen, 2016]); 2, 3 – Канада-до-Инферно, Португалия (по: [Baptista, 1999]); 4 – Коваланас, Испания (по: [Clottes, 2008]); 5 – Ла-Пасьега, Испания (по: [Groenen, 2016]); 6 – Костальта, Португалия (по: [Baptista, 2009]); 7 – Коске, Франция (по: [Clottes, Courtin, Vanrell, 2005]); 8 – Рукадур, Франция (по: [Lorblanchet, 2010]); 9 – Марсенак, Франция (по: [Clottes, Courtin, Vanrell, 2005]).

ется продолжением линии спины (рис. 7, 7, 8, 10–12). Причем чаще всего хвост показан именно у фигур животных с подчеркнутыми животами и выделенными бедрами. Следует отметить, что за редким исключением ноги животных всегда изображены без копыт, часто не закончены (см. рис. 4, 5).

Отдельного внимания заслуживает трактовка спины. Обычно это самая длинная линия, которая выполнялась первой, выступая «несущей» во всем изображении животного: на нее как бы монтировались остальные детали. Нельзя не отметить, что у многих фигур спина часто выполнена с прогибом, параллельно животу (см. рис. 4, 2–4). Хотя встречается и двойной изгиб линии при передаче горба, например, у козлов, оленей, быков (см. рис. 4, 1, 3; 5, 4, 6).

Все приведенные характеристики не могут рассматриваться иначе как архаичные, свойственные палеолитическому искусству (рис. 8). Треугольная голова фигуры или единая линия головы и рога, отделенная

от спины, простое соединение двух линий под прямым углом для показа задней ноги (без детализации бедра) явно указывают на некое стилистическое своеобразие рассматриваемых калгутинских петроглифов. Более того, часто различные приемы сочетаются в одном изображении. Так, речь идет не просто о сходстве с классическими примерами архаичного искусства, а о примеси определенного, возможно регионального, компонента, добавляющего своеобразие калгутинским наскальным изображениям.

Схожие, а в некоторых случаях идентичные стилистические приемы встречаются как на калгутинских петроглифах, так и на архаичных изображениях памятников Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа в Монгольском Алтае (см. рис. 1, 4, 5), что позволяет говорить о едином культурном пространстве носителей этого стиля. Яркие проявления характерной стилистической манеры имеют место и на более отдаленных памятниках Монголии: Хойт-Цэнкер Агуй [Окладников,

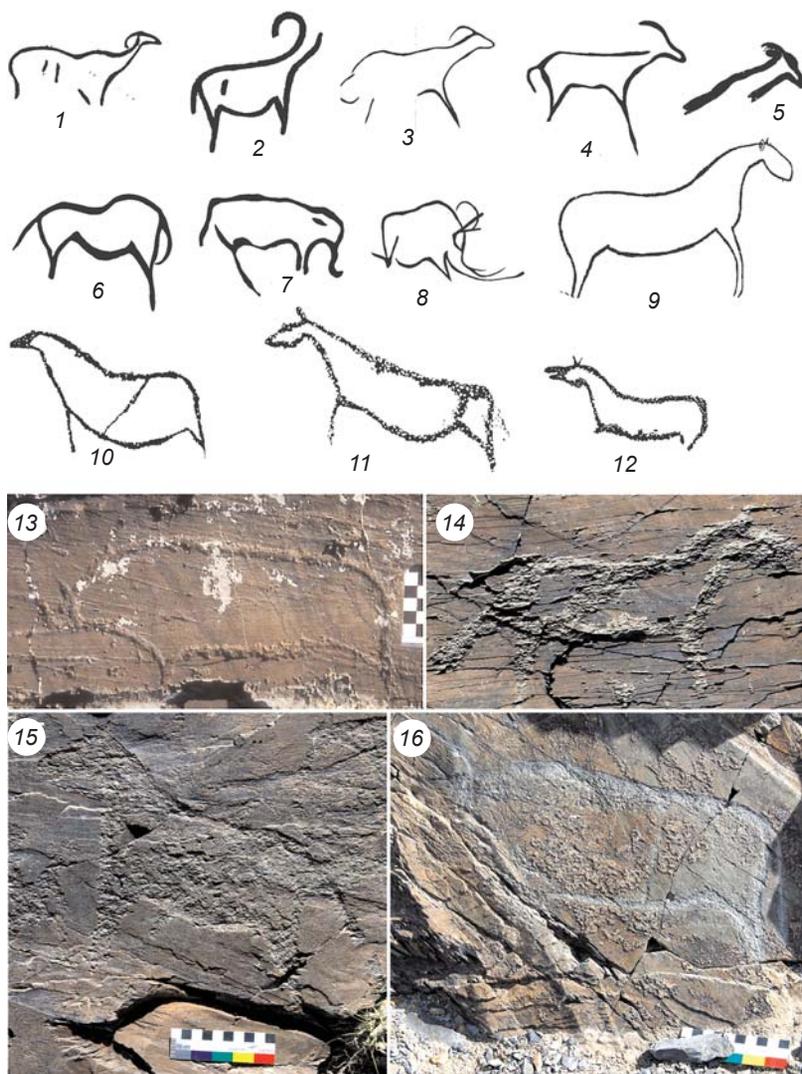

Рис. 9. Аналогии петроглифам «калгутинского» стиля в наскальном искусстве Монголии.

1–8 – Хойт-Цэнкер Агуй (по: [Окладников, 1972]); 9–13 – Арал-Толгой (по: [Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2005; Jacobson-Terfer, 2013]); 14–16 – Ишгэн-Толгой (фото Е.А. Миклашевич).

1972], Арал-Толгой [Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2005; Кубарев, 2007], Ишгэн-Толгой [Цэвээндорж, 1982] (рис. 9).

Дискуссия и аналогии

О единстве стилистики для указанных памятников позволяют говорить прежде всего схожие технологические особенности. К сожалению, из-за подчас крайне плохой сохранности не для всех петроглифов местонахождений Монгольского Алтая удалось установить характеристики использовавшегося инструментария. Однако целая серия изображений (см. рис. 5, 4–8) была выполнена при помощи идентичных технических

приемов – поверхностной выбивки и шлифовки, для чего применялись каменные орудия. Калгутинские петроглифы созданы исключительно такими инструментами. Учитывая, что Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа расположены на обнажениях сланца, гораздо более мягкой и податливой породы, чем твердые зашлифованные ледником риолиты, использование таких же способов обработки скальной поверхности, как на Калгутинском Руднике, не является технологически обусловленной необходимостью. Сланец позволяет применять практически любые приемы создания петроглифов. Тем не менее целая серия архаичных, стилистически близких калгутинским изображений выполнена в технике, которая не является широко распространенной на памятниках Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа. Можно предположить, что выработанные к концу каменного века технологические приемы создания петроглифов были достаточно устойчивы и даже при отсутствии объективной необходимости их продолжали использовать.

Итак, группы архаичных наскальных изображений, выполненных в технике глубокой и поверхностной выбивки, шлифовки и в характерной художественной манере, отличающихся высокой степенью интенсивности пустынного загара, представляют единый стиль, который мы предлагаем именовать «калгутинским». Дополни-

тельным аргументом в пользу выдвигаемой нами гипотезы является территориальная близость местонахождений с такими петроглифами (см. рис. 1).

Следует отметить, что на памятниках Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа в вышеописанной стилистической манере выполнены петроглифы, которые рядом исследователей интерпретированы как изображения мамонтов (см. рис. 5, 1–3). Похожие особенности наблюдаются и у изображения предположительно носорога на памятнике Бага-Ойгур I (см. рис. 5, 9). Стилистическое сходство петроглифов Калгутинского Рудника и изображений мамонтов Бага-Ойгура и Цагаан-Салаа позволяет предполагать, что они принадлежат к единой локальной изобразительной традиции.

Однако существует мнение, согласно которому упомянутые изображения мамонтов таковыми не являются. Контраргументы обычно сводятся к тому, что они не вполне похожи на этих животных [Кубарев, 2003, 2004]. Например, туловище мамонта обычно изображалось массивным из-за шерсти. Однако среди классических примеров западно-европейского пещерного искусства, как и сибирского мобильного, изображений т.н. худых мамонтов предостаточно (рис. 10). Что касается отсутствия характерного горба, на которое указывал В.Д. Кубарев, то в пещерном искусстве Франции эта деталь также иногда опускается (рис. 10, 2–8). К тому же в композиции из двух мамонтов Бага-Ойгура II у одного животного показан ярко выраженный горб (см. рис. 5, 2). Если учесть, что архаичные изображения Бага-Ойгура, Цагаан-Салаа и Калгутинского Рудника принадлежат к единому своеобразному стилю, то такой, на первый взгляд, странный способ передачи образов мамонтов перестает быть чем-то необычным, а оказывается подчиненным определенному, в данном случае «калгутинскому» канону.

Нельзя не отметить сходство некоторых изображений Бага-Ойгура и Бом-Лятрон, Цагаан-Салаа и Руффиньяк, даже Бага-Ойгура и Шове (см. рис. 5; 10, 4, 5, 7). В Монголии и на Алтае мамонты, не говоря уже о носорогах, обитали до начала голоцена [Цейтлин, 1973]. Это дает основание отнести петроглифы «калгутинского» стиля к финалу эпохи палеолита.

Среди надежно датированных палеолитических образцов европейского пещерного и наскального искусства немало аналогий петроглифам, выполненным в «калгутинском» стиле, например, на памятниках в долинах рек Коа и Зезери Португалии (Фаризео, Канададо-Инферно, Рего-де-Виде, Костальта и др.), во Франции (Пэр-нон-Пэр, Коске, Рукадур, Марсенак) и Испании (Ля

Пасьега, Сиега Верде, Коваланас и др.) (см. рис. 8). Стилистически близкие петроглифы есть и на менее отдаленных местонахождениях: Хойт-Цэнкер Агуй, Арал-Толгой, Ишгэн-Толгой (см. рис. 9).

Стоит привести еще один важный аргумент в пользу верхнепалеолитического возраста рассматриваемого пласта наскального искусства на границе Монгольского и Российского Алтая – реализованный в нем концепт сдержанности исполнения при безошибочной узнаваемости образов, что полностью соответствует канонам классического первобытного искусства [Guu, 2010, 2017, p. 170–177]. С этим связаны и минимальная детализация, и высокая степень стандартизации, и парциальность изображений – фундаментальные характеристики стилей эпохи палеолита.

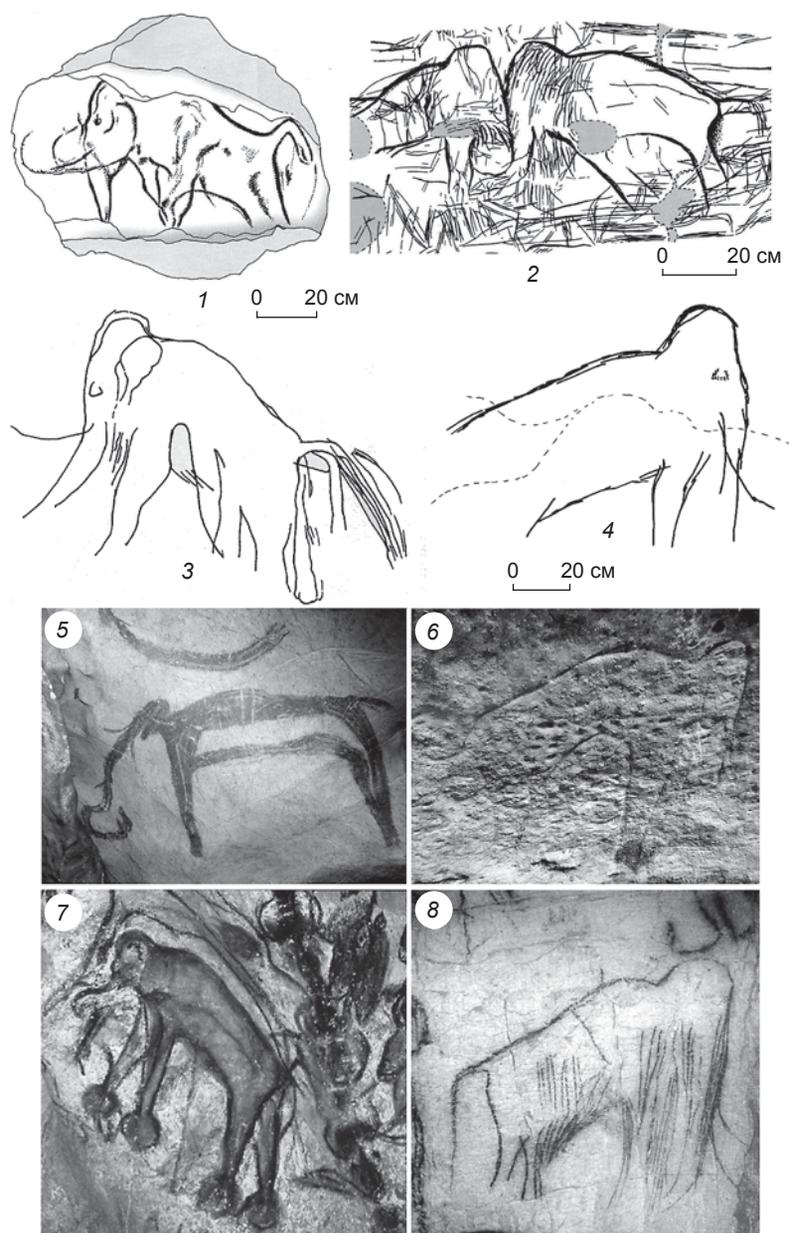

Рис. 10. Аналогии изображениям мамонтов «калгутинского» стиля в первобытном искусстве Франции.

1 – Жан-Блан, фрагмент известняка (по: [Paillet, 2018]); 2 – Ложри-От, фрагмент рога северного оленя (по: [Ibid.]); 3 – Комбарель (по: [Barrière, 1997]); 4 – Руффиньяк (по: [Barrière, 1982]); 5 – Бом-Лятрон (по: [Plassard, 2018]); 6 – Жовель (по: [Ibid.]); 7 – Шове-Пон-д'Арк (по: [Baffier, 2018]); 8 – Пеш-Мерль (по: [Plassard, 2018]).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. На границе Монгольского и Российского Алтая (на памятниках Калгутинский Рудник, Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур) выявлена серия изображений, которые представляют собой стилистическое единство. В качестве критериев были выделены следующие характеристики:

- сюжет всегда узкоспециализированный, изображались только животные (в основном лошади, олени, быки, козлы, а на территории Монголии еще и носороги, мамонты);

- эти петроглифы никогда не сопровождаются антропоморфными фигурами и вообще, за редким исключением, не участвуют в композициях;

- главными деталями изображений являются голова и спина животного, они проработаны с особой тщательностью;

- характерна парциальность, часто ноги не показаны либо менее тщательно проработаны (иногда непропорционально короткие);

- изображены только две ноги (часто, но не всегда);

- живот часто подчеркнута округлый;

- спина показана с прогибом;

- крайне слабо представлены анатомические детали (уши, хвост и т.д.), почти нет изображений глаз, однако при этом образы реалистичны и узнаваемы;

- характерна общая статичность;

- преобладающими техническими приемами являются поверхностный пикетаж и шлифовка, реже глубокая выбивка.

Кроме общих черт, объединяющих эти петроглифы, можно выделить два специфических приема передачи таких деталей, как голова и спина (в виде треугольника прерывающимся линиями или непрерывной линией от верхней части головы до окончания спины), а также два способа изображения задней ноги (простое соединение окончаний линий спины и живота или с дополнительно выделенным бедром). Важно отметить, что оба приема передачи головы встречаются в сочетании с обоими способами выполнения задней ноги. Значит, речь идет не о двух разных вариантах стиля, а скорее, о несколько различных художественных приемах в пределах одного изобразительного канона.

Мы относим петроглифы к финалу верхнего палеолита на том основании, что среди образцов с типичными чертами данного стиля встречаются изображения представителей плейстоценовой фауны (мамонты, носорог). Косвенными аргументами в пользу древнего возраста этих петроглифов являются применение исключительно каменных орудий для их создания и наличие интенсивного пустынного загара. Указанные стилистические особенности находят ана-

логии среди типичных образцов верхнепалеолитического наскального искусства Европы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что петроглифы раннего пласта на памятниках Калгутинский Рудник, Бага-Ойгур и Цагаан-Салаа относятся к «калгутинскому» стилю эпохи финального палеолита. Возможно, со временем ареал этой изобразительной традиции будет расширен, однако сегодня мы констатируем уникальность и своеобразие «калгутинских» петроглифов на достаточно узко локализованной территории. Если дистанцироваться от перипетий историографии и многочисленных дискуссий прошлых лет, становится ясно, что мы имеем дело с редким для данного региона примером верхнепалеолитических петроглифов. Значит сегодня речь идет уже не только о западно-европейском, но и об азиатском очаге первобытного наскального искусства.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Палеолитическая диадема из Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 87–90.

Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. [Рецензия] // РА. – 2001. – № 1. – С. 128–132. – Рец. на кн.: Молодин В.И., Черемсин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Коренько В.А. К проблеме происхождения скифо-сибирского звериного стиля // РА. – 1998. – № 4. – С. 64–77.

Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствоведения и «звериный стиль» скифской эпохи. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. – 78 с.

Кубарев В.Д. Алтай-Монголия: итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая: межвуз. сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2003. – № 10. – С. 46–61.

Кубарев В.Д. Древнейшие изобразительные памятники Монголии и Алтая: проблемы хронологии и интерпретации // Проблемы первобытной археологии Евразии: сб. ст. к 75-летию А.А. Формозова. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 228–242.

Кубарев В.Д. Арал-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 111–126.

Кузьмина Е.Е. О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени // ВДИ. – 1983. – № 1. – С. 95–106.

Леонтьев Н.В. Наскальные рисунки Коровьева Лога (к вопросу о периодизации антропоморфных изображений окуневской культуры) // Изв. СО АН СССР. – 1976. – № 11: Сер. обществ. наук, вып. 3. – С. 128–136.

Миклашевич Е.А. Петроглифы долины реки Урсул (некоторые результаты стилистического и хронологического

анализа) // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 38–42.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Великолепные лошади блестящих скал Алтая // Природа. – 1993. – № 9. – С. 55–61.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Петроглифы Укока // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 91–101.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Кретэн К., Зоткина Л.В., Женест Ж.-М., Мыльников В.П. Исследование петроглифов на плоскогорье Укок в рамках российско-французской экспедиции в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 361–365.

Окладников А.П. Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 135 с.

Окладников А.П. Лики древнего Амура (петроглифы Сикачи-Аяна). – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 238 с.

Окладников А.П. Центральноазиатский очаг первобытного искусства (пещерные росписи Хойт-Цэнкер Агуй, Сэнгри-Агуй, Западная Монголия). – Новосибирск: Наука, 1972. – 76 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники нижней Ангары (от Серово до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 328 с.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии: Хобд-Сомон (гора Тэбш). – Л.: Наука, 1980. – 271 с.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц (наскальные рисунки неолита и бронзы). – М.: Искусство, 1972. – 328 с.

Первобытное искусство: проблема происхождения / под ред. Я.А. Шера. – Кемерово: Кем. гос. ин-т культуры и искусства, 1998. – 211 с.

Подольский Н.Л. О принципах датирования наскальных изображений: По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству» // СА. – 1973. – № 3. – С. 265–275.

Рогожинский А.Е. О современных задачах археологии наскального искусства Казахстана и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 83–94.

Савинов Д.Г. О происхождении таштыкского стиля // Древнее искусство Азии (петроглифы). – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1995. – С. 6–10.

Савинов Д.Г. Изобразительный пласт как форма существования и изучения наскального искусства (по материалам Центральной Азии и Сибири) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. III. – С. 73–74.

Савинов Д.Г. Некоторые аспекты теоретического изучения петроглифов (по материалам Центральной Азии и Южной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 92–103.

Франкфор А.-П., Якобсон Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // Ар-

хеология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 53–78.

Цейтлин С.М. Человек и среда палеолита Сибири // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене: тез. докл. Всесоюз. симп. – М.: Наука, 1973. – С. 64–66.

Цэвээндорж Д. Ишгэн толгойн хадны зураг // Studia archaeologica Instituti archaeologici Academiae scietiarum Mongolicae. – 1982. – Т. X, fasc. 2. – Т. 6–21.

Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн туух. – Улаанбаатар: Gamma, 1999. – 317 т.

Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э. Арал Толгойн хадны зураг (Петроглифы Арал-Толгой. Монголия). – Улаанбаатар: Монгол улс шинжлэх ухааны Академи археологийн Хурээлэн, 2005. – 204 с.

Черемисин Д.В. К дискуссии об информативности петроглифов и методах их изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 89–100.

Черемисин Д.В., Молодин В.И., Зоткина Л.В., Цэвээндорж Д., Кретэн К. Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 57–77.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Шер Я.А. Стиль в первобытном искусстве // Изобразительные памятники: стиль, эпохи, композиции: мат-лы науч. тематич. конф. – СПб., 2004. – С. 9–13.

Шуныков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Браслет из бивня ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017а. – Т. XXIII. – С. 255–258.

Шуныков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017б. – Т. XXIII. – С. 259–262.

Шуныков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 198–202.

Aubry T., Sampaio J. Fariseu: New chronological evidence for open-air Paleolithic art in the Côa valley (Portugal) // Antiquity. – 2008. – Vol. 82, iss. 312. – P. 41–49.

Baffier D. Les mammoths dans la grotte Chauvet-Pont d'Arc (Ardèche) et de la Grande Grotte d'Arcy-sur-Cure (Yonne) // Mémoire de Mammouth [Exposition Musée national de Préhistoire. Les Eyzies-de-Tayac, 29 juin – 12 novembre 2018]. – Les Eyzies-de-Tayac: Musée national de Préhistoire, 2018. – P. 112–115.

Baptista A.M. No tempo sen tempo: A arte dos caçadores paleolíticos do vale do Côa. – Vila Nova de Foz Côa: Ed. Afrontamento e Parque Arqueológico do Vale do Côa, 1999. – 186 p.

Baptista A.M. O Paradigma Perdido: O Vale do Côa e a Arte Paleolítica de Ar Livre em Portugal. – Villa Nova de Foz

Côa: Ed. Afrontamento e Parque Arqueológico do Vale do Côa, 2009. – 253 p.

Barrière C. L'art pariétal de Rouffignac: la grotte aux cent mammoths. – P.: Picard, 1982. – 207 p. – (Mémoires de l'Institut d'art préhistorique; iss. 4).

Barrière C. L'art pariétal des grottes des Combarelles. – Les Eyzies-de-Tayac: Musée national de Préhistoire, 1997. – 609 p. – (Paléo, hors-série; 1).

Breuil H. Quatre cents siècles d'art pariétal. – Montignac: Centre d'études et de documents préhistoriques, 1952. – 413 p.

Clottes J. L'art des cavernes. – L.: Phaidon, 2008. – 326 p.

Clottes J., Courtin J., Vanrell L. Cosquer redécouvert. – P.: Seuil, 2005. – 256 p.

Groenen M. L'Art des grottes ornées du Paléolithique supérieur: Voyage dans les espaces-limites. – Bruxelles: Académie royale des Sciences, des Lettres et des Beaux-Arts de Belgique, 2016. – 303 p. – (Mémoire de la Classes des Arts).

Guy E. Préhistoire du sentiment artistique: L'invention du style, il y a 20 000 ans. – Fabula: Les presses du réel, 2010. – 165 p.

Guy E. Ce que l'art préhistorique dit de nos origines. – P.: Flammarion, 2017. – 341 p.

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagan Salaa / Baga Oigor: Textes et figures. – P.: De Boccard, 2001a. – 481 p. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / eds. H.-P. Francfort, Ja. A. Sher; t.V.6). – (Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale; fasc. 6).

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagan Salaa / Baga Oigor: Planches. – P.: De Boccard, 2001b. – 256 p. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / eds. H.-P. Francfort, Ja. A. Sher; t.V.6). – (Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale; fasc. 6).

Jacobson-Tepfer E. Late Pleistocene and Early Holocene Rock Art from the Mongolian Altai: The Material and its Cultural Implications // Arts. – 2013. – Iss. 2. – P. 151–168.

Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. – P.: Albin Michel, 1965a. – Vol. II: La mémoire et les rythmes. – 285 p.

Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidental. – P.: Mazenod, 1965b. – 502 p.

Leroi-Gourhan A. L'Art pariétal: langage de la préhistoire. – Grenoble: Jérôme Millon, 1992. – 420 p.

Lorblanchet M. Art pariétal. Grottes ornées du Quercy. – Tarascon: Ed. du Rouergue, 2010. – 447 p.

Lorblanchet M., Bahn P. Rock Art Studies: The Post-Stylistic Era or Where Do We Go From Here? : Symposium of the 2nd Australian Rock Art Research Association (Aura) Congress, Cairns, 1992. – Oxford: Oxbow Books, 1993. – 215 p.

Molodin V.I. Perspectives and preliminary results of archaeological investigations of the South-Western Altai (the Ukok plateau) // Science policy: new mechanisms for scientific collaboration between East and West. – Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publ. – 1995. – P. 215–222. – (Science and technology policy; vol. 1).

Otte M., Remacle L. Réhabilitation des styles paléolithiques // L'Anthropologie. – 2000. – Iss. 104. – P. 365–371.

Paillet P. Le mammoth dans l'art mobilier // Mémoire de Mammouth [Exposition Musée national de Préhistoire. Les Eyzies-de-Tayac, 29 juin – 12 novembre 2018]. – Les Eyzies-de-Tayac: Musée national de Préhistoire, 2018. – P. 81–96.

Petrognani S. De Chauvet à Lascaux: L'art des cavernes, reflet de sociétés préhistoriques en mutation. – Arles: Errance, 2013. – 252 p.

Plassard F. Le mammoth dans l'art des grottes // Mémoire de Mammouth [Exposition Musée national de Préhistoire. Les Eyzies-de-Tayac, 29 juin – 12 novembre 2018]. – Les Eyzies-de-Tayac: Musée national de Préhistoire, 2018. – P. 102–111.

Testart A. Avant l'histoire: L'évolution des sociétés, de Lascaux à Carnac. – P.: Gallimard, 2012. – 560 p. – (Bibliothèque des Sciences humaines).

The Use of Style in Archaeology: New Direction in Archaeology / eds. M. Conkey, C. Hastorf. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. – 134 p.

Материал поступил в редколлегию 04.02.19 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.027-037
УДК 903

С. Хансен

Германский археологический институт
Deutsches Archäologisches Institut
Im Dol 2–6, Berlin, 14195, Deutschland
E-mail: svend.hansen@dainst.de

Технические и социальные инновации: новая область исследований

Считается, что все древнейшие технические достижения уходят корнями в урбанистические центры Месопотамии и Египта. Однако недавние исследования, например изучение древних повозок, открыли горизонты для других рабочих гипотез и моделей. Современные методики радиоуглеродного датирования позволили выявить комплексы с признаками инноваций, таких как старейшие повозки, функциональные металлические орудия и развитая цветная металлургия, которые относятся к периоду ранее появления последних в Месопотамии, что вызывает сомнения относительно роли этого региона в развитии технологий. Возможно, города Месопотамии служили «плавильными котлами», где многочисленные инновации из разных мест перемешивались и помещались в другой контекст. Северный Кавказ, в частности район распространения майкопской культуры в раннем бронзовом веке, является одним из мест, где происходили такие интерактивные процессы технического развития. Предполагается, что корни майкопской культуры уходят в Месопотамию. В настоящей статье рассматривается высокий уровень развития технологий в этой культуре. В свете новой хронологии, основанной на относительно небольшом количестве радиоуглеродных дат, предлагаются повторное рассмотрение имеющихся данных и альтернативные модели развития. Очевидно, что майкопская культура обеспечила большой инновационный потенциал в области металлообработки и овцеводства и выполняла функцию распространения знаний между степями Евразии и Верхней Месопотамией. Недавние исследования древней ДНК подтверждают эту точку зрения.

Ключевые слова: инновации, ранний бронзовый век, Кавказ, повозка, лук, топор с отверстием для насада.

S. Hansen

Deutsches Archäologisches Institut,
Im Dol 2–6, Berlin, 14195, Germany
E-mail: svend.hansen@dainst.de

Technical and Social Innovations: A New Field of Research

The grand narrative of cultural developments claims that all technical achievements in prehistory stemmed from urban centres in Mesopotamia and Egypt. But current studies, for instance on the oldest wagons, have opened up space for alternative working hypotheses and models: modern radiocarbon dating of complexes that revealed the cited innovations, e.g. the oldest wagons, functional metal tools, and an advanced copper metallurgy, which predate their first appearance in Mesopotamia, questions the role of this region in the development of technology. Possibly Mesopotamian cities operated rather as a melting pot of numerous innovations obtained from different areas, which were then re-combined and placed into a different context. The North Caucasus, in particular the Early Bronze Age Maykop culture, is an exemplary candidate for such an interactive process in technical developments. The Maykop culture has been known in research for 120 years, and its genesis is supposed to have originated in Mesopotamia. This is an archaeological narrative meant to explain the high technical state of the Maykop culture. In the light of the new chronology based on a relatively small number of radiocarbon dates, a re-examination and alternative models are necessary. It is obvious that this culture developed a highly innovative potential in metalworking and sheep breeding and fulfilled an important function as mediator in knowledge transfer between the Eurasian steppe and Upper Mesopotamia. Recent aDNA studies support this view.

Keywords: Innovations, Early Bronze Age, Caucasus, wagon, composite bow, shaft-hole axe.

Введение

Ранний период эпохи бронзы был исключительно важен для развития культуры в Евразии. Значительное число технических инноваций получило свое развитие в течение всего нескольких столетий в IV тыс. до н.э. [Hansen, 2011]. Это было время радикальных изменений и преобразований. Технические новинки играли особую роль в древней истории.

Действительно, технические, художественные и социальные новшества всегда приводят к фундаментальным изменениям в жизни человечества. Достаточно вспомнить о приобретении контроля над огнем, разработке стратегий коллективной охоты, изобретении ручного топора и последовавшем производстве пластин. Накопление знаний палеолитическими охотниками-собираателями в течение тысячелетий было частью их жизни. Знания накапливались как в маленьких коллективах, так и в более крупных группах, например в общих зимних лагерях, а также в межрегиональных системах на более широкой основе, и таким образом были защищены от внезапного исчезновения.

Основные нововведения неолита включают одомашнивание животных, изготовление керамики, строительство домов, начало производства меди и золота. При этом в IV тыс. до н.э. объем инноваций приобрел невиданные до этого масштабы. Среди самых важных нововведений – колесо и повозка [Klimscha, 2017], разведение шерстных овец, одомашнивание осла [Rossel et al., 2008] и лошади [Warmuth et al., 2011], культивация оливы [Salavert, 2008] и виноградной лозы [McGovern et al., 1997]. С применением различных примесей в металлургии изготовление престижных предметов перешло в разряд производства обычных товаров. Со временем добавились инновационные техники, например литье по выплавляемой модели [Hansen, 2014b]. Серебро получали из свинца путем купелирования; эта технология распространилась по всему Ближнему Востоку и Восточному Средиземноморью в течение IV тыс. до н.э. [Hansen, Helwing, 2016]. В керамическом производстве важным нововведением было использование гончарного круга [Doherty, 2015]. Изобретение клейма для управления товарооборотом и письма для ведения записей имело огромное значение [Nissen, Damerow, Englund, 1991]. Многие инновации вызвали изменения в способах производства. Массовое производство и повторяемость производственных процессов также зародились в IV тыс. до н.э. [Pollock, 2017].

Каждое нововведение имело значительные экономические, социальные и культурные последствия. Более того, они формировали фигуры мужчин и женщин. Люди становились водителями, конниками, во-

инами или писателями и читателями путем интенсивных тренировок и постоянной практики. Повозки позволили перевозить тяжелые грузы, например урожай; таким образом, их применение косвенно влияло на распространение сельскохозяйственной продукции. Повозки способствовали развитию мобильного образа жизни скотоводов в обширных степях. Разведение длинношерстных овец привело к получению и обработке шерсти, что вызвало революцию в производстве текстиля. Жители степей получили качественные защитные ткани для одежды, передвижных палаток и юрт. Одомашнивание лошади позволило контролировать большие стада крупного рогатого скота и овец. Еще более важной была возможность быстрого преодоления больших расстояний верхом; скорость передвижения проложила путь в современную эпоху. Только в начале XIX в. железнодорожное сообщение превзошло эту скорость. Разработка медных сплавов привела к решающему повышению качества металлов; литье стало более простым, эластичность и твердость металлических сплавов значительно улучшились по сравнению с чистой медью. Из технологии изготовления престижных предметов выросла эффективная индустрия по производству основных товаров. С техническими усовершенствованиями в металлургии тесно связаны достижения в производстве вооружения: первые мечи и наконечники копий, а также более эффективные боевые топоры появились на Кавказе и в Восточной Анатолии. Эти новшества могли предполагать изменения в приемах ведения войны. Есть данные о военных конфликтах и бунтах среди населения Северной Месопотамии в течение IV тыс. до н.э. [Reichel, 2006; Bernbeck, 2009; McMahon, 2009]. Наконец, на Ближнем Востоке и в Египте началось производство каменных статуй богов и правителей выше человеческого роста [Kemp, 2000]. Большие антропоморфные каменные стелы, распространенные на территории от Кавказа до Атлантического побережья, также можно рассматривать как иконографическую инновацию IV тыс. до н.э. [Robb, 2009]. Их очень верно называют «каменными силами», т.к. они демонстрируют концентрацию власти в руках небольшого числа людей в те времена [Vierzig, 2017].

Теоретические основы

Современное использование термина «инновация» было введено Й.Ф. Шумпетером, который в конце 1930-х гг. назвал технические инновации основанием для существования более длительных экономических циклов, перекрывающих краткосрочные. По его мнению, инновации играют решающую роль в экономическом развитии [Schumpeter, 1939]. Й.Ф. Шумпетер

основывался на статье Н.Д. Кондратьева [Kondratieff, 1926], где постулировалось существование долговременных (50–60 лет) циклов экономического подъема, за которым следует депрессия. Каждый такой цикл вызывается определенными инновациями, например изобретением парового двигателя, железной дороги и т.д. Применение этой модели к археологии имеет большой эвристический потенциал. Концентрация инноваций в неолите и в IV тыс. до н.э. подтверждает наблюдения наших дней: технические новшества не появлялись непрерывно и по одному, но были разнесены во времени и возникали группами. Г. Менш считал, что инновации с большей вероятностью появляются в периоды кризиса и, следовательно, являются предпосылками новой долговременной волны экономического процветания [Mensch, 1975].

Й.Ф. Шумпетер также отмечал одновременное эволюционирование технологий, организаций и учреждений, что является азбучной истиной в современной теории инноваций [The Oxford Handbook..., 2004]. Р.П. Нельсон и С.Г. Винтер [Nelson, Winter, 1977, 1982] поддерживали его взгляды. Они подчеркивали идею Шумпетера о том, что инновация в экономической системе аналогична созданию чего-то нового в искусстве, науке или практической жизни и что это новое в значительной мере состоит в рекомбинации уже существующих понятий и физических материалов [Nelson, Winter, 1982]. Авторы указывали на важность институциональной структуры для адаптации инноваций: «технологических режимов» и «сред отбора» [Nelson, Winter, 1977]. Технологические режимы – это «скелеты» исследования, сравнимые со «стилями мышления» (Denkstile) Л. Флека [Fleck, 1993]. Среды отбора для инноваций – «фирмы», потребители и регуляторы (государственные учреждения). В догосударственных сообществах решающими факторами являются домохозяйства, их члены, политические и религиозные власти.

Важность институциональной структуры также подчеркивал Ф.В. Джилс в своей многоуровневой схеме, куда входят такие эвристические понятия, как нишевые инновации, социотехнические ландшафт и режимы [Geels, 2002; Geels, Schot, 2007]. Последние относятся к общим когнитивным программам в инженерном сообществе, а также к более широким сообществам в социальных группах. Технологические ниши представляют собой микроуровни, на которых возникают инновации. Такие новшества являются исходно нестабильными «социотехническими формами» с низким уровнем исполнения. Нишевые инновации разрабатываются небольшими коллективами специалистов, часто аутсайдерами или альтернативными игроками. Социотехнические ландшафты образуют экзогенные среды вне прямого воздействия нишевых и режимных игроков

(макроэкономика, культурные модели, макрополитические события). Изменения на уровне ландшафтов обычно протекают медленно (в течение десятилетий или даже столетий). Ф.В. Джилс считает, что все три уровня оперируют сетевыми моделями. Процессы передачи на расстояние, как и взаимосвязи комплексов археологических явлений в конце IV и III тыс. до н.э., были проанализированы на примере баденской культуры [Furholt, 2008].

Можно также предположить, что сетевые структуры использовались для распространения нововведений в пространстве. В случае с ранней металлургией быстрая передача знаний была обусловлена, вероятно, существовавшими связями между Ираном и Балканами [Hansen, 2016]. Археологически распространение инноваций часто прослеживается только через артефакт, но не в целом в материальной культуре. Каким бы образом ни происходила передача знаний по металлургии, это способствовало их сохранению. Интеграция технических знаний различного происхождения в более широкую сеть могла являться операционной основой того, что города Месопотамии стали центрами сложноорганизованных инновационных сообществ. Еще одним способом распространения инноваций была миграция больших групп людей. Это подтверждено как для доисторического, так и для исторического периода. Новейшие исследования древней ДНК указывают на возможные миграции в начале III тыс. до н.э. [Naak et al., 2015].

Микроуровень в теории Ф.В. Джилса можно рассматривать с археологической точки зрения через детальный научный анализ инноваций, что позволяет, например, определять различия в составах металлических сплавов или способах производства деревянных колес. Изменения в стадиях развития социотехнического ландшафта можно оценить на макроуровне. Новый исследовательский инструмент «Цифровой атлас инноваций» (<https://atlas-innovations.de/en/>) позволяет проиллюстрировать траектории и периоды быстрого распространения инноваций на динамических картах. Более того, можно количественно оценить плотность инноваций в долговременной перспективе. Это помогает описывать знания в доисторических сообществах и проследить их распространение в пространстве и времени.

Зарождение цивилизации

Продолжающаяся дискуссия о том, что вызывает появление инноваций: спрос (потребитель) или технология (поставщик), т.н. теория тяги и толчка, не помогает в объяснении обсуждаемых здесь примеров [Rogers, 1995]. Многоуровневое рассмотрение вы-

глядит более продуктивным в обсуждении этих инноваций. Более того, новая хронология на основании радиоуглеродных дат не подтверждает старую модель развития всех технических новшеств в Месопотамии и Египте. Новые данные открыли возможность для построения иной модели. Гипотеза такова: это было не развитие новых техник, а применение техник из различных периферийных районов и их новая комбинация в «центрах», что и послужило основой для успеха «цивилизаций» Месопотамии и Египта. Она подрывает наиболее распространенную точку зрения, согласно которой все технические инновации возникли в центрах «передовых цивилизаций» и оттуда распространялись на «периферию» [Childe, 1958; Sherratt, 1981; Frank, Gills, 1992].

Институциональная структура, обсуждаемая Р.Р. Нельсоном и С.Г. Винтером, подразумевает понимание технических инноваций в их социальных измерениях и последствиях. Возникает вопрос: технологические достижения порождают социальные изменения или наоборот? Этнографические данные, по-видимому, показывают, что политическая централизация вызывает цепочки инноваций [Sigrist, 1979]. Это согласуется с другим сопутствующим явлением, а именно производством излишков. Г.В. Пирсон [Pearson, 1957] в своей известной статье отмечал: «Всегда и везде имеются потенциальные излишки. Важно, что имеются институциональные средства для воплощения их в жизнь». Следовательно, излишек как инновация появился благодаря политической централизации, сосредоточению власти в руках сильных правителей [Hansen, 2018]. В этом отношении IV тыс. до н.э. было своеобразным «водоразделом» в древнейшей истории Евразии благодаря не только новым ключевым технологиям, но и новым формам социального доминирования [Hansen, 2014a]. Над-региональная идеология война возникла на Кавказе и достигла Западной Европы [Hansen, 2013; Jeunesse, 2015]. Это можно рассматривать как новый механизм, вызвавший реорганизацию всех отношений в обществе [Das Spiel..., 2003].

Создание жесткой иерархии не требовало влияния развитых «цивилизаций» [Scott, 2017]. При определенных условиях такие иерархии образуются автономно, но они и разрушаются регулярно [Jeunesse, 2014]. Ранним государствам постоянно угрожали болезни, восстания или военные конфликты, они неоднократно распадались [Scott, 2017]. Развитие истории социальных институтов было прерывистым и непоследовательным [Ur, 2010].

Очевидный параллелизм между инновационными кластерами IV тыс. до н.э. и социальными переустройствами этой эпохи согласуется с понятием социальных и технических инноваций как коэволюционного процесса [Alijani, Wintjes, 2017].

Хронология

Первые калиброванные радиоуглеродные даты перевернули устоявшуюся хронологию доисторического периода. В особенности это коснулось IV и III тыс. до н.э. Стало очевидно, что многие проявления культуры, которые, как считалось, бытовали в течение лишь нескольких столетий в пределах II тыс. до н.э., на самом деле охватывали почти все III тыс. до н.э. [Черных, Орловская, 2004]. Находки из известного захоронения в Майкопе пришлось удревить более чем на 1000 лет [Черных, Орловская, 2008; Govedarica, 2002; Chernykh, 2008].

В последние десятилетия появился ряд монографий, посвященных исследованиям в Северном Причерноморье, Евразийской степи и на Кавказе [Anthony, 2007; Kohl, 2007; Cunliffe, 2015]. Новые данные по хронологии вызвали большие сомнения в том, что все инновации были разработаны на Ближнем Востоке. Сегодня уже нельзя утверждать без колебаний, где именно «изобретены» колесо и повозка, т.к. самые ранние археологические свидетельства распределены в очень узком интервале ок. 3500 лет до н.э. между Балтийским морем и Месопотамией [Klimscha, 2017].

Знаменитое курганное захоронение в Майкопе [Пиотровский, 1998; Бронзовый век..., 2013], открытое в 1897 г. Н.И. Веселовским, обсуждалось в течение XX в. такими известными учеными, как М. Ростовцев [Rostovtzeff, 1922], В.Г. Чайлд [Childe, 1936] и др. Имея в виду царские захоронения в Уре, можно говорить о свидетельствах связи происхождения майкопского погребального инвентаря с Месопотамией. Однако радиоуглеродное датирование показало, что захоронение было совершено между 3700 и 3500 гг. до н.э., а не ок. 2500 г. до н.э. Это делает его более чем на одно тысячелетие древнее, чем считалось долгое время [Govedarica, 2002]. Невзирая на новые даты, специалисты продолжают считать, что майкопская культура является результатом прямого влияния Месопотамии или еще более крупных миграций с юга [Массон, 1997; Izbiter, 2003; Pitskhelauri, 2012].

Монументальный курган, более 10 м в высоту, был сооружен над могилой одного погребенного высокого ранга и двух других индивидов. В погребальной камере находились сосуды из золота, серебра и бронзы, которые представляют собой самые ранние известные образцы металлических емкостей. Кроме того, обнаружены золотые и серебряные фигурки быков, указывающие на раннее применение техники литья по выплавляемой модели. Найдены также 70 золотых бляшек с изображением льва, которые, вероятно, были нашиты на мантию. Это захоронение является самым ранним известным погребением, где прослеживается иконография льва как геральдического животного

правителя [Трифонов, 1998; Hansen, 2017]. В могиле находились тысячи золотых бусин, а также бусины из бирюзы и сердолика.

Курганные захоронения возводились уже в V тыс. до н.э. [Govedarica, 2004; Корневский, 2012]. Тем не менее монументальность кургана в Майкопе – неизвестное до тех пор явление, она символизирует новый державный социальный статус погребенного, особо подчеркнутый двумя другими захоронениями лиц, которые были принуждены последовать в могилу за умершим [Testart, 2004]. Это соответствует политическому ландшафту того времени. В городах на севере Месопотамии, таких как Арслантепе [Frangipane, 2016], Тель-Брак [Emberling, 2002; Oates et al., 2007; McMahon, 2013], Хамукар [Reichel, 2006] и Тепе Гавра [Tobler, 1950], появление сильных правителей и первые шаги к созданию государства, вероятно, относятся к первой половине IV тыс. до н.э. [Stein, 2012].

Инновации и миграции в IV и III тыс. до н.э.

Многие инновации, упомянутые выше, встречаются в археологических материалах примерно одного и того же времени по всей Западной Евразии и на Ближнем Востоке. Кавказский регион играет важнейшую роль в понимании процесса передачи технологий и знаний в течение IV–III тыс. до н.э. [Мунчаев, 1975; Hansen, 2014b; Kohl, Trifonov, 2014; Chernykh, 2017; Sagona, 2018]. Майкопский феномен дает нам ранние свидетельства о некоторых инновациях, таких как шерсть [Shishlina, Orfinskaya, Golikov, 2003], тяга [Reinhold et al., 2017], металлические сплавы, серебро и др. Кавказ – один из наиболее богатых минералами регионов в Евразии [Иессен, 1935]. Руды, содержащие медь, золото и сурьму, разрабатывались здесь начиная не позднее чем с бронзового века. Старейшая шахта по добыче золота в Сакдрисси (Грузия) относится к IV тыс. до н.э. [Гамбашидзе и др., 2010; Stöllner, 2014]. Без сомнения, эти ресурсы были привлекательны для развивавшихся урбанистических культур Месопотамии. Жители степей Северного Причерноморья, к северо-западу от Кавказа, также были заинтересованы в добыче металла и месте важных широких взаимодействий, которые связывали Кавказ с Карпатами и далее с Центральной Европой.

Уже в IV тыс. до н.э. Кавказ был связан с Центральной Европой. Это подтверждается множеством отдельных элементов, а также большим количеством материалов из более поздних погребений майкопской и новосвободненской культур [Rezerkin, 2000; Канторович, Маслов, Петренко, 2013; Belinskij, Hansen, Reinhold, 2017]. Достаточно вспомнить топоры с от-

верстием для насада [Hansen, 2010] или кинжалы [Корневский, 2011].

Кроме того, хорошо известны изображения упряжек быков на камнях в Каменной Могиле на Украине (рис. 1), в Альпах и в мегалитической погребальной камере в Цюшене близ Фрицлара в Северном Гессене (рис. 2). Узнаваемы большие рога, тела переданы простой вертикальной линией. Оба тягловых животных привязаны к ярму, показанному горизонтальной линией. Между ними изображена двухколесная повозка с длинным тяговым брусом. Это графическое изображение, которое сегодня мы бы назвали иконографическим, подчеркивает большую значимость изобретения повозки.

Поразительные связи можно усмотреть между элементами в двух мегалитических погребениях, одно-

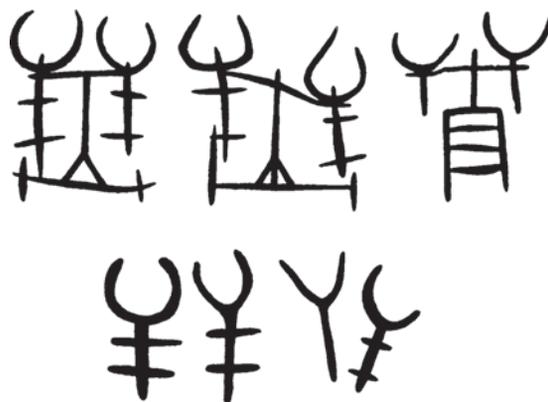

Рис. 1. Изображения быков, запряженных в повозки. Каменная Могила, Украина (по: [Gladilin, 1966/1969]).

Рис. 2. Изображение упряжки быков в двухколесной повозке на плите из погребальной камеры в Цюшене (Гессен, Германия). Фото предоставлено Ландшафтным музеем Гессен-Кассель (Museumslandschaft Hessen Kassel).

из которых находится в Новосвободной, близ Майкопа, в западных предгорьях Кавказа (рис. 3), другое – в Гёлицше, недалеко от г. Лойна, в Саксонии-Анхальт (рис. 4). А. Резепкин уже указывал на эти связи [Rezepkin, 2000; Резепкин, 2012]. Рефлексивные луки и колчаны были изображены в обоих погребениях на одной из каменных плит. В Гёлицше плиты погребальной камеры были покрыты плотным геометрическим орнаментом (зигзаги и треугольники), нетипичным для Центральной Германии. Аналогичный

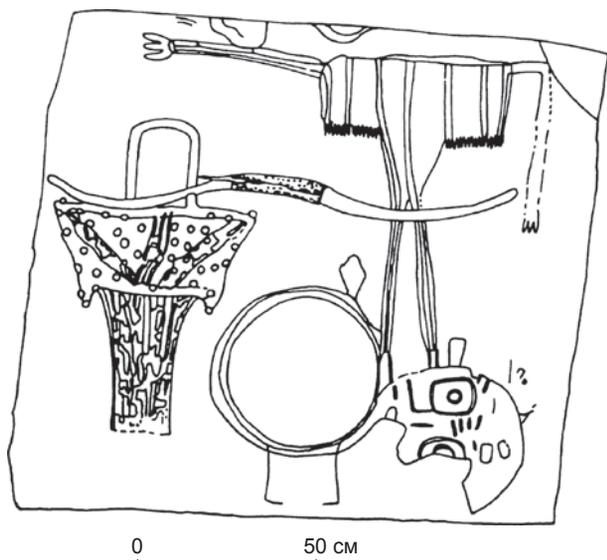

Рис. 3. Изображение лука и колчана. Новосвободная, Адыгея, Россия (по: [Rezepkin, 2000]).

орнамент обнаружен в могилах с каменной кладкой того же времени в Северном Причерноморье [Szmyt, 2014]. Удивительно, но черты таких погребальных комплексов зафиксированы также в долине р. Регниц в Средней Франконии [Nadler, 2011].

Таким образом, можно утверждать, что связи между Кавказом и Северным Причерноморьем существовали и были намного более обширными, чем просто случайный обмен мобильными вещами. Эти контакты также имели религиозно-идеологическое значение, поскольку оказывали влияние и на обустройство погребений.

Передача знаний

Технические знания распространяются в бесписьменных сообществах через прямой контакт, личные связи, имитацию и обучение [Hansen, 2016]. Таким образом, передача знаний связана с высокой мобильностью людей в существующих системах. Культуры шнуровой керамики, одиночных погребений и ямная долгое время считались результатом миграции и связывались с индоевропейцами [Glob, 1968; Gimbutas, 1994]. С тех пор отмечается тенденция распознавать в этих культурах особые социальные формы репрезентации [Damm, 1991].

Сегодня, впервые в истории археологических исследований, палеогенетика предоставляет бесспорные свидетельства эмиграции из евразийских степей в начале III тыс. до н.э. [Lazaridis et al., 2013; Allentoft et al., 2015; Naak et al., 2015]. На многих европейских

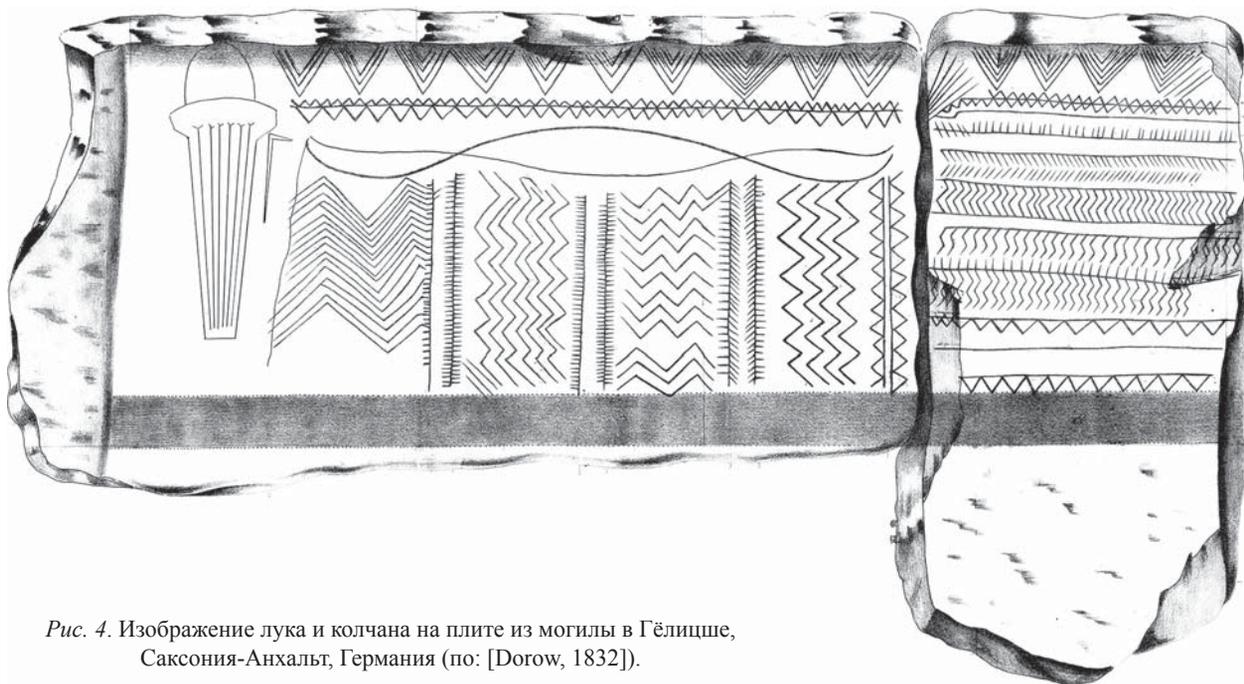

Рис. 4. Изображение лука и колчана на плите из могилы в Гёлицше, Саксония-Анхальт, Германия (по: [Drogow, 1832]).

памятниках в скелетах обнаружены чумные бактерии *Yersinia pestis* [Rasmussen et al., 2015]. Этот патоген, возможно, был в останках погребенного в мог. 11 кург. 21 могильника Расшеватский-1 в Ставрополье [Andrades Valtueña et al., 2017]. Курган (85 × 110 м, высота 6,2 м) использовался для захоронений носителями майкопской, ямной и новотитаровской культур в течение более 600 лет. Могила 11 представляет собой захоронение ямной культуры. Согласно радиоуглеродной дате, полученной по костям погребенного (4 171 ± 22 л.н.; MAMS-29816), он был захоронен между 2875 и 2699 гг. до н.э. В настоящее время этот случай, а также захоронение афанасьевской культуры в Горном Алтае представляют самые ранние свидетельства присутствия бактерии *Yersinia pestis*. Следует отметить, что оба они относятся ко времени, в течение которого предполагаются самые интенсивные миграции в Центральную Европу. Обнаруженный патоген чумы, относящийся к периоду позднего неолита – раннего бронзового века, показывает, что примерно 2 800 лет до н.э. бактерия *Yersinia pestis* была занесена в Центральную Европу из причерноморских степей.

До сих пор неясно, являлись ли люди, бежавшие из районов распространения чумы, носителями патогена или же уровень сопротивляемости этой болезни был разным. В любом случае, воздействие *Yersinia pestis* может объяснять, почему неолитическое население Центральной Европы генетически сократилось за короткий период. Что бы ни было причиной этого, присутствие патогена чумы в столь раннее время, задолго до известных эпидемий в античный период (например, Юстинианова чума), имеет огромное значение. До настоящего времени распространенные эпидемии не принимались в расчет в археологических исследованиях. Сегодня становится все очевиднее, что мы мало знаем о предпосылках, причинных связях и последствиях миграций.

Масштабные передвижения популяций в III тыс. до н.э., в связи с экспансией групп носителей ямной культуры из степей, долгое время ассоциировались с распространением значимых технологических инноваций из Месопотамии в Европу [Harrison, Heyd, 2007; Kristiansen et al., 2017; Reich, 2018, p. 108–109]. Однако очевидно, что результаты анализа древней ДНК должны изучаться в комбинации с археологическим материалом, с учетом массы нюансов [Furholt, 2018; Wang et al., 2019].

Распространение древних повозок, металлических топоров и составных луков происходило в рамках сетей обмена между Европой, Кавказом и Месопотамией намного раньше, уже в IV тыс. до н.э. Однако может ли свидетельство таких технологических обменов быть представлено также через генетическое взаимодействие? Геномы некоторых носителей ямной культуры из степей, граничащих

с Кавказом, имеют тонкие генетические особенности, которые также присущи соседним сельскохозяйственным популяциям в Юго-Восточной Европе. Детальный анализ показал, что этот малозаметный обмен генами не может быть связан с майкопским населением, но генный поток мог прийти с запада [Wang et al., 2019]. Эти тонкие западные генетические особенности представляют интерес и подразумевают контакты между населением степей и западными группами людей, такими как носители культуры шаровидных амфор, в конце IV – начале III тыс. до н.э. Культура шаровидных амфор связывала Карпаты с Балтийским морем. Мир в IV тыс. до н.э. имел развитую сеть контактов, через которую не только распространялись знания и происходил обмен товарами, но и время от времени осуществлялся обмен генами.

С учетом сегодняшнего состояния изученности распространение инноваций нельзя привязать исключительно к миграциям. Более того, для понимания майкопской культуры необходимо более сложное объяснение, чем просто «миграция(-и) с юга». Сейчас это можно прояснить не только по археологическим находкам, но и по генетическим данным [Ibid.].

Список литературы

- Бронзовый век:** Европа без границ: каталог выставки / ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Чистый лист, 2013. – 648 с.
- Гамбашидзе И., Миндиашвили Г., Гогочури Г., Кахиани К., Джапаридзе И.** Древнейшая металлургия и горное дело в Грузии в VI–III тыс. до н.э. – Тбилиси: Нац. музей Грузии, 2010. – 592 с. (на груз. яз.).
- Иссен А.А.** К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Изв. ГАИМК, 1935. – Вып. 120. – С. 7–237.
- Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г.** Погребения майкопской культуры кургана № 1 могильника Марьинская-5 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – М.: Памятники ист. мысли, 2013. – Вып. 11. – С. 71–108.
- Кореневский С.Н.** Древнейший металл Предкавказья. – М.: Таус, 2011. – 334, [1] с.
- Кореневский С.Н.** Рождение кургана. – М.: Таус, 2012. – 256 с.
- Массон В.М.** Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – С. 60–84. – (Археологические изыскания; вып. 46).
- Мунчаев Р.М.** Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. – М.: Наука, 1975. – 415 с.
- Пиотровский Ю.Ю.** Периодизация ювелирных изделий в Циркумпонтийской провинции (энеолит – ранняя бронза) // Шлиман. Петербург. Троя. – СПб.: Славия, 1998. – С. 82–92.
- Резепкин А.Д.** Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). – СПб.: Нестор-История, 2012. – 344 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. XXXVII).

Трифонов В.А. Переднеазиатские прототипы майкопских изображений львов: стиль и хронология // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: к 90-летию со дня рождения: тез. докл. – СПб., 1998. – С. 93–97.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганных культур // РА. – 2004. – № 1. – С. 84–99.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Феномен Майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока / ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Корневский. – М.: Таус, 2008. – С. 259–275.

Alijani S., Wintjes R. Interplay of Technological and Social Innovation // SIMFACT Working Paper. – Gelsenkirchen: Inst. vor Work and Technology, 2017. – N 3. – P. 1–23.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P.B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspina A.S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kříška A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population Genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*. – 2015. – Vol. 522. – P. 167–172.

Andrades Valtueña A., Mittnik A., Key F.M., Haak W., Allmæe R., Belinskij A., Daubaras M., Feldman M., Jankauskas R., Janković I., Masy K., Novak M., Pfrengle S., Reinhold S., Slaus M., Spyrou M.A., Szécsényi-Nagy A., Törv M., Hansen S., Bos K.I., Stockhammer P.-W., Herbig A., Krause J. The Stone Age Plague and Its Persistence in Eurasia // *Current Biol*. – 2017. – Vol. 27. – P. 3683–3691.

Anthony D.W. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. – Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2007. – XII, 553 p.

Belinskij A., Hansen S., Reinhold S. The Great Kurgan from Nalčik: A Preliminary Report // At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology: Recent research on Caucasia and Anatolia in the Bronze age / eds. E. Rova, M. Tonussi. – Turnhout: Brepols, 2017. – P. 13–31. – (Subartu XXXVIII).

Bernbeck R. Class Conflict in Ancient Mesopotamia. Between Knowledge of History and Historicising Knowledge // *Anthropology of the Middle East*. – 2009. – Vol. 4. – P. 33–64. – DOI:10.3167/ame.2009.040104.

Chernykh E.N. The “Steppe Belt” of stockbreeding cultures in Eurasia during the Early Metal Age // *Trabajos de Prehistoria*. – 2008. – Vol. 65. – P. 73–93.

Chernykh E.N. Nomadic Cultures in the Mega-Structure of the Eurasian World. – Boston: Academic Studies Press, 2017. – 693 p.

Childe V.G. The Axes from Maikop and Caucasian Metallurgy // *Annals of Archaeol. and Anthropol.* – 1936. – Vol. 23. – P. 113–119.

Childe V.G. The Prehistory of European Society. – Harmondsworth: Penguin Books, 1958. – 185 p.

Cunliffe B. By Steppe, Desert, and Ocean: The Birth of Eurasia. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. – 530 p.

Damm Ch. The Danish Single Grave Culture – Ethnic Migration or Social Construction // *J. of Danish Archaeol.* – 1991. – Vol. 10. – P. 199–204.

Das Spiel des Michel Foucault / Foucault M. Schriften in vier Bänden: Dits et Ecrits. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003. – Bd. III: 1976–1979. – S. 391–429.

Doherty S.K. The Origin and Use of the Potter’s Wheel in Ancient Egypt. – Oxford: Archaeopress, 2015. – 150 p.

Dorow W. Altes Grab eines Heerführers unter Attila entdeckt am 18. April 1750 bei Merseburg: Zum ersten Mal nach den im kgl. Regierungsarchiv zu Merseburg vorhandenen Originalzeichnungen und Notizen, welche auf hohen Befehl 1750 davon angefertigt worden sind, vollständig herausgegeben von Hofrath Dr. Dorow. – Halle: E. Anton, 1832. – 43 S.

Emberling G. Political Control in an Early State: The Eye Temple and the Uruk Expansion in Northern Mesopotamia // *Of Pots and Plans: Papers on the Archaeology and History of Mesopotamia and Syria presented to David Oates in Honour of his 75th Birthday*. – L.: Nabu publ., 2002. – P. 82–90.

Fleck L. Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache: Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1993. – XLIX, 189 S.

Frangipane M. The development of centralised societies in Greater Mesopotamia and the foundation of economic inequality // *Arm und Reich – Zur Ressourcenverteilung in prähistorischen Gesellschaften: 8. Mitteldeutscher Archäologentag vom 22. bis 24. Oktober 2015 in Halle / Hrsg. H. Meller, H.-P. Hahn, R. Jung, R. Risch*. – Halle: Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt; Landesmuseum für Vorgeschichte, 2016. – S. 1–21. – (Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle; Bd. 14/II).

Frank A.G., Gills B.K. The five-thousand year world system: an interdisciplinary introduction // *Humboldt J. of Social Relations*. – 1992. – Vol. 18. – P. 1–79.

Furholt M. Culture History Beyond Cultures: The Case of the Baden Complex // *The Baden Complex and the Outside World* / eds. M. Furholt, M. Szymt, A. Zastawny. – Bonn: Rudolf Habelt, 2008. – P. 13–24.

Furholt M. Massive Migrations? The Impact of Recent aDNA Studies on our View of Third Millennium Europe // *Eur. J. of Archaeol.* – 2018. – Vol. 21, iss. 2. – P. 159–191. – DOI: <https://org/10.1017/ea.2017.43>

Geels F.W. Technological transitions as evolutionary reconfiguration processes: a multi-level perspective and a case-study // *Res. Policy*. – 2002. – Vol. 31. – P. 1257–1274.

Geels F.W., Schot J. Typology of sociotechnical transition pathways // *Res. Policy*. – 2007. – Vol. 36. – P. 399–417.

Gimbutas M. Das Ende Alteuropas. Der Einfall der Steppennomaden aus Südrußland und die Indogermanisierung Mitteleuropas. – Innsbruck: Verl. des Inst. für Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck, 1994. – 135 S.

Gladilin V.N. Die Festbider der Kamenaja Mogila in der Ukraine // *Jahrbuch für prähistorische und ethnografische Kunst*. – 1966/1969. – Bd. 22.

Glob P.V. Vorzeitdenkmäler Dänemarks. – Neumünster: Wachholtz, 1968. – 299 S.

Govedarica B. Die Majkop-Kultur zwischen Europa und Asien: Zur Entstehung einer Hochkultur im Nordkaukasus während des 4. Jts. v. Chr. // Mauerschau: Festschrift für Manfred Korfmann. – Remshalden-Grumbach: Verl. B.A. Greiner, 2002. – Bd. 2. – S. 781–799.

Govedarica B. Zepterträger – Herrscher der Steppen: Die frühen Ockergräber des älteren Äneolithikums im karpatenländischen Gebiet und im Steppenraum Südost- und Osteuropas. – Mainz: Verl. Ph. von Zabern, 2004. – 426 S.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Garrido Pena R., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Rojo Guerra M.A., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K.W., Reich D. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. – 2015. – Vol. 522. – P. 207–211. – DOI: 10.1038/nature14317.

Hansen S. Communication and exchange between the Northern Caucasus and Central Europe in the fourth millennium BC // Von Majkop bis Trialeti: Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. v. Chr. / Hrsg. S. Hansen, A. Hauptmann, I. Motzenbäcker, E. Pernicka. – Bonn: Verl. Dr. R. Habelt, 2010. – S. 297–316. – (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; N 13).

Hansen S. Technische und soziale Innovationen in der zweiten Hälfte des 4. Jahrtausends v. Chr. // Hrsg. S. Hansen, J. Müller. – Sozialarchäologische Perspektiven: Gesellschaftlicher Wandel 5000–1500 v. Chr.: Zwischen Atlantik und Kaukasus / Mainz: Verl. Ph. von Zabern, 2011. – S. 153–191. – (Archäologie in Eurasien; N 24).

Hansen S. The Birth of the Hero: The emergence of a social type in the 4th millennium BC // *Unconformist Archaeology: Papers in honour of Paolo Biagi* / ed. E. Starnini. – Oxford: Archaeopress, 2013. – P. 101–112. – (BAR Intern. Ser., N 2528).

Hansen S. The 4th millennium: A Watershed in European Prehistory // *Western Anatolia Before Troy: Proto-Urbanisation in the 4th Millennium BC: Proc. of the Intern. Symp. Held at the Kunsthistorisches Museum Wien, Vienna, Austria, 21–24 November 2012*. – Vienna: Austrian Academy of Sciences, 2014a. – P. 243–260. – (Oriental and European Archaeology; vol. 1).

Hansen S. Gold and silver in the Maikop Culture // *Metalle der Macht – Frühes Gold und Silber: 6. Mitteldeutscher Archäologentag vom 17. bis 19. Oktober 2013 in Halle* / Hrsg. H. Meller, R. Risch, E. Pernicka. – Halle: Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt; Landesmuseum für Vorgeschichte, 2014b. – S. 389–410. – (Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle; Bd. 11/II).

Hansen S. Innovationen und Wissenstransfer in der frühen Metallurgie des westlichen Eurasiens // *Interactions, Changes and Meanings: Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday* / eds. S. Terna, B. Govedarica – Kishinev: Stratum Plus, 2016. – P. 107–120.

Hansen S. The Iconography of Inequality // *Rebellion and Inequality in Archaeology: Proc. of the Kiel Workshops “Archaeology of Rebellion” (2014) and “Social Inequality as*

a Topic in Archaeology” (2015) / eds. S. Hansen, J. Müller. – Bonn: Verl. Dr. R. Habelt, 2017. – P. 113–134.

Hansen S. Arbeitsteilung, soziale Ungleichheit und Surplus in der Kupferzeit an der Unteren Donau 4600–4300 v. Chr // *Überschuss ohne Staat – Politische Formen in der Vorgeschichte: 10. Mitteldeutscher Archäologentag vom 19. bis 21. Oktober 2017 in Halle* / Hrsg. H. Meller, D. Gronenborn, R. Risch. – Halle: Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt; Landesmuseum für Vorgeschichte, 2018. – S. 1–25. – (Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle; Bd. 18).

Hansen S., Helwing B. Die Anfänge der Silbermetallurgie in Eurasien // *Von Baden bis Troia: Ressourcennutzung, Metallurgie und Wissenstransfer: Eine Jubiläumsschrift für Ernst Pernicka* / Hrsg. M. Bartelheim, B. Horejs, R. Krauß. – Rahden: Verl. M. Leidorf, 2016. – S. 41–58.

Harrison R., Heyd V. The Transformation of Europa in the Third Millennium BC: the example of ‘Le Petit-Chasseur I+III’ (Sion, Valais, Switzerland) // *Prähistorische Zschr.* – 2007. – Bd. 82. – S. 129–214.

Izbitser E. Art of the Early City-States // *Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus* / eds. J. Aruz, R. Wallenfels. – N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2003. – P. 289–290.

Jeunesse C. Tumulus royaux et agglomérations géantes dans le Chalcolithique d’Europe orientale (cultures de Maikop et de Tripolje): Comment les “sociétés villageoises” chalcolithique succombent à la démesure // *Entre archéologie et écologie, une Préhistoire de tous le milieu: Mélanges offerts à Pierre Pétrequin* / dir. R.-M. Arbogast, A. Greffier-Richard. – Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2014. – P. 331–344.

Jeunesse C. L’Italie et l’émergence de l’idéologie du guerrier dans la seconde moitié du 4ème millénaire av. J.-C. // *Preistoria e Protostoria del Veneto* / eds. G. Leonardi, V. Tiné. – Firenze: Istituto Italiano di Preistoria e Protostoria, 2015. – P. 187–200.

Kemp B. The Colossi from the Early Shrine at Coptos in Egypt // *Cambridge Archaeol. J.* – 2000. – Vol. 10. – P. 211–242.

Klimscha F. Transforming Technical Know-how in Time and Space: Using the Digital Atlas of Innovations to Understand the Innovation Process of Animal Traction and the Wheel // *eTopoi – J. for Ancient Studies*. – 2017. – Vol. 6. – P. 16–63.

Kohl Ph.L. The Making of Bronze Age Eurasia. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. – 321 p.

Kohl Ph., Trifonov V. The Prehistory of the Caucasus: Internal Developments and External Interactions // *The Cambridge World Prehistory* / eds. C. Renfrew, P. Bahn. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. – Vol. 3: West and Central Asia and Europe. – Pt. 7. – P. 1571–1595.

Kondratieff N.D. Die langen Wellen der Konjunktur // *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. – 1926. – Bd. 56. – S. 573–609.

Kristiansen K., Allentoff M., Frei K., Iversen R., Johannsen N., Kroonen G., Paspieszny Ł., Price T., Rasmussen S., Sjögren K.-G., Sikora M., Willerslev E. Re-theorizing mobility and the formation of culture and language among the Corded Ware Culture in Europe // *Antiquity*. – 2017. – Vol. 91. – P. 334–347.

Lazaridis I., Patterson N., Mittnik A., Renaud G., Mallick S., Kirsanow K., Sudmant P.H., Schraiber J.G.,

- Castellano S., Lipson M., Berger B., Economou C., Bollongino R., Fu Q., Bos K.I., Nordenfelt S., Li H., De Filippo C., Prüfer K., Sawyer S., Posth C., Haak W., Hallgren F., Fornander E., Rohland N., Delsate D., Francken M., Guinet J.-M., Wahl J., Ayodo G., Babiker H.A., Bailliet G., Balanovska E., Balanovsky O., Barrantes R., Bedoya G., Ben-Ami H., Bene J., Berrada F., Bravi C.M., Brisighelli F., Busby G.B.J., Cali F., Churnosov M., Cole D.E.C., Corach D., Damba L., Van Driem G., Dryomov S., Dugoujon J.-M., Fedorova S.A., Gallego Romero I., Gubina M., Hammer M., Henn B.M., Hervig T., Hodoglugil U., Jha A.R., Karachanak-Yankova S., Khusainova R., Khusnutdinova E., Kittles R., Kivisild T., Klitz W., Kučinskas V., Kushniarevich A., Laredj L., Litvinov S., Loukidis T., Mahley R.W., Melegh B., Metspalu E., Molina J., Mountain J., Näkkäläjärvi K., Nesheva D., Nyambo T., Osipova L., Parik J., Platonov F., Posukh O., Romano V., Rothhammer F., Rudan I., Ruizbakiev R., Sahakyan H., Sajantila A., Salas A., Starikovskaya E.B., Tarekegn A., Toncheva D., Turdikulova S., Uktveryte I., Utevska O., Vasquez R., Villena M., Voevodina M., Winkler C.A., Yepiskoposyan L., Zalloua P., Zemanek T., Cooper A., Capelli C., Thomas M.G., Ruiz-Linares A., Tishkoff S.A., Singh L., Thangaraj K., Villems R., Comas D., Sukernik R., Metspalu M., Meyer M., Eichler E.E., Burger J., Slatkin M., Pääbo S., Kelso J., Reich D., Krause J. Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans // *Nature*. – 2013. – Vol. 513. – P. 409–413. – <https://doi.org/10.1038/nature13673>.
- McGovern P.E., Hartung U., Badler V.R., Glusker D., Exner L. The beginnings of winemaking and viticulture in the ancient Near East and Egypt // *Expedition*. – 1997. – Vol. 39. – P. 3–21.
- McMahon A. The Lion, the king and the cage: Late Chalcolithic Iconography and Ideology in Northern Mesopotamia // *Iraq*. – 2009. – Vol. 71. – P. 115–124.
- McMahon A. Tell Brak: Early Northern Mesopotamian Urbanism, Economic Complexity and Social Stress, fifth–fourth millennia BC // 100 Jahre Archäologische Feldforschungen in Nordost-Syrien – Eine Bilanz / Hrsg. D. Bonatz, L. Martin. – Wiesbaden: Harrassowitz Verl., 2013. – S. 67–80.
- Mensch G. Das technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression. – Frankfurt a. M.: Umschau, 1975. – 287 S.
- Nadler M. Spätneolithische Stelen und Petroglyphen? Zu einer Neubewertung der sog. Zeichensteingräber im mittleren Regnitztal // *Varia Neolithica VII: Dechsel, Axt, Beil & Co – Werkzeug, Waffe, Kultgegenstand?: Aktuelles aus der Neolithforschung* / Hrsg. H.-J. Beier, R. Einicke, E. Biermann. – Langenweißbach: Beier und Beran, 2011. – S. 183–210.
- Nelson R.R., Winter S.G. In Search of a Useful Theory of Innovation Research // *Policy*. – 1977. – Vol. 6. – P. 36–76.
- Nelson R.R., Winter S.G. An evolutionary Theory of Economic Change. – Cambridge: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1982. – XI, 437 p.
- Nissen H.J., Damerow P., Englund R.K. Frühe Schrift und Techniken der Wirtschaftsverwaltung im alten Vorderen Orient: Informationsspeicherung und -verarbeitung vor 5000 Jahren. – Berlin: Max-Planck-Institut für Bildungsforschung, 1991. – XII, 222 S.
- Oates J., McMahon A., Karsgaard Ph., Quntar S.A.I., Ur J. Early Mesopotamian urbanism: a new view from the north // *Antiquity*. – 2007. – Vol. 81. – P. 585–600.
- Pearson H.W. The Economy has no Surplus. Critique of a Theory of Development // *Trade and Market in the Early Empires: Economies in History and Theory* / eds. K. Polanyi, C. Arensberg, H. Pearson. – Chicago: Henry Regnery Company, 1957. – P. 320–339.
- Pitskhelauri K. Uruk Migrants in the Caucasus // *Bull. of the Georgian Nat. Acad. of Sci.* – 2012. – Vol. 6. – P. 153–161.
- Pollock S. Working Lives in an Age of Mechanical Reproduction: Uruk-Period Mesopotamia // *The Interplay of People and Technologies: Archaeological Case Studies on Innovation* / eds. S. Burmeister, R. Bernbeck. – Berlin: Topoi, 2017. – P. 205–224. – (Berlin Studies of the Ancient World; vol. 43).
- Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen K., Orlando L., Sikora M., Sjögren K.-G., Pedersen A.G., Schubert M., Van Dam A., Kapel O.Ch.M., Nielsen H.B., Brunak S., Avetisyan P., Epimakhov A., Khalyapin M.V., Gnuni A., Kriiska A., Lasak E., Metspalu M., Moiseyev V., Gromov A., Pokutta D., Saag L., Varul L., Yepiskoposyan L., Sichert-Pontén T., Foley R.A., Lahr M.M., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 years ago // *Cell*. – 2015. – Vol. 163. – P. 571–582.
- Reichel C. Urbanism and warfare: The 2005 Hamoukar, Syria: Excavations // *The Oriental News and Views*. – 2006. – Vol. 189. – P. 1–11.
- Reich D. Who We Are and How We Got Here: Ancient DNA and the New Science of the Human Past. – N. Y.: Pantheon Books; Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. – 368 p.
- Reinhold S., Gresky J., Berezina N., Kantorovich A.R., Knipper C., Maslov V.E., Petrenko V.G., Alt K.W., Belinsky A.B. Contextualising Innovation: Cattle Owners and Wagon Drivers in the North Caucasus and Beyond // *Appropriating innovations: entangled knowledge in Eurasia 5000–1500 BCE: Papers of the Conf., Heidelberg, 15–17 Jan. 2015*. – Oxford, 2017. – P. 78–97.
- Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. – Rahden: Verl. M. Leidorf, 2000. – 78 S. – (Archäologie in Eurasien; Bd. 10).
- Robb J. People of Stone: Stelae, Personhood, and Society in Prehistoric Europe // *J. of Archaeol. Method and Theory*. – 2009. – Vol. 16. – P. 162–183.
- Rogers E.M. Diffusion of Innovations. – N. Y.: Free Press a division of Simon & Schuster, Inc., 1995. – XVII, 519 p.
- Rossel S., Marshall F., Peters J., Pilgram T., Adams M.D., O'Connor D. Domestication of the donkey: Timing, processes, and indicators // *Proc. Nat. Acad. Sci.* – 2008. – Vol. 105. – P. 3715–3720.
- Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. – Oxford: At The Clarendon Press, 1922. – X, 260 p.
- Sagona A. The Archaeology of the Caucasus: From Earliest Settlements to the Iron Age. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. – XVI, 541 p. – (Cambridge World Archaeology).
- Salavert A. Olive cultivation and oil production in Palestine during the early Bronze Age (3500–2000 B.C.): the case of Tel Yarmouth, Israel // *Vegetation History and Archaeobotany*. – 2008. – Vol. 17, suppl. 1. – P. 53–61.

Schumpeter J.A. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. – N. Y.; L.: McGraw-Hill Book Company, 1939. – 461 p.

Scott J.C. Against the Grain: A deep History of the Earliest States. – Yale: Yale Univ. Press, 2017. – 336 p.

Sherratt A. Plough and pastoralism: aspects of the secondary products revolution // Pattern of the Past: Studies in Honour of David Clarke / eds. I. Hodder, G. Isaac, N. Hammond. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. – P. 261–305.

Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Golikov V.P. Bronze Age Textiles from the North Caucasus: New Evidence of Fourth Millennium BC Fibres and Fabrics // Oxford J. of Archaeol. – 2003. – Vol. 22, iss. 4. – P. 331–344.

Sigrist Ch. Regulierte Anarchie: Untersuchungen zum Fehlen und zur Entstehung politischer Herrschaft in segmentären Gesellschaften Afrikas. – Frankfurt a. M.: Syndikat, 1979. – XVIII, 278 S.

Stein G.J. The Development of Indigenous Social Complexity in Late Chalcolithic Upper Mesopotamia in the 5th–4th Millennia BC: An Initial Assessment // Origini. – 2012. – Vol. 34. – P. 125–151.

Stöllner Th. Gold in the Caucasus: New research on gold extraction in the Kura-Araxes Culture of the 4th Millennium and the early 3rd Millennium // Metalle der Macht – Frühes Gold und Silber: 6. Mitteldeutscher Archäologentag vom 17. bis 19. Oktober 2013 in Halle / Hrsg. H. Meller, R. Risch, E. Pernicka. – Halle: Landesamt für Denkmalpflege und Archäologie Sachsen-Anhalt; Landesmuseum für Vorgeschichte, 2014. – S. 71–110. – (Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle; Bd. 11/II).

Szmyt M. Fourth-third millennium BC stone cist grave between the Carpathians and Crimea. An outline of issues // Baltic-Pontic Studies. – 2014. – Vol. 19. – P. 107–147.

Testart A. La servitude volontaire. – P.: Errance, 2004. – Vol. I: Les morts d'accompagnement. – 264 p.

The Oxford Handbook of Innovation / eds. J. Fagerberg, D.C. Mowery, R.R. Nelson. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. – 674 p.

Tobler A.J. Excavations at Tepe Gawra. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1950. – Vol. II. – 262 p.

Ur J.A. Cycles of Civilization in Northern Mesopotamia, 4400–2000 // J. of Archaeol. Res. – 2010. – Vol. 18. – P. 387–431.

Vierzig A. Menschen in Stein: Anthropomorphe Stelen des 4. und 3. Jahrtausends v. Chr. zwischen Kaukasus und Atlantik. – Bonn: Verl. Dr. R. Habelt, 2017. – 476 S.

Wang C.-C., Reinhold S., Kalmykov A., Wissgott A., Brandt G., Jeong C., Cheronet O., Ferry M., Harney E., Keating D., Mallick S., Rohland N., Stewardson K., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Petrenko V.G., Erlikh V.R., Atabiev B.Ch., Magomedov R.G., Kohl P.L., Alt K.W., Pichler S.L., Gerling C., Meller H., Vardanyan B., Yeganyan L., Rezepkin A.D., Mariaschk D., Berezina N., Gresk J., Fuchs K., Knipper C., Schiffels S., Balanovska E., Balanovsky O., Mathieson I., Higham T., Berezin Y.B., Buzhilova A., Trifonov V., Pinhasi R., Belinskij A.B., Reich D., Hansen S., Krause J., Haak W. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature Communications. – 2019. – Vol. 10, iss. 1. – P. 590. – <https://doi.org/10.1038/s41467-018-08220-8>

Warmuth V., Eriksson A., Bower M.A., Canon J., Cothran G., Distl O., Glowatzki-Mullis M.-L., Hunt H., Luis C., do Mar Oom M., Tupac Yupanqui I., Zabek T., Manica A. European Domestic Horses Originated in Two Holocene Refugia // PLoS ONE. – 2011. – Vol. 6 (3): e18194. – DOI: 10.1371/journal.pone.0018194.

Материал поступил в редколлегию 21.03.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.038-047
УДК 902.652

В.В. Ткачев

Оренбургский федеральный исследовательский центр УрО РАН
ул. Пионерская, 11, Оренбург, 460000, Россия
E-mail: vit-tkachev@yandex.ru

Ишкининский горнорудный комплекс эпохи бронзы на Южном Урале в контексте радиоуглеродного датирования

В статье приводятся результаты радиоуглеродного датирования погребенных почв из-под отвалов горных выработок древнего рудника на площади Ишкининского кобальт-медно-колчеданного месторождения (Южный Урал). В ходе полевых исследований были получены стратиграфические разрезы отвалов четырех карьеров. Под техногенными напластованиями оказались законсервированными погребенные почвы, верхние горизонты которых и были датированы. Для осуществления сравнительного анализа проведено также радиоуглеродное датирование памятников бронзового века, исследованных в Ишкининском археологическом микрорайоне. Определены хронологические рамки комплексов ямной, синташтинской культур и кожумбердынской культурной группы. Полученные калиброванные интервалы конвенционных дат погребенных почв на Ишкининском руднике хорошо коррелируются с результатами радиоуглеродного датирования (по костям человека и животных) расположенных рядом погребальных памятников и поселения эпохи бронзы. Установлено, что начальный этап функционирования рудника (2200–1840 гг. до н.э.) связан с синташтинской культурой. Большинство геоархеологических производственных объектов Ишкининского горнорудного комплекса датируется в пределах 1780–1130 гг. до н.э. и относится ко времени существования поселения и могильников кожумбердынской культурной группы алакульской линии развития. Исследование показало, что радиоуглеродное датирование погребенных почв, перекрытых техногенными напластованиями горнорудных комплексов, является эффективным универсальным методом определения возраста и этапов функционирования памятников древнего горного дела. Его использование особенно актуально в случаях неопределенного археологического контекста геоархеологических производственных объектов.

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, Ишкининский археологический микрорайон, медный рудник, радиоуглеродное датирование.

V.V. Tkachev

Orenburg Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
Pionerskaya 11, Orenburg, 460000, Russia
E-mail: vit-tkachev@yandex.ru

The Ishkinino Bronze Age Mining Complex in the Southern Urals: Radiocarbon Dating

This article presents the results of radiocarbon dating of buried soils beneath the dumps of ancient mines in the Ishkinino cobalt and copper pyrite deposit area, in the Southern Urals. The conserved upper horizons of stratigraphic sequences underlying the dumps of four mines were subjected to radiocarbon analysis. For comparison, samples from Bronze Age sites in the same area were used. Chronological ranges of the Yamnaya, Sintashta, and Kozhumberdy cultures were evaluated. Calibrated intervals of the buried soils from the Ishkinino mines show a good agreement with respective intervals relating to human and animal bones from nearby Bronze Age cemeteries and settlements. The early stage of the mines (2200–1840 BC) correlates with the Sintashta culture. Most geological and archaeological features at Ishkinino date to 1780–1130 BC, same as the Kozhumberdy settlement and cemeteries, representing the Alakul tradition. As the results suggest, radiocarbon dating of buried soils underlying the mine dumps is relevant to absolute and relative chronology of ancient mining, especially when archaeological contexts are of little help.

Keywords: Bronze Age, Southern Urals, Ishkinino archaeological area, copper mine, radiocarbon dating.

Введение

Одной из наиболее сложных исследовательских задач в процессе изучения металлопроизводства эпохи бронзы является датировка геоархеологических объектов, связанных с добычей и первичной переработкой медных руд. Обычно исследователям приходится довольствоваться косвенными данными, полученными с помощью методов археометрии. В исключительных случаях на древних рудниках удается обнаружить культурные слои и отдельные артефакты, в т.ч. горнопроходческие орудия, прямо указывающие на разработку горнорудных объектов в бронзовом веке.

Данные обстоятельства диктуют необходимость выработки эффективной методики комплексного исследования памятников горного дела, позволяющей определить объективные критерии функционирования древних рудников в бронзовом веке. Положительный опыт реализации такого рода исследовательской программы был получен в процессе изучения Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье (Южный Урал). Предлагаемая статья посвящена одному из аспектов решения указанной задачи, связанному с радиоуглеродным датированием погребенных почв из-под отвалов древних карьеров.

Краткая характеристика исследовательского полигона

Характеристике памятников Ишкининского археологического микрорайона посвящен цикл специальных работ [Ткачев, 2005, 2011, 2012; Зайков, Юминов, Ткачев, 2012; Плеханова, Ткачев, 2013; и др.]. Это избавляет от необходимости их подробного описания. Поэтому ограничусь лаконичными замечаниями о комплексах, составивших источниковую базу для радиоуглеродного датирования.

Ишкининский археологический микрорайон локализуется в среднем течении р. Сухая Губерля в окрестностях пос. Ишкинино Гайского р-на Оренбургской обл. Его образует компактная группа памятников: поселение Ишкиновка, могильники Ишкиновка I–III и серия местонахождений керамики бронзового века Аулган I–IV и Сухая Губерля I–IV (рис. 1). Исследования показали, что все они связаны между собой и приурочены к Ишкининскому медному руднику, выступающему в данном случае доминантой производственной структуры с горно-металлургической специализацией. Ишкининский горнорудный комплекс эпохи бронзы является самым крупным и сложным в структурном отношении геоархеологическим объектом на Южном Урале. В пределах рудного поля вы-

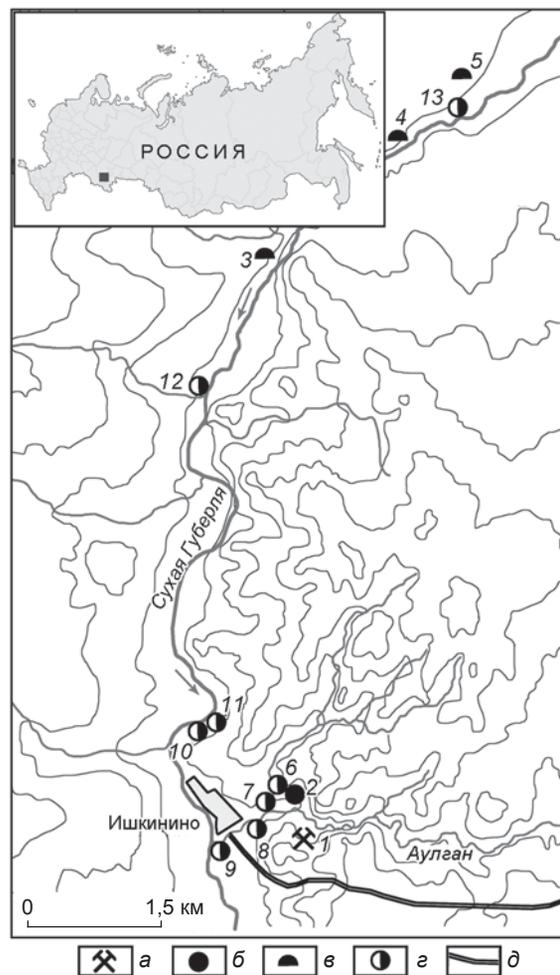

Рис. 1. Расположение памятников Ишкининского археологического микрорайона.

a – рудник; *b* – поселение; *c* – могильник; *d* – местонахождение артефактов; *e* – дорога.

1 – Ишкининский рудник; 2 – Ишкиновка; 3 – Ишкиновка I; 4 – Ишкиновка II; 5 – Ишкиновка III; 6 – Аулган I; 7 – Аулган II; 8 – Аулган III; 9 – Аулган IV; 10 – Сухая Губерля I; 11 – Сухая Губерля II; 12 – Сухая Губерля III; 13 – Сухая Губерля IV.

явлено не менее 10 древних горных выработок и производственная обогатительная площадка (рис. 2, 1)*.

Отвалы карьеров № 6–8 и вертикальной выработки № 9 (возможно, узкой щелеобразной горнопроходческой канавы) были разрезаны траншеями, вскрывшими погребенные почвы (рис. 2, 2–5). Отобранные образцы использовались для проведения палеопочвенных и палинологических исследований, радиоуглеродного датирования верхних горизонтов почв, погребенных под отвалами горных выработок.

*Следует обратить внимание на то, что в данной статье используется уточненная нумерация объектов Ишкининского рудника, несколько отличающаяся от опубликованной ранее [Зайков, Юминов, Ткачев, 2012, рис. 3].

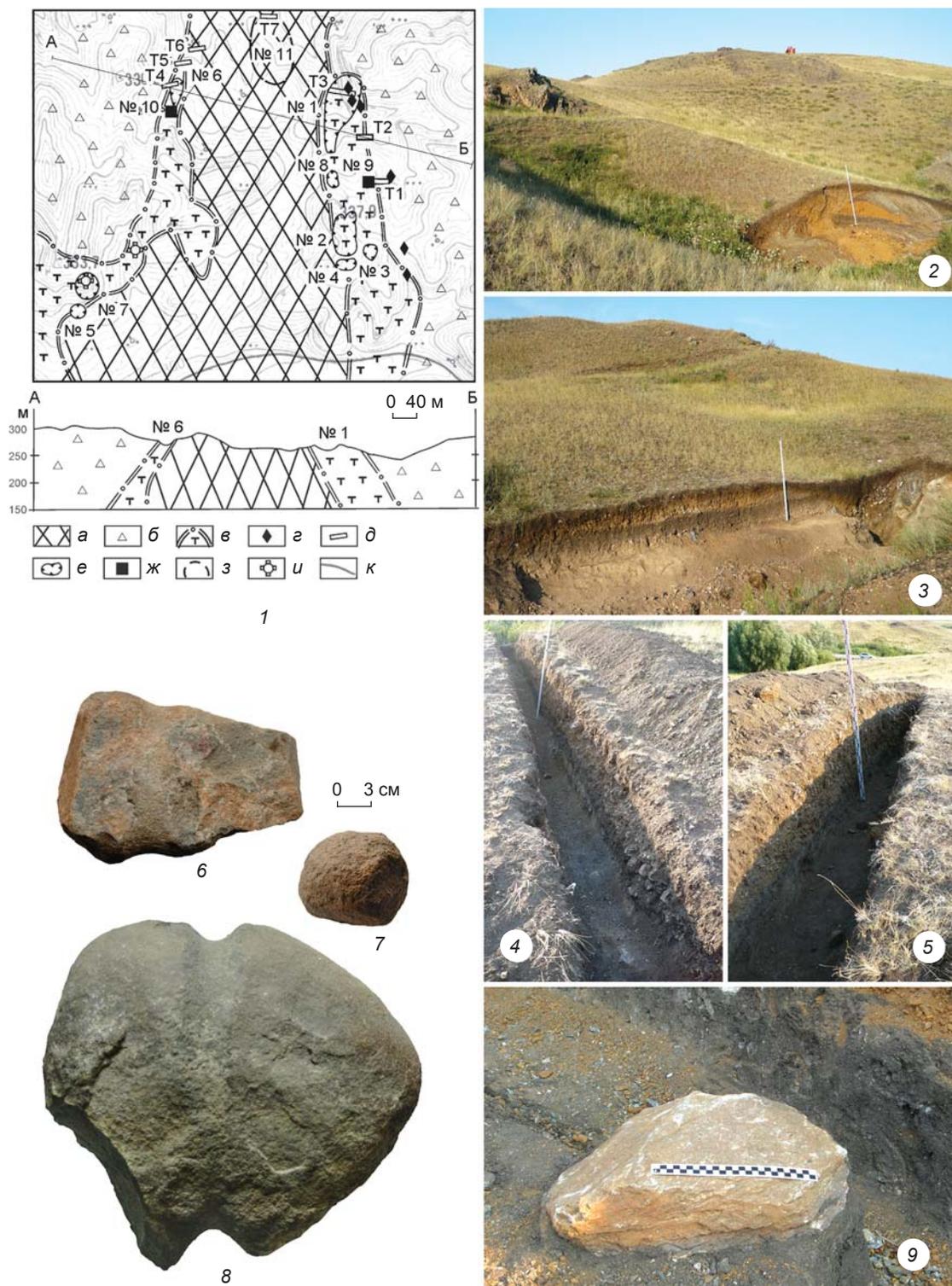

Рис. 2. Ишкининский горнорудный комплекс.

1 – схема расположения древних горных выработок, обогатительной площадки и рудоносных зон на Ишкининском месторождении (по: [Зайков, Юминов, Ткачев, 2012, рис. 3] с дополнениями) (а – гипербазиты, б – вулканомиктовые брекчи, в – контуры рудоносных зон с сопровождающими тальк-карбонатными породами, г – места отбора штучных проб руды, д – траншеи, пройденные в 2001 г., е – контуры древних карьеров, ж – вертикальные горные выработки, з – обогатительная площадка, и – места нахождения единичных зерен золота, к – автомобильная дорога г. Гай – пос. Ишкинино); 2–5 – стратиграфические разрезы отвалов горных выработок: 2 – карьер № 6, 3 – вертикальная выработка № 9, 4 – карьер № 8, 5 – карьер № 7; 6–9 – каменные орудия с Ишкининского рудника: 6, 8 – молоты, 7 – рудодробильный камень, 9 – наковальня.

Рис. 3. Материалы памятников Ишкининского археологического микрорайона, датированных радиоуглеродным методом.

1–3 – Ишкиновка I, кург. 3, погр. 7 (ямная культура); 4–6 – Ишкиновка I, кург. 3, погр. 6 (синташтинская культура); 7–10 – Ишкиновка I, кург. 2, погр. 1 (кожумбердынская культурная группа); 11–35 – поселение Ишкиновка (кожумбердынская культурная группа).

С разработкой Ишкининского медного рудника в бронзовом веке связано расположенное в 500 м к северо-северо-западу на противоположном берегу ручья Аулган поселение Ишкиновка, которое относится к кожумбердынской культурной группе алакульской линии развития (рис. 3, 11–35). Для радиоуглеродного датирования из культурного слоя памятника были отобраны образцы костей животных.

На могильниках Ишкиновка I–III исследованы погребальные комплексы ямной культуры раннего бронзового века (РБВ) (рис. 3, 1–3), синташтинской культуры рубежа среднего и позднего периодов эпохи бронзы (рис. 3, 4–6), кожумбердынской культурной группы позднего бронзового века (ПБВ) (рис. 3, 7–10). Для радиоуглеродного датирования было выбрано по одному погребению каждого из указанных культурных образований на могильнике Ишкиновка I. Получено шесть дат.

Результаты радиоуглеродного датирования

В ходе работ, проводившихся под моим руководством в Ишкининском археологическом микрорайоне, удалось сформировать серию из 13 радиоуглеродных дат (см. таблицу). Все публикуются впервые, что имеет самостоятельную научную ценность. Введение их в научный оборот позволяет обратиться к проблеме определения радиоуглеродного возраста горных выработок Ишкининского медного рудника. Для памятников горного дела это нетривиальная исследовательская процедура.

Для сравнительного анализа привлекались радиоуглеродные даты, полученные в ходе измерения различных органических материалов. В качестве датируемых образцов использовались кости человека и животных, керамика и погребенные почвы. Положительным моментом можно признать то, что большинство анализов было сделано Г.И. Зайцевой в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН по единой методике (в таблице и на графиках они обозначены шифром Le). Одна дата по керамике получена при посредничестве П.Ф. Кузнецова в Киевской радиоуглеродной лаборатории (индекс Ki). Единственная AMS-дата (индекс Hela), полученная в Лаборатории датирования Финского естественно-исторического музея Хельсинского университета, была любезно предоставлена Н.Л. Моргуновой.

Калибровка радиоуглеродных дат осуществлялась в программе Оксфордской лаборатории OxCal 4.3.2 [Bronk Ramsey, 2017]. Для статистических процедур использовались значения с вероятностью 68,2 %, что позволило получить более компактные интервалы. Весьма эффективным оказалось суммирование полученных интервалов, доступное в предыдущей версии

программы OxCal 3.10 [Bronk Ramsey, 2005]. В этих случаях для достижения наилучших результатов была использована более точная калибровочная кривая IntCal13 [Reimer et al., 2013].

Сравнительные материалы

Прежде чем обратиться к результатам радиоуглеродного датирования погребенных почв из-под отвалов горных выработок Ишкининского рудника, необходимо рассмотреть серию дат, полученных для погребальных и поселенческих комплексов в его окрестностях. Начальный этап бронзового века в выборке представлен двумя радиоуглеродными датами для погребения ямной культуры (см. таблицу, Ишкиновка I, кург. 3, погр. 7). Результаты измерений с использованием традиционной бензольной технологии (Le-8839) практически совпадают с массовыми сериями радиоуглеродных дат, полученных по той же методике для памятников позднеямного времени (развитого этапа Б) в степном Приуралье [Моргунова, 2014, табл. 16]. Вторая дата (Hela-3560), определенная AMS-методом, оказалась на 90 лет моложе, при этом имеет более узкий доверительный интервал. Между тем они демонстрируют неплохое схождение, что наглядно иллюстрирует частичное совпадение интервалов калиброванного возраста. Это позволило воспользоваться функцией суммирования конвенционных дат. В итоге получен вполне симметричный график сумм вероятностей (2620–2290 / 2870–2200 гг. до н.э.*), в целом соответствующий нормальному распределению (рис. 4). Получение комбинированной даты в программе OxCal 4.3.2 привело к сопоставимым результатам (2580–2340 / 2840–2280 гг. до н.э.), что позволило отказаться от этой дублирующей в данном случае процедуры.

Следующий хронологический эшелон составляют даты, полученные для синташтинского погребения (см. таблицу, Ишкиновка I, кург. 3, погр. 6). Использование алгоритма суммирования позволило построить двухвершинный асимметричный график с двумя калиброванными интервалами (вероятность 68,2 %) – 2470–2230 и 2010–1640 гг. до н.э. (рис. 5). Первый из них дала дата по керамике, а второй – суммирование двух дат по костям человека и животного. Последний интервал фактически совпадает с надежно установленными на массовом материале (30 дат) хронологическими рамками синташтинской культуры [Епимахов, 2007, с. 403, рис. 1, Л]. В то же время полученные результаты заставляют в очередной раз обратить внимание на трудности, возникающие в про-

*Первый интервал – σ (68,2 %), второй – 2σ (95,4 %).

Результаты радиоуглеродного датирования комплексов Ишкинского археологического микрорайона

№ п/п	Объект (культурная принадлежность)	Шифр лаборатории	Материал	¹⁴ C-дата, л.н.	Калиброванные значения, гг. до н.э.	
					σ (68,2 %)	2σ (95,4 %)
1	Ишкиновка I, кург. 3, погр. 7 (ямная культура, РБВ)	Le-8839	Кость человека	4 040 ± 100	2860–2810 (8,9 %) 2750–2720 (4,0 %) 2700–2460 (55,3 %)	2890–2300 (95,4 %)
2	То же	Heia-3560 (AMS)	То же	3 927 ± 74	2560–2530 (5,7 %) 2500–2290 (62,5 %)	2620–2190 (95,4 %)
3	Ишкиновка I, кург. 3, погр. 6 (синташинская культура, ПБВ)	Le-8924	Кость животного	3 421 ± 120	1900–1600 (65,1 %) 1590–1560 (3,1 %)	2040–1440 (95,4 %)
4	То же	Le-8925	Кость человека	3 560 ± 110	2110–2100 (0,9 %) 2040–1740 (67,3 %)	2210–1620 (95,4 %)
5	»	Ki-18021	Керамика	3 870 ± 70	2470–2280 (63,6 %) 2250–2230 (4,6 %)	2570–2530 (1,8 %) 2500–2140 (93,6 %)
6	Поселение Ишкиновка, кв. Г-2, уровень -35 (кожумбердынская культурная группа, ПБВ)	Le-8854	Кость животного	3 020 ± 150	1430–1050 (68,2 %)	1620–890 (95,4 %)
7	То же, уровень -70 (кожумбердынская культурная группа, ПБВ)	Le-8855	То же	3 190 ± 100	1620–1380 (63,2 %) 1340–1310 (5,0 %)	1730–1720 (0,3 %) 1700–1210 (95,1 %)
8	Поселение Ишкиновка, раскол 3 (кожумбердынская культурная группа, ПБВ)	Le-9342	»	2 940 ± 200	1400–920 (68,2 %)	1690–760 (95,4 %)
9	Ишкиновка I, кург. 2, погр. 1 (кожумбердынская культурная группа, ПБВ)	Le-9680	Кость человека	3 380 ± 110	1880–1840 (4,9 %) 1820–1800 (1,3 %) 1780–1520 (62,0 %)	1950–1430 (95,4 %)
10	Ишкинский рудник, карьер № 6	Le-8849	Погребенная почва	4 240 (3 240)* ± 100	1640–1410 (68,2 %)	1760–1260 (95,4 %)
11	То же, карьер № 8	Le-8851	То же	4 030 (3 030)* ± 100	1410–1120 (68,2 %)	1510–1000 (95,4 %)
12	То же, карьер № 7	Le-8852	»	4 370 (3 370)* ± 100	1870–1850 (1,4 %) 1780–1520 (66,8 %)	1920–1440 (95,4 %)
13	То же, карьер № 9	Le-8853	»	4 730 (3 730)* ± 120	2300–1950 (68,2 %)	2480–1870 (93,2 %) 1850–1770 (2,1 %)

*В скобках указано значение с поправкой на радиоуглеродный возраст десятисантиметрового слоя верхнего горизонта чернозема (ок. 1000 лет) [Чичагова, 1985, с. 84, 85, табл. 26].

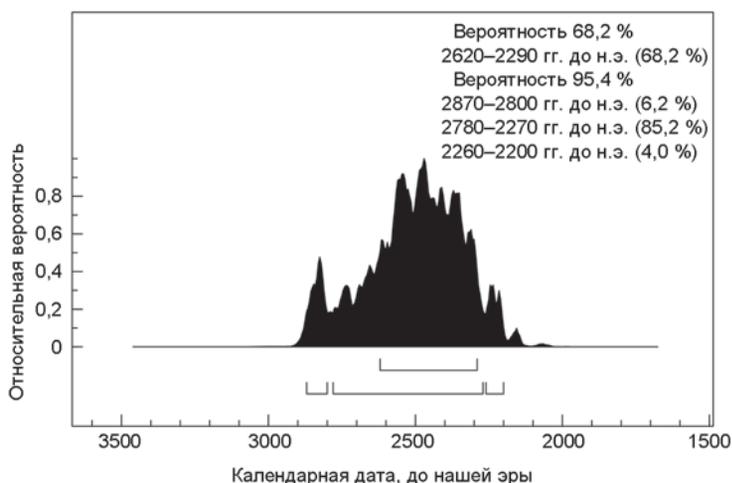
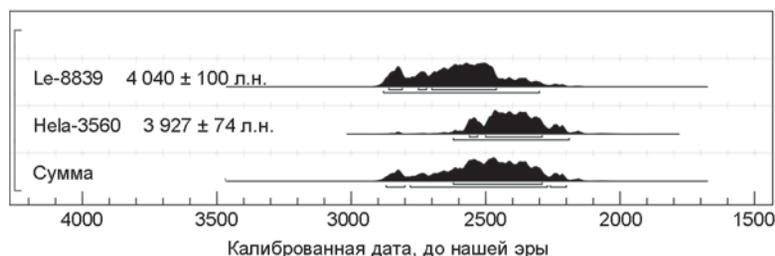
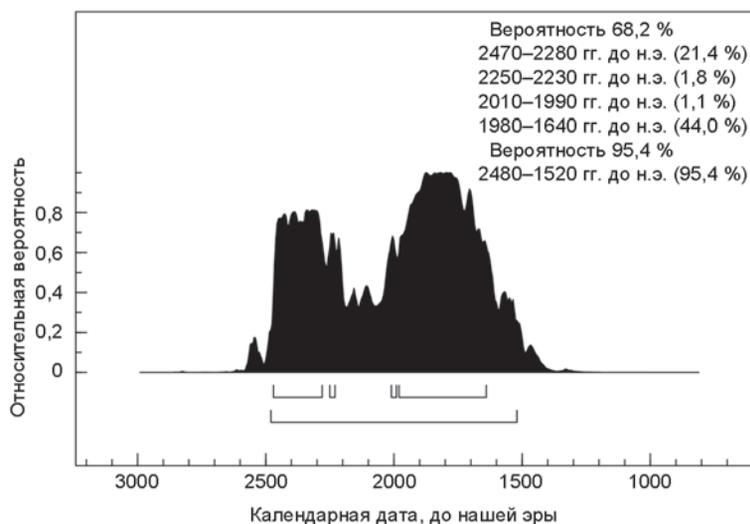
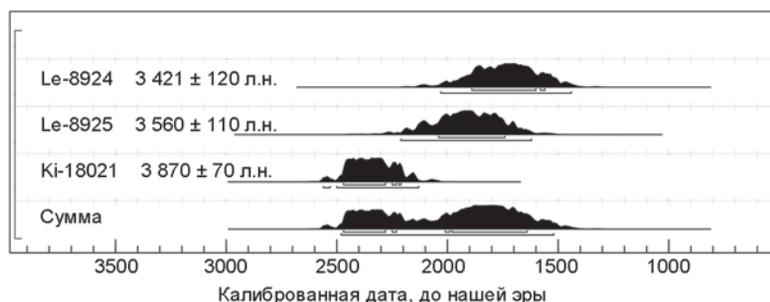

Рис. 4. Графики суммирования вероятностей калиброванных радиоуглеродных дат погр. 7 кург. 3 могильника Ишкиновка I (ямная культура).

цессе радиоуглеродного датирования керамики, что связано с присутствием различных источников углерода [Кулькова, 2014].

Для комплексов кожумбердынской культурной группы алакульской линии развития (см. рис. 3, 7–35) по костям человека и животных удалось получить четыре даты (см. таблицу). Суммирование вероятностей калиброванных значений привело к построению равномерного симметричного графика и определению интервала 1690–1120 гг. до н.э. (рис. 6). В то же время эти четыре даты образуют две разновременные пары, что хорошо согласуется с радиоуглеродной хронологией кожумбердынских древностей Уральско-Мугоджарского региона, для которых были определены хронологические рамки в пределах 1750–1100 гг. до н.э. с возможностью выделения двух фаз, разграниченных приблизительно 1400 г. до н.э. [Ткачев, 2016].

Итак, по результатам радиоуглеродного датирования памятников бронзового века Ишкининского археологического микрорайона получены следующие калиброванные интервалы: ямная культура (РБВ) – 2620–2290 гг. до н.э., синташтинская (ПБВ) – 2010–1640, кожумбердынская культурная группа (ПБВ) – 1690–1120 гг. до н.э.

Археологический контекст и радиоуглеродное датирование геоархеологических объектов

Следует отметить, что есть археологические доказательства функционирования Ишкининского рудника в бронзовом веке. На отвалах древних карьеров и обогатительной площадке найдены каменные молоты, курант, наковальня (см. рис. 2, 6–9). В культурном слое поселения Ишкиновка

Рис. 5. Графики суммирования вероятностей калиброванных радиоуглеродных дат погр. 6 кург. 3 могильника Ишкиновка I (синташтинская культура).

обнаружены обломки руды, металлургические шлаки, каменные наковальни, песты, молоты, заготовки горнопроходческих костяных клиньев и другие свидетельства горно-металлургического производства (см. рис. 3, 11–13, 20–22). Археометрические исследования позволили установить идентичность состава хромитов из руд и шлаков, присутствие в корольках шлаков сульфидов меди, фосфидов железа с повышенным содержанием никеля. Это подтвердило использование населением, оставившим поселение Ишкиновка, руд Ишкининского месторождения [Зайков, Юминов, Ткачев, 2012].

Предваряя представление результатов радиоуглеродного датирования погребенных почв, нужно оговориться, что этот вид источников имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при осуществлении статистических процедур и интерпретации полученных данных. Методика аналитической работы с радиоуглеродными датами погребенных почв существенно отличается от алгоритма действий с результатами датирования других материалов. В случае с ишкининскими образцами задача несколько облегчается, поскольку это черноземы обыкновенные, свойства которых хорошо изучены палеопочвооведами. В соответствии с методическими требованиями из полученной ^{14}C -даты нужно вычесть радиоуглеродный возраст гумусовых веществ погребенной почвы. Для верхних 10 см черноземов он составляет ок. 1000 лет [Чичагова, 1985, с. 84, 85, табл. 26; Моргунова и др., 2003, с. 266–267].

Как уже говорилось, образцы погребенных почв были отобраны из-под отвалов четырех горных выработок на площади Ишкининского рудника (см. рис. 2, 1–5). Они оказались вполне пригодными для радиоуглеродного датирования. Все конвенционные даты дали интервалы калиброванного возраста в пределах бронзового века (см. таблицу). Древняя почва под отвалом небольшого карьера № 8 (Le-8851), датированная в рамках 1410–1120 гг. до н.э., позволяет отнести функционирование данного горнорудного объекта к поздней фазе кожумбердынской культурной группы. Образец из-под отвала карьера № 6 (Le-8849) дал интервал калиброванных значений в пределах 1640–1410 гг. до н.э., что соответствует ранней фазе этой группы.

Не столь однозначно могут быть интерпретированы результаты радиоуглеродного датирования двух других образцов (возможно, из-за погрешностей самого мето-

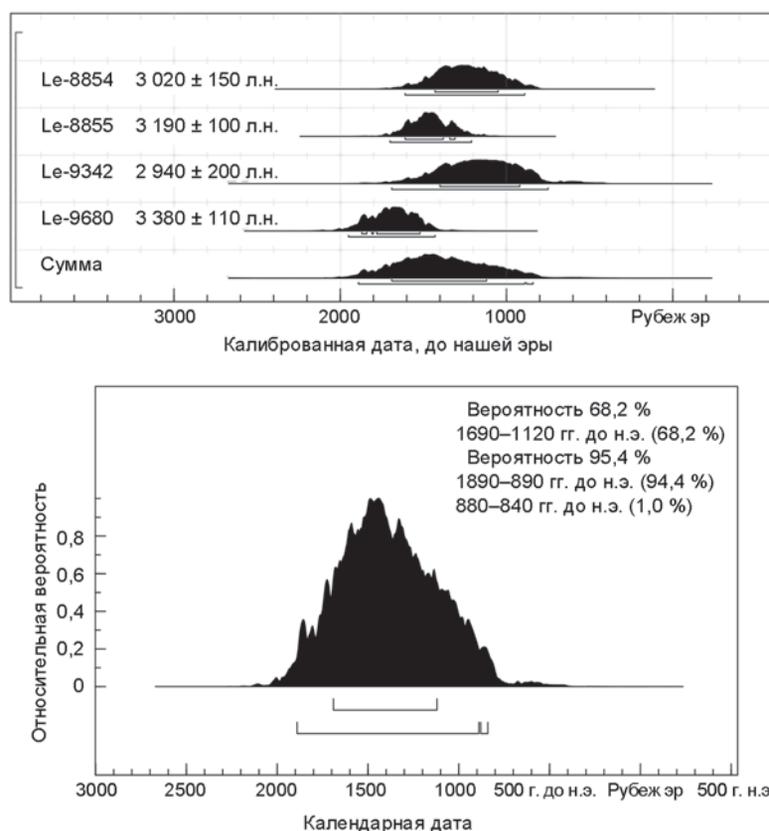

Рис. 6. Графики суммирования вероятностей калиброванных радиоуглеродных дат погр. 1 кург. 2 могильника Ишкиновка I и поселения Ишкиновка (кожумбердынская культурная группа).

да). Калиброванный интервал погребенной почвы из-под отвала карьера № 7 (Le-8852: 1870–1520 гг. до н.э.) в равной мере перекрывает позднюю часть синташтинского диапазона и раннюю кожумбердынского. Но все-таки более оправданным представляется соотнесение данного объекта с последним. К этому подталкивает практически полное совпадение конвенционных дат и калиброванных интервалов образца почвы и кожумбердынского погр. 1 кург. 2 могильника Ишкиновка I (Le-9680: 1880–1520 гг. до н.э.) (см. таблицу).

Самым древним из датированных радиоуглеродным методом геархеологических объектов Ишкининского горнорудного комплекса является вертикальная выработка № 9, в которой осуществлялась добыча сульфидных руд. Интервал калиброванных значений образца погребенной почвы из-под ее отвала (Le-8853: 2300–1950 гг. до н.э.) лишь в своей поздней части перекрывает раннюю фазу синташтинского диапазона. И все-таки наиболее реалистично позиционировать данную выработку как синташтинскую.

Следующим этапом анализа стало суммирование вероятностей калиброванных радиоуглеродных дат погребенных почв. В результате этой процедуры вполне прогнозируемо был выстроен двухвершинный асимме-

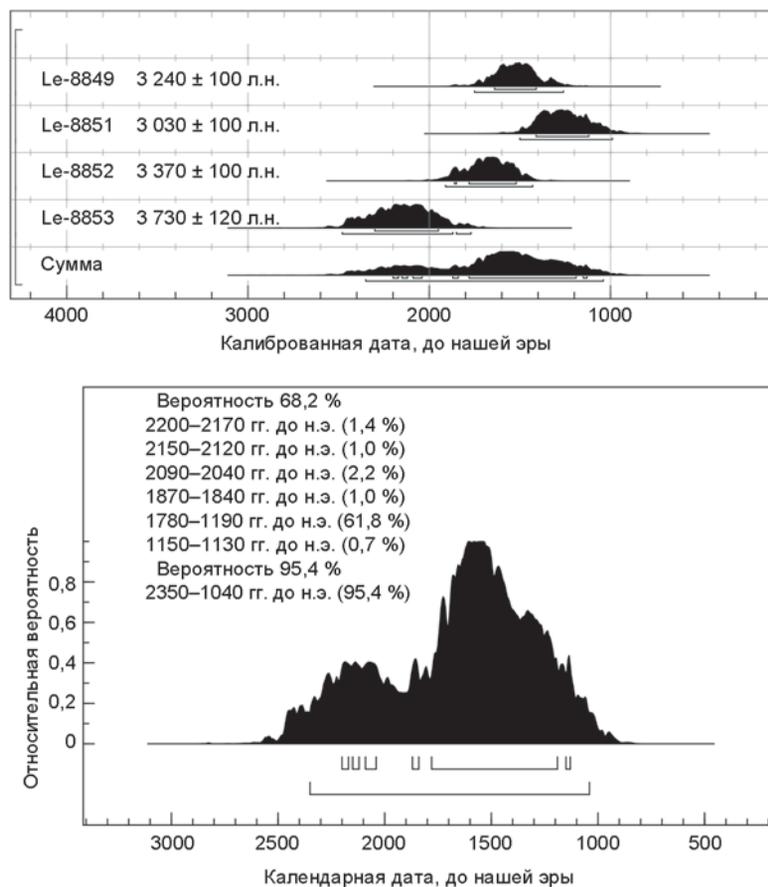

Рис. 7. Графики суммирования вероятностей калиброванных радиоуглеродных дат погребенных почв из-под отвалов горных выработок Ишкининского рудника.

тричный график с двумя интервалами значений (рис. 7). Первый из них (2200–1840 гг. до н.э.) в целом может быть соотнесен с синташтинским периодом функционирования Ишкининского горнорудного комплекса, а второй (1780–1130 гг. до н.э.) – с кожумбердынским.

Существование по меньшей мере двух этапов разработки Ишкининского кобальт-медноколчеданного месторождения в бронзовом веке подтверждает и стратиграфия северного отвала самого большого карьера № 1, где зафиксированы перекрывающиеся друг друга отвальные напластования, разделенные прослойкой погребенной почвы, которая образовалась во время длительного перерыва между эксплуатационными стадиями [Зайков и др., 2005, с. 107–108, рис. 8; Зайков, Юминов, Ткачев, 2012, с. 40–41, рис. 4, 5].

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать ряд итоговых положений.

1. Радиоуглеродное датирование погребенных почв из-под отвалов горных выработок подтвердило разработку Ишкининского кобальт-медно-колчеданного месторождения в позднем бронзовом веке. Начальный этап функционирования рудника связан с синташтинской культурой рубежа среднего и позднего периодов эпохи бронзы, а следующий относится ко времени существования кожумбердынской культурной группы алакульской линии развития.

2. Полученные данные о радиоуглеродном возрасте погребенных почв геологических производственных объектов хорошо коррелируются с результатами радиоуглеродного датирования (по костям человека и животных) погребальных памятников и поселения, связанных с Ишкининским рудником.

3. Радиоуглеродное датирование погребенных почв, законсервированных под техногенными напластованиями горнорудных комплексов, может служить эффективным универсальным методом определения возраста и этапов функционирования памятников горного дела независимо от их культурно-хронологической позиции, что особенно актуально в случаях неопределенного археологического контекста такого рода объектов.

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00137) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-00-00031 КОМФИ).

Список литературы

- Елимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – № 17. – С. 402–421.
- Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 101–114.
- Зайков В.В., Юминов А.М., Ткачев В.В. Медные рудники, хромитсодержащие медные руды и шлаки Ишкининского археологического микрорайона (Южный Урал) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 2. – С. 37–46.

Кулькова М.А. Радиоуглеродное датирование древней керамики // Самар. науч. вестн. – 2014. – № 3 (8). – С. 115–122.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. – 2-е изд., испр. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2014. – 348 с.

Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Зайцева Г.И., Чичагова О.А., Гольева А.А. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Южного Приуралья // Шумаевские курганы / Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, Л.А. Краева, Д.В. Мещерякова, М.А. Турецкий, М.В. Халяпин, О.С. Хохлова. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 264–274.

Плеханова Л.Н., Ткачев В.В. Физико-химические свойства почв многослойного поселения эпохи бронзы в окрестностях города Гай // Поволжская археология. – 2013. – № 4 (6). – С. 225–234.

Ткачев В.В. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск: Зап.-Казах. обл. центр ист. и археол., 2005. – Вып. 4. – С. 182–198.

Ткачев В.В. Ишкининский археологический микрорайон эпохи бронзы: структура, периодизация, хронология // КСИА. – 2011. – Вып. 225. – С. 220–230.

Ткачев В.В. Погребально-культовый комплекс алакульской культуры из Восточного Оренбуржья // Археоло-

гия, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1. – С. 49–57.

Ткачев В.В. Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульского ареала // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3 (34). – С. 68–77.

Чичагова О.А. Радиоуглеродное датирование гумуса почв: Метод и его применение в почвоведении и палеогеографии. – М.: Наука, 1985. – 157 с.

Bronk Ramsey C. OxCal 3.10. – 2005. – URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal3/oxcal.htm> (дата обращения: 04.10.2018 г.).

Bronk Ramsey C. OxCal 4.3. – 2017. – URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk> (дата обращения: 01.10.2018 г.).

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hafliðason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromev B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55, iss. 4. – P. 1869–1887.

*Материал поступил в редколлегию 20.12.18 г.,
в окончательном варианте – 07.02.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.048-054
УДК 903.023

И.А. Дураков¹, Л.С. Кобелева²

¹Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
E-mail: idurakov@yandex.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Литейная мастерская на поселении раннего железного века Каргат-4 на юге Западной Сибири

В статье представлены результаты исследования литейной мастерской, обнаруженной на поселении раннего железного века Каргат-4 в Центральной Барабе. Производственный комплекс состоял из расположенного в центральной части жилища плавильного горна и нескольких хозяйственных ям. В работе подробно рассматривается археологический контекст находок, дается описание строений и объектов внутри них. Находки из заполнения представлены обломками не менее чем пяти глиняных литейных форм и трех тиглей, каплями пролитой бронзы, фрагментом сопла, бронзовыми щипцами. К комплексу производственного инвентаря бронзолитейного участка относятся три каменных инструмента – два точила и молот. Все литейные формы предназначались для отливки кельтов. Наиболее полно сохранившаяся литейная форма представлена двумя створками, которые были найдены внутри жилища (в хозяйственной яме и у выхода) и за его пределами. Для каждого предмета бронзолитейного инвентаря приводятся полное описание и данные анализа, аналоги, реконструирован способ изготовления форм и тиглей, найденных на территории производственного участка. Определено, что метод формовки восходит к территориям, расположенным к западу или юго-западу от поселения Каргат-4. В раннескифское время он был известен на территории Северного Казахстана и Зауралья. В Центральную Барабу данный метод был привнесён, вероятно, носителями большереченской культуры. Его появление на данной территории в переходное от бронзового к железному веку время фиксируется по берликовским и красноозерским материалам.

Ключевые слова: ранний железный век, Барабинская лесостепь, поселение, литейная мастерская, теплотехнические сооружения, бронзолитейное производство.

I.A. Durakov¹ and L.S. Kobeleva²

¹Novosibirsk State Pedagogical University,
Vilyuiskaya 28, Novosibirsk, 630126, Russia
E-mail: idurakov@yandex.ru

²Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

An Early Iron Age Foundry at Kargat-4, Southwestern Siberia

During the excavations at an Early Iron Age site of Kargat-4 in central Baraba, a foundry was discovered. The complex consisted of a melting furnace in the center of the structure and several utility pits. We give a detailed description of these features, the associated artifacts, and the archaeological context. Among the items from the infill are fragments of at least five clay molds, three crucibles, drops of spilt bronze, a fragment of a spout, and bronze tongs. The casting kit included three stone utensils—two whetstones and a hammer. All the molds were destined for casting celts. The best preserved one had two valves, which were found inside a dwelling in a utility pit at the entrance and outside it. For each artifact, a detailed description, results of the analysis, and parallels are provided. Techniques of manufacturing molds and crucibles, such as those found at

the site, are reconstructed. They are shown to have originated in areas situated west or southwest of Kargat-4. During the Early Scythian age they were practiced in northern Kazakhstan and eastern Urals, and they were apparently introduced to central Baraba by people associated with the Bolshaya Rechka culture during the Bronze to Iron Age transition, as evidenced by the Berlik and Krasnoye Ozero cultures.

Keywords: Early Iron Age, Baraba forest-steppe, settlement, foundry, melting furnaces, bronze casting.

Введение

Поселение Каргат-4 расположено на мысу, образованном берегом р. Каргат и надпойменной террасой оз. Чича, которое в древности было частью оз. Чаны, в 3,8 км к ЗСЗ от пос. Здвинск, Здвинского р-на Новосибирской обл. (рис. 1). Открыто в 1975 г. В.А. Захом [Молодин, Новиков, Софеев, 2000, с. 60], исследовалось в 1981 г. экспедицией ИИФФ СО АН СССР (ныне – ИАЭТ СО РАН) под руководством Н.В. Полосьмак*. Наиболее ярким объектом на поселении можно считать производственный комплекс для изготовления изделий из металла, состоящий из плавильного горна и нескольких хозяйственных ям. В нем содержались предметы бронзолитейного производства, в т.ч. фрагменты глиняных литейных форм, тиглей и капли пролитой бронзы.

Археологический контекст находок

Визуально поселение фиксировалось по ряду из трех неглубоких западин, расположенных вдоль береговой линии оз. Чича. По керамическому материалу оно отнесено к большереченской культуре раннего железного века и является одним из самых западных памятников этого типа. Поселение датировано периодом V–III вв. до н.э. [Полосьмак, 1987, с. 90]. На нем исследовано два жилища [Там же, с. 46–50]. Признаки интенсивной бронзолитейной производственной деятельности прослежены только в жилище № 2.

Жилище № 2 представляло собой ориентированный по сторонам света котлован подпрямоугольной формы (рис. 2). Его размеры 8,2 × 9,4 м. Стенки отвесные, дно ровное. Глубина от уровня материка 0,25 м. Заполнение котлована – черная суглинистая супесь. С восточной стороны к жилищу примыкал коридорообразный выход длиной 7 м, шириной 1 м. Его глубина от уровня материка составляла 0,3 м. Вдоль стен котлована

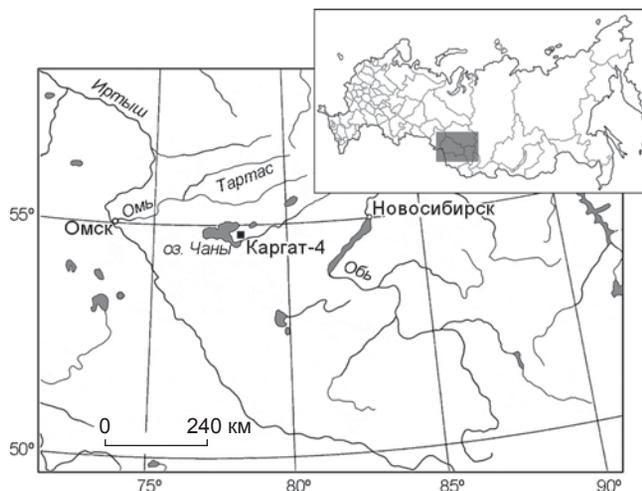

Рис. 1. Поселение Каргат-4.

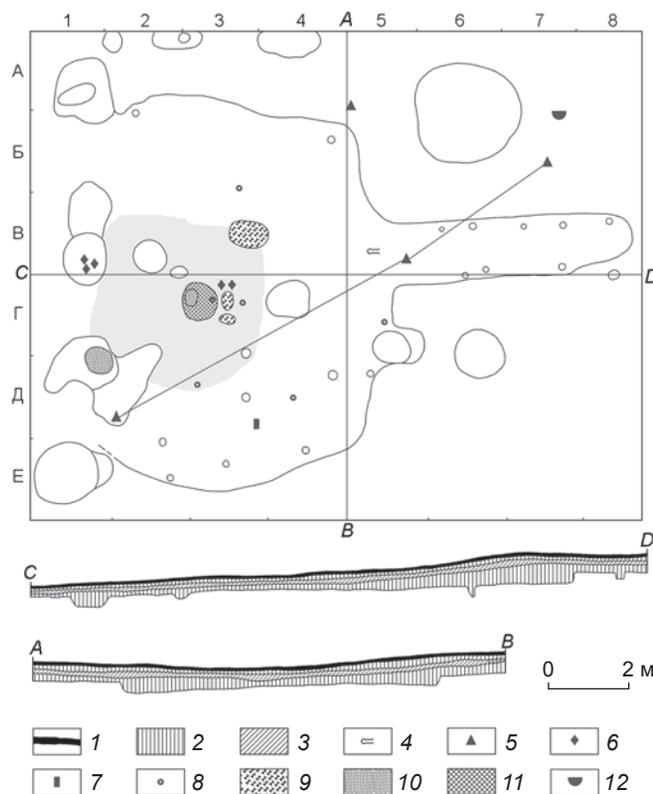

Рис. 2. План и разрез бронзолитейного участка в жилище № 2. 1 – дерновый слой; 2 – черная суглинистая супесь; 3 – белесая прослойка (минеральные соли); 4 – бронзовые щипцы; 5 – фрагмент литейной формы; 6 – капля бронзы; 7 – точило; 8 – пряслице; 9 – скопление костей животных; 10 – зола; 11 – очаг; 12 – фрагмент тигля.

*Авторы благодарят Н.В. Полосьмак за предоставленную возможность работать с полевыми материалами.

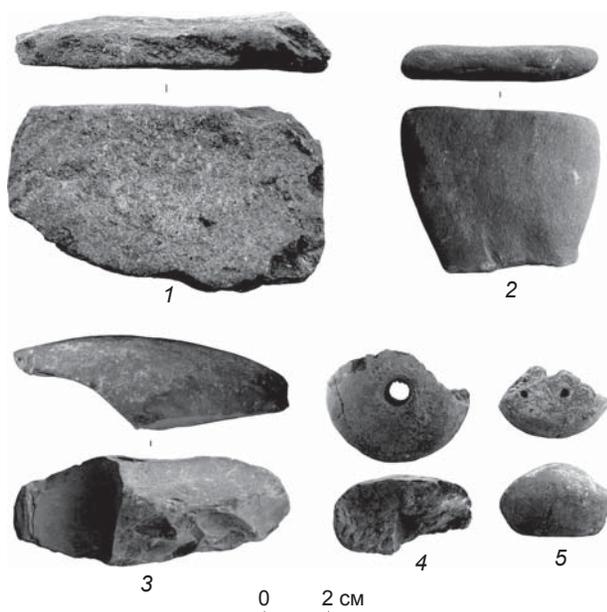

Рис. 3. Находки с территории бронзолитейного участка жилища № 2.

1, 2 – каменные точила; 3 – фрагмент каменного молота; 4, 5 – керамические пряслица.

жилища и коридора прослежены ряды ямок для столбов каркаса стен диаметром 0,15–0,25 м и глубиной 0,1–0,27 м. Две ямки для опорных столбов кровли находились в центре котлована. Жилище представляло собой, вероятно, каркасно-столбовую конструкцию. В заполнении котлована найдены: каменный отщеп, два костяных наконечника стрел, роговая застежка, железная обоймочка, керамические пряслица [Там же, рис. 69, 2, 5–7, 77, 2–5]. Следы производственной деятельности фиксируются в виде шлака, медных сплесков, фрагментов тиглей и обломков литейных форм.

Производственный комплекс состоял из расположенного в центральной части котлована плавильного горна и нескольких хозяйственных ям. Горн представлен округлым углублением диаметром 0,85 м и глубиной от уровня пола 0,25–0,28 м. Очаг заполнен прокаленной почвой с вкраплениями жженных костей и линзами золы. В заполнении найдено также глиняное пряслице (рис. 3, 4). У края северо-восточной стенки очага прослежены две капли пролитой бронзы и еще одно пряслице (рис. 3, 5). Состав находок позволяет предположить, что описанный очаг имел многофункциональное назначение: он использовался не только для приготовления пищи и освещения, но и для плавки металла и обжига технической керамики. Показательно, что на территории бронзолитейного участка находилось большое количество пряслиц (не менее 6 шт.), а в соседнем жилище № 1 их не было вовсе. Поскольку в литературе уже высказывалось мнение о связи веретена и нити с кузнечно-литейным

культом [Чиндина, 2000, с. 271], нельзя не отметить нахождение пряслиц в жреческих мужских погребениях большереченской культуры [Троицкая, 1987, с. 59–62; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 80].

К бронзолитейному производству относились расположенные в центре жилища две заполненные костями ямы. Первая находилась в 0,14 м к В от очага и представляла собой вытянутое по линии С – Ю овальное углубление. Его размеры 0,21 × 0,42 м, глубина 0,21 м. Вторая яма также имела форму овала, ориентированного по линии 3 – В. Ее размеры 0,16 × 0,35 м.

В производственный комплекс входила и третья яма, заполненная костями животных. Она располагалась в 1,14 м к СВ от горна. Яма имела форму вытянутого по линии 3 – В овала. Ее размеры 0,64 × 1,0 м, глубина от уровня пола 0,23 м. В металлообработке раннего железного века Сибири кости животных часто использовались в качестве высокотемпературного топлива [Гришин, 1980, с. 94–95; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 54]. Они могли применяться и как флюс (СаО), понижающий температуру плавления [Бельтикова, 1986, с. 74–75]. Поэтому ямы с костями характерны для производственных площадок этого времени. Масса заготовленных костей часто была значительной – от 3–5 до 10 кг. На большереченских памятниках Верхнего Приобья, например, на поселении Ордынское-9 в жилищах № 1 и 7 такие ямы прослежены вблизи плавильных горнов [Троицкая, Дураков, 1999, с. 132; Троицкая, 2005, с. 65, рис. 1, ж].

Судя по заполнению (обломки форм, капли бронзы, зола), к бронзолитейной площадке имеют отношение и две хозяйственные ямы, служившие мусоросборниками. Одна прослежена в 2 м к 3 от очага и представляет собой вытянутый овал размерами 2,56 × 1,0 м. Ее глубина 0,28 м. Заполнение ямы – черная суглинистая супесь с включениями пепла и сажи. Здесь же найдены три бронзовых сплеска. Вторая яма располагалась в 1,2 м к ЮЗ от очага. Она была неправильной формы, размерами 2,25 × 2,1–1,0 м и глубиной 0,3 м. Заполнение ямы – черный сажистый суглинок с крупными линзами пепла. В яме находились фрагменты керамики, кости животных и обломок формы для отливки кельта.

На территории бронзолитейного участка обнаружены изделия из комплекта производственной оснастки: фрагмент сопла, бронзовые щипцы, обломки не менее чем пяти литейных форм и трех тиглей.

Описание и анализ бронзолитейного инвентаря

Бронзовые щипцы пружинного типа. Найдены на уровне пола в предвходовой части жилища. Щипцы

изготовлены из согнутого квадратного в сечении кованого бронзового прута. Их длина 22 см. Сечение прута в средней части $0,4 \times 0,6$ см.

Литейные формы. Учтены 12 фрагментов не менее чем 5 изделий. Все предназначены для отливки кельтов.

От двух форм сохранились только верхние части створок. Одна из них предназначалась для отливки кельта с овальной втулкой (рис. 4, 2). Ее размеры $4,5-5,5 \times 2,2-2,4$ см. Толщина стенок по верхнему краю втулки 0,5 см.

Во второй форме также отливали кельты. Сохранился отпечаток втулки и короткого квадратного в сечении литника (рис. 4, 1). Размеры втулки $4,0 \times 2,2$ см. Длина литникового канала 1 см, сечение $0,6 \times 0,3$ см. Обе описанные формы изготовлены из глины с добавлением органики.

Третья форма дошла до нашего времени в виде небольшого обломка средней части тулова (рис. 4, 3). Она предназначалась для отливки восьмигранного в сечении кельта. Судя по сохранившемуся на внутренней поверхности рабочей камеры отпечатку древесной структуры, форма изготовлена по деревянной модели.

Четвертая форма представлена фрагментом нижней части створки с отпечатком полукруглого клиновидного лезвия кельта (рис. 4, 4). Угол схождения плоскостей лезвия достигает 30° .

Наиболее полно сохранившаяся пятая форма представлена двумя створками (рис. 5). Ее обломки найдены как внутри жилища, в хозяйственной яме и у выхода, так и за его пределами – среди скопления мусора у восточной стенки. Рассредоточенность фрагментов формы, по всей видимости, указывает на основные направления перемещений обитателей жилища в ходе хозяйственной деятельности (см. рис. 2).

В форме, судя по негативу рабочей камеры, был отлит клиновидный кельт с подовальной втулкой. Ширина лезвия 3,7 см. Высота сохранившейся части 6,3 см. Размеры втулки $4,5 \times 2,2$ см. Кельты такого типа известны в материалах большереченской культуры Верхнего Приобья [Троицкая, Бородавский, 1994, табл. XXIII, 2]. Об изготовлении их большереченскими мастерами свидетельствует находка с поселения Верх-Тула [Там же, табл. XI, 4]. Створки формы сделаны из глины с добавлением органической примеси. Внешняя поверхность покрыта слоем глинистого раствора при помощи пальцев и щепы – имеются отпечатки папиллярных линий пальцев рук и вытянутые, параллельные бороздки, оставленные щепой.

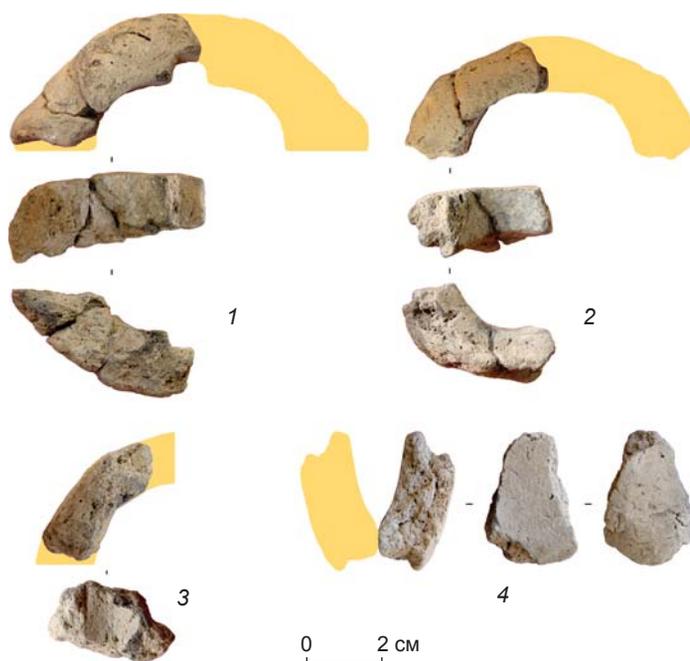

Рис. 4. Фрагменты керамических форм с территории бронзолитейного участка в жилище № 2.

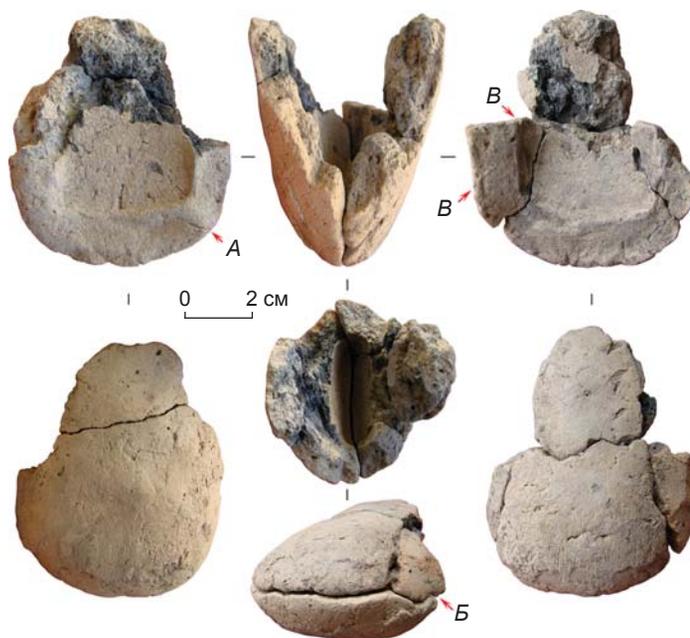

Рис. 5. Литейная форма для изготовления кельта.

А – разъем формы со следами разглаживания пластичного материала; Б – неровное, волнистое сочленение створок формы; В – наплывы формовочной массы, образовавшиеся при формовке второй створки.

Все формы бронзолитейного комплекса Каргат-4 изготовлены из материала однотипного состава. Стабильность рецептуры объясняется, по-видимому, высокой степенью специализации производства. Рецепт Глина + Органика в бронзолитейном деле населения

Обь-Иртышской лесостепи традиционен. Он зафиксирован на этой территории на памятниках позднебронзового и переходного времени [Мыльникова, Дураков, 2008, с. 66].

Литейные формы, найденные на территории производственного участка, изготавливались, скорее всего, следующим образом. Сначала формовалась нижняя створка: в кусок формовочной массы вдавливалась модель будущего изделия. Форма с оборотной стороны и разъем выравнивались и уплотнялись руками. В результате вокруг рабочей камеры образовывался бугорок вытесненной формовочной массы, а разъем формы приобретал характерную выпуклую неровную поверхность со следами разглаживания пластичного материала (см. рис. 5, А). Створку подсушивали, после чего в нее снова вставляли модель и сверху кусками накладывали глину, из которой формовали вторую створку. Поверхность разреза второй створки полностью определялась конфигурацией первой, поэтому место их сочленения часто имело неровную, волнистую форму (см. рис. 5, Б) с характерными наплывами формовочной массы (см. рис. 5, В).

Такой способ формовки требует осторожной сушки, т.к. при неравномерной усадке или малейшем короблении створки не будут подходить друг к другу. При сборке формы практически исключается смещение ее частей вдоль плоскости разреза. На завершающей стадии с внешней стороны форма покрывалась тонким слоем глинистого раствора, возможно, скреплявшим створки между собой. Готовая форма обжигалась в восстановительном режиме в закрытом горне.

Вышеописанная технология применялась при изготовлении части форм, обнаруженных в литейной мастерской на поселении бийского этапа большереченской культуры Ближние Елбаны XII, расположенного в Верхнем Приобье [Грязнов, 1956, с. 88–89, табл. XXIII, 4–10, XXIV, 1–6, 9]. Следует отметить, что она принципиально отличалась от производственных приемов, характерных для культур Обь-Иртышского междуречья. Например, в литейной мастерской раннего железного века городища Сергино-2 на р. Оми зафиксирована серия форм, изготовленных на модельной плите [Кобелева и др., 2015, с. 269–270]. Причем именно этот способ имел в Обь-Иртышском междуречье многовековую традицию. Он являлся основным как в эпоху поздней бронзы в ирменском [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 20, 61–62, рис. 10, 2, 3, 5; Мыльникова, Дураков, 2008, с. 63–66] и позднеирменском производстве [Чича..., 2009, с. 228; Кобелева, Дураков, 2016, с. 308], так и в более древние времена в самусьском и кротовском [Дураков, Кобелева, 2017, с. 23].

Применявшийся в литейной мастерской поселения Каргат-4 метод формовки по происхождению связан с западными или юго-западными территория-

ми. Например, на территории Северного Казахстана он использовался в раннескифское время мастерами поселения Новошуйбинское [Ермолаева и др., 1998, с. 41–42, рис. 1, 2, 3]. В Приишимье такой же производственный прием получил отражение в материалах журавлевского комплекса на городище Борки-1 [Зах и др., 2015, с. 12]. Известен он и в Зауралье на памятниках иткульской культуры. Глиняные формы иткульских бронзолитейных мастерских имеют неровную, волнистую линию соединения створок и следы расчесов деревянного шпателя [Бельтикова, 1993, с. 70]. Причем на территории Северного Казахстана и Зауралья такая формовка использовалась в эпоху поздней бронзы носителями, например, берликовской и красноозерской культур.

Рассматриваемый метод формовки появился в Центральной Барабе только в переходное от бронзового к железному веку время, о чем свидетельствуют берликовские и красноозерские материалы [Чича..., 2009, с. 229]. Обращает на себя внимание и способ обработки мастерами поселения Каргат-4 внешней поверхности литейных форм и некоторых тиглей жидкой глиной по подсушенной поверхности. Он обнаруживает сходство со способом «ошершавливания» берликовской керамики.

Тигли. Найдены обломки трех изделий. Первый представляет круглую толстостенную чашечку (рис. 6, 2). Сохранилась только часть ошлакованной стенки толщиной 2,5 см. Венчик округлый, его внутренняя часть сильно ошлакована. Внешняя поверхность покрыта слоем жидкой глиняной обмазки, нанесенной при помощи щепы. Реконструируемый диаметр сосуда в зоне венчика 10 см. Объем чашечки не менее 100 см³. Тигель изготовлен из глины с добавлением небольшого количества органической примеси. Песок, содержание которого в керамическом тесте невелико, является, скорее всего, естественной примесью в глине.

От второго тигля сохранился также только фрагмент (рис. 6, 1). Внутренняя часть сильно оплавлена, имеет включения капель металла. Толщина стенок 1,5 см. Реконструируемый диаметр 9,0–9,5 см. Полезный объем не менее 75–80 см³. По составу керамического теста второй тигель разительно отличается от первого. Изготовлен из глины с добавлением большого количества песка. Использование такого состава можно объяснить стремлением получить термостойкий материал и предотвратить разрушение тигля при перегреве.

Третий тигель реконструируется полностью (рис. 6, 3). Он представляет собой круглодонную чашечку диаметром 7,5 см. Толщина его стенок 0,5 см. Реконструируемый полезный объем 75–77 см³. Тигель изготовлен из глины с искусственным добавлением песка. Тонкостенные тигли не характерны для

Рис. 6. Литейное оборудование производственного участка жилища № 2.

1–3 – фрагменты тиглей, 4 – фрагмент керамического сопла.

большереченского металлообрабатывающего производства, однако они встречаются в саргатской бронзолитейной мастерской поселения Омь-1 [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 61–62]. С учетом нахождения в жилище № 1 поселения Каргат-4 саргатской керамики [Полосьмак, 1987, с. 101–102, рис. 79; Молодин, Новиков, Софеев, 2000, с. 175] можно предположить, что местные мастера были знакомы с литейными традициями носителей саргатской культуры.

Сопло. Представлено небольшим обломком керамической трубки (рис. 6, 4). Длина сохранившейся части 1,9 см. Толщина стенок колеблется в пределах 0,3–0,5 см. Реконструируемый диаметр сопла 2,6 см. Диаметр канала для нагнетания воздуха 1,6–1,7 см. Сопло сделано на шаблоне из одного куска глины. Судя по следам сильного термического воздействия, изделие прокалилось до красно-кирпичного цвета.

Следует отметить, что вся техническая керамика мастерской (формы, тигли, сопло) изготавливалась из формовочных масс специального состава, не использовавшихся для получения бытовой посуды.

К комплексу производственного инвентаря бронзолитейного участка относятся три каменных *точила*. Первый – наиболее крупный абразив – представляет собой плитку сланца со следами абразивного воздействия (см. рис. 3, 1). На одной стороне имеются следы слабой забитости: видимо, изделие эпизодически служило наковаленкой. Длина плитки 9,5 см, ширина 5,4 см, толщина 0,9–1,5 см. Второе точило изготовлено также из сланца, имеет трапециевидную форму (см. рис. 3, 2). Длина трапеции по средней линии 5 см, ширина 6,3–4,0 см, толщина 0,5–0,9 см. На всех плоскостях прослеживаются следы сработанности. Третье точило изготовлено из фрагмента каменного проушного молота (см. рис. 3, 3). Его длина 8,7 см, максимальная ширина 3 см.

Заключение

Поселение Каргат-4 является, несомненно, одним из центров бронзолитейного производства раннего железного века Западной Сибири. Следы литейной деятельности на большереченских памятниках концентрируются только в некоторых жилищах или на участках межжилищного пространства. Это за-

фиксировано в Барабинской лесостепи на поселении Каргат-4, а также в Приобье на поселениях Ордынское-9, Милованово-3А и Ближние Елбаны XII. Видимо, такое распределение находок отражает специализацию и индивидуально-семейную организацию производства.

Из основного коллектива общины могла выделиться связанная родственными отношениями группа, специализировавшаяся на изготовлении металла. В силу специфики производства она существовала обособленно, но была включена в постоянные экономические связи не только с жителями поселка, но и с соседними коллективами, в т.ч. носителями саргатской культуры.

Материалы выявленного бронзолитейного комплекса подтверждают предположение о специализированном характере производства. На это указывают большое количество форм, предназначенных для отливки однотипных изделий (кельтов); применение объемных тиглей (75–100 см³), использование специализированных инструментов (кузнечных клещей, формовочных моделей), стабильный рецепт формовочных масс.

Прослеженная на поселении Каргат-4 технология формовки тяготеет к производственным традициям культур Северного Казахстана и Зауралья. В Центральную Барabu она была привнесена, скорее всего, с территории расселения носителей большереченской культуры. В результате, как минимум в начальный период этой экспансии, на территории Обь-Иртышского междуречья сосуществовали две бронзолитейные традиции, различавшиеся по способу изготовления

литейных форм. Одна – автохтонная – предполагала формовку по модели на модельной плите. Другая – привнесенная с сопредельных территорий – была ориентирована на получение форм по модели без модельной плиты с последующим скреплением створок обмазкой с внешней стороны.

Список литературы

- Бельтикова Г.В.** Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы уральско-сибирской археологии. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1986. – С. 63–79.
- Бельтикова Г.В.** Литейные формы иткульского очага металлургии (VII–III вв. до н.э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 38–75.
- Гришин Ю.С.** Древняя добыча меди и олова. – М.: Наука, 1980. – 186 с.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 163 с. – (МИА; № 48).
- Дураков И.А., Кобелева Л.С.** Техническая керамика кротовской культуры Центральной Барабы // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2017. – № 49. – С. 23–25.
- Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М.** Поселение древних металлургов VIII–VII вв. до н.э. на семипалатинском правобережье Иртыша // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы: Гылым, 1998. – Вып. 2. – С. 39–46.
- Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М.** Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Пришимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 2 (29). – С. 4–14.
- Кобелева Л.С., Дураков И.А.** Литейные формы позднерименской культуры // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 307–310.
- Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Демахина М.С.** Комплексные исследования городища Сергино-2 на реке Оми // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 267–271.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В.** Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-производ. центр по сохр. историко-культурного наследия, 2000. – 224 с.
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А.** Производственная площадка поселения Березовый Остров-1 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 56–68.
- Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А.** Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.
- Полосьмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.
- Троицкая Т.Н.** Явление травестизма в скифо-сибирском мире // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 59–63.
- Троицкая Т.Н.** Новое жилище раннего железного века Верхнего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2005. – № 5. – С. 64–66.
- Троицкая Т.Н., Бородавский А.П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
- Троицкая Т.Н., Дураков И.А.** Бронзолитейное производство в Новосибирском Приобье в V–IV вв. до н.э. (по материалам поселений) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1999. – С. 131–139.
- Чиндина Л.А.** Загадки Хроноса и Кикиморы // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2000. – Ч. 2. – С. 268–274.
- Чича** – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцигер, С.К. Кривоногов, А.Ю. Казанский, М.А. Чемякина, Г.Г. Матасова, А.Н. Василевский, А.С. Овчаренко, А.Е. Гришин, Н.В. Ермакова, М.И. Дергачева, И.Н. Феденева, О.А. Некрасова, Л.Н. Мыльникова, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева, А.В. Зубова, Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков, А.С. Пилипенко, А.Г. Ромашенко, И.В. Куликов, В.Ф. Кобзев, О.И. Новикова, С.К. Васильев, Й. Шнеевайсс, К. Приват, В.В. Болдырев, В.А. Дребушак, Т.Н. Дребушак, Е.И. Деревянко, А.П. Бородавский, Д. Боурнарит, И. Рейхе, С.В. Кузьминых, Ж.В. Марченко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 248 с.

Материал поступил в редколлегию 24.05.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.055-067
УДК 903.43

А.Я. Труфанов¹, Л.Н. Мыльникова²

¹Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ – Наследие» ул. Токарей, 24А, оф. 9–22, Екатеринбург, 620028, Россия
E-mail: trufanov_alex@rambler.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: l.mylnikova@yandex.ru

Сибирское I – памятник позднеирменской культуры в степном Прииртышье

В статье рассматриваются результаты анализа материалов поселения Сибирское I, расположенного в степном Прииртышье. Приводится информация об истории исследования памятника. Представлена подробная характеристика керамического материала, включающего скопления фрагментов и фрагменты 44 сосудов. Определяются рецепты формовочных масс, сырье и добавки в тесто. Отмечено, что гончары использовали качественное для лесостепи Западной Сибири сырье монтмориллонит-гидролюдитового состава. Минеральная добавка в виде шамота, песка и органика позволяли вести обжиг изделий без трещин и явного брака. Описаны способы формовки посуды. На основе соотношения пропорций выделены группы форм сосудов; рассматривается их орнаментация. В орнаменте сочетаются мотивы, присущие позднеирменской культуре, и элементы, специфичные для ирменской и красноозерской культур. Указываются аналогии в посуде памятников Сибирское I, Омь-I, Чича-I. Отмечено использование в быту привозной посуды. По результатам анализа планиграфии объектов и характеру распределения керамического комплекса памятник атрибутируется как культовое место. Керамическая коллекция и культовое место в целом отнесены к позднеирменской культуре переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Сибирское I – самый западный памятник этой культуры и первый из круга этих памятников, открытых на Иртыше. Дата определена по аналогии с изученными и датированными комплексами: IX–VIII (VII) вв. до н.э.

Ключевые слова: культовое место, переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку, керамика, степное Прииртышье.

A.Y. Trufanov¹ and L.N. Mylnikova²

¹Research and Analytical Center of Cultural and Natural Heritage Preservation Problems (“AV KOM – Heritage”),

Tokarey 24A, off. 9–22, Yekaterinburg, 620028, Russia
E-mail: trufanov_alex@rambler.ru

²Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: l.mylnikova@yandex.ru

Sibirskoye I: a Late Irmen Site in the Irtysh Steppe

This article describes the findings at Sibirskoye I, a Late Bronze to Early Iron Age site in the steppe part of the Irtysh basin. The history of excavations is outlined. A detailed description of ceramics, including shard accumulations and fragments of 44 vessels, is provided. We analyze paste composition, provenance of clay, and temper. The principal raw material was high-quality western Siberian montmorillonite and hydromicaceous clay. The temper, preventing cracks and waste, consisted of grog, sand, and organic matter. Shaping techniques are described. On the basis of proportions, groups of vessels are established, and their decoration is

analyzed. Decorative motifs combine those typical of the Late Irmen pottery and those marking the Irmen and Krasnozerskoye cultures. The Sibirskoye I ceramics are paralleled by those from Om-1 and Chicha-1. Certain categories of ware are imported. The planigraphy and the distribution of ceramics suggest that this was a ritual site. The ceramics and the site as a whole were associated with the Late Irmen culture, dating to the transitional stage from the Late Bronze to the Early Iron Age. Sibirskoye I is the westernmost Irmen site—the first one discovered on the Irtysh. Judging from parallels with sites having a reliable chronology, we date it to 900–700/600 BC.

Keywords: Ritual site, Late Bronze — Early Iron Age transition, ceramics, Irtysh steppe.

Введение

Памятник Сибирское I открыт в Нововаршавском р-не Омской обл. в 1,4 км к ССЗ от пос. Сибирское (в 5,5 км

к ЮВ от д. Богдановка) (рис. 1, 1). Эта территория относится к подзоне северной степи. Основная водная артерия региона – р. Иртыш. Коренная терраса левого берега Иртыша отстоит от современного рус-

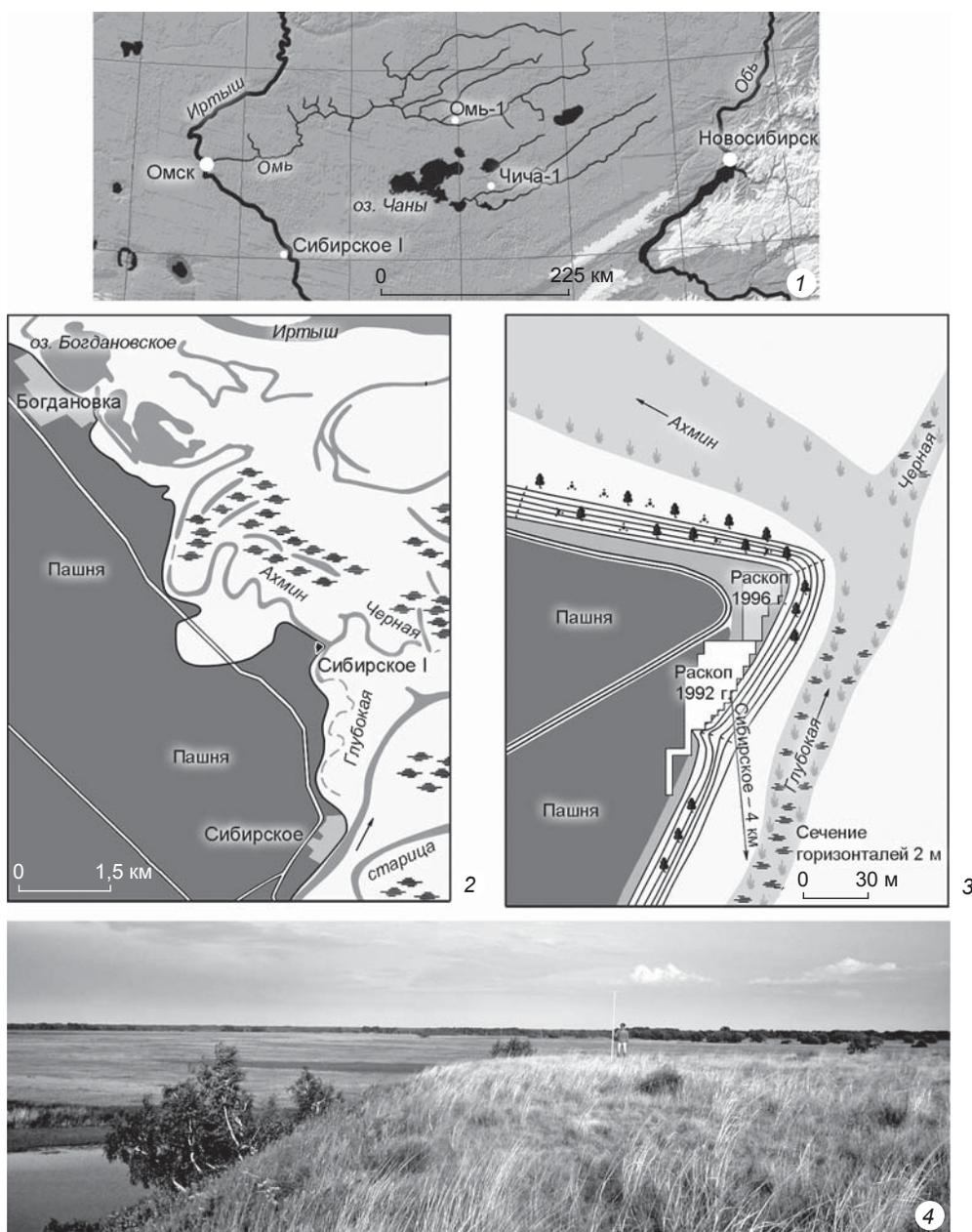

Рис. 1. Карта расположения памятника Сибирское I (1), карта-схема местности (2), план памятника (3), вид на памятник с 3 (4).

ла на 2–6 км, образуя заболоченную пойму, которая изобилует протоками, старицами и заторфовывающимися озерами старичного происхождения. Грунты в основном глинистые и суглинистые [Большаник, Игенбаева, 2006].

Памятник был обнаружен в 1975 г. В.Т. Петриным и получил название «Поселение Сибирское I» [Петрин, 1975], в 1983 г. обследован С.В. Сотниковой. Ими созданы глазомерные планы, выполнена фотофиксация и собран подъемный материал. В.Т. Петрин заложил шурф. Среди сборов С.В. Сотниковой выделяется бронзовый нож [Сотникова, 1983]. Памятник датирован эпохой развитой – поздней бронзы. В соответствии с программой паспортизации памятников археологии Омской обл. в 1991 г. на поселении Сибирское I А.Я. Труфановым проведена ревизия [1991]. Он составил инструментальный план (рис. 1, 2, 3) и произвел аварийно-спасательные раскопки могильника Сибирское VI, обнаруженного к югу от поселения. В мог. № 1 Сибирское VI выявлены скелеты трех человек, захороненных в андроновское время (конец III – начало II тыс. до н.э.). В нее не ранее VIII–VII вв. до н.э. была впущена мог. № 2. В 1992 г. А.Я. Труфанов закончил исследование могильника, а в 1996 г. провел раскопки памятника Сибирское I [Труфанов, 1992, 1996].

Поселение расположено на краю первой надпойменной террасы левого берега Иртыша. Терраса в этом месте, меняя северо-восточное направление на запад-северо-западное, образует остроугольный мыс. Ее высота 12 м. Склоны террасы хорошо задернованы, поросли кустарником и одиночными березами. Вдоль края террасы проходит полевая дорога, а у ее подножия сливаются три старицы – протоки Глубокая, Чёрная и Ахмин (рис. 1, 3, 4). Основная часть мыса до недавнего времени распахивалась, остальная (слабо задернованная) подвергается значительной ветровой эрозии, характерной для степных районов Западной Сибири.

В ходе работ 1992 и 1996 гг. были вскрыты отложения на площади 1 510 м². Выяснилось, что на территории мыса и к Ю от него расположен достаточно сложный комплекс разновременных памятников: поселение Сибирское I (рис. 2, 1), культурная принадлежность которого до начала работ 1996 г. оставалась не ясной; могильник Сибирское VI, предварительно датированный развитым бронзовым – ранним железным веком; погребальный комплекс «курган»* I начала раннего железного века; три расположенные в ряд ямы, содержавшие фрагменты керамики алакульской культуры.

*При явных признаках кургана (ровики, могила в центре погребального пространства) у объекта отсутствовала насыпь.

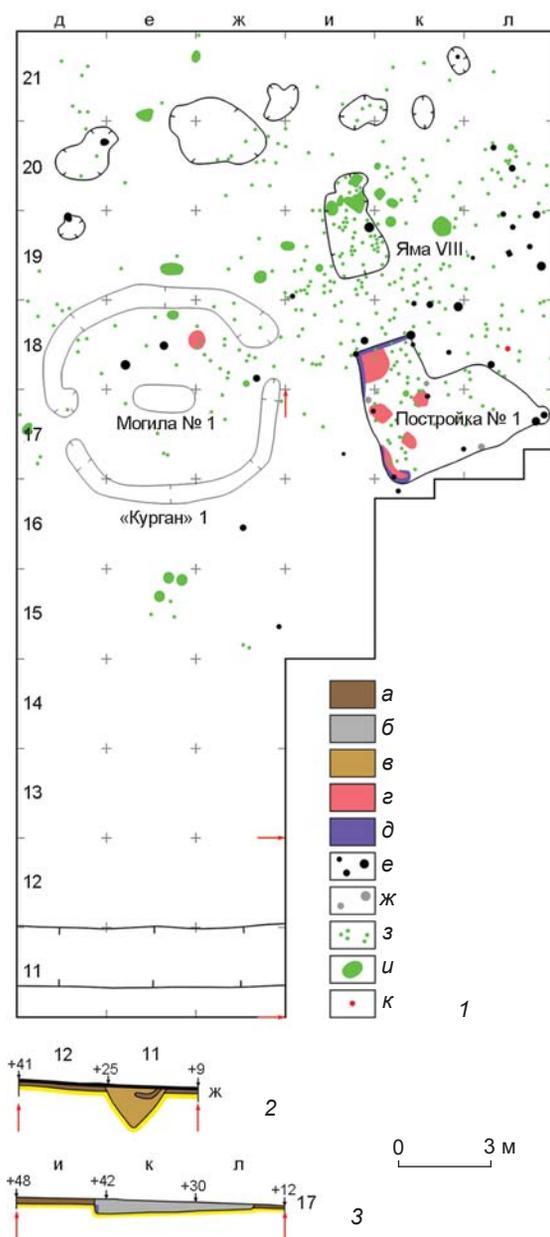

Рис. 2. Северная часть раскопа памятника Сибирское I. 1 – план раскопа: а – серо-коричневый суглинок; б – темно-серый суглинок; в – серо-желтый суглинок; г – провал; д – уголь; е – столбовые ямки; ж – столбовые ямки, не углубленные в материк; з – фрагменты керамики; и – скопления керамики; к – глиняная скульптурка; 2 – разрез рва по восточной стенке (по линии С – Ю); 3 – разрез постройки № 1 по линии 3 – В.

Объекты поселения

Поселение Сибирское I раскопано на площади ок. 340 м². Данные планиграфии позволяют предполагать, что изучена большая часть памятника (см. рис. 1, 2). В результате исследования были выявлены остатки углубленной постройки № 1, 9 относительно крупных ям разных размеров и configura-

ции и 24 столбовые ямки, не имеющие отношения к конструкции постройки № 1.

Постройка № 1 (см. рис. 2, 3). Располагалась в северо-восточном углу раскопа. Котлован имел трапециевидную форму; его максимальные размеры $2,85 \times 5,80$ м, площадь $17,5$ м². В качестве выхода интерпретирован выступ в северо-западной части, являвшийся продолжением западной стенки раскопа. Ширина выхода $1,9$ – $2,4$ м, длина ок. $1,7$ м. Максимальные размеры жилища с учетом предполагаемого выхода $4,7 \times 5,8$ м. Глубина котлована колебалась от $0,05$ до $0,40$ м, ее максимальные значения установлены у западной стенки жилища, минимальные – у восточной. Основное заполнение котлована – темно-серый гумус. Вдоль северо-западного и юго-западного углов фиксировались черные углистые полосы шириной от $0,1$ до $0,2$ м (см. рис. 2, 2). В западной половине котлована прослеживались пятна прокаленной почвы оранжевого цвета толщиной до $0,30$ – $0,35$ м. Повсеместно встречались крупные примазки угля. Характер слоя в котловане позволяет предполагать, что постройка прекратила функционировать в результате пожара.

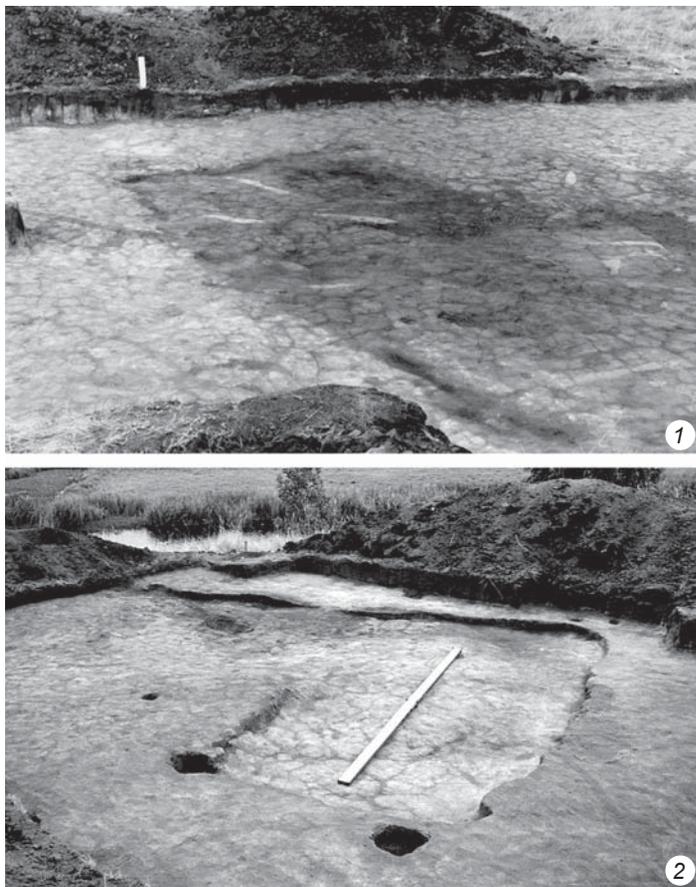

Рис. 3. Постройка № 1.

1 – до выборки заполнения, вид с ЮЗ; 2 – котлован постройки № 1 после выборки заполнения, вид с СЗ.

При выборке заполнения котлована найдены 43 фрагмента керамики, 11 костей животных, 3 камня. Находки концентрировались в западной части, в т.ч. на выходе.

Ямы на территории постройки № 1. После выборки заполнения и зачистки материка (см. рис. 2, 1) на площади постройки и в непосредственной близости от нее были изучены 15 столбовых ям диаметром от $0,10$ до $0,28$ м. Их глубина колебалась от $0,03$ до $0,33$ м, в среднем составляла $0,17$ м. Ямы находились по углам и вдоль стенок котлована, причем в углу, как правило, – пара ямок. Последняя особенность позволяет предполагать каркасно-столбовую конструкцию стен постройки.

Восемь ям, образуя извилистую цепочку, располагались в северной части раскопа. Лишь одна, практически не углубленная в материк, находилась к Ю от «кургана» 1, маркируя южную границу поселения. В центре памятника обнаружена яма VIII, ориентированная по линии ЮЮВ – ССЗ, размерами $1,9 \times 3,5$ м, глубиной до $0,12$ м. Три ямы в северной части имели подовальную форму, остальные были неправильных очертаний. Минимальные размеры ям составляли $0,65 \times 0,95$ м, максимальные $2,3 \times 3,4$ – $3,5$ м. Все ямы неглубокие, глубина лишь двух превышала $0,10$ м, остальных – в среднем $0,05$ м.

Ямы за пределами постройки № 1 (24 ед.). Концентрировались в восточной части раскопа близ кромки террасы. В южной части памятника отмечены лишь две одиночные ямки. Четыре столбовые (?) ямы, по-видимому, следы каких-то конструкций, находились на площади больших ям. Три ямки, зафиксированные на территории «кургана» 1, вероятнее всего, не имеют отношения к погребальному комплексу. Они содержали фрагменты керамики (в т.ч. скопления) и включены в общую планиграфию объектов и находок поселения. Несомненно, что при сооружении погребального комплекса какая-то часть объектов поздней бронзы была разрушена; об этом свидетельствуют керамические предметы в заполнении ровика кург. 1. Большая часть ямок округлой в плане формы, две – овальные, одна – с четкими прямоугольными очертаниями. Глубина их колебалась от $0,08$ до $0,35$ м. При этом глубина ямок, находившихся внутри больших ям, была заметно меньше – менее $0,10$ м, тогда как глубина остальных 20 ямок составляла в среднем более $0,17$ м.

Стратиграфия раскопа: дерн как отдельный слой практически отсутствовал, что связано с постоянной ветровой эрозией. Культурный слой на памятнике представлен плотным

серо-коричневым суглинком, толщина которого в среднем 0,2–0,3 м, на некоторых участках не достигала 0,15 м. Подстилающий слой – плотный желтый суглинок (см. рис. 2, 2, 3).

Керамический комплекс памятника

Планиграфия керамики определена по данным индивидуальной фиксации находок. За пределами постройки № 1 максимальная концентрация отдельных фрагментов зафиксирована в центральной и восточной частях раскопа. Она совпадает с локализацией скоплений керамики, в которых находилось большинство реконструированных в ходе камеральной обработки сосудов. Подчеркнем, что были реставрированы только стенки сосудов, нередко с днищами. Максимальная концентрация скоплений наблюдалась над ямой VIII и около нее (см. рис. 2, 1). Вне скоплений находились отдельные фрагменты.

Керамический комплекс памятника Сибирское I насчитывает 44 сосуда*. Из них 7 реконструированы полностью, 18 – частично (до максимального расширения тулова); остальные были представлены венчиками (некоторые с частью плечика) (рис. 4–9). Керамика была изучена при помощи бинокулярной микроскопии [Бобринский, 1978]. Материал разделен на группы по рецептам формовочных масс. Пять образцов подвергнуты петрографическому анализу.

Основу формовочных масс керамики поселения Сибирское I составляли суглинки с 13–18%-й примесью пылеватых и мелкоалевритовых частиц преимущественно кварцевого состава. Глинистая часть состоит из смешанно-слоистых образований: гидрослюда с примесью монтмориллонита или (единично) хлорита. Структура цемента алевропелитовая.

Определены следующие рецепты формовочных масс: Глина + Шамот; Глина + Шамот + Песок; Глина + Шамот + Песок + Органика (следы органики); Глина + Шамот + Органика. Шамот представлен обломками темно-бурого, бурого, рыжевато-бурого, черного цвета, широкотаблитчатой, таблитчатой, неправильной, удлинненно клиновидной формы. Размер обломков 0,2–2,2 мм; их содержание в образцах 3–18 %, в основном – 12–15 %. Почти во всех исследованных образцах отмечено наличие шамота в шамоте. Состав цемента (глинистой основы) шамота в этом случае аналогичен исходному образцу. Зафиксиро-

*Количество сосудов определено по фрагментам, включающим верхнюю часть. При подсчете фрагментов тулова и дна значение этого показателя может увеличиться, но степень его достоверности будет ниже.

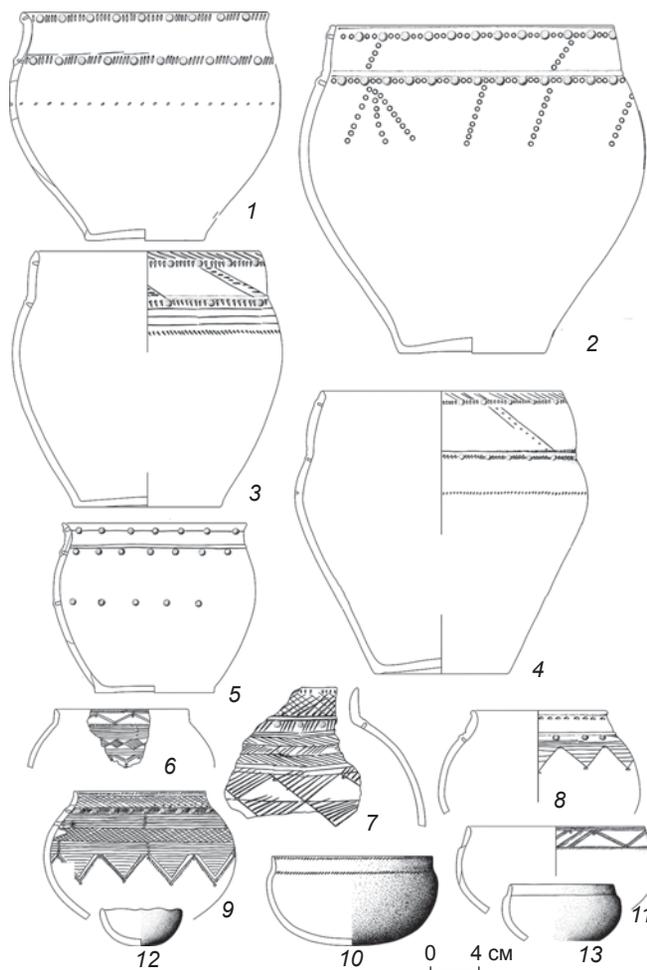

Рис. 4. Керамика с памятника Сибирское I. 1–5 – группа I, подгруппа 1; 6–9 – группа I, подгруппа 2; 10–13 – группа II.

ваны рецепты формовочных масс шамота в шамоте: Глина + Шамот + Песок, Глина + Песок.

Песок занимает 15–32 % площади шлифа (преобладает 15–18 %). Размеры песчинок 0,05–0,6 мм – от очень мелких до крупных, т.е. они не отсортированы, распределены по шлифу слабо гнездовидно. Песчинки полуугловатые, угловатые, полуокатанные. В их составе преобладает кварц, меньше полевых шпатов, реже фиксируются микрокварциты, обломки основной массы кислых эффузивов, глинистые, хлоритизированные; единично встречаются обломки слюды, эпидота, роговой обманки*.

Таким образом, можно предположить, что гончары использовали довольно качественное для лесостепи Западной Сибири сырье монтмориллонит-гидрослюдистого состава, для которого характерны хорошая формуемость, пластичность; его содержание в формовочных массах 60–70 %. Минеральная добав-

*Петрографические определения выполнены петрографом И.Ю. Вильковской.

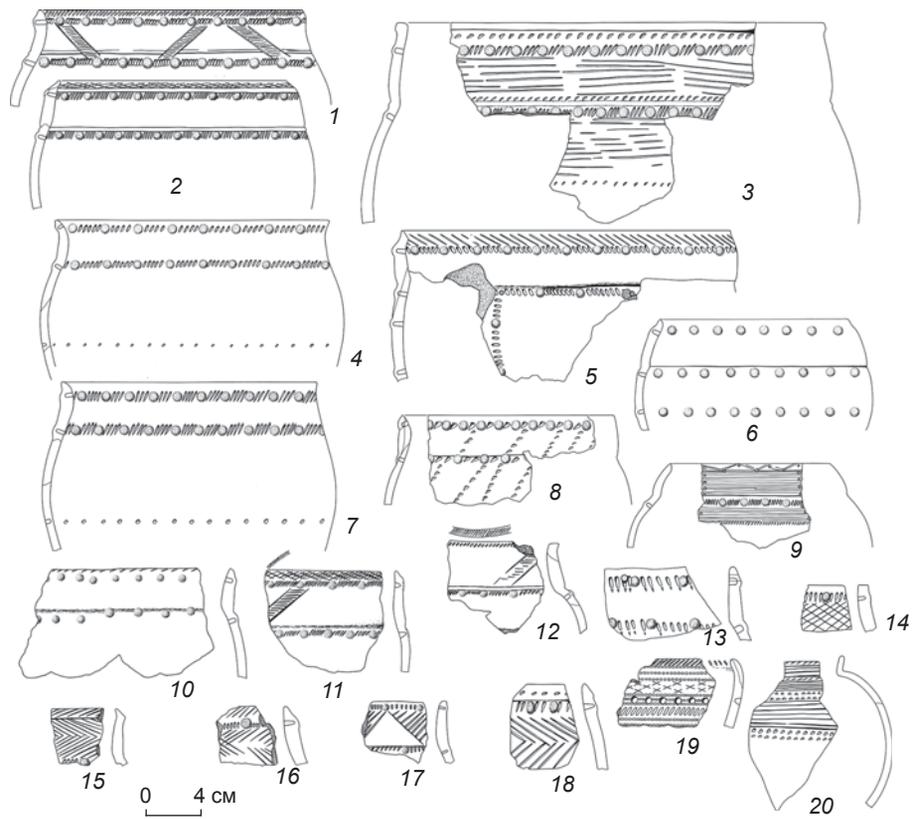

Рис. 5. Керамика с памятника Сибирское I.
1–8, 10–19 – группа I, подгруппа 1; 9, 20 – группа I, подгруппа 2.

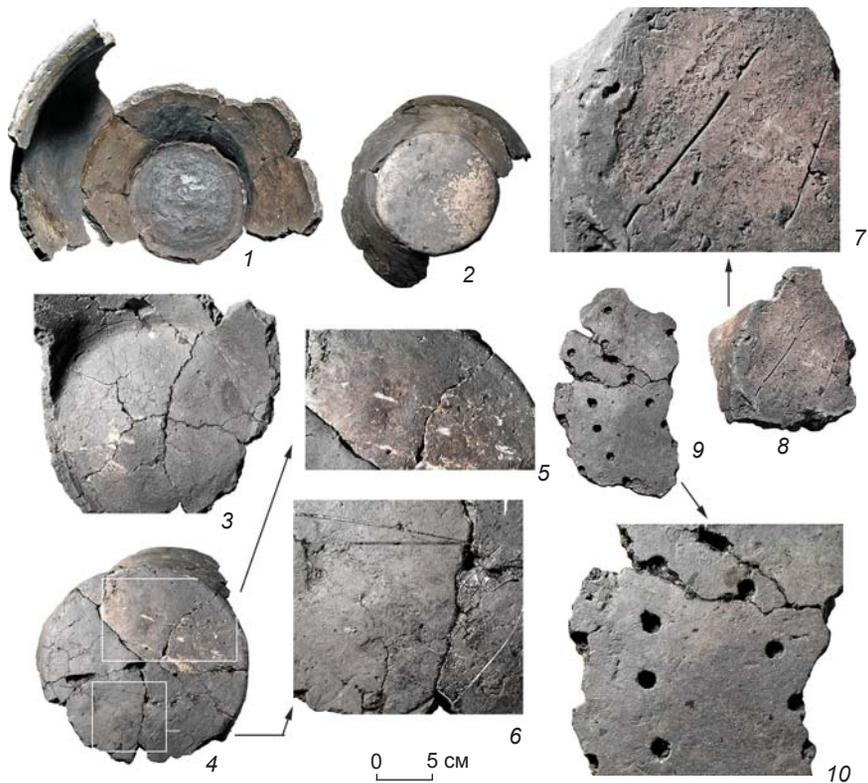

Рис. 6. Донца сосудов с памятника Сибирское I.

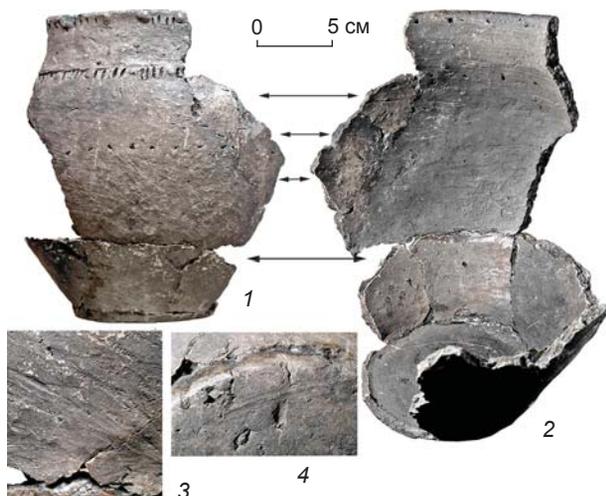

Рис. 7. Керамика с памятника Сибирское I.

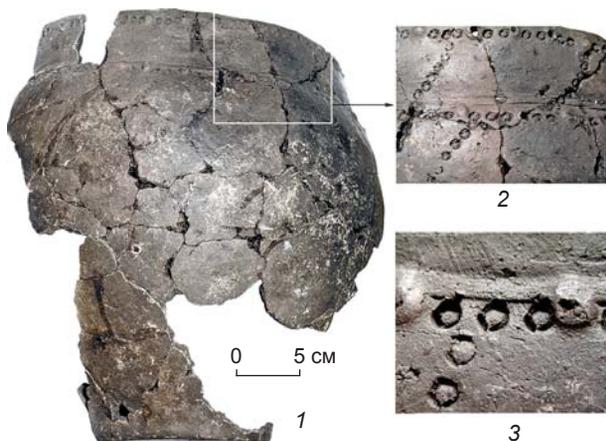

Рис. 8. Керамика с памятника Сибирское I.

ка – 30–40 % – позволяла провести обжиг изделий из сырья, чувствительного к сушке и обжигу с проявлениями растрескивания [Гидроослюдястый минерал, с. 21], без трещин и явного брака. Качество теста улучшала также органика, зафиксированная в 72 % изученных образцов.

Исследование изломов сосудов показало, что сосуды, обломки которых использовались в качестве добавок, были изготовлены по тем же традициям составления формовочных масс, что и более поздняя посуда, для формовочных масс которой они послужили сырьем. Однако тесто части изделий содержит шамот. Он изготовлен на основе обломков предметов, для формовочной массы которых определен не характерный для данного памятника рецепт (Глина + Песок). Это позволяет предполагать использование в быту «чужой» посуды, фрагменты которой после ее поломки послужили для создания своей новой. Кроме того, отсутствие на памятнике посуды с рецептом формо-

вочной массы Глина + Песок означает, что сосуды, изготовленные с добавлением шамота с таким рецептом, являются не местными (привозными).

Формовка изделий производилась на основе донного начина (см. рис. 6–8). Дно-лепешка либо навивалось из жгута, либо выдавливалось из одного комка глины. Выделены два способа соединения дна и нижней части сосуда:

1) лента ставилась на дно. Изнутри шов примазывался при помощи лопатки с округлой рабочей частью или пальцем мастера. Изнутри сосуда по периметру дна фиксируется канавка с округлым ложем диаметром 0,5–1,0 см или ровный плавный угол (см. рис. 6, 1, 2, 7–10; 7, 2, 4);

2) нижняя лента приставлялась к дну-лепешке (см. рис. 6, 3–6). У рассматриваемых сосудов, в отличие от изделий других комплексов этого времени [Мильникова, 2015а, б; Чича..., 2009; Папин, Шамшин, 2005], угол отгиба тулова от дна разный.

Тулово сосуда изготавливали ленточным способом. Ленты шириной 2,5–3,5 см соединялись между собой внахлест (см. рис. 7, 1, 2; 8, 1). Горловина создавалась из одной ленты и соединялась с туловом встык.

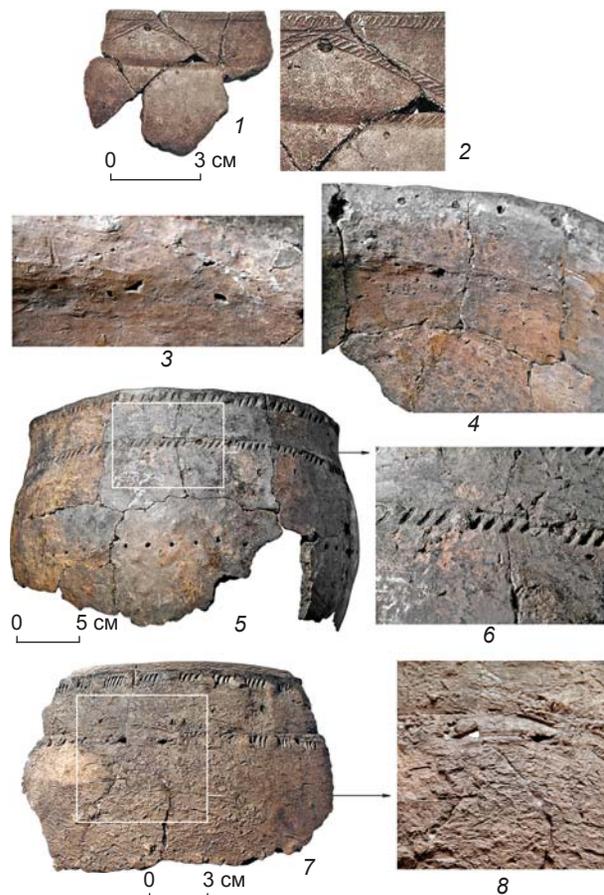

Рис. 9. Керамика с памятника Сибирское I.

Таким способом сделаны горловины всех зафиксированных форм (см. рис. 4, 5).

Уже в процессе формовки изделию придавалась определенная форма. Поверхность изготовленного сосуда обрабатывалась с обеих сторон. Зафиксированы несколько способов такой обработки: а) твердым орудием (щепа?, деревянный нож) – на поверхности остаются горизонтальные узкие длинные, сгруппированные канавки (см. рис. 6, 7, 8; 7, 8); б) руками гончара – на обеих поверхностях сосудов видны отпечатки папиллярных линий; в) твердым лощилом – имеются следы в виде длинных однонаправленных, чаще всего горизонтальных канавок шириной 0,2–0,4 см, с неглубоким ложем (см. рис. 7, 1). Чистовая обработка наружной поверхности сосуда производилась руками (кожей?) (см. рис. 9, 1, 2). Как правило, лощению подвергался срез венчика снаружи, часто – внутренняя поверхность изделий (см. рис. 8, 1, 2), редко – дно (см. рис. 6, 2). Если лощили обе поверхности изделия (см. рис. 9, 3–6), то использовали только один прием лощения. Наружная поверхность дна по периметру обрабатывалась с помощью круговых движений. В центре дна производились лишь двусторонние движения: вправо–влево. В 16,6 % сосудов орнамент наносился до лощения: на некоторых образцах фиксируется «сдвинутость» элементов. Некоторые изделия имеют специально «состаренную», «храповатую» (термин использовали: [Генинг, Стефанов, 1993; Членова, 1997]) поверхность, с неровностями, задирами, шероховатостями, комочками глины (см. рис. 9, 7, 8).

Коллекция керамики памятника немногочисленна, и в ней отсутствуют полные образцы, однако можно предполагать, что ее большую часть составляют плоскодонные сосуды, все исследованные формы – горшковидные. В коллекции представлены горловины двух размерных рангов: низкие и средние. У изделий большинства памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку горловину каждого сосуда можно выделять в отдельный тип, поскольку при видимом сходстве они индивидуальны: расширяющиеся кверху (см. рис. 4, 1, 5; 5, 4, 7), прямые, выгнутые «молчановские» (см. рис. 4, 2–4; 5, 3, 5, 8, 9), сужающиеся кверху (см. рис. 4, 4; 5, 6, 9) и сложные (прямые с загнутым внутрь венчиком, наружный край которого образует площадку) (см. рис. 5, 5, 7, 8, 10, 11, 15, 16). Иногда форма горловины определялась подлепом дополнительной порции глины изнутри горловины (в этом случае горловина имела утолщение в центральной части) или снаружи (горловина отделялась от тулова «уступчиком») (см. рис. 5, 8, 10, 12).

Все сосуды, представленные горшковидными формами (кроме плоской (см. рис. 4, 12), исключенной из дальнейших расчетов), можно разделить на две группы.

Группа I (90,9 %). Сосуды крупных и средних размеров, равновеликие по пропорциям (ФА* 0,85–0,99) (подсчеты произведены по методике В.Ф. Генинга [1973]). По показателю ширины горла все они относятся к широкогорлым. Однако внутри этой размерной категории (ФВ 0,66–1,00) отчетливо выделяются две подгруппы.

Подгруппа 1 (85,0 %) (см. рис. 4, 1–5; 5, 1–8, 10–19). Посуда с показателем ФВ в интервале 0,78–0,94. В данной коллекции это максимально широкогорлые сосуды. Показатель ФВ большинства сосудов в пределах 0,82–0,86. У пяти горшков сохранилось плоское дно. По показателю ширины днища все они определяются как широкодонные. У трех сосудов ФИ в пределах 0,45–0,52 (см. рис. 4, 1, 2, 4), у двух – с более широкими донцами – ФИ 0,39–0,40 (см. рис. 4, 3, 5). Как отмечено выше, морфология горловин разнообразна. В большинстве случаев горловина четко отделена от плечика и визуальным образом определяется как высокая**. Вариативна и форма венчиков: приостренная, округлая, реже – прямая. Край венчика может быть выгнут наружу, скошен наружу или внутрь, иметь наплыв на внешней стороне и т.д.

По размерам посуда этой подгруппы неоднородна. По показателю диаметра по венчику изделия можно разделить на три группы: первая – 14,0–16,0, вторая – 17,5–21,0, третья – 25,0–33,0 см. Отметим безусловное доминирование сосудов второй размерной группы (ок. 70 %). Толщина стенок тулова слабо зависит от размера сосуда и составляет 6–8 мм. При этом у многих сосудов толщина стенок горловины превышает толщину стенок тулова на 1–3 мм. У таких изделий на горловинах, отогнутых наружу, наблюдается утолщение в нижней части, характерное для позднерименской морфологической традиции (см. рис. 4, 8; 5, 7, 8, 10, 12).

Подгруппа 2 (15,0 %) (см. рис. 4, 6–9; 5, 9, 20). Посуда с показателем ФВ 0,65–0,70. Это изделия с заметно суженной горловиной, также достаточно ва-

*ФА – высотный указатель тулова = Н / Д макс.т; ФБ – высотный горловинный указатель = hг / Дв; ФВ – широтно-горловинный указатель = (Дв + Дг) / 2 Д макс.т; ФГ – указатель профилировки шейки = 5(Дв - Дг) / hг; ФД – высотный указатель тулова = (hпл + hпр) / Д макс.т; ФЕ – указатель высоты плечика = hпл / hпр; ФЖ – указатель выпуклости плечика = (Д макс.т - Дг) / 2 hпл; ФИ – указатель ширины днища = (Д макс.т - Дд) / 2hпр [Генинг, 1973]. Дв – диаметр по венчику; Дг – диаметр горловины; Д макс.т – максимальный диаметр тулова; Дд – диаметр дна; Н – высота сосуда; hг – высота горловины; hпл – высота плечика; hпр – высота придонной части.

**Особый интерес вызывают сосуды, у которых контур наклоненной внутрь горловины, независимо от ее формы, приближен к линии плечика. В этом случае форма сосуда близка к закрытой баночной (см. рис. 5, 2, 6, 9).

риативной по форме, в т.ч. укороченной (?). Форма дна неизвестна, но в одном случае она определенно тяготеет к округлой (см. рис. 4, 9). Диаметр по венчику сосудов этой подгруппы составляет 11,5–12,0 см, толщина стенок тулова 5,0–6,0 мм.

У половины сосудов группы I (с сохранившейся горловиной) на внутренней стороне при переходе от шейки к плечу фиксируется ребро, наличие которого явно не зависит от степени профилировки емкости (рис. 4, 3, 7; 5, 3–6, 9, 12, 13). В этой же выборке у 36,7 % горшков на внешней стороне на этом участке прослеживается небольшой формованный валик (см. рис. 4, 2, 5, 7, 8; 5, 1–5, 12).

Группа II (9,1 %). Сосуды с горловиной, призматические (ФА ~ 0,52), широкогорлые, на месте перехода от основания шейки к плечу имеется уступ (см. рис. 4, 11–13). Общая морфология изделий этой группы предполагает наличие округлого/уплощенного дна. Горловина либо вертикальная, либо наклонена внутрь. Диаметр по венчику составляет 9,0–15,5 см, толщина стенок тулова 4,5–7,0 мм.

Орнамент характеризуется сочетанием специфически позднеирменских орнаментальных мотивов с ирменскими и красноозерскими. Степень орнаментированности посуды невысокая. У емкостей группы I, подгруппы 1 разреженный орнамент если и опускается на плечико, то в виде отдельных «строк». Орнамент на сосудах группы I, подгруппы 2 более плотный, узоры доходят до зоны максимальной ширины тулова; на одной емкости опускаются ниже (см. рис. 4, 6, 7, 9). У трех изделий орнаментирован срез венчика (см. рис. 5, 11, 12).

Орнаментальным традициям ирменской культуры соответствуют штрихованные геометрические фигуры, имеющиеся на посуде обеих групп: на 12 сосудах группы I (30,0 %) и на одном сосуде группы II. Геометрические узоры покрывают внешнюю поверхность горловины, реже – плечика. Горловина может быть украшена сеткой, зигзагом или не иметь орнамента (рис. 4, 6–9).

Горловины орнаментированы наклонными штрихованными лентами, идущими параллельно или/и образующими зигзаг (см. рис. 4, 3, 4, 11; 5, 1, 11, 12), и лишь на одном сосуде встречены штрихованные треугольники, обращенные вершиной вниз (см. рис. 5, 17). На тулово штрихованные геометрические узоры опускаются на одном горшке группы I (в виде диагональных лент) и на четырех горшках подгруппы 2 (на трех это треугольники, обращенные вершиной вниз (см. рис. 4, 7–9), на одном – ромбы (см. рис. 4, 6)).

Сетчатые узоры, характерные для ирменской посуды [Молодин, 1985; Матвеев, 1993], встречены на восьми сосудах группы I (20,0 %). Они занимают, как правило, всю поверхность горловины (см. рис. 4,

7, 9; 5, 14), реже – располагаются близ среза венчика (см. рис. 5, 2, 11), что следует воспринимать как позднеирменскую вариацию.

Отметим также наличие т.н. кружковых отпечатков (выполненных полый костью?) на четырех сосудах подгруппы 2 (см. рис. 4, 6, 9, 11; 5, 9), где они подчеркивают углы геометрических фигур и соединяют горизонтальные линии, а также на одном сосуде подгруппы 1 (см. рис. 4, 2).

Орнаментальные традиции красноозерской культуры представлены в виде зон горизонтальных гладкоштампованных отпечатков (см. рис. 5, 3, 9, 20) на четырех сосудах группы I (10,0 %). Такие узоры характерны для посуды позднего этапа красноозерской культуры с городища Инберень VI (Прииртышье) [Абрамова, Стефанов, 1985, рис. 7, 1, 3, 8, 13] и поселения Новотроицкое I (Прииртышье) [Труфанов, 1990, рис. 35–37]. В коллекции имеется и собственно красноозерский фрагмент венчика с крестовым орнаментом (см. рис. 5, 19).

Преобладающая часть посуды оформлена в соответствии с *позднеирменской орнаментальной традицией*, особенности которой были выделены М.П. Грязновым для большеереченского этапа большеереченской культуры [1956] и В.И. Молодиным – для памятников Барабы [1979, с. 111]: двойным рядом «жемчужин» (по горловине и краю венчика), которые разделяли от двух до восьми гладкоштампованных «насечек» (см. рис. 4, 1–4; 5, 1–5, 7, 11). Один ряд «жемчужин» с разрядкой (на шейке) достоверно зафиксирован лишь на шести сосудах (см. рис. 4, 7–9; 5, 9, 12, 15). В отдельных случаях в качестве разделителя выступают оттиски гребенчатого штампа (см. рис. 5, 13), единичные лунки (см. рис. 5, 8), ямки или парные кружковые отпечатки штампа (см. рис. 4, 2). Заметим, что такая орнаментация (жемчужник с разрядкой) встречается только на посуде группы I; она представлена на 67,5 % сосудов. На пяти сосудах имеются только ряды «жемчужин» (см. рис. 4, 5; 5, 6, 10), что характерно для оформления посуды эпохи, предшествовавшей раннему периоду железного века.

Элементом позднеирменской орнаментики являются короткие (реже – длинные) отпечатки косо или прямо поставленного гладкого штампа, которые обрамляют край венчика; они прослежены на 50 % сосудов (см. рис. 4, 3, 4, 6, 7, 9, 11; 5, 1, 3, 5, 10, 12, 20). Возможно, к позднеирменским чертам следует отнести и немногочисленные елочные узоры (см. рис. 4, 7; 5, 16, 18).

При характеристике орнаментации необходимо обратить внимание на крайне редкое использование «гребенки»: встречена только на одном сосуде (см. рис. 5, 13), и на единичные случаи украшения донцев ямками (рис. 6, 9, 10).

Прослежено соответствие формы и орнамента изделий. Орнаменты из двух рядов «жемчужин» с раз-

Рис. 10. Фрагмент зооморфной скульптурки из глины (1) и бронзовый нож (по: [Сотникова, 1983]) (2).

рядкой под венчиком и над шейкой (редко – с еще одним рядом «жемчужин» по тулову) характерны для горшковидных изделий со слабо профилированными плечиками и горловиной средней высоты.

По стилю оформления коллекцию можно разделить на две группы. Одну составляют изделия с геометрическими, сетчатыми узорами, выполненными в ирменской традиции, а также с элементами традиций красноозерской культуры. Эту группу можно назвать орнаментально насыщенной. Другая группа изделий таких узоров не содержит и потому может быть названа крайне обедненной (см., напр., рис. 4, 1, 5, 10, 13; 5, 4, 7, 10, 13).

В целом, коллекция керамики в культурном отношении монолитна. Ее следует определить как позднеирменскую. Почти прямые аналоги отдельным сосудам изучаемой коллекции можно найти в материалах поселенческого комплекса Омь-1 [Мыльникова, Чемякина, 2002] и позднеирменской группы городища Чича-1 [Чича..., 2001, 2004, 2009]. Как и в других коллекциях переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку [Зимина, Мыльникова, 2006; Кайдалов, 2013; Кайдалов, Сечко, 2006; Колонцов, Софеев, 1987; Молодин, 1985; Мыльникова, 2015б; Мыльникова, Папин, Шамшин, 2003; Мыльникова, Чемякина, 2002; Папин, 2002а, б; 2003; Папин, Шамшин, 2005; Троицкая, Мжельская, 2008; Труфанов, 1990; Шерстобитова, 2008; Чича..., 2004, 2009], в коллекции керамики памятника Сибирское I проявляются инокультурные черты: например, изделия имеют следы специфической «состаренной» обработки поверхности, которая характерна для изделий берлигской группы [Молодин, 2008б; Мыльникова, 2015а; Молодин, Мыльникова, Дураков и др., 2009; 2012], хотя на поселении нет сосудов берлигской культуры. Красноозерские черты (включая выпуклую горловину), представленные на 27,5 % сосудов группы I, органично сочетаются с позднеирменскими морфологической спецификой и орнаментикой.

Эта особенность – включение какого-то инокультурного элемента в свою композицию, – характерная для позднеирменской культуры, отмечена на керамике других комплексов, например, городища Чича-1, поселений Омь-1, Линево-1, Мыльниково [Мыльникова, 2015б; Мыльникова, Папин, Шамшин, 2003; Мыльникова, Чемякина, 2002; Папин, 2002а, б; 2003; Папин, Шамшин, 2005; Чича..., 2004, 2009].

Важно отметить, что в 0,9 м к СВ от постройки № 1 был обнаружен фрагмент глиняной зооморфной скульптурки* (рис. 10, 1), характерной для позднеирменских поселенческих комплексов Барабы [Молодин, Чемякина, Парцингер и др., 2003, рис. 2].

Бронзовый нож, найденный в 1983 г. С.В. Сотниковой (рис. 10, 2), определяется как широколезвийный, с оттянутым носиком. Подобные изделия известны на городище Чича-1 [Молодин, Парцингер, Ефремова и др., 2003, рис. 2, 4–6] и на поселении Новотроицкое I [Труфанов, 1990, рис. 66].

Заключение

Начало XXI в. в изучении памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку лесостепной зоны Западной Сибири отмечено увеличением источниковой базы и значительными достижениями в решении проблем, касающихся эпохи поздней бронзы; результаты исследования каждого нового памятника вносят коррективы в представления об истории периода. Важное место в доказательной базе занимают результаты изучения керамических комплексов. Во многом именно наблюдения за характером распределения керамики на раскопе памятника Сибирское I в совокупности с прочими результатами исследований привели автора раскопок – А.Я. Труфанова к мысли о том, что определение памятника как поселения нуждается в корректировке.

Памятник Сибирское I позднеирменской культуры с единственной постройкой (малой площади, слабо углубленной и без очага), 55 находками в заполнении котлована и почти полным отсутствием культурного слоя за его пределами можно считать полностью исследованным. Первоначально малая толщина культурного слоя объяснялась ветровой эрозией, которая характерна для степных районов и является следствием «черных бурь», возникших после распашки целинных земель. Однако выдувание слоя не влияет на количество находок в нем. Их, за исключением скоплений, немного**.

*Вторая фигурка представлена очень маленьким фрагментом.

**Остеологический материал памятника не определен. Он немногочислен, распространен дисперсно. В скоплениях встречены нижние челюсти крупных травоядных животных.

Необычна и планиграфия выявленных объектов. Ямки за пределами постройки № 1, как и крупные ямы в пределах северной части памятника, расположены бессистемно. Все вышеперечисленное позволяет видеть в изучаемом объекте культовое место, в целом аналогичное памятникам, известным на севере Прииртышья [Труфанов, 1983; Потёмкина, Корочкова, Стефанов, 1995]. В этой связи важно отметить, что специализированные культовые объекты, как выяснилось недавно, характерны и для ирменской культуры. Они были выявлены на территории Барабы [Молодин, Ефремова, 2015; Ефремова, Молодин, 2018] и Барнаульского Приобья [Папин, 2000; Папин, Федорук, 2017]. На памятнике Сопка-2 (Барабинская лесостепь) культовый комплекс ирменской культуры находился на территории некрополя. На площадке округлой формы, которую он занимал, были системно организованные столбовые ямы. На территории комплекса обнаружены керамические сосуды [Ефремова, Молодин, 2018; Молодин, Ефремова, 2015, с. 71]. На памятнике Малый Гоньбинский Кордон в Барнаульском Приобье рядом с культовым сооружением 1/3 также находился могильник, керамический комплекс которого [Папин, 2000] близок к материалам поселения Сибирское I. Известен культовый комплекс поздней бронзы пахомовской культуры на могильнике Тартас-1; его керамический комплекс идентичен материалам рассматриваемого поселения [Ефремова, Молодин, 2018; Ефремова и др., 2017; Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012; Молодин, Кобелева, Наглер и др., 2013; Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2014; Селин, 2018]. Городище Чича-1, по мнению В.И. Молодина, появилось в ирменское время также как святилище [Молодин, 2008а, с. 163; Молодин, Парцингер, 2009, с. 72].

До сих пор позднеирменские памятники были известны на территории Барабы, Кулунды и лесостепного Приобья. Сегодня Сибирское I – самый западный памятник такого рода и первый из открытых на Иртыше. В лесостепном Прииртышье развитие ирменской культуры на позднем ее этапе, как и в других регионах, зависело от взаимодействия с носителями инокультурной(ых) традиции(ий) [Молодин, Мильникова, 2011; Мильникова, 2015а, б; Труфанов, 1988]. Самый южный памятник «розановского» варианта ирменской культуры – городище Ачаир V – расположено в 55 км вверх по Иртышу от устья Оми [Полехов, 1995]. Расстояние между ним и поселением Сибирское I составляет ок. 90 км. Памятники поздне-бронзового времени на этом участке неизвестны; где проходила граница между этими двумя родственными культурными образованиями – пока не ясно.

Дата памятника Сибирское I может быть определена приблизительно – по аналогии с хорошо раскопанными и датированными позднеирменскими комплексами, среди которых главное место занимает Чича-1.

С учетом предложенной хронологии позднеирменских комплексов этого памятника [Молодин, 2008а; Молодин, Парцингер, 2009; Шнеевайтс и др., 2018] можно предполагать, что культовое место Сибирское I существовало в IX–VIII (VII) вв. до н.э. Само поселение функционировало в пределах этого периода, по видимому, достаточно короткое время.

В культурном отношении материалы памятника Сибирское I наиболее близки к таковым поселения Омь-1 [Мильникова, 2015а; Мильникова, Чемякина, 2002, рис. 27–31]. Эта близость фиксируется на уровне технологии производства (рецепты формовочных масс, способы изготовления, обработки поверхности), морфологии и орнаментации сосудов. В материалах городища Чича-1 также имеется аналогичная посуда [Чича..., 2009], хотя она не так заметна на фоне морфологического и орнаментального многообразия вариантов изделий.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях»).

Список литературы

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И.** Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–130.
- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Большаник П.В., Игенбаева Н.О.** Эколого-ландшафтное районирование Омского Прииртышья // География и природные ресурсы. – 2006. – № 3. – С. 37–41.
- Генинг В.Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–136.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И.** Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1993. – С. 67–111. – (Вестн. археологии Урала; вып. 22).
- Гидрослюдистый минерал** // Большая энциклопедия нефти и газа. – URL: <https://www.ngpedia.ru/id157078p2.html> (дата обращения: 20.02.2019).
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 163 с. – (МИА; № 48).
- Ефремова Н.С., Молодин В.И.** Разновидности ритуальных памятников на юге Западно-Сибирской равнины (неолит – позднее Средневековье) // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 246–250.

Ефремова Н.С., Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Васильев С.К., Дураков И.А., Селин Д.В. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции и интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 314–317.

Зимина О.Ю., Мыльникова Л.Н. Керамика восточного варианта иткульской культуры (по материалам памятников Юртоборовского археологического микрорайона в Нижнем Притоболье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 4. – С. 96–114.

Кайдалов А.И. Городище Усть-Утяк-1 как источник по изучению культурно-исторических процессов на территории Среднего Притоболья в переходное время от бронзы к железу и эпоху раннего средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2013. – 33 с.

Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Материалы переходного времени от бронзы к железу городища Усть-Утяк-1 (по результатам исследований 2002–2004 гг.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2006. – № 7. – С. 76–84.

Колонцов С.В., Софеев О.В. К вопросу о происхождении «позднеирменских» типов керамики городища Чича // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1987. – С. 110–112.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1993. – 181 с.

Молодин В.И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тез. докл. Всесоюз. археол. конф. – Кемерово, 1979. – С. 110–112.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича (Барабинская лесостепь) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: мат-лы XIV Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск, 2008а. – С. 155–163.

Молодин В.И. К вопросу о выделении берликовской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та; Наука, 2008б. – С. 78–81.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Демахина М.С. Исследование культовых сооружений пахомовской культуры (восточный вариант) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 215–219.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Ритуальный комплекс ирменской культуры: семантические реконструкции (по материалам могильника Сопка-2) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2015. – С. 71–77.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном

памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Северные традиции в керамическом производстве культур переходного от бронзы к железу времени лесостепного пояса Западной Сибири (как показатель миграционных потоков) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 191–200.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Синкретичная керамика городища Чича-1 // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Изд. центр Южно-Урал. гос. ун-та, 2009. – С. 73–78.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Статистико-планиграфическое исследование керамических комплексов базовых памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (юго-восточная зона лесостепной части Западной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3. – С. 38–58.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

Молодин В.И., Парцингер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 51–77.

Молодин В.И., Парцингер Г., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А. Коллекция бронзовых изделий городища Чича-1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 323–333.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Парцингер Г., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Глиняные скульптурки городища Чича-1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 333–340.

Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2015а. – 30 с.

Мыльникова Л.Н. О моделях взаимодействия носителей автохтонной и инокультурных гончарных традиций в переходное время от бронзового к железному веку лесостепи Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015б. – Т. XXI. – С. 346–349.

Мыльникова Л.Н., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Керамический комплекс поселения Мыльниково переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку лесостепного Алтайского Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 93–111.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам

поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

Папин Д.В. Культурное сооружение переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000. – С. 86–88.

Папин Д.В. Значение северных орнаментальных традиций в формировании культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку // Северный археологический конгресс, 9–14 сент., Ханты-Мансийск: тез. докл. – Екатеринбург, 2002а. – С. 66–68.

Папин Д.В. Проблемы трансформации позднебронзовых культур в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку на Верхней Оби // Степи Евразии в древности и средневековье: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова. – СПб., 2002б. – Кн. 1, ч. 1. – С. 206–208.

Папин Д.В. Проблема сложения археологических культур в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку на Верхней Оби // Исторический опыт культурного и хозяйственного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 341–343.

Папин Д.В., Федорук А.С. Культурное сооружение на территории поселения Малый Гоньбинский Кордон 1/3 (Барнаульское Приобье) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 5: Археология и этнография. – С. 41–49.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 202 с.

Петрин В.Т. Отчет об археологической разведке на территории Омской области в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5303.

Полеводов А.В. Отчет об археологических работах в Крутинском и Омском районах Омской области в 1995 г. // Архив МАЭ ОмГУ. 1995. Ф. II. Д. 106-1.

Потёмкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: ПАИМС, 1995. – 107 с.

Селин Д.В. Эпоха финальной бронзы в правобережном Прииртышье (восточный вариант пахомовской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2018. – 30 с.

Сотникова С.В. Отчет о разведке левого берега р. Иртыш в Нововаршавском и Таврическом районах Омской области [в 1983 г.] // Архив МАЭ ОмГУ. 1983. Ф. II. Д. 36-1.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Керамика завьяловского типа в Новосибирском Приобье // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 115–121.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1983. – С. 63–76.

Труфанов А.Я. О судьбах ирменской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: тез. докл. и сообщ. к науч. конф. (23–25 марта 1988 г.). – Барнаул: ИИФФ СО АН СССР; Алт. гос. ун-т, 1988. – С. 115–117.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку в лесостепном Прииртышье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 17 с.

Труфанов А.Я. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском, Нововаршавском и Таврическом районах Омской области в 1991 г. // Архив МАЭ ОмГУ. 1991. Ф. II. Д. 79-1.

Труфанов А.Я. Отчет о работах в Крутинском, Нововаршавском и Большереченском районах Омской области в 1992 г. // Архив МАЭ ОмГУ. 1992. Ф. II. Д. 83-1.

Труфанов А.Я. Отчет о работах в Нововаршавском районе Омской области в 1996 г. // Архив МАЭ ОмГУ. 1996. Ф. II. Д. 129-1.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований) / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, Н.С. Ефремова, М.А. Чемякина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Г. Беккер, Й. Фассбиндер, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с. – (Материалы по археологии Сибири; вып. 1).

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Кулик. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Материалы по археологии Сибири; вып. 4).

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, С.К. Кривоногов, А.Ю. Казанский, М.А. Чемякина, Г.Г. Матасова, А.Н. Васильевский, А.С. Овчаренко, А.Е. Гришин, Н.В. Ермакова, Н.И. Дергачева, И.Н. Феденева, О.А. Некрасова, Л.Н. Мыльникова, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева, А.В. Зубова, Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков, А.С. Пилипенко, А.Г. Ромашенко, И.В. Куликов, В.Ф. Кобзев, О.И. Новикова, С.К. Васильев, Й. Шнеевайс, К. Приват, В.В. Болдырев, В.А. Дребушак, Т.Н. Дребушак, Е.И. Дервянко, А.П. Бородовский, Д. Боургарит, И. Реихе, С.В. Кузьминых, Ж.В. Марченко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – 248 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пушкин. науч. центр РАН, 1997. – 170 с.

Шерстобитова О.С. Посуда со смешанными культурными признаками: к вопросу о специфике взаимодействия культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы // VII историч. чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. – С. 129–137.

Шнеевайс Й., Беккер Ф., Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Святко С.В. Радиоуглеродная хронология процесса заселения памятника Чича и байесовская статистика для оценки прерывистого перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (Западная Сибирь) // Геология и геофизика. – 2018. – Т. 59, № 6. – С. 792–813.

Материал поступил в редколлегию 26.02.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.068-073
УДК 903.59

А.Л. Нестеркина, Е.А. Соловьева, И.С. Гнездилова

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru, easolovievy@mail.ru, gnezdilova06@mail.ru

Направления культурного взаимодействия в эпоху палеометалла (на примере бронзовых ритуальных предметов с территорий Кореи и Японии)

Объект изучения – ритуальные бронзовые изделия, являющиеся уникальным материалом для исследования проблемы культурного взаимодействия населения Кореи и Японии в IV в. до н.э. – III в. н.э. Они служат важным источником информации о направлениях миграций различных групп населения, путях культурного обмена. Начало массового распространения бронзовых ритуальных предметов на Корейском п-ове связано с культурой кинжалов корейского типа, центр которой находился на северо-западе полуострова. В статье приводится подробное описание материалов памятников эпохи палеометалла на Корейском п-ове. В комплексе ритуальных предметов выделены оружие и ритуальные бронзовые изделия. Выявлена связь бронзовых изделий с одиночными погребениями, имеющими сложные конструктивные элементы, что может свидетельствовать о важном социальном статусе погребенных. Появление бронзовых ритуальных предметов, изделий корейского типа в Японии впервые фиксируется на севере о-ва Кюсю в период яёй. В работе дается описание бронзовых ритуальных предметов из памятников этого периода. Установлено, что они были атрибутами ритуальной практики населения Японских о-вов. Выявлены сходства и различия в комплексе бронзовых предметов. На Японских о-вах бронзовые изделия корейского типа находят в погребениях с деревянным саркофагом, в урнах. Анализ литейных форм для изготовления бронзовых узколезвийных кинжалов, втульчатых наконечников копий и клевцов позволил сделать вывод о сложности центра бронзолитейного производства на севере о-ва Кюсю, который специализировался на изготовлении предметов корейского типа. С учетом того, что в погребениях конца периода яёй среди ритуальных бронзовых предметов находят чаще всего зеркала ханьского типа, сделан вывод о тесной связи культурных контактов с миграциями групп населения с материка на о-ве Кюсю.

Ключевые слова: ритуальные бронзовые предметы, палеометалл, Корея, Япония, культурное взаимодействие.

A.L. Nesterkina, E.A. Solovieva, and I.S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography,

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,

Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru; easolovievy@mail.ru; gnezdilova06@mail.ru

Cultural Interaction Patterns in the Bronze Age: Ritual Bronze Artifacts from Korea and Japan

This study focuses on ritual bronze items that are very informative for reconstructing cultural ties and migrations between Korea and Japan in 400 BC to 300 AD. Their large-scale introduction to Korea is related to the culture of Korean-type daggers, whose distribution center was located in northwestern Korea. We give a detailed description of Bronze Age artifacts, including weapons and ritual items from that area. They occur mostly in single burials with a complex construction, possibly attesting to high social status. In Japan, Korean-type artifacts first appear in northern Kyushu during the Yayoi age, in burials with wooden coffins and urns. The analysis of molds for casting narrow-bladed daggers, socketed spearheads, and picks suggests that Korean-type items spread from northern Kyushu. Late Yayoi ritual bronze artifacts include mostly mirrors of the Han type, evidently indicating migrations from the mainland.

Keywords: Ritual bronze items, Bronze Age, Korea, Japan, cultural interaction.

Введение

Эпоха палеометалла занимает важное место в истории народов Восточной Азии. В это время в культурах региона появляются первые металлические (бронзовые) изделия. При этом в хозяйстве продолжают использоваться орудия и утварь из камня и кости, технология изготовления которых совершенствуется, а типологический состав расширяется. Бронзовые предметы не получили широкого распространения во всех сферах жизни общества. Из бронзы делали престижную и ритуально-церемониальную атрибутику – оружие, украшения и др. Благодаря специфичному облику бронзовые изделия не утилитарного назначения служат этнокультурными индикаторами. Они позволяют определить маршруты миграций отдельных групп населения и пути культурного обмена.

Начало массового распространения бронзовых ритуальных предметов на Корейском п-ове тесно связано с культурой узколезвийных бронзовых кинжалов или культурой кинжалов корейского типа (IV–I вв. до н.э.) [Ли Чхонгю, 2007, с. 120–124]. Изначально ее центр локализовался на территории Чосона Вимана, в бассейне р. Тэдонган на северо-западе Кореи [Бутин, 1982, с. 259]. Постепенно узколезвийные кинжалы и другие ритуальные бронзовые изделия распространяются на юге полуострова, преимущественно в бассейнах рек Кымган (пров. Чхунчхон-намдо) и Йонсанган (пров. Чолла-намдо) [Хангукса, 1997, с. 61]. Со временем ритуальные предметы культуры узколезвийных кинжалов начинают использоваться и в других частях Восточно-Азиатского региона. Отдельные изделия этой категории найдены на территории российского Приморья [Окладников, Шавкунов, 1960, с. 283; Кан Инук, Чхон Сонхэн, 2003, с. 6–8]. Достаточно много материалов, связанных с бронзовыми ритуальными предметами корейского типа, выявлено на территории Японии. Бронзовые ритуальные предметы являются уникальными источниками информации о ранних контактах населения Корейского п-ова и Японских о-вов.

Бронзовые ритуальные предметы в Корее

Ранние комплексы с бронзовыми ритуальными предметами (IV–III вв. до н.э.) на территории Южной Кореи открыты в бассейне р. Кымган. Один из них – *Кведжондон* – обнаружен в черте г. Тэджон в ходе землеустроительных работ и исследован отрядом Национального музея Республики Кореи в 1967 г. Объект представляет собой частично разрушенное одиночное погребение; каменный ящик размерами 2,2 × 0,5 × 1,0 м, сложенный из аморфных обломков камня, находился в грунтовой яме воронковид-

ной формы (2,5 × 0,73 × 2,7 м). Каменные конструкции дна и перекрытия не зафиксированы. Верхнюю часть заполнения ямы составляют породные обломки – возможно, остатки надмогильной конструкции – каменной насыпи. На дне погребения зафиксирован древесный тлен – вероятно, остатки деревянного саркофага. Комплекс инвентаря погребения включает изделия из керамики, бронзы и камня (см. рисунок, 1). Керамический комплекс составляют вазовидный сосуд с черной лощеной поверхностью и горшковидный сосуд с круглым наlepным валиком на венчике. Ритуальные бронзовые предметы представлены узколезвийным кинжалом, декоративными накладками на рукоять – 3 экз., колокольчиками – 2 экз., гонгом, зеркалами с толстым линейным геометрическим узором – 2 экз. и щитовидным изделием. Найдены также три каменных наконечника стрел и две нефритовые подвески *когок* (*магатама*) [Ли Ынчхан, 1968, с. 76–91].

Аналогичные по составу комплексы инвентаря выявлены на памятниках Намсонри и Тонсори.

Памятник *Намсонри* в окрестностях г. Асан обнаружен в ходе строительных работ в 1976 г. и исследован отрядом Национального музея Республики Кореи. На местонахождении найдено погребение в виде сложенного из плитняка каменного ящика (2,8 × 0,8–0,9 × 0,7 м), сооруженного в грунтовой яме воронковидной формы (размеры верхней части 3,1 × 1,8 м, глубина 2 м). В верхней части заполнения ямы зафиксировано большое количество камней, вероятно, составлявших насыпь. В заполнении каменного ящика обнаружен древесный тлен – остатки саркофага. Комплекс инвентаря погребения включает ритуальные бронзовые предметы: узколезвийные кинжалы – 9 экз., щитовидное изделие, декоративные накладки на рукоять – 3 экз., одна из них – с изображением косули и зеркала с толстым линейным орнаментом – 2 экз. На памятнике найдены бронзовый кельт, стамеска, нефритовая подвеска *когок* и 103 пронизки [Хан Бёнсам, Ли Гонму, 1977, с. 6–14].

Памятник *Тонсори* открыт в 1978 г. в ходе строительных работ в окрестностях г. Йёсан. Определить конструкцию и точные размеры объекта не представляется возможным ввиду сильных разрушений. По косвенным признакам удалось установить, что это был, скорее всего, каменный ящик с земляным полом без дополнительного перекрытия. Судя по большому количеству обломков породы, погребение имело каменную насыпь. Комплекс сопровождающего инвентаря включает бронзовые ритуальные предметы, нефритовые бусины – 126 экз., каменные шлифованные наконечники стрел – 5 экз., вазовидный сосуд с черной лощеной поверхностью и фрагменты сосуда с округлым наlepным валиком на венчике. Ритуальные бронзовые предметы представлены узколезвий-

1

2

3

4

5

ными кинжалами – 9 экз., декоративными накладками на рукоять – 3 экз., изделием в форме дудочки (предположительно деталь головного убора погребенного), зеркалами с толстым и тонким линейным орнаментом и гонгом [Чи Гонгиль, 1978, с. 153–161].

Более сложные по составу комплексы с бронзовыми ритуальными предметами обнаружены на памятниках Тэгонни и Чхонхори (III–II вв. до н.э.) в бассейне р. Йонсанган.

Памятник Тэгонни открыт в 1971 г. в ходе строительных работ. Объект представляет собой погребение в ступенчатой грунтовой яме. Размеры ямы

Инвентарь погребения Кведжондон (Республика Корея) [Ли Чхонгю, 2007] (1); инвентарь погребения Чхонхори (Республика Корея) [Там же] (2); ритуальные предметы вооружения из памятников на севере о-ва Кюсю (Япония) [Итококу рэксихакубуцукан, 2012] (3); бронзовое зеркало из могильника Хирабару (преф. Фукуока, Япония, коллекция Исторического музея г. Итосима) [Там же] (4); бронзовый колокол *дотаку* из Хацукаяма (преф. Нара) [The Museum..., 2012] (5).

на уровне верхней части составляют $3,3 \times 1,8 \times 0,85$ м, на уровне пола – $2,1 \times 0,8 \times 0,6$ м. В восточной части ямы найден массивный фрагмент деревянного предмета размерами $0,9 \times 0,45$ м – вероятно, остатки саркофага. Комплекс сопровождающего инвентаря включает ритуальные бронзовые предметы: узколезвийные кинжалы – 3 экз., зеркала с тонким линейным орнаментом – 2 экз., 2- и 8-конечные бубенчики – 4 экз. Здесь же обнаружены бронзовый кельт и долото [Чо Хёнджон, Чан Джегын, 1996, с. 567–571].

Памятник Чхонхори открыт в 1987 г. в ходе строительных работ в одной из деревень у. Хампхён. На месте обнаружения объекта отрядом Государственного музея Кванджу проведены спасательные работы. Установлено, что объект представляет собой погребение в грунтовой яме воронковидной формы ($2,6 \times 0,9$ м) с каменным ящиком ($1,9 \times 0,55 \times 0,55$ м). На полу погребения обнаружен древесный тлен – предположительно остатки деревянного саркофага. Судя по большому количеству обломков камня в заполнении ямы, над погребением была насыпь. Комплекс сопровождающего инвентаря состоит из 26 предметов (см. рисунок, 2). К категории ритуальных бронзовых изделий относятся узколезвийные кинжалы с декоративными навершиями – 2 экз., кинжал китайского типа с рукоятью *тосигом*, клевцы – 3 экз., втульчатый наконечник копья, навершия жезла в форме колокольчика, 1-, 2- и 8-конечный бубенчики – 3 экз., зеркала с тонким линейным орнаментом – 3 экз. В погребении найдены также бронзовый кельт, долото и две стамески [Там же, с. 571–577].

В 1989 г. в ходе распашки территории для посадки сельскохозяйственных культур в у. Пуё пров. Чхунчхон-намдо открыт комплекс Хапсонни. На месте его обнаружения сотрудниками Государственного музея Пуё были проведены спасательные археологические работы, однако установить детали его конструкции в ходе этих работ не удалось: объект оказался практически полностью разрушен. По предположению исследователей, это было одиночное захоронение в деревянном саркофаге или грунтовой яме без дополнительных конструкций, перекрытое сверху каменной насыпью. Собранный в ходе спасательных работ комплекс ритуальных бронзовых изделий включает узколезвийные кинжалы – 2 экз., клевец, колокольчики –

2 экз., фрагменты дисковидного предмета, фрагменты зеркала с геометрическим орнаментом, выполненным тонкими линиями, и предмет непонятного назначения, по виду напоминающий вотивный клевец. В комплекс связанного с объектом инвентаря также входят два железных кельта и стамеска, фрагменты чернолощеной керамики, а также восемь нефритовых пронизок [Ли Гонму, 1990, с. 25–30].

В последние годы на Корейском п-ове было открыто еще несколько комплексов с ритуальными бронзовыми предметами. В 2014–2015 гг. в ходе спасательных археологических раскопок на памятнике Хоамдон, расположенном в черте г. Чхунджу, пров. Чхунчхон-пукто, сотрудниками Центра по изучению культурного наследия Центральной Кореи исследовано три погребения. Одно из этих погребений, содержавшее наибольшее количество инвентаря, представляет собой грунтовую яму воронковидной формы размерами 1,75 × 0,82 м, глубиной 1,75 м. О наличии некогда в яме деревянного саркофага свидетельствует найденный на ее полу древесный тлен. С учетом многочисленных обломков камня в заполнении ямы можно предполагать, что над погребением была сооружена насыпь. Комплекс погребального инвентаря составляют ритуальные бронзовые изделия (узколезвийные кинжалы – 7 экз., зеркало с тонким линейным орнаментом, клевец, втульчатые наконечники копья – 3 экз.), бронзовые орудия труда (кельт, долото – 4 экз., стамески – 2 экз.), сосуд с черной лощеной поверхностью и фрагмент фарфорового предмета [Ким Муджун и др., 2017, с. 35–67].

В 2015 г. в у. Пуё пров. Чхунчхон-намдо отрядом Национального научно-исследовательского института культурного наследия Пуё изучен памятник *Чхонсонни*. Установлено, что объект представляет собой сильно разрушенное одиночное захоронение в грунтовой яме (на момент исследования размеры 1,64 × 0,8 × 0,2 м), возможно, с деревянным саркофагом. Каменная насыпь над погребением или вокруг него отсутствовала, однако предположить ее наличие позволяют три куска плитняка, находившиеся вблизи одной из стенок ямы. Пол ямы без дополнительных конструкций. В погребении и за его пределами обнаружены артефакты из бронзы, нефрита и камня (31 экз.). Комплекс ритуальных изделий из бронзы включает узколезвийный кинжал, декоративные навершия кинжалов – 2 экз., втульчатые наконечники копий – 4 экз., зеркало с тонким линейным орнаментом, навершие жезла. В комплексе инвентаря имеются также бронзовые орудия труда (кельт, долото и 2 стамески), украшения (14 нефритовых пронизок) и 4 каменных наконечника стрел [Ли Джухон и др., 2017, с. 44–45, 58–96, 112–130, 141–181].

Таким образом, комплекс ритуальных бронзовых предметов, обнаруженных на Корейском п-ове, де-

лится на две категории: к первой относятся оружие и сопутствующие предметы (узколезвийные кинжалы, втульчатые копья, клевцы, накладки на рукоять), ко второй – предметы ритуальной атрибутики и костюма (зеркала, гонги, колокольчики, бубенчики, щитовидные изделия, изделия в форме дудочки, навершия жезлов). Все артефакты связаны со сложными по конструкции одиночными погребениями в глубоких ступенчатых грунтовых ямах с деревянным саркофагом и каменной насыпью. Судя по конструкции захоронения и составу погребального инвентаря, такие погребения предназначались для лиц, имевших высокий социальный статус и выполнявших важную роль в общинных ритуалах.

Бронзовые ритуальные предметы в Японии

Самые ранние бронзовые ритуальные предметы в Японии, называемые изделиями корейского типа, зафиксированы на севере о-ва Кюсю. Время их появления здесь соответствует концу раннего – началу среднего этапа культуры яёй (середина III в. до н.э.). Представляют интерес находки из погр. 3 могильника Ёситакэ-Такаки, преф. Фукуока. На территории грунтового могильника, который является частью комплекса Иимори, обнаружено большое количество погребений в керамических сосудах и деревянных саркофагах. Подобное сочетание погребальных конструкций характерно для данного периода. Погребение 3 представляет собой захоронение в грунтовой яме с деревянным саркофагом. Оно содержало самый богатый инвентарь: 2 бронзовых узколезвийных кинжала, клевец, втульчатый наконечник копья, зеркало с тонким линейным орнаментом, нефритовую подвеску *магатама* и 95 яшмовых бусин-пронизок [Ёситакэ-такаки, 1986, с. 8]. По мнению К. Мидзогучи, погребенный в нем человек имел особый статус, поскольку по инвентарю захоронение отличается от других могил. Зеркало и многочисленные бусины, вероятно, составлявшие ожерелье, можно считать маркерами религиозного авторитета, несколько предметов оружия – общинного лидерства или авторитета [Mizoguchi Koji, 2002, p. 154]. В период яёй многие сферы жизни были ритуализированы. Если в период дзёмон главным отражением ритуального содержания была керамика, то в период яёй – изделия из металла, прежде всего из бронзы.

Такой же, как в погр. 3, набор предметов (бронзовые узколезвийные кинжалы, втульчатые наконечники копий, зеркала с тонким линейным орнаментом, нефритовые подвески *магатама*), обнаружен в погребениях в керамических сосудах на могильнике Уки-Кундэн, преф. Сага [Хангукса, 1997, с. 314–315]. Памятник отнесен исследователями к среднему яёй [The Cambridge History..., 1993, p. 275]. Бронзовые мечи

корейского производства зафиксированы на памятниках Окамото-тё и Касуга в преф. Фукуока, а также Ясунагата и Тосу в преф. Сага.

Представленный в некоторых погребениях набор, состоящий из бронзового зеркала, кинжала или меча, а также подвесок *магатама*, с точки зрения некоторых ученых, по составу имеет сходство с появившимися позже символами власти – «тремя регалиями» [Ibid., p. 274]. Поскольку указанные погребения атрибутируются периодом оформления государственных образований, борьбы за власть, существования нескольких политических центров на Кюсю и на юго-западе Хонсю, можно предположить, что данный набор предметов – признак формирования особых символов – ритуальных атрибутов. Упоминание о зеркале, мече и яшмовых подвесках как символе императорской власти содержится в «Нихонсёки», одном из древнейших письменных источников: богиня Амагерасу дала их первому императору Ниниги-номикото, своему внуку, когда он был послан на землю [Нихонсёки, 1997, с. 128]. Впоследствии зеркало стало важнейшей реликвией храма Исэ, главного храма богини Амагерасу, меч – реликвией храма Ацуга, яшмовые подвески считаются талисманами императорского дома.

Бронзовые ритуальные предметы, найденные на ранних памятниках о-ва Кюсю, обнаруживают с корейскими прототипами как сходство, так и существенные различия. На Корейском п-ове бронзовые узколезвийные предметы вооружения в погребениях в керамических сосудах не известны. На территории Японии бронзовые изделия корейского типа находят как в типичных для Корейского п-ова погребениях с деревянным саркофагом, так и в погребениях в урнах, причем последний тип захоронений является преобладающим. Сопровождающий инвентарь погребений с бронзовыми ритуальными предметами на японских памятниках включает узколезвийные кинжалы, клевцы, втульчатые наконечники копий и зеркала с тонким линейным орнаментом (см. рисунок, 3). Представленные на корейских памятниках колокольчики, бубенчики и навершия жезлов в памятниках раннего периода яёй отсутствуют.

Литейные формы для изготовления бронзовых узколезвийных кинжалов, обнаруженные на памятниках Кацума и Отани в преф. Фукуока, Содза в преф. Сага, втульчатые наконечники копий – на памятниках Содза и Ёситаке-Такаки в преф. Фукуока, и клевцы – на памятнике Набэсима в преф. Сага, свидетельствуют о том, что на о-ве Кюсю сформировался центр бронзолитейного производства, специализировавшийся на изготовлении предметов корейского типа [Хангукса, 1997, с. 314]. Таким образом, ранние культурные контакты населения Кореи и Японии в эпоху палеометалла проявлялись не только в форме мигра-

ций и прямого заимствования отдельных элементов культуры, но и заимствования новых технологий.

Дальнейшая трансформация бронзовых кинжалов и наконечников копий корейского типа на территории Японии связана с увеличением размеров и ширины лезвийной части. Это, по-видимому, соответствовало задачам их совершенствования в качестве ритуально-церемониальных предметов [Чо Чинсон, 2016, с. 136]. Следует отметить, что в Корее узколезвийные предметы вооружения также вошли в категорию ритуальных, но их пропорции с течением времени не изменялись. С морфологическими преобразованиями, по-видимому, трансформировалась роль этих предметов в ритуале: они представлены не только в погребениях, но и в виде кладов [Миядзато Осаму, 2012, с. 3].

В начале позднего яёй комплекс ритуальных бронзовых предметов японских памятников включал зеркала не корейского, а ханьского типа. Одно из самых известных и значительных местонахождений бронзовых зеркал – могильник Хирабару на севере о-ва Кюсю (см. рисунок, 4) [Харада Дайроку..., 2011, с. 34]. В погребальной камере кург. № 1 найдено большое количество инвентаря, прежде всего бронзовых зеркал и бусин *магатама*. По фрагментам реконструированы 40 зеркал, самое крупное в диаметре достигает 46,5 см и весит ок. 8 кг [Итококу рэкисихакубуцукан, 2012, с. 26]. Одна часть зеркал относится к предметам китайского импорта, другая – к изделиям местного производства. Таким образом, корейские прототипы зеркал заменяются, по-видимому, более престижными – китайскими (ханьскими).

Среди бронзовых ритуальных предметов корейского происхождения наиболее широкое распространение со среднего – позднего яёй на территории Японии получили колокола. Условия нахождения, разнообразие размеров и декоративных элементов колоколов *дотаку* позволяют сделать вывод об их самостоятельной ритуальной функции, не связанной с погребальной практикой (см. рисунок, 5). Колокола *дотаку* чаще всего представлены единично или как «клады» – скопления нескольких десятков колоколов, находящиеся за пределами поселений и не сопровождающиеся никакими сооружениями.

Заключение

Исследование ритуальных бронзовых изделий, найденных на памятниках эпохи палеометалла на территории Кореи и Японии (IV в. до н.э. – III в. н.э.), позволило определить основные этапы и формы взаимодействия двух культур в указанную эпоху. На раннем этапе эпохи палеометалла бронзовые изделия в Корее и Японии тесно связаны с погребальным обрядом: находки приурочены к одиночным погребени-

ям. Такие погребения, по-видимому, принадлежали людям высокого социального статуса. Большая степень сходства материалов и географическая близость их ареалов позволяет предполагать, что в рассматриваемое время происходили миграции отдельных групп населения из юго-западной части Корейского п-ова на запад Японского архипелага. Эти перемещения, по-видимому, способствовали трансляции новых технологий. Технология производства бронзовых ритуальных предметов получила на территории Японии собственное развитие. На основе корейских, а затем и китайских прототипов здесь создавались новые формы изделий. Роль этих предметов в ритуальных практиках также изменялась: постепенно утрачивалась их связь с погребальным обрядом и индивидуальным социальным статусом погребенного и, напротив, возрастало значение в общинных ритуалах и культах.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00507).

Список литературы

Бутин Ю.М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). – Новосибирск: Наука, 1982. – 330 с.

Ёситака-такаки. Яёйдзидай маисо:исэки-но тё:сагайё (Краткий отчет об исследовании погребальных памятников периода яёй). – Фукуока: Нисинихонсимбун инсацу, 1986. – 24 с. (на яп. яз.).

Итококу рэксисхакубуцукан (Музей истории Итококу). – Итосима: Дэйсудзяпан кабусики кайся, 2012. – 80 с. (на яп. яз.).

Кан Инук, Чхон Сонхэн. Анализ материалов памятников с узкими бронзовыми кинжалами с территории российского Приморья // Хангук сангоса хакпо (Древняя история Кореи). – 2003. – № 42. – С. 1–34 (на кор. яз.).

Ким Муджун, Ли Сонъён, Со Джунсон, Ли Мёнсу. Чхунджу чонхап спочхы таун чосон пуджи нэ Чхунджу Хоамдон юджок (Памятник Хоамдон, расположенный на участке, отведенном под сооружение спорткомплекса в г. Чхунджу). – Чхонджу: Центр по изуч. культур. наследия Центральной Кореи, 2017. – 897 с. (на кор. яз.).

Ли Гонму. Комплекс артефактов местонахождения Хапсонни в уезде Пуё // Когохак джи (Сборник статей по археологии). – 1990. – № 2. – С. 23–67 (на кор. яз.).

Ли Джухон, Ли Сонджун, Хон Бальгым, Ан Соман, Ким Сонтхэ, Ли Гаён. Пуё Чхонсонни юджок (Памятник

Чхонсонни в у. Пуё). – Пуё: Нац. ин-т культур. наследия Пуё, 2017. – 195 с. (на кор. яз.).

Ли Чхонгю. Ранний железный век // Хангук когохак каный (Лекции по археологии Кореи). – Сеул: Сахве пхённон, 2007. – С. 107–136 (на кор. яз.).

Ли Ынчхан. Исследование материалов культуры бронзового века памятника Кведжондон в г. Тэджон // Асеа ёнгу (Изучение Азии). – 1968. – Т. 11, № 2. – С. 75–99 (на кор. яз.).

Миядзато Осаму. Бронзовые изделия периода яёй и формирование государственности на Японском архипелаге // Тонъянхак (Востоковедение). – 2012. – № 51. – С. 1–12 (на кор. яз.).

Нихонсёки. Анналы Японии. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. 1. – 496 с.

Окладников А.П., Шавкунов Э.В. Погребение с бронзовыми кинжалами на реке Майхэ (Приморье) // СА. – 1960. – № 3. – С. 282–288.

Хан Бёнсам, Ли Гонму. Намсонни согванмё (Погребение в каменном ящике Намсонни). – Сеул: Нац. музей Республики Кореи, 1977. – 70 с. (на кор. яз.).

Хангукса – чхондонги мунхва-ва чхольги мунхва (История Кореи: культура бронзы и железа). – Сеул: Кукса пхёнчхан вивонхве, 1997. – Т. 3. – С. 7–322 (на кор. яз.).

Харада Дайроку. Сёва-о какэта кокогакуся (Харада Дайроку) (Археология эпохи Сёва (Харада Дайроку)). – Итосима: Дэйсудзяпан кабусики кайся, 2011. – 60 с. (на яп. яз.).

Чи Гонгиль. Комплекс бронзовых изделий из погребения в каменном ящике Тонсори в окрестностях г. Йёсан // Пэкче ёнгу (Исследования культуры Пэкче). – 1978. – № 9. – С. 151–181 (на кор. яз.).

Чо Хёнджон, Чан Джегын. Погребения в каменном и деревянном ящике района Чоннам // Чоннам-ый кодэ мёдже (понмун) (Древние погребения пров. Чолла-намдо). – Мокпхо: Музей Университета Мокпхо, 1996. – С. 567–580 (на кор. яз.).

Чо Чинсон. Время и пути проникновения культуры узколезвийных бронзовых кинжалов на Японский архипелаг // Кодэ тонбуга минджог-ый кого-ва ёкса (История и археология народов Восточной Азии в древности). – Сеул: Ун-т Кёнхи, 2016. – С. 133–158 (на кор. яз.).

Mizoguchi Koji. An archaeological history of Japan: 30.000 BC to AD 700. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2002. – 274 p.

The Cambridge History of Japan. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. – 310 p. – (Ancient Japan; vol. 1).

The Museum, Archaeological Institute of Kashihara, Nara prefecture. – Kashihara: Kashihara museum, 2012. – 18 p.

Материал поступил в редколлегию 11.02.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.074-084
УДК 902 (470.111+470.13) «638»

А.М. Мурыгин¹, П.А. Косинцев^{2, 3}, Т.И. Марченко-Вагапова⁴

¹Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН
ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, ГСП-2, Россия
E-mail: alek-murygin@yandex.ru

²Уральский федеральный университет
пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620002, Россия

³Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144, Россия
E-mail: kpa@ipae.uran.ru

⁴Институт геологии Коми научного центра УрО РАН
ул. Первомайская, 54, Сыктывкар, 167982, Россия
E-mail: timarchenko@mail.ru

Поселение раннего железного века охотников на северного оленя в Большеземельской тундре (территория Ненецкого автономного округа)

В статье рассмотрены результаты раскопок поселения Море-ю II, расположенного в северной части Большеземельской тундры (Ненецкий а.о.). Культурный слой, содержащий многочисленные кострища, залегал в слое погребенной почвы, которая была перекрыта золовыми песками. Большую часть находок составили фрагменты керамических сосудов и кости животных. Индивидуальные изделия включают наконечники стрел, украшения, орудия труда, предметы культа. На основе данных палинологического и археозоологического анализов реконструированы изменения природной среды в районе поселения со времени суббореального потепления до конца субатлантического периода. Сделан вывод о неустойчивом характере температурного режима в период формирования культурного слоя. Основой системы жизнеобеспечения жителей поселения являлась охота на северных оленей (*Rangifer tarandus*). Возрастной состав животных свидетельствует о функционировании поселения в холодное время года. Приводятся установленные по костям северного оленя радиоуглеродные даты, которые позволяют отнести поселение к памятникам раннего железного века. Поселение принадлежало аборигенному населению охотников на северного оленя (*Rangifer tarandus*) тундровой зоны крайнего северо-востока Европы. Керамический комплекс (культурный тип Море-ю) соотносится с ранним этапом развития населения субарктической культуры Печорского Заполярья. Он документирует арктический компонент, вошедший в состав северных гляденовских коллективов и к середине I тыс. н.э. коренным образом изменивший традиционный облик материальной культуры таежного (финно-пермского) населения Печорского Приуралья.

Ключевые слова: северо-восток Европы, ранний железный век, поселение, северный олень.

A.M. Murygin¹, P.A. Kosintsev^{2, 3}, and T.I. Marchenko-Vagapova⁴

¹Institute of Language, Literature, and History,
Komi Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
Kommunisticheskaya 26, Syktyvkar, 167982, GSP-2, Russia
E-mail: alek-murygin@yandex.ru

²Ural Federal University,
Pr. Lenina 51, Yekaterinburg, 620002, Russia

³Institute of Plant and Animal Ecology,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
8 Marta 202, Yekaterinburg, 620144, Russia
E-mail: kpa@ipae.uran.ru

*Institute of Geology, Komi Research Center,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences,
Pervomaiskaya 54, Syktyvkar, 167982, Russia
E-mail: timarchenko@geo.komisc.ru*

An Early Iron Age Camp of Reindeer Hunters in the Bolshezemelskaya Tundra, Nenets Autonomous Okrug

This study outlines the findings of excavations at More-Yu II—a site in the northern Bolshezemelskaya tundra. The habitation layer with numerous charcoal lenses was discovered inside the layer of buried soil overlain by eolian sand. Most finds are ceramics and animal bones. Arrowheads, ornaments, tools, and ritual items are very rare. On the basis of palynological and faunal analyses, environmental changes from the sub-boreal warming until the end of the sub-Atlantic period are reconstructed. The temperature regime during the formation of cultural deposits was unstable. The principal subsistence strategy was reindeer hunting. The age of reindeer suggests that habitation periods coincided with cold seasons. Radiocarbon dates generated from reindeer bones point to the Early Iron Age. The camp dwellers were native reindeer hunters inhabiting the tundra belt of northeasternmost Europe. Ceramics representing the More-Yu type belong to the early stage of the Subarctic Pechora culture. They mark the Arctic component that became part of the northern Glyadenovo population, abruptly changing the Finno-Permic culture of the taiga part of the Pechora basin in northern Urals.

Keywords: Northeastern Europe, Early Iron Age, settlement, reindeer.

Введение

Циркумполярный север северо-восточной части Европы – один из наиболее слабо археологически исследованных регионов России. Археологические работы проводятся здесь эпизодически.

Источниковую базу по археологии эпохи железа тундр северо-востока Европы составляют находки из не более чем 20 археологических памятников с исследованным раскопками культуросодержащим слоем. Эти разные по степени изученности объекты содержат материалы широкого хронологического диапазона – второй половины I – первой половины II тыс. н.э. Находки представлены в основном керамикой. Поэтому очень трудно определить хронологические рамки выделенных культурных типов и отдельных комплексов. Материалы поселения Море-ю II в Большеземельской тундре заслуживают пристального внимания – результаты его раскопок позволяют уточнить даты археологических памятников высоких широт.

Описание памятника

Поселение Море-ю II находится на севере Большеземельской тундры на расстоянии ок. 60 км от юго-восточного побережья Баренцева моря, в районе реликтового елово-березового редколесья, на 30-метровом мысовидном участке правого берега р. Море-ю, ограниченном пологими ложбинами (рис. 1). В 1967 г. здесь на поверхности котловин выдувания (поселение Море-ю) был собран подъемный материал [Канивец, 1967, с. 18; Мурыгин, 1990]. Раскопки в районе сборов В.И. Канивца проведены в 1987–1988, 1991 гг. Частично опубликованы результаты исследований 1987–1988 гг. [Мурыгин, 1992, с. 68–75, рис. 30–32].

В 2007 г. место расположения памятника обследовано археологическим отрядом Архангельского краеведческого музея [Едовин, 2007].

Верха берега, на котором расположено поселение, разрушены выдувами. Раскоп площадью ок. 1 014 м² был заложен на сохранившихся участках поверхности, в 150–200 м от края террасы (рис. 2). На изученном участке памятника культурные остатки залежали под золовыми песками мощностью до 170 см и были приурочены к погребенному почвенному горизонту (культуросодержащий слой) толщиной до 12 см. Находки тяготели к кострищам, концентрируясь на ограниченных участках в виде развалов сосудов, скопленный керамики и фаунистического материала.

На раскопе в погребенном культуросодержащем слое выявлены два типа объектов антропогенного происхождения:

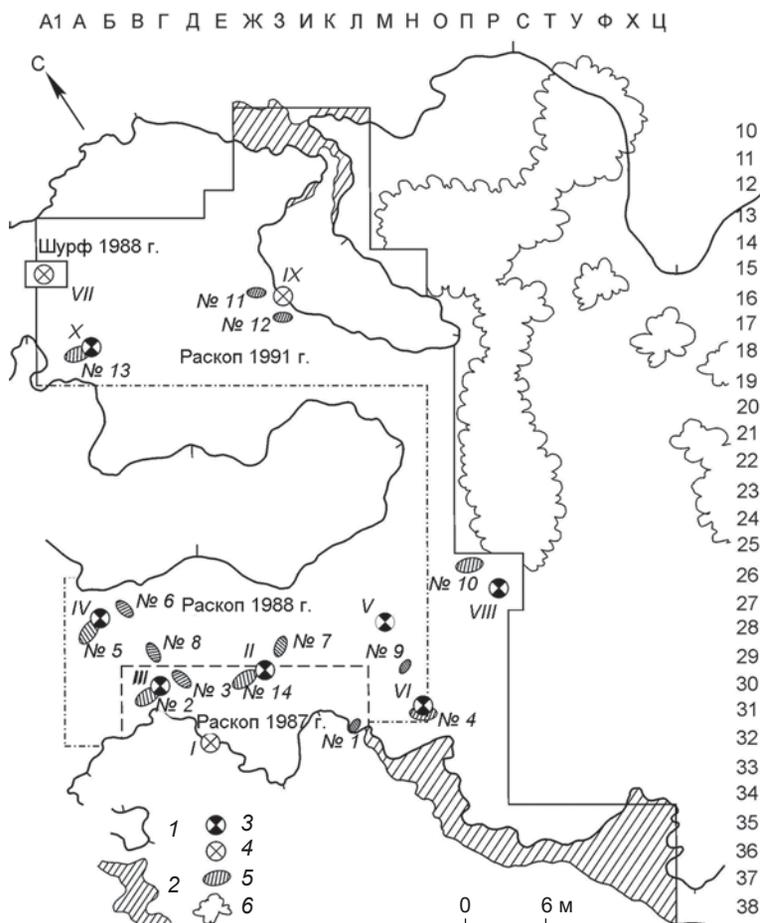
1. **Кострища** (рис. 2). Расчищено десять зольно-углистых линз. Они заполнены в основном обломками керамики и костями животных. Два кострища разрушены яреями (I, IX). Сохранившиеся разделены на две группы. *Первая* (III, IV, VIII, X) – зольно-углистое пятно плотное, четкой подквадратно-подпрямоугольной формы, было резко ограничено в плане и профиле от окружающего песка; заполнение черное. *Вторая* (II, V–VII) – зольно-углистое пятно рыхлое, неправильной формы, переход в окружающий песок нечеткий; заполнение серовато-коричневое. В кострищах II и VIII выделялась прослойка спекшегося песка.

2. **Пятна гумусированного песка** (рис. 2). Выявлены 13 участков песка коричневого цвета, различных по форме и размерам. В заполнении находились, как правило, сырые кости животных и фрагменты керамики. Участки различались, в частности, по количественному соотношению керамического и костного

Рис. 1. Местоположение поселения Море-ю II.

Рис. 2. Схема расположения исследованных участков и объектов поселения Море-ю II. 1 – граница обрывистого края ярея; 2 – участки сохранившегося культуросодержащего слоя в ярее; 3 – кострища сохранившиеся; 4 – кострища разрушенные; 5 – скопления костей животных; 6 – курстарник. Римскими цифрами обозначены кострища, арабскими – скопления костного материала.

материала. Для гумусированных пятен № 2, 4, 5 характерно преобладание костей при единичности фрагментов керамики, для гумусированных пятен № 1, 3, 6, 7, 10–13 – большое количество обломков керамики (в т.ч. развалы сосудов) при незначительном представительстве сырых костей. У края кострища II (рис. 2) расчищено самое крупное скопление сырых костей животных (№ 14), в основании которого зафиксирована тонкая углистая прослойка. Под скоплением найден развал крупного сосуда.

На раскопе была расчищена впадина подпрямоугольной формы (6,3 x 3,3–3,6 м) [Мурыгин, 1992, рис. 31, 32, профиль III]. Она выделялась пятнистой окраской заполнявшего ее смешанного песка. Впадина может быть рукотворным сооружением либо естественным углублением, образованным стоком вод по склону террасы.

Вещевой инвентарь

Наконечники стрел. Изготовлены из железа. 1-й – граненый, черешковый, шиловидный, квадратный в сечении, с простым упором (рис. 3, 9). Близок к наконеч-

никам типа 90, появившимся в начале нашей эры и использовавшимся как минимум до XIV в. [Медведев, 1966, с. 59, табл. 30, Г, 82]. Находился в гумусированном пятне № 5. 2-й – плоский, черешковый, вытянуто-треугольный (рис. 3, 13). Судя по западно-сибирским материалам, такие наконечники использовались с конца I тыс. до этнографической современности [Соловьев, 1987, табл. III, 24, 25]. Находился в кострище VI. 3-й – плоский, черешковый, двушипный без упора (рис. 3, 12). Близок к наконечникам стрел типа 29, распространенным с I в. до н.э. до XIV в. н.э. [Медведев, 1966, с. 44, табл. 18, 10]. Находился в кострище VI. 4-й – килевидный, с плоским черешком (рис. 3, 11). Стороны пера выпуклые, плечики вогнутые, переходят в черешок плавно; на обеих сторонах плоскости пера намечены грани. Находился в кострище III.

Орудия труда. 1-е – абразивный инструмент или ложило из камня (сланец) (рис. 3, 18). Находился в гумусированном пятне № 5. 2-е – «лопаточка» трапециевидной формы, с дуговидной вершиной и горизонтальным основанием из кости (рис. 3, 17). Плоская поверхность пришлифована, на противоположных длинных сторонах видны срезы. Находилась в гумусированном пятне № 13.

Рис. 3. Инвентарь поселения Море-ю II.

1–5 – бусины; 6 – пронизка; 7 – подвеска; 8 – культовый предмет; 9–14 – наконечники стрел; 15 – шило; 16 – клык животного (амулет?); 17 – «лопаточка»; 18 – ложило (?); 19–33 – фрагменты сосудов: 19 – VII группа, 20 – I, 21–28 – II, 29–33 – III. 1–3 – стекло; 4–8, 10, 14 – бронза; 9, 11–13, 15 – железо; 16, 17 – кость; 18 – камень; 19–33 – керамика.

Украшения. 1-е – бусина фаянсовая (?), округло-ребристая, бирюзового цвета, в продольном сечении трапециевидная (рис. 3, 1). Обнаруживает аналогии с подобными украшениями из Северного Причерноморья [Алексеева, 1975, табл. 5, 30]. Сходные бусины из египетского фаянса относятся к типу 16г, большая их часть найдена в погребениях I–II вв. н.э., отдельные комплексы принадлежат I в. до н.э., а также III–IV вв. н.э. [Там же. с. 34]. Аналогичное изделие, обнаруженное при раскопках поселения Бичевник I на средней Печоре, отнесено к комплексу первой половины – середины I тыс. н.э. [Туркина, 2015, с. 83; рис. 5, 6]. Находилась в кв. Н/26. 2-е – бусина желтоватого цвета из стекла – обломок (рис. 3, 2). Находилась в кострище VIII. 3-е – бусина желтоватого цвета из стекла – обломок (рис. 3, 3). Находилась в кострище IV. 4-е и 5-е – бусины мелкие, битрапециевидные из бронзы (рис. 3, 4, 5). Находились в кострище IV. 6-е – пронизка из бронзы – обломок (рис. 3, 6). Снаружи просматриваются остатки «ушек» (?) и концентрический орнамент из двух рельефных полосок. Находилась в кострище VIII. 7-е – подвеска из бронзы (рис. 3, 7). Основа прорезная, круглая, в виде впаянных друг в друга проволочных колец; сверху припаяно ушко для подвешивания. Находилась в кв. М/15.

Предметы культа. 1-й – зооморфный культовый предмет из бронзы (рис. 3, 8). Необработанная отливка с литничком-стойкой в основании. Находилась в гумусированном пятне № 5. Подобные изделия представлены в культовых поделках Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места [Мурыгин, 1992, рис. 14; 15, 16–22] и святилищ на о-ве Вайгач – Болванский Нос I [Хлобыстин, 1993, рис. 1, 32] и Сиртя-Сале [Хлобыстин, 1991, с. 31–32; рис. 10, 11, 13; Барышев, 2011, рис. 42, 4–7]. 2-й – амулет (?) из клыка медведя (рис. 3, 16). На поверхности заметны следы обработки, а также несколько насечек. Находился в кв. С/27. В культуросодержащем слое обнаружены также 48 неопределимых железных обломков, 5 сплесков цветного металла, плитчатый камень со следами использования, 2 обломка кости со следами обработки, 21 кусочек шлака.

Среди подъемного материала из разрушенного кострища I (см. рис. 2) определены железное шило (см. рис. 3, 15) и бракованная (?) отливка или заготовка массивного бронзового наконечника с внутренней невыступающей втулкой, намеченными лопастями или гранями и небольшим сквозным отверстием у острия (см. рис. 3, 14). Последний предмет можно сопоставить, например, с бронзовыми наконечниками стрел типа XIII, которые получили распространение в IV–II вв. до н.э. у сармат Поволжья и Приуралья [Иванов, 1984, с. 7–9, рис. 2, 23, 24, 26, 27]. В подъемном материале, относящемся к разрушенному кострищу IX (см. рис. 2), обнаружен обло-

мок бронзового трехлопастного наконечника стрелы (см. рис. 3, 10).

Керамика. Керамические изделия представлены обломками (10 272 ед.). По орнаментированным фрагментам выделено не менее 126 изделий* (рис. 3, 19–33; 4). По особенностям орнамента, местам его расположения в верхней части тулова и деталям, характеризующим форму сосудов, они делятся на семь формально-типологических групп. На раскопе ни одна из групп планиграфически не выделяется.

I группа (2 экз.; см. рис. 3, 20). Сосуды украшены только по венчику. **II группа** (10 экз.; см. рис. 3, 21–28). Ямки как элемент орнамента на внешней поверхности тулова отсутствуют. **III группа** (5 экз.; см. рис. 3, 29–33). Особенность орнамента – ямки выполнены внутри сосуда. **IV группа** (4 экз.; рис. 4, 1, 2). Украшены снаружи только горизонтальным рядом ямок в основании шейки. **V группа** (81 экз.). По месту расположения орнамента на сосуде выделены два варианта. **Вариант V.1** (рис. 4, 3–6). Орнамент нанесен только по шейке, выше ряда ямок, под краем сосуда. **Вариант V.2** (рис. 4, 7–23, 26–33). Орнаментальное поле соответствует шейке и плечикам сосуда. **VI группа** (7 экз.; рис. 4, 24, 25). Изделия отличаются от сосудов V группы формой верхней части – в виде равноутолщенной прямой или отогнутой шейки, при сходстве в элементах орнамента и узорах. В **VII группу** выделен сосуд с характерным выступом на венчике (см. рис. 3, 19).

Полностью или почти полностью реконструированных изделий немного. Среди них – закрытые чаши с суженным устьем без выделенной шейки, чашевидный сосуд с суженным устьем, почти шаровидным туловом и короткой равноутолщенной отогнутой шейкой; сосуды полуяйцевидной формы с приостренным дном и утолщенной шейкой. Преобладающую часть керамической коллекции составляют фрагменты, они позволяют представить только конфигурацию верхней части. Доминируют сосуды с утолщенной шейкой (58,2 %). Изделия с иначе оформленным краем немногочисленны: без шейки – 19,1 % (закрытые или прямостенные чаши), с отогнутой шейкой – 14,5 %, с прямой или наклонной – 8,2 %. Диаметр по венчику установлен у 50 сосудов: 8–10 см – 3 экз., 12–18 см – 10 экз., 20–29 см – 16 экз., 30–40 см – 21 экз. Вся посуда лепная, в глине преобладает примесь дресвы разной степени дробления. Один сосуд изготовлен из теста с примесью шамота (?) (см. рис. 4, 3). Не менее чем на 36 сосудах изнутри и (или) снаружи прослежены следы заглаживания в виде расчесов, на 22 – нагара.

Венчики сосудов: округлые (43 экз., 39,1 %), уплощенные, скошенные внутрь (48 экз., 43,6 %) и наружу

*Учтено 110 находок с наиболее полно сохранившейся орнаментальной зоной.

Рис. 4. Фрагменты сосудов с поселения Море-ю II.
1, 2 – IV группа; 3–23, 26–33 – V; 24, 25 – VI.

(2 экз., 1,8 %) или горизонтально срезанные (9 экз., 8,2 %), округло-уплощенные (8 экз., 7,3 %). Орнамент выполнен зубчатым штампом (82,7 %), наклонным или прямопоставленным (12,7 %) либо в виде шеврона или дуги (70,0 %). Часто узор на венчике наносился путем глубокого вдавления, имел «пильчатую» поверхность, оттиски захватывали внутреннюю или внешнюю прикраевую часть шейки. Пальцевые вдавления отмечены на 17,3 % керамики.

Наиболее многочисленны закрытые чаши с непрофилированным и чашевидные сосуды с профилированным краем V группы (73,6 %; см. рис. 4, 3–23, 26–33). Для них характерны: 1) утолщенная, прямая или слегка «заваленная» внутрь, короткая шейка; 2) минеральная примесь в глине; 3) глубокие ямки в основании шейки снаружи; 4) горизонтальные каннелюры; 5) печатная техника нанесения зубчатого штампа; 6) орнаментальная зона занимает верхнюю часть сосуда, на богато украшенных изделиях – густо насыщена узорами; 7) окаймление орнаментальной зоны зигзагообразным узором сверху и снизу, многозональное украшение шейки различными узорами или элементами, нанесение узоров между каннелюрами и в самом каннелюре; 8) в орнаменте сочетаются глубокие ямки, желобки-каннелюры, зубчатые оттиски, среди которых двузубые овальные и прямые; наряду с узорами из вертикальных и наклонных оттисков, зигзага имеются горизонтальные оттиски штампа и зигзаг с удвоенной стороной и с заходящими концами, напоминающий горизонтальный S-видный или Z-образный узор; 9) ямочно-гребенчато-каннелированный стиль орнаментации.

По некоторым признакам к изделиям V группы близки сосуды VI группы (6,4 %; см. рис. 4, 24, 25); в совокупности (80 %) они определяют этнокультурную специфику поселения. Вероятно, не будет ошибкой причислить к этим находкам посуду I, II и IV групп (см. рис. 3, 20–28; 4, 1, 2).

Обсуждение материалов

Анализ материалов I тыс. н.э. из тундр Печорского Приуралья позволяет сделать вывод об их культурном единстве в рамках высокоширотной археологической культуры *субарктического типа* [Мурыгин, 1992]. Название учитывает приуроченность ареала культуры на западе к Печорскому Заполярью и на востоке к ямальским тундрам, где в поздних типах керамики проявилось сходство с тиутейсалинской.

На основе материалов поселения Море-ю II в качестве одного из этапов развития субарктической культуры эпохи железа был выделен *культурный тип Море-ю*, существование которого сначала было отнесено к середине I тыс. н.э., а затем – к концу IV –

VI в. н.э. [Мурыгин, 1992, с. 163; 1997, рис. 18]. Получение результатов радиоуглеродного датирования костного материала открыло возможность для уточнения и пересмотра времени функционирования памятника*. Получены семь возрастных диапазонов (см. *таблицу*).

Данные, полученные по образцам № 1, 2, 4, 5, не позволяют корректно ограничить промежуток времени, в течение которого сформировался культуросодержащий слой. Однако они являются основанием для отнесения памятника Море-ю II к раннему железному веку. Период существования поселения, согласно крайним радиоуглеродным датам, может быть ограничен (по $\pm 2\sigma$) VI в. до н.э. – II в. н.э. С учетом столь широкого диапазона можно предполагать, что место, на котором расположен памятник, посещалось неоднократно. Не противоречит предложенным датам и некерамический инвентарь, общая нижняя хронологическая граница которого проходит примерно от конца I тыс. до н.э. до рубежа I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. или начала I тыс. н.э.

Объяснить несовпадение радиоуглеродных дат, установленных по образцам № 3, 6, 7, с приведенными выше и между собой не представляется возможным. Эти даты не могут использоваться для датирования поселения прежде всего ввиду несоответствия полученным археологическим материалам. Типологическая однородность преобладающей части керамики вряд ли могла сохраняться на протяжении многих сотен лет: от X–VIII вв. до н.э. (образец № 6) до VII–VIII вв. н.э. (образец № 3) и, очевидно, в раннемезолитическое время (образец № 7).

В опубликованных источниках отсутствуют сведения о прямых аналогах основного керамического комплекса поселения за пределами тундр Европейского Северо-Востока. Мы считаем необходимым обратить внимание на сходство рассматриваемого комплекса по таким характеристикам, как наличие минеральной примеси, утолщенного края, ямочно-гребенчато-каннелированного стиля орнаментации с керамикой из памятников в Большеземельской тундре, относящихся ко второй половине I тыс. н.э. – рубежу I–II тыс. н.э., типа Хутыюнкосе и Коматывис [Мурыгин, 1992], а также на п-ове Ямал [Брусницина, Ощепков, 2000, табл. I, рис. 30, 1, 2; 31, 2, 3; Зеленый Яр..., 2005; Лашук, 1968, рис. 2; Морозов, 2003; Плеханов, 2013, с. 158–160, рис. 2; «Ушедшие в холмы»..., 1998, с. 36–37, рис. 20; Чернецов, 1935, табл. II, 1–21; 1953, рис. 6; 1957, табл. XXV]. По деталям формы и орнамента сходство проявляют ранняя керамика Северного Приуралья, а также ямочно-гре-

*Анализ выполнен в Изотопном центре Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

**Радиоуглеродные даты, установленные по костям северного оленя с поселения Море-ю II
(исследования 1987–1988, 1991 гг.)**

№ образца	№ лаборатории	¹⁴ C-дата, л.н.	Календарная дата	
			± 1σ (68,2 %)	± 2σ (95,4 %)
1	SPb-1059	1 950 ± 50	18 (1,2%) – 15 гг. кал. до н.э. 1 (56,7 %) – 90 гг. кал. н.э. 100 (10,2%) – 123 гг. кал. н.э.	54 гг. кал. до н.э. (94,2 %) – 172 гг. кал. н.э. 193 (1,2 %) – 210 гг. кал. н.э.
2	SPb-1447	2 227 ± 75	381 (16,1%) – 341 гг. кал. до н.э. 328 (52,1 %) – 204 гг. кал. до н.э.	408 (94,3 %) – 89 гг. кал. до н.э. 75 (1,1%) – 58 гг. кал. до н.э.
3	SPb-2804	1 240 ± 25	690 (47,0 %) – 749 гг. кал. н.э. 761 (12,4 %) – 777 гг. кал. н.э. 793 (4,5 %) – 802 гг. кал. н.э. 845 (4,4 %) – 855 гг. кал. н.э.	685 (65,5 %) – 780 гг. кал. н.э. 788 (29,9 %) – 875 гг. кал. н.э.
4	SPb-2805	2 012 ± 35	48 гг. кал. до н.э. (65,7 %) – 26 гг. кал. н.э. 43 (2,5 %) – 47 гг. кал. н.э.	109 гг. кал. до н.э. (95,4 %) – 70 гг. кал. н.э.
5	SPb-2806	2 447 ± 35	743 (20,9 %) – 687 гг. кал. до н.э. 665 (7,0 %) – 645 гг. кал. до н.э. 551 (40,3 %) – 429 гг. кал. до н.э.	755 (24,9 %) – 680 гг. кал. до н.э. 671 (15,3 %) – 607 гг. кал. до н.э. 597 (55,2 %) – 409 гг. кал. до н.э.
6	SPb-2807	2 667 ± 40	891 (7,5 %) – 880 гг. кал. до н.э. 845 (60,7 %) – 799 гг. кал. до н.э.	901 (95,4 %) – 795 гг. кал. до н.э.
7	SPb-2808	9 257 ± 100	8606 (68,2 %) – 8343 гг. кал. до н.э.	8735 (95,4 %) – 8286 гг. кал. до н.э.

бенчато-желобчатая керамика эпохи Средневековья, обнаруженная в низовьях Оби и на р. Полуй (городище Усть-Васьеган-1, комплекс археологических памятников у пос. Зеленый Яр) [Зеленый Яр..., 2005; Чукунова, 2017, с. 155, рис. 1], а также выше по течению Оби от предыдущих примерно на 250 км (поселение Перегребное-4) [Морозов, 2003], и др. В широтном направлении полные аналоги поздней большеземельской и ямальской (тиутейсалинского типа) керамике встречаются до западного побережья Гыданского п-ова [Скочина, Еньшин, 2017, с. 41, рис. 1, 2]. Даже при неполноте и недостаточном соответствии анализируемых примеров из обско-ямальского круга археологических культур трудно отрицать, что сочетание основных черт, характерное для керамики *типа Море-ю*, за пределами тундр Европейского Северо-Востока представлено только на находках из западно-сибирских памятников эпохи железа, а такой признак, как каннелирование – и в более ранних комплексах*.

Нельзя оставить без внимания и то, что один из важнейших элементов орнаментации большеземельской керамики – каннелюры – имеется на изделиях носителей культур раннего железного века северо-запада России – позднебеломорской, позднекаркопольской, лууконсаари. Карельские археологи рассматривают наличие каннелюр только как хронологический признак, который указывает на связь

с гляденовскими древностями Печоро-Вычегодского региона [Жульников, 2005, с. 38].

В однородном керамическом комплексе поселения Море-ю II выделяются сосуды, наиболее вероятным местом происхождения которых могло быть Зауралье. К ним относится керамика III группы с ямками на внутренней поверхности прикраевой части («жемчужник») (см. рис. 3, 29–33). Она редко встречается на поселениях эпохи железа в таежном Припечорье и на р. Вычегда, в тундре северо-востока Европы. Такую орнаментацию сосудов, получившую распространение в западно-сибирских культурах, можно считать отражением зауральской традиции в керамике Печорского Приуралья. Не типичен для поселения Море-ю II, как и в целом для эпохи железа Европейского Северо-Востока, сосуд с выступами («ушками») на венчике (VII группа; см. рис. 3, 19). Подобные изделия найдены на разрушенных тундровых стоянках Коротайха 268/59, Коротайха 292/82, Падимей-вис 227/18, Падимей-вис 240/31 [Чернов, 1985, табл. 16, 13, 14]. В таежной зоне они представлены в ананьинском комплексе поселения Шойнаты II [Королев, 1997, рис. 18, 13] и погр. № 1 раннеананьинского времени (VIII–VII вв. до н.э.) этого же памятника [Королев, 2002, с. 35, 36, рис. 34, 7]. В сборах 1967 г. В.И. Канивца имеется керамический котловидный сосуд с кольцевидной ручкой на венчике с тремя выступами-кнопками [Мурыгин, 1992, рис. 48, 1]. Миниатюрная бронзовая копия котла конусовидной формы с трехлучевыми ручками и намеченным поддоном найдена на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте [Там же, рис. 21, 42]. Не исключе-

*Вопрос о генезисе желобчатой орнаментации на западно-сибирской керамике до конца не решен; см. напр.: [Зыков, 2012, с. 55–58].

но, что эти находки были имитацией металлических котлов кочевого населения евразийских степей скифо-сарматского времени. Их следует считать свидетельствами проникновения в Европейское Заполярье элементов южных культур.

Удревнение материалов поселения и, соответственно, *культурного типа Море-ю* затрагивает широкий круг вопросов археологии эпохи железа Европейского Северо-Востока и, возможно, сопредельных территорий. В этой связи целесообразно остановиться на концепции формирования некоторых культурных типов в южных районах Припечорья [Мурыгин, 1992].

На рубеже раннего железного века – Средневековья на пространствах бореального пояса Европейского Северо-Востока новые культурные типы формировались при активном взаимодействии местных и пришлых групп населения [Мурыгин, 2013]. Показателем изменений, произошедших на северо-восточной окраине ареала гляденовской культурной общности (бассейн Печоры), является сложение к середине I тыс. н.э. на основе одной из культур этой общности – пиджской – *бичевницкого культурного типа*. Согласно предположению, высказанному одним из авторов, на начальной стадии в формировании этого культурного типа принимали участие и группы населения, пришедшие с Большеземельского Севера [Мурыгин, 1992]. Появление обитателей тундры на территории к югу от Полярного круга было возможно в условиях ухудшения климата на рубеже суббореального и субатлантического периодов.

Принципиально важным для понимания особенностей этого этапа эпохи железного века на территории Европейского Северо-Востока является то, что инфильтрация инородного населения в ареал гляденовской культуры Припечорья (возможно, и в Привычегодье) происходила в течение длительного времени (вероятно, с последней четверти I тыс. до н.э.) и только в зоне примерно одного, хотя и сокращающегося, лесного ландшафта. Гляденовская керамика с каннелюрами появляется на памятниках таежного Припечорья уже в конце III – II в. до н.э. [Васкул, 1997, с. 379], с этим временем, вероятно, можно связывать начало указанного процесса.

В предложенной культурно-исторической схеме и ее обосновании имелось одно слабое место. Арктический компонент бичевницкого культурного типа должен был быть старше самого типа. Это не соответствовало первоначальной дате, согласно которой арктический компонент был примерно синхронен бичевницким древностям. Результаты радиоуглеродного датирования культурных остатков поселения снимают это противоречие и служат серьезным аргументом в пользу предложенной схемы культурогенеза бичевницкого населения таежного Припечорья.

Заключение

Поселение Море-ю II в настоящее время является самым ранним и наиболее полно изученным однослойным археологическим памятником аборигенной культуры субарктического типа эпохи железа на крайнем северо-востоке европейской части России. Результаты ¹⁴C-датирования позволяют отнести памятник к раннему железному веку. Ранее достоверные доказательства наличия в европейских тундрах поселений местного населения этого времени отсутствовали. Изучение археозоологического комплекса* показало, что основу системы жизнеобеспечения жителей поселения Море-ю II составляла охота на северного оленя (*Rangifer tarandus*). Среди остатков млекопитающих до вида определены 3 496 костей, или 67,6 % от общего числа, из них 97,0 % – кости северного оленя. Они принадлежали 132 особям из 142 определенных. Подавляющее большинство особей было забито во взрослом состоянии – старше 5 лет (77 %). О времени забоя можно говорить весьма приблизительно. Сезон добычи установлен всего для трех особей, он длился с конца осени до начала весны. Поскольку на памятнике не представлены какие-либо остатки птиц, но имеются кости пушных – соболя (*Martes zibellina*) и песца (*Alopex lagopus*), можно предполагать, что изученные костные комплексы накопились в зимнее время. Поселение, скорее всего, было сезонным лагерем охотников на северного оленя, функционировавшим преимущественно в зимнее время.

Изучение археологических источников позволило выделить в средневековых керамических комплексах Большеземельской тундры, включающих изделия типов *Море-ю*, *Хутыюнкосе*, *Коматывис* [Мурыгин, 1992], материалы раннего железного века, которые документируют арктический компонент *бичевницкого культурного типа*. Эти жители Заполярья благодаря многовековой инфильтрации на территорию к Ю от Северного полярного круга к середине I тыс. н.э. кардинально изменили традиционное керамическое производство финно-пермского (гляденовского) населения таежного Припечорья.

Постепенный отток части заполярного населения в более южные районы Припечорья был спровоцирован ухудшением климатических условий на Европейском Северо-Востоке в начале субатлантического периода. Здесь важно отметить, что такие изменения негативно сказываются более всего на системах жизнеобеспечения в арктической зоне и вызывают увеличение миграционной подвижности живых существ, которая является одной из форм адаптации к изменчивости экологической обстановки [Крупник, 1989].

*Археозоологическая коллекция хранится в Музее ИЭРиЖ УрО РАН.

По результатам палинологического анализа, для времени формирования антропогенного комплекса находок, совпадающего с ранним этапом (зона SA-1) субатлантического периода, характерен неустойчивый температурный режим. Выделенные на основе палинологического анализа спорово-пыльцевые комплексы культуросодержащего почвенного горизонта регистрируют как относительно теплые и влажные условия на территории поселения и вокруг него, так и ухудшение климата.

Приведенные данные согласуются с известной схемой зонального деления голоцена северо-востока европейской части России. В границах субатлантического периода время существования поселения Море-ю II практически соответствует раннему субатлантикуму, на который приходится продолжающееся ухудшение климата. В ряду последствий – сдвиг ландшафтных зон в меридиональном направлении и расширение тундровой зоны со смещением границы лесной растительности на 150 км к югу от современной [Никифорова, 1982, с. 156, 160]. Эта базовая позиция уточнена в современных работах по палеоклиматологии. В публикациях Л.В. Филимоновой, В.А. Климанова [2005], А.Г. Исаченко [2013] обосновывается положение о том, что на раннем этапе (зона SA-1, 2 500–1 800 л.н.) субатлантический период по климатическим условиям был сложнее, чем считалось ранее [Никифорова, 1982]. На всем его протяжении неоднократно менялся температурный режим. Ранний субатлантикум начинался с сильного похолодания ок. 2 500 л.н., которое фиксируется на всей территории России. Далее следуют два периода потепления (примерно 2 300 и 2 000 л.н.), разделенные периодом похолодания с максимумом в интервале 2 200–2 100 л.н.

Генезис большеземельской керамики субарктического типа эпохи железа не вполне понятен. Культуры поздней бронзы – первого периода раннего железа века Печорского Заполярья, в которых можно было бы видеть аборигенную основу более поздних этнокультурных образований на этой территории, не нашли отражения в археологических источниках или их материалы не выделены в имеющихся коллекциях. Вопрос о том, как формировался каннелированный керамический комплекс в Европейском Заполярье – вследствие масштабных изменений, происходивших в Обском бассейне в I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э., или конвергентного развития в русле автохтонных традиций, – остается открытым.

Надежные доказательства прямой связи циркумполярной приуральской субарктической культуры с какой-либо из выделенных зауральских культур эпохи железа отсутствуют. Однако определенная типологическая близость обско-ямальской керамической посуды к керамике Большеземельской тундры позволяет

примерно очертить известные к настоящему времени восточные и западные границы ареала сходных традиций в орнаментации. Есть основания полагать, что на протяжении второго периода раннего железного века – рубежа I–II тыс. н.э. обширную территорию приполярных и заполярных районов Нижнего Приобья, Ямала и Большеземельской тундры осваивало близкородственное население, североευропейские группы которого происхождением и традициями были связаны с западно-сибирским (древнеугорским, древнесамодийским или угро-самодийским) этнокультурным ареалом.

Благодарности

Работа выполнена в рамках тематического плана НИР № ГР 0417-2014-0007 «Заселение и освоение циркумполярной зоны северо-востока Восточноевропейской равнины и Урала по данным археологии», НИР ГР № АААА-А17-117121140081-7 «Биогеологические события и стратиграфия фанерозоя субарктической зоны Баренцевоморского региона, Тимана и западного склона Урала» и комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН на 2018–20 гг. по теме «Этнокультурные процессы в циркумполярной зоне Северо-Востока Европы в железном веке и в эпоху средневековья» (проект № 18-6-6-30), а также гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-04-00982).

Список литературы

- Алексеева Е.М.** Античные бусы Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1975. – 120 с. – (САИ; вып. Г1-12).
- Барышев И.Б.** Языческие святилища острова Вайгач. – М.: Институт Наследия, 2011. – 320 с.
- Бруснищина А.Г., Ощепков К.А.** Памятники археологии Среднего Ямала (левобережье нижнего течения р. Юрибей) // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 79–111.
- Васкул И.О.** Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 349–399.
- Едовин А.Г.** Отчет о разведке археологического отряда АОКМ на территории Архангельской области и Ненецкого автономного округа в 2007 г. // Архив АОКМ. 2007. Ф. 3. Оп. 1.
- Жульников А.М.** Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. – Петрозаводск: Паритет, 2005. – 310 с.
- Зеленый Яр:** археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / под ред. Н.В. Федоровой. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. – 368 с.
- Зыков А.П.** Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. – 232 с.
- Иванов В.А.** Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). – М.: Наука, 1984. – 88 с.

Исаченко А.Г. Палеогеографические и этноисторические предпосылки исторической географии области последнего оледенения Русской равнины. – СПб.: Наука, 2013. – С. 1–17. – (Изв. РГО; т. 145, вып. 3).

Канивец В.И. Отчет о работе I Печорского археологического отряда в 1967 г. // Архив Коми НЦ УрО РАН. 1968. Ф. 1. Оп. 13. Д. 161, 162.

Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. – 194 с.

Королев К.С. Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде (эпоха железа). – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2002. – 110 с.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. – М.: Наука, 1989. – 272 с.

Лашук Л.П. Сиртя – древние обитатели субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 178–193.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. – М.: Наука, 1966. – 180 с. – (САИ; вып. Е1-36).

Морозов В.М. О двух керамических комплексах Нижнего Приобья, 2003 // Археология Ямала / ГКУ ЯНАО «Центр изучения Арктики» – URL: <http://yamalarchaeology.ru/index.php/texts/archeol/98-morozov-v-m-2003> (дата обращения: 06.12.2018).

Мурыгин А.М. Поселение Море-ю в Большеземельской тундре // КСИА. – 1990. – № 200. – С. 60–66.

Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.

Мурыгин А.М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 478–560.

Мурыгин А.М. Миграции как способ взаимодействия населения крайнего северо-востока европейской части России в раннем средневековье // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 254–258.

Никифорова Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока Европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1982. – С. 154–162.

Плеханов А.В. Ямальская Арктика в эпоху средневековья: памятники в зоне типичной тундры // Археология Севера России от эпохи железа до Российской империи: мат-лы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 окт. 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут, 2013. – С. 157–165.

Скочина С.Н., Еньшин Д.Н. Археологические исследования на северо-западном побережье Гыданского п-ова // I Междунар. конф. «Археология Арктики» (19–22 ноября, Салехард): тез. докл. – Екатеринбург, 2017. – С. 40–43.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 192 с.

Туркина Т.Ю. Поселение Бичевник I на средней Печоре. Первобытные и средневековые древности Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – С. 80–88. – (МАЕСВ; вып. 19).

«Ушедшие в холмы». Культура населения побережий Северо-Западного Ямала в железном веке. 1998 // Археология Ямала / ГКУ ЯНАО «Центр изучения Арктики» – URL: <http://www.yamalarchaeology.ru/index.php/texts/archeol/100-ushedshie-v-kholmy-1998> (дата обращения: 06.12.2018).

Филимонова Л.В., Климанов В.А. Изменение количественных показателей палеоклимата в среднетаежной подзоне Карелии за последние 11 000 лет // Тр. Карел. науч. центра РАН. – Петрозаводск, 2005. – Вып. 8. – С. 112–120.

Хлобыстин Л.П. Культурные памятники острова Вайгач // Памятники Архангельского Севера. – Архангельск: Северо-Запад. кн. изд-во, 1991. – С. 23–38.

Хлобыстин Л.П. Святилища Вайгача // AD POLUS: Археологические изыскания. – СПб.: Фарн, 1993. – Вып. 10. – С. 15–18.

Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. – 1935. – № 4/5. – С. 109–133.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Наука, 1953. – С. 7–71. – (МИА; № 35).

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: Наука, 1957. – С. 136–245. – (МИА; № 58).

Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. – М.: Наука, 1985. – 169 с.

Чикунова И.Ю. Средневековый керамический комплекс городища Усть-Васьёган 1 (2013–2015 гг.) // I Междунар. конф. «Археология Арктики» (19–22 ноября, Салехард): тез. докл. – Екатеринбург, 2017. – С. 155–158.

Материал поступил в редколлегию 20.03.19 г.,

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.085-093
УДК 903.5+903.26

В.И. Гуляев

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: viguliaev@yandex.ru

Культ медведя и элитные курганы Скифии

Статья посвящена изучению образа медведя в культуре скифов, его значения для населения Северного Причерноморья и прилегающих территорий. Этот мотив в искусстве скифского населения региона к настоящему времени освещен достаточно слабо. Однако в историографии сложилось устойчивое мнение, что изображения бурого медведя (*Ursus arctos*) являются заимствованными из ананьинской культуры Прикамья. Материалом для исследования послужил погребальный инвентарь из элитарных захоронений VII–IV вв. до н.э. в Северном Причерноморье. В статье анализируются основные варианты изображений медведя в скифском искусстве, категории предметов, на которых они встречаются, определяются хронологические рамки бытования этого мотива. В результате исследования установлено, что на территории Скифии наиболее распространены два иконографических варианта: медведь в т.н. жертвенной позе (анфас) и пьющий (в профиль с наклоненной головой). Наиболее часто данный мотив встречается на ритуальных чашах с золотой обкладкой и украшениях конской сбруи. Хронологические и территориальные рамки распространения этих предметов опровергают мнение предыдущих исследователей о появлении образа медведя в скифском искусстве под влиянием лесных культур. В статье высказывается предположение о том, что он является исконным для культуры скифов и зарождается в VIII–VII вв. до н.э. вместе с другими образами звериного стиля. В связи с этим предполагается достаточно широкое распространение в среде скифской элиты особого поклонения медведю.

Ключевые слова: культ, медведь, курган, Скифия, образ, мотив, поклонение.

V.I. Gulyaev

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russia
E-mail: viguliaev@yandex.ru

The Bear Cult and Kurgans of the Scythian Elite

This study, based on artifacts from high-ranking kurgans of the northern Black Sea region (700–300 BC), addresses the little-studied bear motif in Scythian culture and its relevance for the ancient inhabitants of this region and of the adjacent territories. It is a wide-held view that the image of the brown bear had been borrowed from the Ananyino culture of the Kama. Variation of this motif is described and its chronology is assessed. Two principal iconographic versions are known in Scythian art—the animal is shown either en face, in the so-called sacrificial posture, or drinking (in profile, with a bowed head). Such representations occur most often on gold-plated ritual bowls and ornaments of the horse harness. Both the chronology and the distribution range of these artifacts disagree with the idea that the bear motif was a loan from forest cultures. Rather, it appears to be inherently Scythian, having originated around 700 BC together with other images of the animal style. Apparently, some form of the bear cult was practiced by the Scythian elite.

Keywords: Cult, bear, kurgan, Scythia, image, motif, worship.

Введение: история вопроса

Скифская культура и особенно скифское искусство («звериный стиль») всегда находились в центре внимания отечественной науки. Достаточно напомнить,

что еще в декабре 1972 г. в Москве состоялась Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии, посвященная исключительно одной, но очень важной теме – скифо-сибирскому звериному стилю. Ведущие отечественные специалисты в области ски-

фо-сарматского искусства обменялись тогда своими взглядами на эту большую и сложную проблему, часто не совпадающими друг с другом; а итогом был выход в свет очень важной публикации «Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии» [1976]. Не потеряла данная тема актуальности и позднее. Помимо многочисленных статей, периодически издавались и отдельные монографические труды, посвященные тем или иным аспектам скифо-сибирского искусства [Переводчикова, 1994; Королькова, 2006; Черемисин, 2008; и др]. Тем не менее эта необычайно обширная и многоплановая проблема, очевидно, далека еще от полного ее понимания.

Один из образов скифо-сибирского искусства и послужил поводом для написания данной статьи. Речь идет о весьма редко упоминаемом в исследованиях по скифскому звериному стилю мотиве медведя на территории степной и лесостепной Скифии. Еще с 50–80-х гг. XX в. среди скифологов СССР сложилось глубокое убеждение в том, что этот мотив практически не имеет к собственно Скифии никакого отношения. Довольно редкие изображения медведя, встречавшиеся в некоторых скифских захоронениях (преимущественно в Днепро-Донской лесостепи), либо просто игнорировались, либо безоговорочно объяснялись влиянием ананьинской культуры Прикамья и прочих культур лесной полосы Урала и Сибири. На чем же основывались подобные взгляды? Здесь, по-видимому, сыграли свою роль три важных обстоятельства: во-первых, всеобщее убеждение (людей XX в.) в том, что медведи – эти сильные и опасные хищники – обитали и обитают по сей день главным образом в тайге, в глухих лесных массивах, каковых и в наши времена хватает на севере Урала и в Сибири; во-вторых, распространение широко известного из работ этнографов особого культа медведя («Медвежий праздник») у коренных народов именно северных лесных территорий нашей страны; в-третьих, почти полное (до недавнего времени) отсутствие какой-либо информации по «медвежьей» теме в археологии степной и лесостепной Скифии.

Начну со среды обитания медведей в прошлом (в древности и Средневековье) и настоящем. Вот несколько общих сведений из энциклопедии: «Некогда бурый медведь был обычен по всей Европе, включая Англию и Ирландию, на юге его ареал достигал северо-запада Африки (горы Атласа), а на востоке через Сибирь и Китай доходил до Японии. В Северную Америку он, вероятно, попал около 40 000 лет назад из Азии через Берингов пролив и широко расселился в западной части континента от Аляски и до севера Мексики. Сейчас бурый медведь истреблен на большей части прежнего ареала» [Иванов, Топоров, 1982, с. 128–129].

Но нас интересуют прежде всего степные и лесостепные области Северного Причерноморья. Мог ли бурый медведь водиться, например, в причерноморской степи? Известно, что в раннем железном веке даже в чисто степной зоне Северного Причерноморья по долинам крупных (Дон, Днепр, Южный Буг, Днестр) и даже малых рек лесные заросли (судя по современным палеогеографическим исследованиям) доходили вплоть до побережья Черного и Азовского морей. Достаточно вспомнить лесные чащи Гилеи в устье Днепра-Борисфена, о которых сообщает Геродот. Что же говорить об обширных широколиственных лесах Днепро-Донской лесостепи, где еще до недавнего времени росли дубы-великаны со стволами более 1 м в диаметре*. Естественно, здесь в изобилии водились всевозможные животные (кабаны, олени, лани и др.), в т.ч. и медведи. Например, их видели в ближайших окрестностях Воронежа еще в конце XVIII в. [Россия..., 1902, с. 76].

Биолог В.С. Байгушева, постоянно работающая вместе с археологами на нижнем Дону, отмечает, что кости медведя найдены даже на таких степных памятниках, как Саркел и Азак. «Наличие пойменных и байрачных лесов в низовьях Дона, – пишет она, – не исключает присутствие медведей, тем более, что всеядному зверю было что есть в этой области» [Байгушева, 2006, с. 348]. Это подтверждает и зоолог В.Г. Гептнер: «Медведи несомненно жили по урёмам южнорусских рек... и степным балкам и камышам этой области. В низовьях Дона эти звери встречались еще в VIII–XII вв. <...> Медведь экологически очень гибок и мог существовать не только при весьма незначительной растительности, как в Казахстане, но и по урёмным лесам, в кустарниках по речным долинам, даже и в степи» [Млекопитающие..., 1972, с. 256]. Судя по имеющимся данным, эти хищники были представлены когда-то не только в Восточной, но и в Центральной и Южной Европе. Например, развитый культ медведя существовал в древности на самой южной оконечности Европейского континента – в Греции, где был тесно связан с богиней Артемидой. В ее честь ежегодно устраивали пышные празднества, на которых приносили в жертву это животное. В храме Артемиды постоянно держали прирученного медведя. Жрицы богини в особо торжественных случаях облачались в одежды из медвежьих шкур. Само имя Артемиды происходит от древнегреческого слова «медведь» [Соколова, 2000, с. 129]. До сих пор существует культ медведя и у прямых потомков скифов – осетин, живущих в горах Кавказа [Чибирёв, 2008, с. 167].

*По данным биологии, желуди дубовых лесов составляют (и составляли ранее) значительную часть растительного рациона бурых медведей.

Таким образом, по крайней мере для прошлых эпох ассоциация «медведь–север–тайга» нуждается в серьезной корректировке. Этот грозный хищник жил прежде по всей Евразии, что нашло свое отражение в фольклоре и религиозных верованиях многих племен и народов древности [Иванов, Топоров, 1982]. Исходя из вышесказанного, трудно представить, чтобы люди, обитавшие в Восточной Европе (Северном Причерноморье) в I тыс. до н.э. и часто (вольно или невольно) сталкивавшиеся с самым крупным и опасным хищником Европы, как-то не отразили бы образ медведя в своих верованиях, обрядах и искусстве.

Заметно расширилась сегодня и фактическая база по интересующей нас проблеме: речь идет о новых археологических находках, связанных с культом медведя, в скифских курганах на среднем и нижнем Дону, а также в степных и лесостепных областях Приднепровья. Для того чтобы успешно разобраться с этой проблемой в пределах Скифии, необходимо определить основные разновидности мотива медведя в скифо-сибирском искусстве, установить хронологические рамки их существования и подсчитать количество соответствующих предметов для каждой области их распространения.

Мотив медведя в древностях Скифии

В скифских погребальных комплексах изображение медведя в полном его виде впервые представлено в Келермесском кург. 4 второй половины VII в. до н.э. (рис. 1). Речь идет о серебряном с позолотой зеркале греко-восточного (ионийского) производства, на котором среди изображений различных богов, людей и животных четко выделяется фигура идущего медведя. В центральной части композиции показана крылатая богиня Кибела с пантерами в руках, очень напоминающая по своим функциям скифскую Аргимпасу – богиню плодородия животного и человеческого мира. Как считают специалисты, в данном случае греческий мастер ориентировался на запросы скифского заказчика [Алексеев, 2012, с. 108]. Но это Северный Кавказ и архаический этап существования скифской культуры, и перед нами изделие иноземных, а не скифских ювелиров. Позднее главный центр Скифии сместился в Северное Причерноморье.

В степной Скифии мотив медведя встречен в кургане V в. до н.э. Чабанцова Могила у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. В центральной гробнице (почти полностью разграбленной) были обнаружены кости животных (остатки жертвенной пищи), фрагменты железного пластинчатого панциря, косящая рукоять ножа, бронзовый наконечник стрелы и золотая обивка деревянной чаши. На одной из ее

1

2

Рис. 1. Литое серебряное зеркало, облицованное электровыми пластинками. Келермесский кург. 4, вторая половина VII в. до н.э.

1 – оборотная сторона зеркала с изображениями; 2 – деталь зеркала с фигурой идущего медведя.

пластин штампом выбита фигура стоящего во весь рост, в профиль медведя с опущенной вниз головой (рис. 2, 1).

На кабаньем клыке из Киевского исторического музея (случайная находка из лесостепного Приднепровья, с. Малые Будки, Сумская обл., Украина) четырежды изображена медвежья голова анфас (рис. 3). Э.В. Яковенко, опубликовавшая этот предмет, считает, что здесь представлен медведь в «жертвенной позе» и, следуя традиции, объясняет появление данного изделия влиянием ананьинской культуры [1969, с. 201].

В боковой гробнице кургана Солоха (близ с. Великая Знаменка, Каменско-Днепровский р-н Запорожской обл.) с абсолютно целым захоронением скифского «царя» (390–380 гг. до н.э.) была найдена золотая оковка деревянного сосуда с ручкой в виде головы медведя (рис. 4). Публикуя этот предмет, А.Ю. Алек-

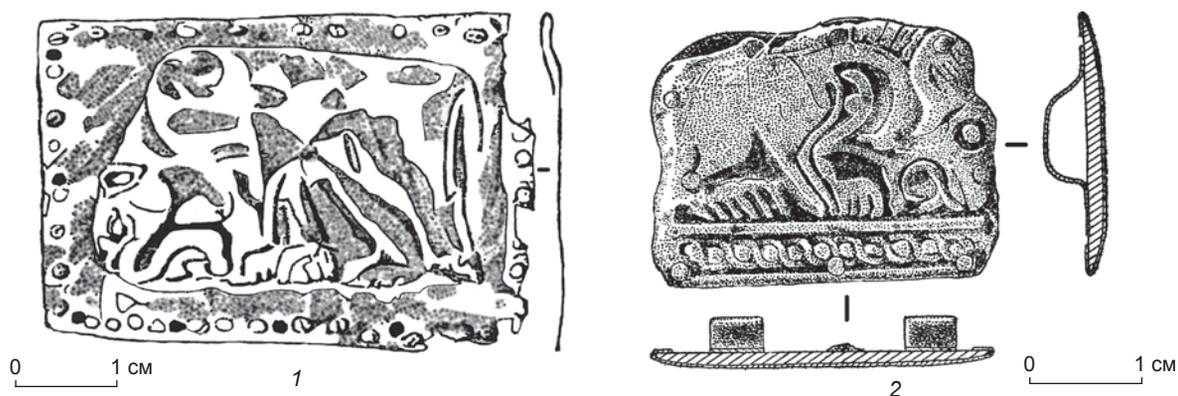

Рис. 2. Золотая обивка деревянного сосуда с фигурой медведя, курган Чабанцова Могила, V в. до н.э. (по: [Мозолевский, 1980, с. 83]) (1) и бронзовая бляшка с изображением хищника (медведя?), обтянутая серебряной фольгой, курган Желтокаменка, IV в. до н.э. (2).

Рис. 3. Кабаний клык с изображениями четырех голов медведей в «жертвенной позе» (анфас). Случайная находка, Украина, Сумская обл., V в. до н.э. (по: [Scythian Gold..., 1999]).

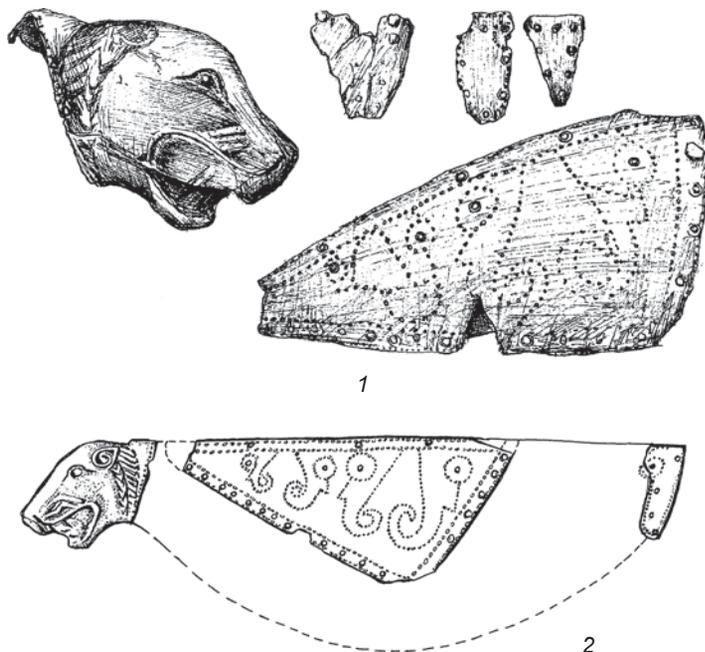

Рис. 4. Золотая оковка деревянного сосуда и его ручка в виде головы медведя. Курган Солоха, боковая гробница, начало IV в. до н.э. (по: [The Golden Deer..., 2000]).

1 – прорисовка предметов; 2 – реконструкция сосуда.

сеев отметил, что «ручки в форме головы или фигур животных – относительно редкие находки в курганах европейской Скифии V–IV вв. до н.э., но встречаются также и за ее пределами. Не исключено, что подобные сосуды имеют восточное для Скифии происхождение» [2012, с. 146–147]. Можно возразить известному ученому: золотые обкладки культовых деревянных сосудов с ручками в виде фигур животных и птиц хотя и не так часто, но встречаются в погребениях скифской знати (возможно, их редкость во многом объясняется тотальным разграблением скифских могил в древности) [Манцевич, 1966, с. 23–25]. Однако на золотой обкладке из Чабанцовой Могилы изображен стоящий в профиль медведь. Полные аналоги этого изображения представлены на золотых оковках ручек деревянных сосудов из Александропольского «царского» кургана (Луговая Могила) в Днепропетровской обл. и кург. 1 группы Частые Курганы у г. Воронежа (рис. 5). Аналогичный солохскому сосуд в виде фигуры медведя обнаружен в Филипповском «царском» кург. 1

Рис. 5. Золотые оковки ручек деревянных сосудов с изображениями медведя.

1 – Александропольский курган, IV в. до н.э.; 2 – Частые Курганы, кург. 1, IV в. до н.э.; 3 – реконструкция сосуда из кург. 1 Частых Курганов (по: [Замятин, 1946, с. 15]).

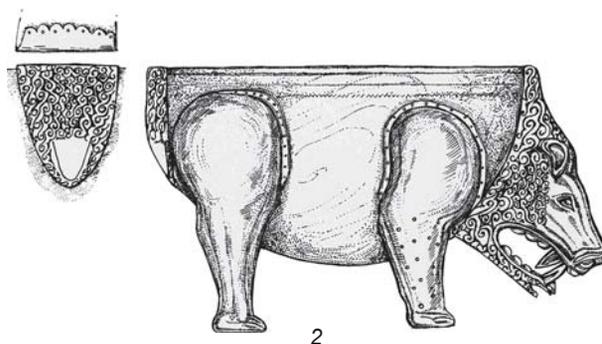
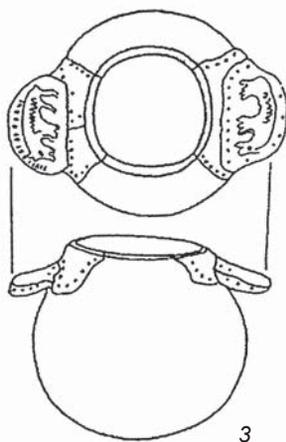

Рис. 6. Деревянный сосуд с золотыми оковками в виде фигуры медведя. Филипповский могильник, кург. 1, начало IV в. до н.э. (по: [The Golden Deer..., 2000]).

1 – реконструкция сосуда с использованием композитных материалов; 2 – графическая реконструкция.

в Оренбургской обл. (рис. 6), относящемся к савромато-сарматской культуре ираноязычных кочевников Южного Приуралья. Четыре бронзовые с серебряной обтяжкой бляхи с фигурой медведя (?) были найдены в «царском» кургане Желтокаменка IV в. до н.э. в степной Скифии [Мозолевский, 1982, с. 221].

В целом в курганах степной Скифии V–IV вв. до н.э., несмотря на их тотальное разграбление, культовые деревянные сосуды с золотыми обкладками, на которых методом штамповки выбиты изображения зверей, птиц и фантастических животных (грифонов), отнюдь не являются редкой находкой. Другое дело – образ медведя. Он до сих пор встречается в местных археологических комплексах нечасто.

Предположение о существовании какой-то формы культа медведя не только в лесостепной, но и в степной Скифии совсем недавно получило дополнительное подтверждение после публикации материалов элитного кургана Блинец-2 (возле г. Днепропетровска), относящегося к концу V в. до н.э. [Ромашко, Скорый, 2009, с. 68–69]. Курган был основательно разграблен в древности и в XIX в. В захоронении знатного скифа-степняка найдено пять когтей бурого медведя

(длина наибольшего из них 6,2 см, наименьшего – 3,6 см). Они были обнаружены в заполнении внутренней могильной ямы и находились рядом друг с другом. Авторы указывают, что подобные находки в могилах скифской эпохи весьма немногочисленны и обнаружены лишь в нескольких памятниках лесостепи: в гробнице № 2 кургана Репяховата Могила у с. Матусов в бассейне Тясмина (шесть медвежьих когтей с просверленными круглыми отверстиями, являвшиеся уздечными украшениями), кург. 2 Люботинского могильника в бассейне Северского Донца (медвежий коготь, оправленный в золотую фольгу и имеющий сквозное отверстие для подвешивания, т.е. амулет), относящихся к концу VII – началу VI в. до н.э., и центральной могиле Большого Рыжановского кургана начала III в. до н.э.* в междуречье Гнилого и Горького Тикича (четыре когтя, располагавшиеся с трех сторон скелета знатного скифского воина). «По-видимому, медвежьи когти в описанных случаях, как и зубы мед-

*По мнению ряда авторитетных исследователей, эту могилу следует датировать 315–300 гг. до н.э. (примеч. авторов).

ведя, волка, а также собачьи и кабаньи клыки, которые довольно обычны в курганах скифского времени, например, в Днепровском Лесостепном Правобережье Киевщины, в меньшей степени известны в степной зоне Северного Причерноморья, верно и вполне однозначно трактуемые как амулеты-обереги, обладающие магической силой, следует интерпретировать аналогично. Очевидно, когти могучего зверя, каковым является медведь, должны были служить апотропеями, надежной защитой покойного от злых сил. В нашем же случае, похоже, мы имеем иную, чрезвычайно интересную, а для скифских захоронений и необычную ситуацию. Поскольку все 5 когтей медведя лежали... компактно, рядом, а точнее, вместе (и это после ограбления захоронения!), мы вправе рассматривать их в качестве остатков *медвежьей лапы* (выделено мной. – В.Г.).

Эта находка позволяет вспомнить группу бронзовых украшений конской узды – блях в виде «медвежьей лапы», получивших распространение в V в. до н.э., имевших, как и ряд иных изделий, оформленных в зверином стиле и декорировавших узду, сакрально-магический характер. Заманчиво предположить, что в скифской среде в качестве амулетов-оберегов могли использоваться медвежьи лапы, послужившие прообразом для создания металлических амулетов-оберегов...» [Там же].

Действительно, в курганных захоронениях V–IV вв. до н.э. в лесостепной и степной (реже) Скифии встречаются бронзовые бляхи конской узды, оформленные в виде кисти человеческой руки, как считают одни исследователи, или, по мнению других, медвежьей лапы. Ошибиться в интерпретации здесь нетрудно: и на руке человека, и на лапе медведя пять пальцев. А довольно грубая отливка подобных предметов отнюдь не способствует проведению четкого различия. Правда, в очень редких случаях

(при большом увеличении) можно разглядеть даже ногти, т.е. речь здесь явно идет о человеческой кисти. Но чаще всего «рука» выглядит именно как медвежья лапа. Характерно, что в большинстве случаев она правая. Подобные находки насчитываются сейчас на территории лесостепной Скифии уже десятками [Могилов, 2008, с. 47, 232]. Интересно, что чаще всего окончания пальцев заострены и напоминают скорее когти медведя. О трактовке таких блях как изображения медвежьей лапы писали А.А. Бобринский [1905, с. 7] и С.В. Махортых [2006, с. 57–59].

Среди «медвежьих» мотивов в скифо-сибирском искусстве особенно выделяется медведь в «жертвенной позе»: голова в фас, лежащая на передних лапах. Именно такое размещение медвежьих головы и лап на деревянном помосте или на специальной площадке и пышные церемонии вокруг – один из кульминационных моментов Медвежьего праздника, который сохранялся у многих финно-угорских народов Урала и Сибири почти до конца XIX – начала XX в. [Алексеев, 1960].

Долгое время считалось, что мотив медведя в «жертвенной позе» чисто финно-угорский, поскольку в конце ананьинской и особенно в пьяноборскую эпоху подобные изображения, преимущественно в виде бронзовых блях, встречаются наиболее часто (см., например, Гляденовское костыще в Прикамье [Спицын, 1901]). Две такие бляшки из бронзы случайно найдены на территории Ананьинского могильника VI–IV вв. до н.э. [Васильев, 2004, с. 281, рис. 6].

Но поразительно, что мотив медведя в «жертвенной позе» представлен и в Скифии: на золотой бляшке из кург. 402 V в. до н.э. у с. Журовка Чигиринского уезда Киевской губ. в приднепровской правобережной лесостепи (рис. 7, 2); двух бронзовых бляшках конской узды из кург. 11 тоже V в. до н.э. у с. Олещина на Полтавщине, в междуречье Ворсклы и Псла

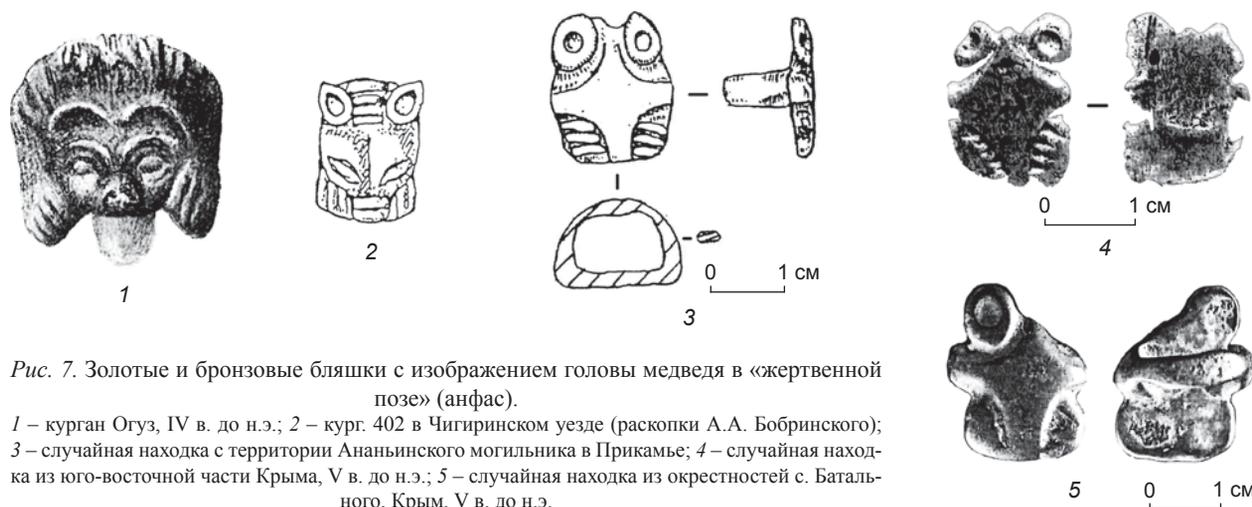

Рис. 7. Золотые и бронзовые бляшки с изображением головы медведя в «жертвенной позе» (анфас).
1 – курган Огуз, IV в. до н.э.; 2 – кург. 402 в Чигиринском уезде (раскопки А.А. Бобринского); 3 – случайная находка с территории Ананьинского могильника в Прикамье; 4 – случайная находка из юго-восточной части Крыма, V в. до н.э.; 5 – случайная находка из окрестностей с. Батального, Крым, V в. до н.э.

[Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 23, рис. 9, 7, 8]; двух бронзовых бляшек, найденных при случайных обстоятельствах в Крыму (одна – у с. Батального на Керченском полуострове, другая – в юго-восточной части Крыма), обе, исходя из аналогий, датируются второй половиной V в. до н.э. (рис. 7, 4, 5). О том, что «медвежья тема» на Крымском полуострове далеко не случайна, свидетельствует и обилие найденных там бронзовых украшений конской узды в виде «медвежьих лап» [Скорый, Зимовец, 2014, с. 125–127], которыми так богаты скифские погребальные комплексы приднепровской лесостепи.

Любопытно и другое. В материалах скифского времени из курганов на среднем Дону нет ни одной бляшки с изображением медведя в «жертвенной позе» и практически отсутствуют бронзовые «медвежьи лапы». А ведь именно у этой области Скифии существовали наиболее тесные связи (торговые и культурные) с Прикамьем и Приуральем. Однако в приднепровской лесостепи и Крыму такие находки есть, и они отнюдь не единичны.

Возникает вопрос о путях проникновения в Скифию культурных влияний из финно-угорского мира, тем более, если обратить внимание и на хронологию. Бронзовые бляшки с изображением головы медведя в «жертвенной позе» в Прикамье впервые представлены случайной находкой (Ананьинский могильник), датированной в широких пределах VI–IV вв. до н.э. (рис. 7, 3). Их расцвет приходится на конец IV – II в. до н.э. и более позднее время. Скифские же находки подобного рода твердо датируются V в. до н.э.

Какие же выводы можно сделать на основе изложенных выше фактов? Во-первых, изображение медведя на предметах торовитики и медвежьи когти-амулеты для конской сбруи появляются у скифов еще на заре их истории в эпоху архаики. Об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся находки: серебряное с золотым покрытием зеркало из Келермесского кург. 4 – вторая половина VII в. до н.э.; шесть когтей медведя с отверстиями для подвешивания к конской узде из гробницы 2 кургана Репяховата Могилы – конец VII в. до н.э. Известно, что скифы пришли в Северное Причерноморье «из глубин Азии», где находилась их прародина. Споры о ее локализации не утихают до сих пор. Но такие выдающиеся исследователи, как М.И. Ростовцев, А.И. Тереножкин, А.Ю. Алексеев, с большой долей уверенности помещали прародину скифов в Центральную Азию, т.е. на территорию Тувы, Северного Казахстана, Алтая [Rostovtzeff, 1929, p. 26; Тереножкин, 1971, с. 19–22; Алексеев, 2003, с. 38–42]. А для этой территории характерны обширные лесные массивы и внушительные, поросшие лесом горы – место обитания множества животных (в т.ч. и бурых медведей). Поэтому еще тогда, в ранние времена, до переселения на запад,

в Северное Причерноморье и на Кавказ, у предков скифов мог появиться и образ медведя в искусстве, и какие-то формы его почитания.

Примечательно, что следы почитания медведя на территории Скифии встречаются в погребальных комплексах именно высшей скифской знати и даже в «царских» курганах конца V – IV в. до н.э.: Солоха (боковая гробница) – начало IV в. до н.э.; Александропольском (Луговая Могила) – третья четверть IV в. до н.э.; Желтокаменка – 340–320 гг. до н.э. (см. рис. 2, 2); Огуз (грандиозный курган с каменной гробницей) – третья четверть IV в. до н.э. (см. рис. 7, 1); Большом Рыжановском – последние два десятилетия IV в. до н.э. К этой группе по всем признакам примыкает погребение знатного молодого человека в кургане Блинец-2 на окраине Днепропетровска. Здесь следует сделать несколько дополнительных пояснений.

Украинские археологи В.А. Ромашко и С.А. Скорый исследовали курган Блинец-2 в мае–июне 2007 г. К моменту начала археологических работ курган имел высоту 7,05 м над поверхностью. Вершина насыпи была срезана в XIX в. огромной грабительской траншеей не меньше чем на 1 м. Поэтому первоначальная высота кургана составляла, вероятно, более 8 м. Его диаметр, фиксируемый камнями крепицы, 42–43 м [Ромашко, Скорый, 2009, с. 93]. Таким образом, Блинец-2 принадлежит к числу крупнейших скифских элитных курганов V в. до н.э. в северопричерноморской степи и является самым большим в северной части Днепровского Надпорожья. «Учитывая эти параметры, – отмечают В.А. Ромашко и С.А. Скорый, – курган Блинец-2 должен быть отнесен к III группе курганов скифской знати, по Б.Н. Мозолевскому [1979, с. 152, табл. 4], имеющих высоту 8–11 м, которые в социальном плане могли являться местом погребения членов царской семьи или царей, возглавлявших составные части Скифии...» [Там же].

О высоком социальном статусе лица, погребенного в кургане Блинец-2, свидетельствуют и масштабы самой могилы (катакомбы), характеризующие трудозатраты на ее сооружение: глубина 7,5 м, площадь погребальной камеры 34 м², входной ямы – ок. 7,3 м². Общая площадь погребального сооружения 41,6 м² [Там же, с. 94]. Гробницу главного персонажа сопровождают три захоронения коней (но в очень бедном уборе – железные удила и псалии). Покойник лежал в античном деревянном саркофаге, украшенном резными пластинами из слоновой кости с очень тонкой гравировкой. На них изображены различные сюжеты из жизни и мифов эллинов: дионисийская символика, гепарды, колесницы, танцующие менады, Эрот, Гермес и т.д. «Вышеизложенное позволяет нам, – пишут В.А. Ромашко и С.А. Скорый, – рассматривать курган в качестве места погребения особы царского ран-

1

2

Рис. 8. Сцены «царской» конной охоты на медведя (по: [Фракийское золото..., 2013]).

1 – серебряная с позолотой тарелка, Болгария, IV в. до н.э.;
2 – серебряная с позолотой бляха, Болгария, IV в. до н.э.

га (выделено мной. – В.Г.), осуществленного в конце V столетия до н.э. Думаем, что это мнение в определенной степени подтверждается и резным изображением на золотом перстне стреляющего лучника в варварской одежде, в котором следует усматривать сцену «царской» стрельбы, отраженной в мифологии многих народов древности и имеющей ритуально-магическое значение...» [Там же, с. 98]. Более того, авторы считают, что в кургане Близнаец-2 был похоронен младший сын скифского царя Ариапифа Орик, который сам (в отличие от своих братьев Скила и Октамасада) никогда царем всей Скифии не был, а правил, по-видимому, лишь одной из ее частей [Там же, с. 109–112].

Заключение

Мне представляется, что факт нахождения каких-то вполне осязаемых следов почитания медведя имен-

но в самых элитных, а в ряде случаев даже «царских» курганах Скифии вряд ли является случайным. У скифской знати чаще всего этот образ встречается на двух категориях вещей: на ритуальных деревянных чашах с золотой обкладкой и в качестве украшения-оберега на конской сбруе. В этой связи следует упомянуть о том, что в соседней Фракии, с которой высшие круги скифской знати имели тесные семейные (династические браки) и культурные связи, для достижения верховной власти необходимо было пройти через серьезное испытание: верхом на коне и с копьем в руке одолеть опасного зверя – медведя, волка, кабана. Сцены конной охоты фракийского героя на медведя запечатлены на предметах торевтики IV в. до н.э. (рис. 8). В скифской иконографии сходный сюжет особенно ярко представлен на серебряных с позолотой двуручных чашах из «царского» кургана Солоха, на которых изображены конные скифы, охотящиеся на львов и каких-то фантастических чудовищ.

Список литературы

- Алексеев А.Ю.** Хронография Европейской Скифии. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 416 с.
- Алексеев А.Ю.** Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – 272 с.
- Алексеев Е.А.** Культ медведя у кетов // СЭ. – 1960. – № 4. – С. 90–104.
- Байгушева В.С.** Орнитофауна и териофауна Приазовья по материалам археологических раскопок // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. – Азов: Азов. музей-заповедник, 2006. – Вып. 22. – С. 341–356.
- Бобринский А.А.** Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии // Изв. Имп. археол. комиссии. – 1905. – Вып. 14. – С. 1–43.
- Васильев Ст.А.** Ананьинский звериный стиль: Истоки, основные компоненты и развитие // Археол. вести. – 2004. – № 11. – С. 275–297.
- Замятин С.Н.** Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. – 1946. – № VIII. – С. 9–50.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.** Медведь // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1982. – Т. II. – С. 128–130.
- Королькова Е.Ф.** Звериный стиль Евразии: Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2006. – 271 с.
- Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б.** Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. – М.: Всерос. фонд развития науки; Полтава: Полтав. краевед. музей, 1993. – 107 с.
- Манцевич А.П.** Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966. – С. 23–38.
- Махортых С.В.** Скифська вузда Перещепинського могильника // Більське городище та його округи. – Київ: Шлях, 2006. – С. 57–76.

Млекопитающие Советского Союза / В.Г. Гептнер, А.А. Слудский. – М.: Высш. шк., 1972. – Т. II, ч. 2. – 552 с.

Могилев А.Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. – Київ; Кам'янець-Подільський: Ін-т археології АН України, 2008. – 439 с.

Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. – Киев: Наук. думка, 1980. – С. 70–154.

Мозолевский Б.Н. Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности Степной Скифии. – Киев: Наук. думка, 1982. – С. 179–221.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. – Київ: Наук. думка, 1979. – 251 с.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Вост. лит., 1994. – 206 с.

Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. – Днепрпетровск: Пороги, 2009. – 251 с.

Россия: Полное географическое описание нашего отечества / под ред. П.П. и А.П. Семеновых. – СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1902. – Т. 2. – 717 с.

Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – 274 с.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма: Материалы одной коллекции. – Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. – 180 с.

Соколова З.П. Культ медведя // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 121–130.

Спицын А.А. Гляденовское костище // Зап. Рус. археол. об-ва. – 1901. – Т. XII, вып. 1/2. – С. 228–269.

Тереножкин А.И. Скифская культура // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С. 15–23. – (МИА; № 177).

Фракийское золото из Болгарии: Ожившие легенды. – М.: Кучково поле, 2013. – 360 с.

Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 136 с.

Чибирёв Л.А. Традиционная духовная культура осетин. – М.: РОССПЭН, 2008. – 711 с.

Яковенко Э.В. Клыки с зооморфными изображениями // СА. – 1969. – № 4. – С. 200–208.

Rostovtzeff M.I. The Animal Style in South Russia and China. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1929. – 112 p. – (Princeton Monographs in Art and Archaeology; vol. XIV).

Scythian Gold: Treasures from Ancient Ukraine. – N.Y.: Harry N. Abrams Inc. Publishers, 1999. – 352 p.

The Golden Deer of Eurasia. – N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2000. – 303 p.

*Матеріал поступив в редколлегию 21.03.19 г.,
в окончательном варианте – 05.04.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.094-103
УДК 903.05

А.П. Забияко

Амурский государственный университет
Игнатьевское шоссе, 21, Благовещенск, 675027, Россия
E-mail: sciencia@yandex.ru

Ранний чжурчжэньский текст наскальных изображений на реке Архаре в Приамурье (история, результаты исследования и новые данные)

Статья основана на результатах полевых исследований 2003, 2014–2018 гг. наскальных изображений р. Архары. В научный оборот вводятся сведения о выявленных знаках письменности, графемах. Одна часть графем написана красной краской, другая – черной. В 2003 г. на одной из каменных поверхностей обнаружены написанные черной краской графемы, которые образуют целостную структуру – иероглифический текст, состоящий из трех вертикальных колонок по 7, 10 и 7 знаков в каждой. В 2004 г. было выдвинуто предположение, что данный текст написан иероглифами, относящимися к чжурчжэньской письменности. В 2014 г. это основанное на исторических и археологических данных предположение получило лингвистическое подтверждение. Текст атрибутирован как образец чжурчжэньской письменности. Он переведен. Согласно имеющейся дате, текст написан 1 декабря 1127 г. по григорианскому календарю. Доказано, что надпись на скале р. Архары является самым ранним из всех известных науке текстов чжурчжэньской письменности. В тексте приведены имя автора – Шин Тэрин, а также информация о том, что он прибыл 1 декабря 1127 г. на территорию моукэ (военно-административный округ) под названием Таргандо. Установлено, что написанный черной краской текст не единственный – некоторые написанные красной краской графемы тоже образуют линейную композицию, текст. В статье впервые опубликована одна из графем «красной» группы и обоснована ее принадлежность к чжурчжэньской письменности. Представленные результаты исследований доказывают, что археологический памятник Архаринская писаница включает чжурчжэньские надписи, которые являются ценным источником, существенно дополняющим знания о письменности, топонимике, социальной истории чжурчжэней, распространении их культуры.

Ключевые слова: наскальные изображения, Архара, графема, письменность, чжурчжэни.

A.P. Zabiako

Amur State University,
Ignatievskoye shosse 21, Blagoveshchensk, 675027, Russia,
E-mail: sciencia@yandex.ru

An Early Jurchen Text Among Rock Representations Near the Arkhara River in the Amur Basin (History, Research Results, and New Evidence)

Results of field surveys of an inscription on a rock near the Arkhara River, carried out in 2003 and 2014–2018, are outlined. Some graphemes of which it consists are written in red, others in black. The black ones, first discovered in 2003, make up a coherent whole—a hieroglyphic text arranged in three columns consisting of 7, 10, and 7 signs. In 2004, a suggestion was made that the text is written in Jurchen hieroglyphic script. In 2014, this hypothesis, based on historical and archaeological evidence, received a linguistic support, and the text was translated. Judging by the available data, it was written on December 1, 1127, and is demonstrated to be the earliest Jurchen inscription known to date. The text mentions the author's name—Shin Terin, and says that he had arrived in the Targhando mouke (military-administrative region). Apart from the text written in black, certain graphemes written in red are arranged in a linear sequence, suggesting that this is a text too. For the first time, one of the “red” graphemes is published and shown to belong to Jurchen script. The results suggest that the Arkhara rock gallery includes Jurchen inscriptions that are highly relevant to Jurchen linguistics, toponymy, social and cultural history.

Keywords: Petroglyphs, Arkhara River, grapheme, writing system, Jurchen.

Введение

Сведения о знаках письменности на скалах были введены в науку российскими исследователями Сибири – Н.Г. Спафарием (конец XVII в.), Ф.И. фон Страленбергом, П.С. Палласом, Г.Ф. Миллером (XVIII в.) и др. [Спафарий, 1882, с. 85; von Strahlenberg, 1730, tab. VII, XI–XII; Паллас, 1786, с. 474; Миллер, 1999, с. 519–533]. В начале XIX в. большой вклад в изучение «начертаний и надписей» на камнях внес Г.И. Спасский. Он обратил внимание на то, что эти знаки письменности, истоки и аналоги которых следует искать не в европейских типах письма, а «в древних и новых письменах Восточных», имеют сходство с «монгольскими и татарскими» буквами и «маньчжурским письмом» [Спасский, 1818, с. 80]. Для темы нашей статьи важное значение имеют результаты исследований А.П. Окладникова: в близких к Приамурью регионах им были зафиксированы наскальные знаки, по типу сходные со старомонгольским письмом или представляющие собой «имитацию рунических письмен» (см., напр.: [Окладников, Запорожская, 1970, с. 165]). Фрагменты письменных знаков в этих регионах были обнаружены также А.В. Тиваненко (см., напр.: [Тиваненко, 2011]).

Таким образом, нахождение рядом с наскальными рисунками знаков письменности является в Северной и Центральной Азии достаточно распространенным и хорошо изученным явлением. На Дальнем Востоке, в бассейне Амура, они крайне малочисленны.

Целью статьи является введение в научный оборот сведений о письменном тексте, обнаруженном в 2003 г. на археологическом памятнике Архаринская писаница. Основу исследования составляют полевые материалы автора, полученные в ходе экспедиций 2003, 2014–2018 гг. Во время полевой работы наскальные изображения документировались контактными и бесконтактными методами: прорисовывались на полиэтиленовую пленку, копировались на бумаге, а также фотографировались в разных цифровых форматах, включая RAW. В камеральных условиях цифровые копии обрабатывались в компьютерных программах редактирования изображений. Интерпретация наскальных письменных знаков проводилась традиционными методами источниковедческого и текстологического анализа, а также семиотики.

Этапы исследования

Археологический памятник Архаринская писаница расположен на правом берегу р. Архары в 48 км выше с. Грибовка и в 97 км выше места впадения Архары в Амур (рис. 1). Наскальные знаки нанесены на гранитные обнажения склона сопки, которые круто спускаются к реке. Высота скального обнажения ок. 10 м в верхней части, от которой каменная стенка плавно понижается в обе стороны. Длина обнажения ок. 50 м, плоскости с изображениями располагаются на участке протяженностью 30 м на высоте от 2 до 8 м. Знаки выполнены красной краской (охрой) разных оттенков и черной (рис. 2).

Рис. 1. Карта местонахождения Архаринской писаницы.

скаются к реке. Высота скального обнажения ок. 10 м в верхней части, от которой каменная стенка плавно понижается в обе стороны. Длина обнажения ок. 50 м, плоскости с изображениями располагаются на участке протяженностью 30 м на высоте от 2 до 8 м. Знаки выполнены красной краской (охрой) разных оттенков и черной (рис. 2).

Наскальные изображения были известны русским жителям со времени их расселения по берегам реки во второй половине XIX в. Впервые наскальные изображения Архары были описаны Саенко (инициалы, к сожалению, не известны) в краткой (на полстраницы) заметке [1930]. Первое научное описание памятника было дано В.Е. Ларичевым, обследовавшим петроглифы в ходе Дальневосточной археологической экспедиции 1954 г., которой руководил А.П. Окладников. В наиболее полном виде результаты обследования представлены в дневнике экспедиции [Окладников, Ларичев, 1999]. В.Е. Ларичев – в то время студент отделения истории Китая восточного факультета Ленинградского государственного университета – заметил среди большого количества фигуративных и нефигуративных изображений несколько знаков письменности, которые интерпретировал как китайские: написанный «темной краской» (черной? – А. З.) «иероглиф “дерево” (бень)» (бэнь 本 «ствол, корень» или му 木 «дерево». – А. З.) и «2 ряда иероглифов», написанных «черной тушью, скорописью и не совсем четко». В числе последних исследователем был понятен лишь «иероглиф “гора” – шань» (шань 山. – А. З.) [Там же, с. 26]. Изображения не были зафиксированы, сведения о них не получили отражения в публикациях участников экспедиции 1954 г.

В 1968 г. работу на памятнике продолжил А.И. Мазин, который зафиксировал, описал и впервые опубликовал большую часть изображений. Всего им вы-

Рис.2. Архаринская писаница. Общий вид. Фотография с дрона. 2017 г.

делено 360 наскальных знаков, нанесенных «красной или светло-красной охрой», «однородных» по стилю и времени создания [Мазин, 1986, с. 82–95]. В указанной и других публикациях А.И. Мазина нет упоминания о знаках письменности.

Новый этап в изучении памятника начался в 2003 г. В августе этого года автор статьи вместе с сотрудником Амурского государственного университета (далее – АмГУ) Р.А. Кобызовым провел обследование объекта. На фото- и видеопленку были сняты все доступные для осмотра петроглифы, зарисована и скалькирована часть изображений. Вся совокупность наскальных знаков была разделена по принципу цветовой классификации на две группы – «красные» и «черные» знаки. Обе группы включали знаки, которые различались между собой не только по форме, но и по существенным признакам. Наличие на скале существенно различных знаков предопределило структурирование всех изображений на два типа – идеограммы и иероглифы. Понятие *идеограмма* используется при описании наскальных изображений достаточно часто [Leroi-Gourhan, 2009, p. 260–263, 274–275; др.]. Отметим, что мы трактуем термин *идеограмма* шире, чем А. Леруа-Гуран. Идеограмма – условный графический знак, символ, репрезентирующий в визуальной форме понятие, представление об объекте. Каждая идеограмма заключает в себе особый смысл и может функционировать отдельно от других идеограмм, поэтому может не относиться к языку. Соответственно, идеограмматические знаки не связаны в необходимом порядке линейными отношениями и не образуют упорядоченную смысловую систему, фиксирующую высказыва-

ние. В контексте изучения петроглифов в качестве идеограмм выступают фигуративные и нефигуративные изображения. Важно, что идеограммы не являются письменностью в точном значении этого термина. На это обращал внимание А. Леруа-Гуран: «Нельзя рассматривать палеолитические изображения как знаки “пред-письменности”... чтобы быть таковыми, они должны составлять линейно выстроенную совокупность символов, однако палеолитические изображения, находящиеся в первых звеньях цепи, значимы для высвечивания первых попыток передачи речи» [Ibid., p. 260].

Известно несколько типов письменности. Один из них – иероглифическая письменность – наиболее важен для нашей темы. Иероглифы – условные знаки, графические элементы письменности как способа визуализации языка, речи.

При исследовании Архаринской писаницы мы имеем дело с изображениями, которые относятся к типам идеограмматических и иероглифических знаков. Оба типа были выявлены уже при осмотре «красных» и «черных» изображений в 2003 г.

В группе «красных» изображений иероглифы (графемы) составляют незначительную, но очень важную часть. В группе «черных» изображений преобладают иероглифические знаки. Возвращаясь к записям В.Е. Ларичева, заметим, что упоминаемый им в дневнике китайский иероглиф с чтением *бень* и значением, как указано автором, «дерево» в словарях китайского языка не зафиксирован. Поскольку графическую форму иероглифа В.Е. Ларичев в дневнике не приводит, можно предположить, что он имел в виду либо

иероглиф *бэнь* 本 (в точном значении – корень; основание, основа; твердый закон, неизменная норма; источник, начало, древность; природа, естество; отцовский род, предки, прямые потомки, благодарение предкам; родина, родные места; родовое имя Бэнь [Большой китайско-русский словарь..., 1984, с. 741–744]), либо близкий ему по графической форме иероглиф *му* 木, первое и основное значение которого «дерево» [Там же, с. 699–701]. Иероглиф формы 本 или 木 на скале мы не обнаружили. Нами выявлен знак, графическая форма которого представляет собой нечто среднее между китайскими иероглифами *бэнь* 本 и *му* 木: у него, в отличие от иероглифа *му*, имеется нижняя горизонтальная черта, но она, в отличие от иероглифа *бэнь*, не пересекает вертикальную, а расположена у ее основания. В больших китайских иероглифических словарях иероглиф такого начертания нам обнаружить не удалось. Не исключено, что этот иероглиф либо выписан на скале без соблюдения правил каллиграфии (в этом случае он представляет собой вариант иероглифа *му* или *бэнь*), либо не принадлежит китайской письменности вообще (рис. 3).

На скале не обнаружены также изображения, которые, согласно записи в дневнике, составляли «2 ряда иероглифов», написанных «черной тушью, скорописью и не совсем четко (понятен только иероглиф “гора” – шан)» и выявленных «в центральной части, где наиболее густо расположены рисунки» [Окладников, Ларичев, 1999, с. 26]. Возможно, они утрачены со времени их осмотра в 1954 г. Однако есть графы другой конфигурации. В 2003 г. на одной из каменных поверхностей справа от центра были выявлены 24 написанных черной краской (тушью) графем, которые образуют целостную структуру, состоящую из трех вертикальных колонок, столбцов или строк. Занимаемая ими площадь составляет 15 × 25 см. Размеры каждого графического элемента в среднем 2 × 2 см. В правом столбце имеется 7 знаков, в центральном – 10, в левом – 7 (рис. 4). Краска нанесена на поверхность кистью.

Уже на стадии выявления было очевидно, что изображения, организованные в линейную композицию, представляют тип иероглифического письма и образуют целостный текст. Судя по технике исполнения, графемы были нанесены рукой мастера, уверенно владевшего определенным иероглифическим письмом.

Основная проблема заключалась в определении типа иероглифической письменности и переводе текста. Уже в первой публикации, посвященной этой надписи, была обоснована принадлежность текста киданьскому или чжурчжэньскому письму, но, скорее всего, – чжурчжэньскому [Забияко, Кобызов, 2004, с. 133].

В основу нашего подхода к исследованию положены следующие положения. Графемы нанесены по-

Рис. 3. Графема «черной» группы.

Рис. 4. Графемы. Чжурчжэньский текст. 2014 г.

верх нарисованных охрой петроглифов. Изображенные красной краской (охрой) петроглифы относятся к эпохе раннего железного века – раннего Средневековья. «Черные» графемы не могли быть древнее нарисованных красной краской петроглифов, следовательно, древнее Средневековья. Следует учитывать, что надпись патинизирована, покрыта «скальным загаром», который возникает на красочном слое спустя достаточно длительное время после нанесения краски. Соответственно, надпись не могла быть нанесена в эпоху позднего Средневековья. Следовательно, возраст знаков письма должен составлять ок. 800–1 000 лет.

В это время в Приамурье, возможно, использовалась иероглифическая письменность трех типов – китайская, киданьская и чжурчжэньская. Китайская иероглифика исключалась в силу несходства со знаками архаринской надписи. Использование киданьской маловероятно. В X в. значительная часть Приамурья входила в сферу влияния киданей – монголоязычной этнической группы, которая создала на востоке Азии империю Ляо (907–1125 гг.). В киданьском государстве в 920 г. было создано большое киданьское письмо, а ок. 925 г. – малое киданьское письмо. Графика обоих типов киданьского письма построена на основе китайской иероглифики [Терентьев-Катанский, 1990, с. 68–70; Зайцев, 2011, с. 146–147]. Однако на левобережье верхнего и среднего Амура кидани не оставили сколько-нибудь очевидных следов пребывания и присутствия государственности, с которой обычно связана письменность.

Этническое ядро чжурчжэней сформировалось в Северо-Восточном Китае. Некоторые чжурчжэньские группы ок. IX в. мигрировали на берега Амура, где уже к концу X – началу XI в. создали высокоразвитую культуру амурских чжурчжэней. В Приамурье чжурчжэни оставили многочисленные свидетельства своей жизнедеятельности – поселения, городища, могильники [Деревянко, 1981; Болотин и др., 1998]. Амурские чжурчжэни, отмечал В.Е. Медведев, «заняли достойнейшее место среди народов Восточной Азии начала II тысячелетия» [1977, с. 158].

В X в. значительная часть чжурчжэней попала в зависимость от киданей, испытала влияние государственности и культуры Ляо. В 1115 г. вождь Агуда объединил чжурчжэньские племена и, вытеснив киданей с территории Маньчжурии, создал государство Цзинь (1115–1234 гг.), на восточной периферии которого располагалось Приамурье. Согласно китайским историческим источникам, в 1119 г. чжурчжэни создали свою первую письменность, ставшую известной впоследствии как большое чжурчжэньское письмо, а в 1138 г. вторую – т.н. малое чжурчжэньское письмо [Воробьев, 1983, с. 151–152]. Поскольку большинство дошедших до нас памятников чжурчжэньской письменности выполнены письмом только одного вида, то вопрос об идентификации его типа долгое время был и, по-видимому, остается дискуссионным. Одни исследователи, например А.М. Певнов, называют письмо этих памятников малым [2004, с. 44], другие, например Айсингёро Урухитюн и Ёсимото Митимаса, – большим [2017]. Отметим, что по начертанию графемы чжурчжэньского письма, зафиксированные в сохранившихся памятниках, проявляют сходство со знаками большого киданьского письма и с уставным стилем (*кайшу*) китайской иероглифики [Kiyose Gisaburo, 1977, p. 22; Воробьев, 1983, с. 151–152; Терентьев-Катанский, 1990, с. 77–80; Зайцев, 2011, с. 141–148]. Мы вслед

за В.П. Зайцевым [2011, с. 141] именуем это письмо чжурчжэньским без указания на его тип.

Причастность чжурчжэньского этноса и империи Цзинь к средневековой истории и культуре Приамурья позволяет предполагать, что обнаруженный на скалах Архары текст является чжурчжэньским. Однако чжурчжэньские тексты встречаются очень редко.

Наука располагает в целом очень ограниченным количеством текстов, написанных чжурчжэньским письмом. В 1842 г. Н.Я. Бичурин констатировал: «Дом Гинь (Цзинь 金. – А. З.), возникший в Нингуге, первый изобрел буквы для тунгусского языка и, более ста лет владея Северным Китаем и Монголией, употреблял в письменных сношениях собственное письмо. <...> С падением дома Гинь все сочинения и переводы, писанные на тунгусском языке, и даже самое письмо нечувствительно исчезли так, что между тунгусскими племенами доселе не могли найти ни одного памятника письменности их в XII веке» [2002, с. 232–233].

С середины XIX в. ситуация с обнаружением и научной реконструкцией образцов чжурчжэньского письма значительно улучшилась, но до сих пор количество памятников чжурчжэньской письменности в распоряжении ученых очень невелико. Данные об их количестве разнятся, все зависит от того, какие памятники тот или иной исследователь включает в рассмотрение, а какие по тем или иным соображениям выводит из него. В общем можно указать, что до нас дошли как надписи на камне и металле, так и документы на бумаге. По данным А.М. Певнова, корпус чжурчжэньской эпиграфики XII–XV вв. представлен: 1) девятью текстами, высеченными на камне, на стелах или просто на скале, среди которых шесть памятников обнаружены в Китае, два – в Северной Корее, один – на территории России; 2) «лаконичными надписями или отдельными знаками, прочерченными по сырой или обожженной глине сосудов (до обжига знаки наносились, по-видимому, гончаром; на готовых сосудах надписи сделаны, вероятно, их владельцами)»; 3) «письменными знаками на некоторых печатях и печатках, тушечнице, тавре, клеймах, на различных железных изделиях и, наконец, на таком уникальном предмете, как серебряная пайцза»; 4) «знаками, вероятно, чжурчжэньского письма на бортиках бронзовых зеркал» [2004, с. 44–45, 48, 49]. Несмотря на то, что сведения А.М. Певнова по текстам первого типа базируются на монографии японского исследователя Киёсэ Гисабуро Норикура «Исследование чжурчжэньского языка и письменности: Реконструкция и дешифровка» [Kiyose Gisaburo, 1977] и несколько устарели, все-таки они позволяют составить представление о количестве доступных науке монументальных надписей.

В своей работе Киёсэ Гисабуро приводит дополнительные сведения об этих памятниках и указывает их

места нахождения: несколько было открыто в Северо-Восточном Китае в пров. Цзилинь и Шаньдун, а также недалеко от г. Кайфына (пров. Хэнань); одна надпись на скале и одна на стеле сохранились в Корее; стела с выбитой надписью была воздвигнута на Тырском утесе (нижний Амур). Последний в списке японского ученого камнеписный чжурчжэньский текст – Цаган Обо – был найден в аймаке Шилин-Гол во Внутренней Монголии в 1945 г., однако более о нем ничего не известно [Kane, 1989, p. 69]. Самый ранний, согласно Киёсэ Гисабуро, текст (стела в память о победе Агуды, будущего первого императора Цзинь, над киданями; левый берег р. Лалинь, окр. Фуюй, пров. Цзилинь) датируется 28-м днем 7-го лунного месяца 1185 г., самый поздний (стела в честь строительства и восстановления храма Юннинсы; Тырский утес) – 22-м днем 9-го лунного месяца 1413 г. [Kiyose Gisaburo, 1977, p. 23–25; Головачёв и др., 2011, с. 96, 132]. Один из недатированных чжурчжэньских текстов, указанных Киёсэ Гисабуро, впоследствии был отнесен к периоду ранее 1185 г. Он приведен на Кёнвонской стеле в честь строительства буддийского храма, которая датируется 1138–1153 гг. [Kane, 1989, p. 59–62]. Отметим, что, помимо этих и нескольких других надписей [Ibid., p. 69], открытых после выхода книги Киёсэ Гисабуро, известны также памятники чжурчжэньского письма, выполненные на камне тушью. Такова, например, надпись на стене внутри Белой пагоды (кит. *Bai ta* 白塔) в Хух-Хото [Ibid., p. 77].

Таким образом, надписи на стелах и каменных плоскостях скал входят в фонд чжурчжэньской письменной культуры. Однако все известные к 2003 г. надписи на камне чжурчжэньским письмом были обнаружены далеко от левобережья среднего Амура, р. Архары.

В 2003–2014 гг. нами для проведения лингвистического исследования и дешифровки текста были налажены контакты с российскими специалистами в области чжурчжэньского языка и письменности, чжурчжэне- и маньчжуроведами, китаеведами. Однако окончательно идентифицировать текст как чжурчжэньский и выполнить его перевод на этом этапе исследования оказалось делом сложным. На Третьей научной конференции по истории Северо-Восточного Китая в Даляне (31 октября 2014 г.) мы представили надпись специалисту в области чжурчжэне- и маньчжуроведения Цзинь Ши, которая подтвердила, что графемы являются письменными знаками большого чжурчжэньского письма. Для продолжения исследования Цзинь Ши предложила передать текст крупному специалисту в чжурчжэньском языке и письменности проф. Айсингёро Урухитюн (маньчж. Айсинь Гиоро Улхичунь) из Университета Рицумэйкан в Киото. Айсингёро Урухитюн были переданы фотографии наскальных знаков и их прорисовки, сделанные

в 2003 г., и наши публикации, посвященные надписи, специально переведенные на китайский язык Ван Цзяньлинем.

Для окончательного установления аутентичности надписи, точности и полноты ее копирования лабораторией археологии и антропологии АмГУ в 2015 г. была проведена международная экспедиция, в состав которой входили с российской стороны – А.П. Забияко (руководитель), Ван Цзяньлинь и А.О. Беляков (сотрудники лаборатории), с японской стороны – Айсингёро Урухитюн и Кай Хэ. Визуальный осмотр и фотофиксация надписи позволили подтвердить аутентичность графем как образца чжурчжэньского письма, полноту их фиксации и адекватность перевода.

После завершения полевой части исследований российской стороной были согласованы с японскими специалистами планы дальнейшей обработки совместных экспедиционных материалов и установлена договоренность о введении в научный оборот всей совокупности научных результатов в коллективной монографии на русском и японском языках. Для ее подготовки российская сторона передала Айсингёро Урухитюн переведенные Ван Цзяньлинем на китайский язык публикации, посвященные архаринским наскальным знакам, в которых приводятся сведения по истории амурских чжурчжэней, данные о природно-климатических и ландшафтных особенностях региона, а также другие материалы. Вся эта информация вошла в монографию Айсингёро Урухитюн и Ёсимото Митимаса, выпущенную без согласования с российской стороной [2017]. Книга, безусловно, является важным вкладом в дело изучения чжурчжэньского языка и письменности. К сожалению, в ней допущены существенные неточности в изложении процесса изучения архаринской наскальной надписи, отсутствует целостная историография по теме исследования текста, воспроизведены некоторые российские материалы, не предназначенные для публикации.

В 2016–2018 гг. сотрудники лаборатории археологии и антропологии АмГУ продолжали совместно с российскими и зарубежными специалистами изучение этого уникального памятника. Историко-филологическим изучением нового и ранее выявленного эпиграфического материала (памятники чжурчжэньской письменности) в рамках этих исследований занимается сотрудник Института восточных рукописей РАН В.П. Зайцев.

Результаты и дискуссия

Важнейшим результатом изучения наскальных письменных знаков архаринского памятника являются открытие в 2003 г. и окончательная идентификация в 2014 г. текста «черной» группы как образца чжурч-

牛	冬	金
月	禿	米
又	卓	南
日	戛	水
昃	冬	秀
戠	戛	引
屯	舟	糸
	花	
	可	
	茅	

Рис. 5. Реконструкция текста Айсингёро Урухитюн.

жэньской письменности, а также его последующие дешифровка, перевод и содержательная интерпретация. В скорописном тексте, состоящем из трех вертикальных строк, которые читаются справа налево, выделены и реконструированы (т.е. дешифрованы из скорописной формы и соотнесены с материалом других памятников чжурчжэньской письменности) 24 знака чжурчжэньского письма, по 7, 10 и 7 знаков в первой, второй и третьей строках текста соот-

ветственно [Айсингёро Урухитюн, Ёсимото Митимаса, 2017, с. 30] (рис. 5).

В фонетической реконструкции чжурчжэньских письменных знаков Айсингёро Урухитюн запись архаринского текста выглядит так: (1) *pulan imula fundzania* (2) *taryando i oson muə rəngilə gai-man* (3) *dzuə bia oniohon inəngi fin-tərin* [Там же, с. 31–32]. Этот текст переведен и интерпретирован следующим образом (интерпретации и комментарии исследовательницы к переводу даются в квадратных скобках; русская редакция и перевод выполнены В.П. Зайцевым) [Там же, с. 32–51]:

(1) пятый год [правления под девизом *Тянь-хуэй* цзиньского императора Тай-цзуна = 金太宗天會, что под циклическими знаками] *дин-вэй* [кит. 丁未; чжурчж. *pulan imula*, букв. «красная коза»];

(2) достиг низовья (нижнего течения) маленькой реки [чжурчж. *oson muə*, букв. «маленькая вода»; указывает на р. Архару – левый приток Амура] в Таргандо [чжурчж. *taryando*, в кит. транскрипции *Талианьдо* 塔里安朵, в яп. транскрипции *Таруандо* タルアンド; при Цзинь – название *моукэ* (кит. 謀克) – подведомственного района, военизированной или территориальной общины в месте расположения скалы];

(3) десятая луна, девятнадцатый день. Шин Тэрин [чжурчж. *fin-tərin*, в кит. транскрипции *Шэньтэлинь* 申忒鄰, в яп. транскрипции *Синтокуруин* 申忒鄰].

В литературном переводе: «[На] пятый год [правления под девизом *Тянь-хуэй* цзиньского императора Тай-цзуна, что под циклическими знаками] *дин-вэй* достиг низовья маленькой реки (Архары) в [моукэ] Таргандо. [В] девятнадцатый день десятого лунного месяца [записал] Шин Тэрин».

Некоторые аспекты реконструкции трудноразличимых знаков, перевода и датировки Айсингёро

Урухитюн были критически проанализированы британским исследователем Э. Уэстом, который подчеркнул необходимость уточнения начертания отдельных графем, их фонетической реконструкции и значения [West, 2018]. Заметим, что в работе японских ученых, кроме наших предварительных прорисовок надписей 2003 г. (почему-то ошибочно датированных июлем 2014 г.), других прорисовок не приводится [Айсингёро Урухитюн, Ёсимото Митимаса, 2017, с. 30], т.е. последующие исследователи не имеют возможности установить, на основании каких прорисовок архаринского текста (безусловно, не везде уверенно различимого на фотографиях) была выполнена реконструкция, и перепроверить полученный результат. С нашей точки зрения, в монографии, к большому сожалению, отсутствует важное промежуточное звено между фотографией текста *in situ* и опубликованной его реконструкцией, а именно авторская прорисовка текста, положенная в основу последней. Согласимся, что лингвистические замечания и оригинальные интерпретации Э. Уэста во многом справедливы. Однако сейчас мы следуем опубликованному варианту японского лингвиста.

В тексте указывается, когда была сделана надпись, – 19-й день 10-го лунного месяца 5-го года правления под девизом *Тянь-хуэй*, что соответствует 24 ноября 1127 г. по юлианскому календарю и 1 декабря 1127 г. по григорианскому [Лянцзянь..., 1956, с. 226, 418]. Если дешифровка Айсингёро Урухитюн верна, то, согласно дате, текст на скале Архары является самым ранним из всех известных науке текстов чжурчжэньской письменности. Как отмечалось, до открытия архаринского текста самым ранним считался текст на Кёнвонской стеле (кит. *Цинъюаньцзюнь Нюйчжэнь гошу бэй*), датируемый 1138–1153 гг. [Кане, 1989, р. 59–62]. Архаринский текст отделяют от кёнвонского 11–26 лет. От года создания чжурчжэньской письменности в 1119 г. до нанесения надписи на скалу Архары прошло всего ок. 8 лет. Это позволяет считать архаринскую надпись уникальным памятником письменности.

Архаринский текст – один из наиболее ранних письменных источников, обнаруженных на левобережье Амура и на территории российского Дальнего Востока. На нижнем Амуре в ранних (не позднее начала XII в.) чжурчжэньских могильниках В.Е. Медведевым были найдены фрагменты сосудов и бронзовые зеркала с китайскими иероглифами и неидентифицированными знаками письменности, а также тушечница [Медведев, 1986, с. 9–10, 15, 65]. В Приморье выявлены керамика и серебряная пайцза с чжурчжэньскими графемами [Певнов, 2004]. Таким образом, до открытия архаринской надписи наука располагала только археологическими материалами, отдельными письменными знаками и сведениями

из китайских хроник, относящимися к истории огромного региона вплоть до начала XII в. Сейчас в распоряжении ученых оказался датированный письменный текст местного происхождения.

В тексте указывается, что человек по имени Шин Тэрин осенью 1127 г. побывал на р. Архаре на территории *моукэ* Таргандо. Судя по виду выведенных на скале иероглифов, он уверенно владел кистью и навыками новой письменности. Очевидно, Шин Тэрин был хорошо образован и являлся цзиньским чиновником, выполнявшим какое-то поручение на левобережье среднего Амура. В «Истории Цзинь» (Цзинь ши 金史) – китайской династийной хронике чжурчжэньского государства – нет упоминаний имени Шин Тэрин и *моукэ* Таргандо, а также о миссии, направленной на Архару. Разумеется, далеко не все события отражались в официальном историописании, тем более в последующих официальных историях (чжэньши 正史), составлявшихся уже после падения той или иной династии. Деятельность Шин Тэрина могла быть связана с местными центрами чжурчжэньской администрации. Ближайшим к устью Архары крупным чжурчжэньским городищем являлась крепость на горе Шапка. Исследованиями российских археологов установлено, что городище Шапка было одним из чжурчжэньских торгово-ремесленных, административных и военных центров, контролировавших близлежащую территорию [Деревянко, 1988; Нестеров и др., 2011].

Использование Шин Тэрином чжурчжэньской письменности, созданной лишь за несколько лет до посещения им Архары, можно считать показателем либо того, что автор текста был приближен к столичным кругам, где успел овладеть письмом нового типа, либо быстрого и широкого распространения чжурчжэньской письменности вплоть до восточных границ Цзинь, левобережья Амура.

Архаринский текст является важным источником для реконструкции исторической топонимики края: в нем указывается, что в XII в. в низовьях Архары располагалась военизированная или территориальная община (*моукэ*), называвшаяся чжурчжэнями Таргандо (о системе *мэньань* и *моукэ* у чжурчжэней см.: [Воробьев, 1975, с. 55–57, 75–76, 130–134, 150 и далее]). Эти данные дополняют сведения о границах территории расселения и миграциях чжурчжэней в эпоху империи Цзинь, распространении их культуры в сопредельных районах Восточной и Северо-Восточной Азии. Открытие надписи и ее перевод расширяют лингвистические горизонты изучения чжурчжэней – лексического состава их языка и особенностей письменности.

Важно, что введенный в научный оборот чжурчжэньский текст «чёрной» группы не является единственным. В 2003 г. были открыты графемы в «крас-

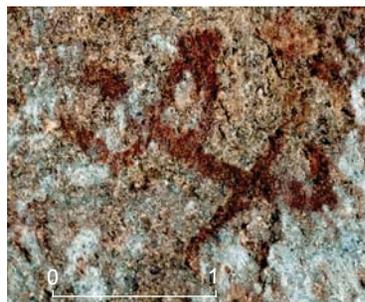

Рис. 6. Графема «красной» группы наскальных изображений на Архаре. 2014 г.

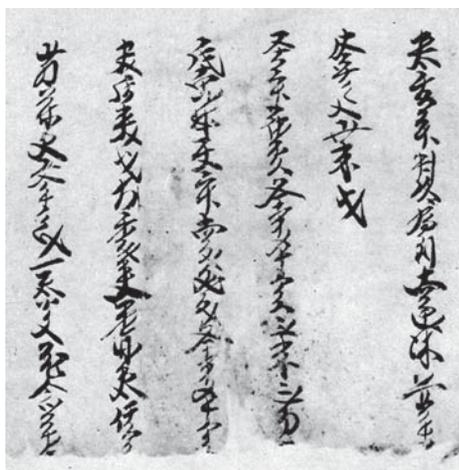

Рис. 7. Рукописный чжурчжэньский текст на бумаге из коллекции Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге (Тангутский фонд, инв. № 3775-1).

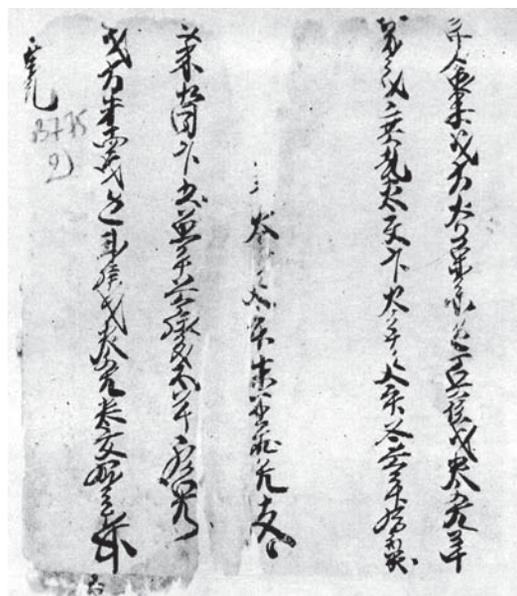

Рис. 8. Рукописный чжурчжэньский текст на бумаге из коллекции Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге (Тангутский фонд, инв. № 3775-2).

ной» группе наскальных изображений. С тех пор продолжается их выявление, фиксация и интерпретация. В данной статье мы впервые представляем одну из графем «красной» группы. Размерами, стилистикой и техникой исполнения она не отличается от графем «черной» группы. По нашему мнению, она является графемой чжурчжэньской письменности (рис. 6).

Поскольку весь текст «красной» группы пока не реконструирован, то точная интерпретация отдельного ее знака затруднительна. Тем не менее в качестве обоснования нашего заключения можно указать на близость графической формы этого знака и четвертого знака второй строки архаринской надписи (см. рис. 5). Последний, согласно дешифровке Айсингёро Урухитюн, выступает показателем родительного падежа (его скорописная форма дешифрована как чжурчжэньская графема *i* 戈). Следовательно, вполне вероятно, что публикуемый знак является этой же частотной графемой чжурчжэньского письма (см.: [Kiyose Gisaburo, 1977, p. 63, N 25; Певнов, 2004, с. 154, V-52]). Он совпадает также с графемой в скорописном чжурчжэньском тексте из коллекции Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге [Кара, Кычанов, Стариков, 1972, с. 398, стб. 3, 6, 7; с. 399, стр. 1, 2, 5] (рис. 7, 8).

Перспективы дальнейшей работы связаны с расчисткой всех плоскостей с изображениями от природных (растительность) и антропогенных (надписи посетителей) наслоений, фиксацией всех знаков, полной идентификацией графем «черной» и «красной» групп, их переводом и интерпретацией.

Заключение

Архаринская писаница, включающая более 350 фигуративных и нефигуративных знаков, – один из наиболее содержательных петроглифических памятников Северо-Восточной и Восточной Евразии. Открытая на скале р. Архары в 2003 г. и переведенная в 2014 г. надпись – самый ранний из известных в настоящее время чжурчжэньский текст, который позволяет причислить Архаринскую писаницу к уникальным историческим объектам. Архаринская надпись, датированная 1127 г., существенно дополнила немногочисленный фонд сохранившихся со времени создания в 1119 г. чжурчжэньской письменности текстов. Его содержание расширяет знания об исторической топонимике региона, территориально-политической и социальной организации чжурчжэней Приамурья, границах распространения письменной культуры империи Цзинь. Выявление в группе «красных» знаков новых чжурчжэньских графем позволяет надеяться на получение новых знаний о чжурчжэнях, их истории и культуре.

Благодарности

Автор выражает благодарность российским и зарубежным ученым, предшественникам и современникам, участвовавшим в формировании знаний о составе и семантике изображений на скалах р. Архары, а также добровольным помощникам, без участия которых были бы невозможны полевые исследования: А.А. Бурыкину, В.П. Зайцеву, Р.А. Кобызову, В.Е. Ларичеву, А.И. Мазину, А.П. Окладникову, Т.А. Пан, Т.А. Париловой, М.П. Парилу, А.М. Певнову, Н.В. Чиркову, С.В. Филонову, Айсингёро Урухитюн, Ван Цзяньлиню, Ван Юйлану, Кай Хэ, Цзинь Ши, Э. Уэсту.

Список литературы

- Айсингёро Урухитюн, Ёсимото Митимаса.** Россия, Арухара кахан-но Дзёсин дайди бокусё : Дзёсин, Киттан модзи исэки-о тадоттэ (Надпись тушью, [выполненная] большим чжурчжэньским письмом, с берега реки Архары, Россия: в поисках оставшихся следов чжурчжэньской и киданьской письменностей). – Киото: Хёбү сётэн, 2017. – 224 с. (на яп. яз.).
- Бичурин Н.Я.** Статистическое описание Китайской империи: в 2 ч. – М.: Восточный Дом, 2002. – 463 с. – (Классика отечественного и зарубежного востоковедения).
- Болотин Д.П., Нестеров С.П., Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н., Сапунов И.Б.** Результаты исследований городища и могильника у с. Прядчино Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 201–206.
- Большой китайско-русский словарь** по русской графической системе: в 4 т. / сост. коллективом китайцев под рук. и ред. проф. И.М. Ошанина. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984. – Т. 3. – 1104 с.
- Воробьёв М.В.** Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1975. – 448 с., [1] вкл. с карт.
- Воробьёв М.В.** Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1983. – 467 с.
- Головачёв В.Ц., Ивлиев А.Л., Певнов А.М., Рыкин П.О.** Тырские стелы XV века: перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. – СПб.: Наука, 2011. – 319 с., [64] с. вкл.
- Деревянко Е.И.** Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры: Очерки этнической истории и культуры. – Новосибирск: Наука, 1981. – 336 с.
- Деревянко Е.И.** Городище на горе «Шапка» // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 110–126.
- Забияко А.П.** Писаницы и письменность // История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. – Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2008. – С. 160–164.
- Забияко А.П., Кобызов Р.А.** Петроглифы Архары: история изучения и проблема интерпретации // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX в.): мат-лы Междунар. науч. конф. (Благовещенск, 17–18 мая 2004 г.). – Благовещенск, 2004. – С. 130–135.

Забияко А.П., Кобызов Р.А. Петроглифы Западного Приамурья: новые материалы и интерпретации (по материалам полевых исследований 2003–2007 гг.) // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2008. – Вып. 5. – С. 232–246.

Зайцев В.П. Рукописная книга большого киданьского письма из коллекции Института восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. – 2011. – № 2 (15). – С. 130–150.

Кара Д., Кычанов Е.И., Стариков В.С. Первая находка чжурчжэньских рукописных текстов на бумаге // Письменные памятники Востока. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1972. – С. 223–228, 398–399. – (Историко-филологические исследования; ежегодник 1969).

Лянцзянь няньчжун сили дуйчжаобяо: (Сравнительные таблицы китайского и западного календарей за две тысячи лет) = A Sino-Western calendar for two thousand years 1–2000 A.D. / Сюэ Чжун-сань, Оуян И хэбянь (сост. Сюэ Чжун-сань, Оуян И). – Пекин: Шэнхо, Душу, синьчжи саньянь шудянь, 1956. – 438 с. (на кит. яз.).

Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 259 с.

Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней: конец X – XI век (По материалам грунтовых могильников). – Новосибирск: Наука, 1977. – 223 с.

Медведев В.Е. Приамурье в конце I – начале II тыс. (чжурчжэньская эпоха). – Новосибирск: Наука, 1986. – 204 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд. – М.: Вост. лит., 1999. – Т. 1. – 630 с.

Нестеров С.П., Зайцев Н.Н., Волков Д.П., Мионов М.А. Археологические исследования городища на горе Шапке в Амурской области в 2009–2011 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 217–221.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 2. – 262 с.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии / отв. ред. Д.П. Болотин, А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 4–29.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. – СПб.: Имп. Академия наук, 1786. – Ч. 2, кн. 2. – 571 с.

Певнов А.М. Чтение чжурчжэньских писем. – СПб.: Наука, 2004. – 498 с.

Саенко. «Писанный камень» // Зап. Амур. окр. музея и краевед. об-ва. – Благовещенск, 1930. – Вып. 1. – С. 34.

Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1882. – 214 с.

Спасский Г. О древних сибирских начертаниях и надписях // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. – СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. – Ч. 1. – С. 71–85.

Терентьев-Катанский А.П. С Востока на Запад. Из истории книги и книгопечатания в странах Центральной Азии VIII–XIII веков. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1990. – 232 с. – (Культура народов Востока: материалы и исследования).

Тиваненко А.В. Древняя письменность Сибири. Основные принципы дешифровки наскальной пиктографии. – Чита: Экспресс-издательство, 2011. – 347 с.

Kane D. The Sino-Jurchen vocabulary of the Bureau of Interpreters. – Bloomington, Indiana: Indiana Univ., Research Inst. for Inner Asian Studies, 1989. – xi, [1], 461 p. – (Uralic and Altaic Ser.; vol. 153).

Kiyose Gisaburo N. A Study of the Jurchen Language and Script. Reconstruction and Decipherment. – Kyoto: Hōritsubunka-sha, 1977. – 260 p.

Leroi-Gourhan A. L'art pariétal. Langage de la préhistoire. – Grenoble: Éd. J. Millon, 2009. – 420 p.

Von Strahlenberg Ph.J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm: Verlegung des Autoris, 1730. – 438 p.

West A. Jurchen Inscription on the River Arkhara // BabelStone Blog. – 2018. – 31 March. – URL: <http://www.babelstone.co.uk/Blog/2018/03/jurchen-inscription-on-river-arkhara.html> (дата обращения: 23.02.2019).

Материал поступил в редколлегию 11.03.2019 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.104-110
УДК 392

А.В. Бауло

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bau194@yandex.ru

К вопросу о следах деятельности христианских миссий в Зауралье и на севере Западной Сибири в VIII–XVI веках

Статья посвящена изучению вопроса о возможной деятельности ранних христианских миссий среди коренных народов Урала, Зауралья и севера Западной Сибири. Хронологические рамки таких миссий VIII–XVI вв., территориальные рамки обусловлены историей расселения манси в этот период. Выделены три этапа возможной деятельности христианских миссий. Первый (VIII–X вв.) связан с завозом на север среднеазиатскими купцами серебряных чаш с библейскими сюжетами и христианской символикой (сосуды, отлитые в несторианских общинах Семиречья, – Григоровское, Аниковское, Нильдинское блюда и блюдо с Малой Оби). Импортируемые блюда-диски способствовали появлению традиции подношения жертвенной пищи божествам в металлической посуде. Второй этап (XIII–XIV вв.) связан с завозом на Урал и в Зауралье серебряных блях с известным иконописным сюжетом «Чудо великомученика Дмитрия Солунского, побивающего болгарского царя Калояна». Третий (конец XV–XVI вв.) соотносится с продвижением в Сибирь русских людей и попытками христианизации местного населения, включавшими раздачу символики – оловянных бляшек для постоянного ношения. Выдвинута версия о связи сюжетов большинства бляшек с фигурой библейского царя Давида. Предполагается, что данные изделия имеют русское происхождение и относятся к концу XV – началу XVI в. В XVI в. в Сибирь попадают бляшки с фигурой св. Георгия. Общий анализ публикуемых изделий и их бытования у населения севера Западной Сибири позволяет сделать вывод о том, что предполагаемая деятельность христианских миссий не смогла преодолеть господство язычества на данной территории; в наибольшей степени в культовой практике инородцев оказались восприняты изделия с изображением всадников, поскольку в этом облике в мифологии обских угров был популярен сын верховного бога Мир-сусне-хум.

Ключевые слова: христианство, миссия, серебро, Урал, Сибирь, ханты, манси.

A.V. Baulo

Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: bau194@yandex.ru

Evidence Relating to the Christian Missions in the Trans-Urals and Northwestern Siberia (8th to 16th centuries)

This study addresses the possible activity of early Christian missions among the Vogul (Mansi) of the Urals, Trans-Urals, and northwestern Siberia between the 8th–16th centuries. Three stages in their history are described. The first (700–1000 AD) was marked by the import of southwestern Central Asian silver dishes (diskoi) reproducing biblical themes and Christian symbols. Specimens from Grigorovskoye, Anikovskoye, and from the Malaya Ob had been cast in Nestorian communities of Semirechye. The imported diskoi gave rise to the tradition of offering food to deities on metal dishes. The second stage (1200–1400 AD) began when silver plaques depicting the famous theme of icon painting (“The feat of the Martyr Demetrius of Solun defeating King Kaloyan of Bulgaria”) had been imported to the region. The third stage (15th and 16th centuries) correlates with the Russian expansion to Siberia and attempts to baptize the natives. At the ceremony, baptismal symbols such as tin plaques were given to the neophytes. Apparently, most plaques represent the biblical King David and were manufactured by Russians in the late 1400s to early 1500s. In the 16th century, plaques with the figure of St. George appeared in Siberia. The analysis of items showing biblical and hagiographical characters and of

their distribution in northwestern Siberia suggests that Christian missions were unable to oust paganism from the region. Russian religious items were used in native rituals mostly if they represented horsemen, because these seemed to allude to the son of the Ob Ugric supreme deity Mir-Susne-Khum, also depicted as a horseman.

Keywords: Christianity, mission, silver, Urals, Siberia, Khanty, Mansi.

Введение

Известно, что до прихода русских людей на Урал и в Западную Сибирь местное население исповедовало язычество. Самые ранние сведения о крещении отдельных княжеских родов относятся к концу XVI – XVII в. и в основном касаются правящих кругов Кодского городка (княжества) [Новицкий, 1941, с. 73; Бахрушин, 1935, с. 60; Перевалова, 2004, с. 62–64]. Дальнейшая христианизация остяков и вогулов связана с указом Петра Первого о крещении инородцев и активной миссионерской деятельностью Филофея Лещинского, которую он проводил в 1706–1727 гг. [Сулоцкий, 1915, с. 30–49; Перевалова, 2004, с. 65–70].

В статье выдвигается предположение о том, что христианские миссии оставили следы на Урале и севере Западной Сибири в более ранний период – VIII–XVI вв. В первую очередь, это металлические изделия (чаши, блюда, медальоны, бляхи) с изображениями ветхозаветных сцен и фигур христианских святых, великомучеников. Территориальные рамки статьи обусловлены историей расселения манси. Сегодня они в основном живут в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО)–Югре и Свердловской обл. Ареал бывшего расселения манси помогает установить мансийская топонимика: до XIV в. предки манси (вогулы) жили много западнее – в Приуралье и на Среднем Урале [Народы..., 2005, с. 199, 211–217].

Серебряные чаши VI–X вв. с изображением ветхозаветных сцен и христианской символики

Таких чаш, найденных на Урале и севере Западной Сибири, известно в настоящее время пять.

Блюдо-дискос «Ангелы по сторонам креста» (диаметр 18,6 см) было приобретено в Березове (сегодня поселок городского типа в ХМАО–Югре) до 1868 г. [Хвольсон, Покровский, Смирнов, 1899, с. 7, рис. 3; Смирнов, 1909, кат. 37]; хранится в Государственном Эрмитаже. Я.И. Смирнов считал, что блюдо было отлито христианами-сирийцами в VI в. в Месопотамии или Персии, в более широком смысле – в пределах государства Сасанидов [Хвольсон, Покровский, Смирнов, 1899, с. 8]. Изображение на блюде креста с двумя предстоящими ангелами составляет композицию «Похвала Кресту» или «Слава Креста», при этом воспроизведен исполненный из драгоценных материалов

другой крест, находившийся в специально отведенном месте Иерусалимского храма (Ангельское Победное). Композиция «Поклонение Кресту» была популярна у сирийцев-несториан, проживавших в Месопотамии [Сокровища..., 1996, с. 70].

Серебряное блюдо-дискос (диаметр 23 см) с евангельскими сценами было найдено в 1897 г. у с. Григоровского Соликамского уезда Пермской губ.; хранится в Государственном Эрмитаже. Впервые опубликовано в 1899 г. с комментариями Я.И. Смирнова, Д.А. Хвольсона и Н.В. Покровского, которые признали его несторианским, изготовленным христианами в Иране [Хвольсон, Покровский, Смирнов, 1899, с. 1–45]. Сегодня принята версия об отливке чаши в Семиречье в IX–X вв. [Даркевич, Маршак, 1974, с. 215].

На лицевой стороне блюда в трех переплетающихся медальонах представлены сцены «Вознесение», «Жены у гроба» и «Распятие», в промежутках – «Даниил во рву львином», «Отречение Петра» и «Стража гроба Господня»; в центре блюда вырезан крест. Надписи на блюде выполнены на сирийском языке. Я.И. Смирнов высказал предположение о том, что Григоровское блюдо, как и блюдо с ангелами по бокам креста, использовалось для каких-то церковных целей, возможно, для частиц святого причастия под видом хлеба, т.е. функционально это были блюда-дискосы [Хвольсон, Покровский, Смирнов, 1899, с. 32–34].

Аниковское блюдо (диаметр 23,5–23,9 см) из собрания Государственного Эрмитажа было найдено в 1909 г. у д. Больше-Аниковской Чердынского уезда Пермской губ. [Даркевич, 1976, с. 28–29] (рис. 1, а). В центре его лицевой стороны находится изображение крепости, которую с двух сторон окружают десять всадников. На верхнем ярусе здания показаны фигуры трех воинов, в сторожевых башнях видны головы еще четырех человек. В середине сцены фигуры семи музыкантов с поднятыми вверх трубами и человек, держащий на плечах ящик. В окне над входом в крепость изображена женщина с поднятыми вверх руками.

Б.И. Маршак подробно обосновал версию, согласно которой на лицевой стороне блюда представлены эпизоды книги Иисуса Навина, измененные в среднеазиатской среде. По его мнению, последовательность этих эпизодов показана снизу вверх. Внизу представлена осада Иерихона и изображена блудница Раав в окне, пробитом в городской стене, выше – вынос Ковчега Завета в сопровождении семи жрецов с «семью рогами юбилейными», еще выше – взятие ханаанского города и Иисус Навин, остановивший

Рис. 1. Аниковское (а) и Нильдинское (б) серебряные блюда.

луну и солнце [Маршак, 1971, с. 11]. Б.И. Маршак считал, что блюдо было отлито в IX–X вв. в Семиречье по слепку с оригинала VIII в. [Там же]. Его версию поддержал В.П. Даркевич [1976, с. 28–29].

Нильдинское блюдо (диаметр 23–24 см) – двойник Аниковского – датируется VIII – началом IX в. и относится к продукции ремесленных мастерских Средней Азии (рис. 1, б). Оно было обнаружено в 1985 г. на мансийском священном месте в бассейне Северной Сосьвы (Березовский р-н ХМАО–Югры). Местным населением серебряное блюдо почиталось за изображение на нем персонажей пантеона, в частности, Полум-торума – «Пельмского бога» и его сына [Гемуев, 1988]. В легенде о нахождении этого блюда во время рыбной ловли, записанной В.Н. Чернецовым в 1930-х гг., говорилось о том, что при неводьбе среди рыб были обнаружены «семь блюд и все одинаковые»; «Остальные чашки развезли по другим местам...» [Источники..., 1987, с. 265].

Серебряное блюдо с изображением библейских царей (диаметр 24 см), изготовленное в VIII–IX вв. в Средней Азии, было обнаружено на хантыйском священном месте в бассейне Малой Оби (Березовский р-н ХМАО–Югры). Оно выполняет важную роль в религиозных обрядах северных хантов: во время церемонии в него кладут куски жертвенного хлеба, которые могут брать старейшины или присутствующие гости-сироты [Бауло, 2000, с. 143] (рис. 2). На лицевой стороне блюда показана сцена, связанная с легендарными правителями Израильско-Иудейского царства:

на троне восседает Давид с музыкальным инструментом в руках; по правую руку от него стоит Соломон, а по левую – Вирсавия, жена Давида и мать Соломона.

Таким образом, к настоящему дню серебряных чаш VI–X вв. с изображением ветхозаветных сцен и христианской символики на территории Урала и севера Западной Сибири обнаружено пять экземпляров, еще о шести сохранилась информация в мансийской легенде, записанной В.Н. Чернецовым. Четыре чаши, отлитые в VIII–X вв. в ремесленных центрах Средней Азии, объединяют представленные на них эпизоды Ветхого Завета, в связи с чем данные изделия можно отнести к памятникам раннего периода существования христианства в этом регионе. Блюдо-дискос «Ангелы по сторонам креста», принадлежавшее сирийцам-христианам, – старше (VI в.), а место его производства лежит южнее и восточнее Семиречья – в Месопотамии или Персии. Фактически можно говорить о своеобразном маршруте с запада на восток, по которому перевозили драгоценные предметы с христианской символикой: Сирия–Месопотамия–Иран–Средняя Азия–Урал–Зауралье.

Известно, что движение несториан на восток началось после низложения Нестория на Третьем Вселенском соборе в 431 г. Его взгляды встретили поддержку в Сирии и оказали влияние на персидскую христианскую церковь. Христианство проникло в Персию рано – в начале IV в. Несколько персидских епископов принимало участие в Никейском соборе 325 г. С 431 г., когда несторианское учение подверглось про-

Рис. 2. Блюдо с изображением библейских царей Давида и Соломона во время жертвенной церемонии.

клятию, большая часть его приверженцев оказалась в Персии, где их численность и влияние постепенно возросли [Хвольсон, Покровский, Смирнов, 1899, с. 3]. В 499 г. среди персидских христиан несторианство было провозглашено официально. Несторианские общины Ирана пользовались покровительством сасанидских царей, а позднее и арабских правителей [Даркевич, 1976, с. 100, 103].

К началу VI в. христианская несторианская община во главе с епископом была и в Самарканде [Беленицкий, 1954, с. 37]. В истории Семиречья период конца VIII – первой половины X в. характеризуется успехами христианства. Несторианский клир на рубеже VIII–IX вв. добился обращения в христианство царя карлуков, правивших в этом регионе, и образования митрополии [Даркевич, Маршак, 1974, с. 219]. В Хорезме колонии христиан существовали в VII–VIII вв. [Средняя Азия..., 1999, с. 26, 46].

Сирийские и палестинские амулеты, а также более крупные изделия в VI–X вв. привозили паломники из поездок в Святую землю, в дальнейшем эти дары попадали в несторианские монастыри Средней Азии, равно как и в среду персидских христиан [Хвольсон, Покровский, Смирнов, 1899, с. 12; Даркевич, Маршак, 1974, с. 214]. Сирийские миссионеры достигли Средней Азии и Восточного Туркестана, где проповедовали свою доктрину [Даркевич, 1976, с. 100].

С VI–VII вв. купцы из Согда и Хорезма начали осваивать торговые пути на север, в частности, в Верхнее Прикамье. В основном их интересовали моржовые клыки, ловчие птицы (соколы) и меха. Через Прикамье на рубеже VII–VIII вв. в торговые связи с югом стало включаться Приобье [Сокровища..., 1996, с. 6–9].

Можно предполагать, что в торговых караванах на север вместе с купцами двигались и христианские миссионеры, которые везли серебряные чаши с библейскими сюжетами. Насколько успешными были эти миссии, трудно судить, но какие-то формальные обрядовые действия могли закрепляться в иноэтнической среде. Напомню, что на хантыйском святилище блюдо выполняло условную роль дискаса – на него выкладывали жертвенный хлеб.

Серебряные бляхи с изображением всадника, побивающего воина

В последние годы на территории Урала и севера Западной Сибири было обнаружено несколько серебряных круглых блях, объединенных воинским сюжетом. Наиболее встречаемый тип подобных изделий представляет собой бляху из тонкой серебряной пластины диаметром 7,4 см, загнутые края которой зажимают медную проволоку, выполняющую роль каркаса. В центре изображен всадник: конь – в профиль, человек – анфас. Левой рукой он держит узду, в правой – копьё. Под конем лежит воин с саблей в правой руке.

Две такие бляхи были найдены в 1970-х гг. жителями пос. Шурышкары Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) на археологическом памятнике Белая Гора. Одна поступила в фонды Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) [Комова, Приступа, 2012, с. 128–129] (рис. 3), другая (отличается наличием петельки для подвешивания) – в Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского (г. Салехард) [Федорова, 2005, с. 20]. Известно еще несколько подобных блях,

Рис. 3. Серебряная бляшка с изображением всадника, побивающего воина.

Рис. 4. Серебряная бляха с изображением всадника, побивающего воина.

которые в основном были найдены в ходе несанкционированных раскопок [Руденко, 2015, с. 96, ил. 184]. С неизвестного археологического памятника около д. Урол (Чердынский р-н Пермского края) происходит более крупный предмет (диаметр 12,5 см) с аналогичным сюжетом (частная коллекция). Это достаточно толстая круглая бляха, состоящая из нескольких слоев серебра и имеющая бронзовую петлю для подвешивания (рис. 4).

Подобный сюжет (всадник поражает копьем воина, лежащего на земле) присутствует на иконах, известных как «Чудо Димитрия Солунского». В тексте второй половины XIII в. рассказывается о царе Иване

Калояне, правителе Болгарии. В 1207 г. он осадил г. Фессалоники, но неожиданно умер или был убит; осада города была прекращена. Согласно легенде, ночью в палатку к Калояну явился великомученик Димитрий и пронзил его копьем в сердце [Иванова и др., 2007, с. 155–170]. Изображения этого чуда появились во второй половине XIII в. На них представлен великомученик Димитрий в воинском облачении на коне, с копьем в руке, которым он убивает поверженного на землю царя Калояна. В древнерусском искусстве данный сюжет встречается в клеймах житийных икон с конца XV в., однако в этом варианте Димитрий поражает копьем Калояна, скачущего на белом коне [Там же].

Таким образом, если предположить, что на серебряных бляхах с изображением всадника и поверженного воина показан упрощенный сюжет «Димитрий Солунский, побивающий царя Калояна», то изготовление блях следует отнести к XIII–XV вв. и исключить их русское происхождение. Точное определение места производства этих изделий затруднительно.

Русские оловянные бляшки конца XV – XVI в. с христианскими сюжетами

Мне уже приходилось писать о группе русских изделий, связанных с демонстрацией образа царя Давида. Речь идет о круглых оловянных бляшках, найденных на мысу у д. Манья (Березовский р-н ХМАО–Югры). Это место соотносится с Искарским Старым городищем. Оно «в давние времена было заселено как вогулами, так и зырянками, которые первое время торговали здесь с этими вогулами» [Сибирь..., 1996, с. 245]. Всего было найдено шесть бляшек диаметром 4,4 см. Они трех видов: с изображением Давида, заскочившего на льва и разрывающего ему пасть; со сценой, где представлены царь на троне и двое мужчин с кубками в руках (в этом сюжете узнается пир у царя Давида); с изображениями двуглавого орла, звезды Давида и трех птиц. Фрагменты двух аналогичных оловянных бляшек (сцена пира, «Давид и лев») были обнаружены в 2006 г. в священном амбарчике хантов в Шурышкарском р-не ЯНАО. Проведенный анализ позволил предположить русское происхождение данных изделий и время их отливки не ранее конца XV – начала XVI в. [Бауло, 2014]. В эту же группу следует включить недавно найденную в Октябрьском р-не ХМАО–Югры оловянную бляшку диаметром 5,4 см с ушком. Изображенный на ее лицевой стороне всадник, убивающий копьем змея, может быть соотнесен с фигурой св. Георгия (рис. 5).

Можно предполагать, что упомянутые оловянные бляшки с символикой царя Давида и св. Георгия от-

ливались русскими мастерами достаточно большими партиями и были предназначены для завоза в Сибирь в конце XV – XVI в. при попытках обращения вогулов в православную веру; имеющиеся у бляшек петельки позволяли носить их на шее. Бляшки с изображением св. Георгия могли восприниматься остяками и вогулами достаточно непротиворечиво в отношении собственных религиозно-мифологических представлений, поскольку для них любое изображение человека верхом на коне ассоциировалось со священным образом популярного божества, сына верховного бога Нуми-Торума – Небесного всадника Мир-сусне-хума. И в более позднее время, в начале XIX в. русские мастера продолжали активно использовать образ св. Георгия на серебряных блюдах, которые делали в мастеровских Тобольска по заказам инородцев [Гемуев, Бауло, 1999, с. 54–57].

Выводы

Представленный в статье материал послужил основой для версии о том, что христианские миссии начали свою работу на Урале и севере Западной Сибири достаточно рано: они двигались в составе торговых караванов согдийских и хорезмских купцов, которые осваивали северные маршруты начиная с VII–VIII вв. В хронологическом плане можно выделить три этапа вероятной деятельности христианских миссий.

Первый этап (VIII–X вв.) связан с завозом на север серебряных чаш с библейскими сюжетами и христианской символикой. В основном это были сосуды, отлитые в несторианских общинах Семиречья. Импортируемые блюда-дископы могли способствовать зарождению у сибирских народов традиции подношения жертвенной пищи (позже – хлеба) божествам на металлической посуде (серебряных блюдах).

Второй этап (XIII–XIV вв.) связан с завозом на Урал и в Зауралье серебряных блях разного диаметра, сюжет которых мог воспроизводить известную легенду о чуде великомученика Дмитрия Солунского, убившего болгарского царя Калояна. Место производства таких изделий определить затруднительно, но выдвинута версия, исключая русские мастерские.

Третий этап (конец XV – XVI в.) может быть соотнесен с продвижением в Западную Сибирь русских людей и попытками христианизации местного населения, в т.ч. путем раздачи символики – оловянных бляшек для постоянного ношения, сюжет которых связан с царем Давидом, а также св. Георгием.

Насколько могли войти в местную мифологию христианские сюжеты – сказать сложно, т.к. дошедшие до наших дней легенды и сказания хантов и манси трудно корректно датировать. По крайней мере в фольклоре северных манси, записанном во второй

Рис. 5. Бляшка с изображением св. Георгия, убивающего змея.

половине XIX в., следы христианских сюжетов очевидны: они касаются, например, преданий о создании человека, небесном потопе, конфликте бога и дьявола (см., напр.: [Гондатти, 1888, с. 48–50]).

В целом, возможная деятельность христианских миссий на Урале и севере Западной Сибири на ранних этапах не достигла своих основных целей: подавляющая часть завезенной атрибутики попала на священные места обских угров, а религиозно-мифологические представления по-прежнему носили языческий характер.

Благодарности

Исследование проведено в рамках выполнения Программы XII.187.1 «Выявление, изучение и сохранение памятников культуры Сибири в условиях информационного общества», проект № 0329-2018-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этно-культурного наследия Сибири», № госрегистрации АААА-А17-117040510259-9.

Список литературы

- Бауло А.В. Серебряное блюдо с Малой Оби // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 143–153.
- Бауло А.В. Металлические бляхи со Старого Искарского городища: атрибуция и сюжеты // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 120–124.
- Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1935. – 92 с.
- Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов) // Живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 25–82.

Гемуев И.Н. Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. СО АН СССР. – 1988. – № 3: Сер. истории, филологии и философии. – Вып. 1. – С. 39–48.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.

Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: [Тип. Потапова], 1888. – 91 с.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.; Л.: Наука, 1976. – 198 с.

Даркевич В.П., Маршак Б.И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // СА. – 1974. – № 2. – С. 213–222.

Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский // Православная энциклопедия. – М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2007. – Т. XV. – С. 155–195.

Источники по этнографии Западной Сибири / публ. Н.В. Лукиной, О.М. Рындиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – 280 с.

Комова Н.Г., Приступа О.И. Серебро древней Югры: каталог. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2012. – 140 с.

Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М.: Наука, 1971. – 157 с.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – 805 с.

Новицкий Гр. Краткое описание о народе остяцком. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1941. – 107 с.

Первалова Е.В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 414 с.

Руденко К.А. Булгарское серебро. – Казань: Заман, 2015. – 528 с. – (Древности Биляра; т. 2).

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири: Первоисточники. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. – Вып. VI. – 310 с.

Смирнов Я.И. Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: Имп. археол. комиссия, 1909. – 18 с., 300 табл.

Сокровища Приобья. – СПб.: Формика, 1996. – 228 с.

Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – 378 с.

Сулоцкий А. Жизнь святителя Филофея, митрополита Сибирского и Тобольского, просветителя сибирских инородцев. – Шамордино Калужской губ.: [Тип. Казанской Амвросиевской женской пустыни], 1915. – 71 с.

Федорова Н.В. Средневековое серебро Волжской Болгарии // Светозарная Казань: альбом-каталог выставки. – СПб.: Артэго, 2005. – С. 20–21.

Хвольсон Д.А., Покровский Н.В., Смирнов Я.И. Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1899. – 46 с. – (Материалы по археологии России; № 22).

Материал поступил в редколлегию 16.02.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.111-118
УДК 39

А.К. Салмин

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: antsalmin@mail.ru

Экспедиция И.И. Лепёхина в Средневолжский регион*

Статья посвящена анализу путешествия И.И. Лепёхина в Средневолжский регион в рамках Академической экспедиции 1768–1774 гг. Целью всех академических экспедиций XVIII в. было освоение территорий России (особенно восточных), изучение их ландшафта, природных богатств и народов. В статье делается акцент на работе отряда в бассейне р. Черемшан. Анализируемый материал разбит по пяти разделам в соответствии с информацией, изложенной И.И. Лепёхиным: ландшафт, население, одежда, занятия, обряды. Впервые дается полный, уточненный и выверенный, список населенных пунктов, которые посетили участники экспедиции. Рассматривается роль директора Императорской петербургской академии наук В.Г. Орлова в организации экспедиции. Автор дискутирует с имеющимся в литературе мнением об авторстве анонимной статьи «Краткое известие о Симбирском наместничестве», опубликованной в 1786 г. в журнале «Месяцослов». Данная публикация приписывалась И.И. Лепёхину, Т.Г. Масленицкому и Н.Я. Озерецковскому. На основании текстологического анализа статьи и архивной рукописи из Российского государственного военно-исторического архива делается заключение, что опубликованная в «Месяцослове» статья «Краткое известие о Симбирском наместничестве» является коллективной компиляцией рукописей К.С. Мильковича и Т.Г. Масленицкого.

Ключевые слова: Академическая экспедиция 1768–1774 гг., И.И. Лепёхин, Среднее Поволжье, Причеремшанье, этнография.

A.K. Salmin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences,
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: antsalmin@mail.ru

Ivan Lepyokhin's Expedition to the Middle Volga

This study describes I.I. Lepyokhin's journey to the Middle Volga under the 1768–1774 Academic Expedition project. All the 18th-century expeditions from the Academy of Sciences aimed at colonizing new territories, especially eastern, exploring their landscapes, natural resources, and inhabitants. The article focuses on the team working in the Cheremshan basin. The description of findings is arranged in five sections, following Lepyokhin's classification: landscape, population, clothing, occupations, and rituals. For the first time, a complete, updated, and verified list of settlements visited by the expedition members is provided. The role of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences Director, Count Vladimir Orlov, in the organization of the expedition is described. The author disproves the opinion regarding the authorship of the anonymous article "Brief News About Simbirsk Vicegerency" published in the "Mesyatsoslov" journal in 1786. The persons to whom the article was attributed include Lepyokhin, Maslenskiy, and Ozeretskovsky, but the textological analysis of the article and of the manuscript at the Russian State Archives of Military History suggests that this is a collective digest of manuscripts by Milkovich and Maslenskiy.

Keywords: 1768–1774 Academic Expedition, Ivan Lepyokhin, Middle Volga, Cheremshan River basin, ethnography.

*Исследование было представлено в форме доклада на Международной конференции «К распространению наук и в пользу человеческого рода...»: К 250-летию «физических» экспедиций Академии наук» в 2018 г.

Введение

По большому счету, главной задачей всех академических экспедиций XVIII в. было освоение земель своего государства, описание ландшафта, флоры и фауны, а также изучение заселенности территории. Необходимо было занимать пустующие земли, извлекать из них природные богатства, выращивать урожай. Для этого, естественно, нужны рабочие руки. Переселенцы иногда не ограничивались пожалованными землями и по возможности захватывали расположенные рядом свободные участки или земли, принадлежавшие коренному населению. Не церемонились и инородцы. Так, в Симбирском уезде участок при д. Шланге «был самовольно захвачен 18 беглыми из разных уездов Казанской губернии чувашскими крестьянами во главе с Крымкой – сыном Ивашевым. Они уже построили на захваченной земле свои лачуги, распахали пашни, посеяли рожь» [Громова, 2010, с. 47]. В итоге на этом месте возникла чувашская деревня Крымово.

История изучения обозначенной темы нашла отражение в нескольких публикациях. Однако ни одна из них не имеет прямого отношения к анализу средневожских материалов, зафиксированных отрядом под руководством И.И. Лепёхина. Например, в книге Н.Г. Фрадкина дается общий обзор жизни и творчества ученого [1953]. Т.А. Лукина свою работу посвятила в основном изучению И.И. Лепёхиным Сибири. Что касается этнографии народов Поволжья, то она дает лишь беглый обзор [Лукина, 1965]. Л.Д. Бондарь анализирует уральский этап экспедиции [2018].

Пункты обследования

Укажем населенные пункты Среднего Поволжья, обследованные отрядом И.И. Лепёхина с 25 августа 1768 г. по 20 мая 1769 г. (в рамках современных административно-территориальных образований, в скобках указаны современные названия)*:

Оренбургская обл.

Северный р-н

- д. Татарский Бакай (с. Бакаево)
- с. Сок-Кармала (с. Северное)

Пензенская обл.

Лопатинский р-н

- д. Генералшино (с. Генералшино)

Республика Татарстан

Алексеевский р-н

- с. Чувашский Биляр (городище Биляр)
- д. Татарский Биляр (с. Билярск)
- Бугульминский р-н*
- пригород Бугульма (г. Бугульма)
- Карабаш (пгт Карабаш)
- с. Спаское (с. Спасское)
- татарская деревня Дымская (с. Татарская Дымская)
- Лениногорский р-н*
- Каратай (с. Зай-Каратай)
- Куакбаш (с. Куакбаш)
- Нурлатский р-н*
- д. Бекулово (д. Бикуюлово)
- с. Биляр (с. Биляр-Озеро)
- д. Караульная Гора (д. Караульная Гора)
- д. Киклы (с. Бурметьево)
- чувашская деревня Якушкина (с. Якушкино)
- Спасский р-н*
- городище Булгар (г. Болгар)
- Тетюшский р-н*
- пригород Тетюши (г. Тетюши)
- Черемшанский р-н*
- Черемшанская крепость (с. Черемшан)

Самарская обл.

Безенчукский р-н

- с. Переволка (с. Переволоки)
- Камышлинский р-н*
- татарская деревня Байтуган (с. Татарский Байтуган)
- татарская деревня Камышлы (с. Камышла)
- Клявлинский р-н*
- мордовская деревня Сосны (с. Новые Сосны)
- д. Старый Бетермиш (с. Старый Байтермиш)
- Кошкинский р-н*
- д. Мордовская Кармала (с. Старая Кармала)
- д. Новая Максимкина (д. Малое Максимкино)
- Красноярский р-н*
- Новый Буян (с. Новый Буян)
- д. Раковка (с. Большая Раковка)
- д. Старый Буян (с. Старый Буян)
- Сергиевский р-н*
- Орляны (с. Верхняя Орлянка)
- пригород Сергиевск (с. Сергиевск)
- с. Спаское (с. Спасское)
- д. Черногих (с. Черновка)
- д. Якушкино (с. Старое Якушкино)
- Ставропольский р-н*
- с. Резань (с. Большая Рязань)
- г. Ставрополь (г. Тольятти)
- с. Старая Брусяна (с. Брусяны)
- д. Чувашское Сюриково (с. Севрюкаево)
- Сызранский р-н*
- г. Сисран (г. Сызрань)

*Основными источниками при составлении списка были дневниковые записи и прогонные ведомости [Дневник..., 1768–1772; Приходо-расходная книга..., 1768–1772; Лепёхин, 1771], а также карты и справочники административно-территориальных делений.

Челно-Вершинский р-н

с. Седелькино/Сиделькино/Мордовское Седелькино (с. Сиделькино)

Старая Таяба (пос. Старая Таяба)

Шигонский р-н

с. Усолье (с. Усолье)

д. Чувашское Тайдаково (с. Тайдаково)

Ульяновская обл.

г. Симбирск (г. Ульяновск)

Мелекесский р-н

с. Никольское (с. Никольское-на-Черемшане)

мордовская деревня Бирля (с. Бирля)

д. Русский Мелекес (с. Русский Мелекес)

д. Чувашский Мелекес (г. Димитровград)

чувашская деревня Сускан (с. Чувашский Сускан)

Новомалыклинский р-н

татарская деревня Абтрейкина (с. Абдреево)

с. Бесовка (с. Старая Бесовка)

Малыкла Новая (с. Новая Малыкла)

Сентемир (с. Старый Сантими́р)

д. Чувашская Малыкла (с. Старая Малыкла)

д. Чувашская Якушкина (с. Нижняя Якушка)

Чувашский Салаван (пгт Новочеремшанск)

Тереньгульский р-н

чувашская деревня Байдулина (с. Байдулино)

Ясашная Ташла (с. Ясашная Ташла)

Ульяновский р-н

с. Городищи (д. Городище)

с. Ключищи (с. Большие Ключищи)

Чердаклинский р-н

с. Брендино (с. Бряндино)

с. Матюшкино (с. Старое Матюшкино)

с. Суходол (с. Суходол)

с. Чердаки (пгт Чердаклы)

д. Красный Яр (с. Красный Яр)

чувашская деревня Кармаюр (с. Чувашский Калмаюр)

Ландшафт

Относительно изучаемой территории следует отметить, что в XVIII в. часть чувашей с правобережья Волги переселилась в Причеремшанье, практически на земли, которые занимали их исторические предки сувары по состоянию на конец IX – начало X в. [Салмин, 2017, с. 49–50, 57–58]. На свободные земли также переселяли из других районов России. Здесь строились крепости для защиты южных рубежей.

Дневник И.И. Лепёхина примечателен тем, что, записывая свой маршрут, он тут же вставлял заметки о местности, характеризующие ландшафт. Например: «Из Чувашского Мелекеса ехали мы чрез помянутой обширной бор, где в двух верстах находилась Черем-

шанская старица, которая ныне составляет болотину, обросшую лесом. Проехав версты с три от старицы, перебрались через Черемшан и выехали на Черемшанскую луговую сторону. Тут глазам нашим представлялись обширные и тучные поля по луговым сторонам, а по правую сторону гнездовые перелески, которые все наполнены были дикими розами. Чувашская деревня Якушкина, в 10 верстах находящаяся, служила нам подставою. При оной деревне течет небольшая речка, Аврель (Авраль. – А.С.) называемая. Она вытекает из ключа подле татарской деревни Абтрейкина и впадает в Черемшан» [Лепёхин, 1771, с. 129].

В Причеремшанье путникам часто встречались «гористые и чернолесьем изобильные места», озера, реки и болота. В озерах водились караси «отменной величины и вкуса». Путешественники ехали по 10–15 верст «все степными местами», а также «по большей части небольшими перелесками». «В полутора версте от Байдулина находился хребет низменных гор, простирающихся полосою в окружности верст на десять. <...> На горе... изобильно росли кокушкины башмачки (*Syrpipedium calceolus*)... и большой ландыш (*Hexemrocallis Liliastrum*). <...> Молочай пашенной (*Euphorbia fegetalis*) и Сибирской волосистой молочай (*Euphorbia pilosa*) на низменных местах» [Там же, с. 317–320]. Или: «Дорога была весьма гладкая степная и вся испахана» [Дневник..., 1768–1772, л. 50]. На берегу Черемшана исследователи нашли множество кустовых роз и дикого хмеля. А в другой местности они «ничего найти не могли, кроме великого числа хмелю» [Там же, л. 51 об.].

Таким образом, мы имеем первое достоверное описание ландшафта причеремшанских территорий, а также флоры и фауны современных Ульяновской и Самарской областей, Республики Татарстан по состоянию на вторую половину XVIII в. Как справедливо отмечают исследователи, многие представители флоры и фауны названных мест ныне либо совсем исчезли, либо находятся на грани вымирания. «К таким представителям животного мира можно отнести выхухоль» [Гуркин, 2011, с. 191]. Согласно И.И. Лепёхину, почти все пойменные озера около Симбирска изобиловали выхухолью. К исчезнувшим видам также следует отнести белугу, осетра, стерлядь, севрюгу.

Население

Одновременно со строительством в 1648 г. Симбирской засечной черты шло заселение региона. До этого времени русских деревень здесь почти не было. Даже селения первоначальных обитателей (чувашей, мордвы и татар) были несплошные. Изредка попадались «сторожки» – «наблюдательные пункты за движением неприятеля, а внутри края, на необъятные простран-

ства, расстилались “дикие поля” и “порозжие земли» [Мартынов, 1904, с. 7].

Называя пункт пребывания, И.И. Лепёхин указывает и этническую принадлежность населения. Приведем лишь некоторые выдержки из его записок, характеризующие этнический состав жителей Причеремшанья: «к вечеру приехали в Чувашскую деревню Мелекес»; «от Руского Мелекеса только 10 верст до Чувашского Мелекеса»; «между Руским и Чувашским Мелекесом находится обширный и густой бор»; «Чувашская деревня Якушкина»; «речка... вытекает из ключа подле Татарской деревни Абтрейкина»; «от деревни Якушкиной ехали мы до Чувашской деревни Малыклы новой».

Одежда

И.И. Лепёхин отмечал, что чувашаи, мордва и татары носят такие же рубахи, как и русские крестьяне. Но у чувашей и мордвы они вышиты около ворота и по оплечьям разноцветной шерстью. Чувашаи носят только белые вышитые рубашки, а татары в праздничные дни надевают суконные кафтаны и бешметы разных цветов [Лепёхин, 1771, с. 159, 162]. Что касается обуви, то все они носят лапти, но на случай имеют сапоги [Дневник..., 1768–1772, л. 63 об.; Лепёхин, 1771, с. 226].

Одно из самых драгоценных украшений чувашской женщины – головной убор *хушпу*, который надевают на *сурпан* (головное покрывало) и подвязывают под подбородком ремешком. Сзади пришит *хўре* – «хвост» из холста. Он опускается почти до подколенок, постепенно суживаясь к концу. *Хўре* продевается под пояс, под верхней одеждой его не видно [Лепёхин, 1771, с. 159; Паллас, 1773, с. 136].

Основной ценностью *хушпу* являются старинные серебряные копейки и рубли. Вся поверхность покрыта нашитыми монетами в виде рыбьей чешуи, сверху – мелкие, ниже – покрупнее, в самом нижнем ряду уже двугривенные. Есть упоминания о семи рядах монет или *нухратов* (имитации серебряных монет). На лбу висят три серебряные монеты (в середине крупная, по сторонам поменьше). Кроме того, *хушпу* украшен множеством оловянных блесков и бисером в несколько рядов, а также обвешан бусами и бусовидными пластинами овальной формы. По всей окружности пришиты свободно свисающие связки монет. *Хўре* на конце вышит разноцветной шерстью и завершается цветными шнурками; унизан бисером и ушовками. В целом этот головной убор довольно увесистый. Праздничную дугу к упряжи лошади сравнивают с *хушпу* богатой невесты, учитывая его обильное украшение [Лепёхин, 1771, с. 159; Паллас, 1773, с. 136; Ашмарин, 1941, с. 277].

Татарки Причеремшанья также носили *кашпау*: «У иных *кашпау* сходится сверху остроконечием, наподобие конуса, и верх конуса покрывается маленьким серебряным литым конусом. У других, напротив того, *кашпау* бывает без тульи, в таком случае верх головы повязывают платком. Около висков прикрепляется к *кашпау* подвязка, таким же образом унизанная, которая под шею застегивается пуговицей и называется *кашпау сакал*» [Лепёхин, 1771, с. 160]. И.И. Лепёхин считал, что *кашпау* был заимствован чувашками у татар. Это требует уточнения: головные уборы с остроконечным серебряным конусом в верхней части носили не вообще все татарки и чувашки, а только девушки, и называется такой убор не *хушпу/кашпау*, а *тухья/такья*.

И.И. Лепёхин также подметил, что головной убор вогулок «несколько к чувашскому подходит, и состоит из толстого белого кропивнаго балахона; голову повязывают платками, а зимою носят с верху малахай, девки заплетают и ходят, повязавши повязкою, унизанною разноцветным бисером» [1814, с. 28–29].

По наблюдениям путешественника, жители исследованных поселений не пользуются мылом, а обходятся золою. Белье они сперва мочат дней пять-шесть в корыте, пересыпав золой. Затем стирают, добавляя теплую воду по мере надобности. Каждую вещь трут золой. Потом идут на реку полоскать [Лепёхин, 1771, с. 151–152].

Занятия

Плодородие причеремшанских земель отмечалось еще в средневековых источниках. У жителей г. Сувар в Волжской Булгарии было много посевной площади, а хлеба – в изобилии [Ал-Мукаддаси, 1994, с. 289]. В XI–XII вв. в Причеремшанье основными сельскохозяйственными культурами являлись просо и овес [Газимзянов, Набиуллин, 2011, с. 22].

В X в. население пользовалось развитыми земледельческими орудиями. Переход к плужной обработке земли потребовал большого количества железных изделий (сошников, плужных ножей, топоров). А это содействовало еще большему развитию металлургии. Деревянный плуг примитивной конструкции с металлическими режущими частями *сабан*, использовавшийся чувашами до середины XX в., восходит к культуре обработки земли X в. Его металлические части (лемех – *тёррен*, резец – *шйрт*) можно увидеть в музеях. Должно быть, такой тип орудия сложился на средней Волге, т.к. он приспособлен для тяжелых почв. Скорее всего, *сабан* бытовал в регионе еще до прихода болгар и суваров [Смирнов, 1951, с. 17, 84–85].

В XVIII в. здесь больше всего сеяли рожь, овес и полбу. Лен и коноплю выращивали только для соб-

ственных нужд. Гречка не пользовалась успехом [Лепёхин, 1771, с. 144]. Около д. Якушкино целые поля были покрыты арбузами и дынями, которые, по рассказам жителей, давали неплохой урожай. Как следует из отчета экспедиции, пашней занимались чуваша, а бахчевыми и табаком – кызылбаши [Там же, с. 121, 131]. «Они все упражняются в хлебопашестве, но с тем только различием, что мордва больше сеют других. Близко к ним подходят чуваша, за чувашами следуют татары, а кызылбаши почти совсем ничего не сеют; но живут скотоводством, и нанимаются в пастухи. Женский пол как у мордвы, так и у чуваш весьма рабоч, и не только способствует своим мужьям, но и сами пашут; косят сено и возят, и почти всякую работу, какую и их мужья, отправляют» [Там же, с. 41].

Пастухов местное население начало нанимать с того времени, как калмыки поселились около р. Кондурча. До этого скотина паслась на воле. Дома для скота делали загородки, называемые *карта*. Летом скот по большей части находился за околицей. «Скот свой поутру, как хотят доить коров, кормят полбяною или яровою сечкою, то есть соломою, которую иссекши мелко, и подмешав муки, обдают кипятком, а особливо зимним временем. Напоив в обед, дают им и сено, а под вечер паки солому. Равным образом кормят они и овец соломою: но сие происходит не от недостатка в сене, но от того, что по их приметам овцы, которые на одном содержатся сене, часто паршивеют, худую дают шерсть, и не так тучнеют» [Там же, с. 149]. Овец крестьяне стригут два раза в год – весной, когда их пускают в стадо, и осенью. Затем шерсть прядут.

Кузнецы в этих местах бывали заезжие из ближайших мест русские, а из чувашей и мордвы члены экспедиции ни одного не видели [Там же, с. 153]. Объясняется это тем, что инородцам, согласно царскому указу, было запрещено заниматься кузнечным делом с Петровских времен. Власти боялись, что чуваша, черемисы и вотяки станут изготавливать оружие. Сельчанам приходилось даже сельхозорудия типа топоров, кос, серпов и ножей покупать в Казани на торгах [Полное собрание..., с. 286–287]. И вообще ремеслом здешние жители занимались совсем мало. Многие чуваша работали на ближайших казенных винокуренных заводах и жаловались на эксплуататорское отношение к ним [Дневник..., 1768–1772, л. 50 об., 54].

Характеризуя колонии немцев, И.И. Лепёхин отмечал их рачение. На огородах они выращивали всякую зелень. Пахали плугом [Лепёхин, 1771, с. 382].

В 60-х гг. XVIII в. у поволжских ясачных людей собирали ясачные деньги. Здешние мордва, чуваша и татары платили многочисленные виды налога: за сбор меда, ловлю рыб и бобров, с сенных покосов, за пашни, хмелевые уголья, за выращенный хлеб, подымный налог [Зерцалов, 1896, с. 49–90]. Все эти поборы ставили крестьян в невыносимые условия.

Обряды

Особенно много ценных сведений зафиксировал И.И. Лепёхин о предводителях религиозно-обрядовых действий. Согласно его записям, достаточно высокую позицию в семейно-родовой обрядности занимают старики. Действительно, под понятием *ватй* каждый имеет в виду в первую очередь самого старшего члена семьи или рода. Оно отвечает представлению о глубоком, умудренном опыте старике. На родовые сборы являются только самые старшие. Глава дома просит вести ритуал от его имени старейшего из присутствующих. Примечательным сбором родни является весенний родовой праздник *мункун*. Уже за день до него старики ходят по домам своих кровных родственников и устраивают застолья. Помолвившись в околodверном пространстве, они сажают самого старшего в роду на скамейку в передний угол и вручают ему кружку пива. Тот оформляет основной атрибут стола: вокруг чашки с кашей располагает ложки, а сверху кладет целый каравай [Лепёхин, 1771, с. 167; Ашмарин, 1895–1943, с. 164].

Как видим, старики руководят обрядовыми действиями и молениями от имени семьи, рода и деревни. Некоторые из них знатоки магии. Так, рассказывая о ритуальных действиях, совершаемых с целью тушения пожара, информанты подчеркивают, что такой магией владеют старухи (ПМА*, 1989 г., с. Михайловка Курманаевского р-на, информанты П.И. Степанова 1918 г.р. и Е.В. Степанова 1916 г.р.). Седобородые старики могли заниматься знахарством. При родах иные старухи поступают совершенно так же, как и повитухи. Знахарь и человек старшего возраста у чувашей порой выполняют сходные функции. На коллективных жертвоприношениях, например, право вести ритуал предоставляется знахарю или знающему старику [Лепёхин, 1771, с. 164].

Принимать роды – основное занятие повитухи. В любой чувашской деревне раньше были повивальные бабки. Они при родах исполняли роль акушерки, особенно в тяжелых случаях. Явившейся по приглашению бабке с роженицей отводилась «особая изба, а за неимением такой – теплая баня» [Никольский, 1903–1910, с. 82]. Принимая ребенка на руки, повитуха зубами перегрызала пуповину. Она же готовила жертвенную пищу сразу же после родов. У мордвы также бабушка, омыв ребенка, не сразу впускала в избу родственников. Сначала она готовила крутую кашу и пекла блины, накрывала на стол [Лепёхин, 1771, с. 169].

Как известно, наречение имени происходит или при родах, или во время специального обряда с при-

*Полевые материалы автора: экспедиция в Бузулукский, Грачевский, Державинский и Курманаевский р-ны Оренбургской обл. в 1989 г.

глашением родственников. В первом случае бабка перегрызает пуповину и, плюнув в сторону новорожденного, произносит: «Пусть носит такое имя» [Ашмарин, 1841–1903, с. 611]. У мордвы принимающая роды «бабушка, по принятому обыкновению, начинает молиться и дает имя младенцу по своему хотению; а иногда младенец получает имя от того, кто первый бабушке попадет» [Лепёхин, 1771, с. 169]. К ней же в основном обращались за советом и при наречении на сборе родных.

Вознамерившись женить своего сына, отец послал к отцу невесты кого-либо из посторонних за ответом на вопрос: «Намерен ли он отдать свою дочь за его сына?» Получив согласие, родители встречались и договаривались о калыме. Весь смысл свадебной церемонии состоял в том, что отец невесты, взяв свою дочь за руку, а мать – хлеб и соль, вручают ее родителям жениха [Там же, с. 171]. Согласно записям И.И. Лепёхина, чуваш мог иметь до трех жен, если он способен их содержать. Бытовало у них и умыкание. Когда невесту выводили из дома родителей, она как бы сопротивлялась, но ее выносили на руках [Там же, с. 174–176].

Видимо, исследователям не очень легко давалась информация о местных обрядах и обычаях. Так, 17 мая 1769 г. И.И. Лепёхин записал в своем дневнике: «Выехав из села Ключищей продолжали наш путь чрез 15 верст на чувашскую деревню Тайдакова, где несколько промедлили, расспрашивая чуваш об их обрядах; однако ничего отменного против объявленных при Черемшане обыкновений не нашел, поспешали в село Усолье, отстоящее от Тайдакова в 10 верстах» [Там же, с. 320]. Народ берег свою сакральную жизнь от чужих глаз.

Роль В.Г. Орлова в организации экспедиции

Как отмечал внук графа В.Г. Орлова, его дед, «принадлежа, по своему рождению и воспитанию, к высшему обществу и придворному кругу... имел, однако, более влечения к жизни деревенской и к сельской среде; западная цивилизация сливалась в нем с величием национальных чувств» [Орлов-Давыдов, 1908, с. 301]. Екатерина II во время путешествия по Волге в 1767 г., за год до И.И. Лепёхина, значительное внимание уделила Орловым и их имениям, в которых она останавливалась. В Симбирской губернии императрица посетила старшего из братьев Орловых Ивана Григорьевича. «Так как владелец не успел еще выстроить для себя приличного помещения, то для приема Государыни были построены им две русские избы, соединенные между собою галереей и украшенные гербами и разными эмблемами. Императрица прожила в этом

сельском приюте два дня... Жалуя помещика, Императрица не забыла принадлежащих ему крестьян, составлявших Головкинскую волость, освободив их на три года от платежа податей» [Сборник..., 1868, с. 146]. В с. Усолье Иван Григорьевич держал винокурный завод [Краткое известие..., 1786, с. 70]. Будучи в имении Г.Г. Орлова, императрица написала своему канцлеру Н.И. Панину восторженное письмо: «Сия деревня в шести верстах от пригородка Маинск... а мы вчера его луга потоптали. Хлеб всякого рода так здесь хорош, как еще не видали; по лесам же везде вишни и розы дикие, а леса иного нет, как дуб и липа, земля такая черная, как в других местах в садах на грядах не видят; одним словом, сии люди Богом избалованы. Я от роду таких рыб вкусом не едала, как здесь, и все в изобилии, что себе представить можешь, и я не знаю, в чем бы они имели нужду; все есть, и все дешево» [Орлов-Давыдов, 1908, с. 328].

Об удивительно прекрасной природе Среднего Поволжья и о влюбленности в нее Владимира Григорьевича писал и его внук. По словам В.П. Орлова-Давыдова, граф не только заботился о хозяйственном устройстве усольского имения, он им наслаждался и гордился. А население округа было предметом постоянной заботы Владимира Григорьевича. Будучи директором Академии наук, В.Г. Орлов поручил ученым исследовать Усольскую местность с научной точки зрения [Там же, с. 349–350].

Из экспедиции П.С. Паллас и И.И. Лепёхин слали свои рапорты в Академию наук. Как известно, пути их следования часто совпадали, и они вынужденно оказывались в одних и тех же пунктах. В связи с этим иногда возникали недоразумения по поводу приоритета в открытиях. В таких случаях В.Г. Орлов советовал обоим руководителям отрядов разрешить конфликт миролюбиво и желал дальнейших успехов в полезных открытиях [Там же, с. 390].

Об авторстве анонимной статьи о Симбирском наместничестве

В 1786 г. в ежегодном издании «Месяцослов исторический и географический» были опубликованы три статьи, имеющие отношение к обсуждаемой теме: «Описание городов Нижегородского наместничества», «Краткое известие о Симбирском наместничестве» и «Расстояние городов, сел и деревень, где наиболее перемена подвод бывает, по дороге от Симбирска до Кизляра». По содержанию нас больше интересует публикация о Симбирском наместничестве, образованном в декабре 1780 г. В статье кратко излагается его структура, говорится об основных предприятиях, дающих стране экономическую выгоду. Имеются ценные сведения о народах, населяю-

щих Средневолжский край. «В губернии сей жительствуют россияне, татары, мордва, чувашы, калмыки и персияне, которых по ревизским скаскам числилось в 1782 году 304 854 души; в том числе купцов 323; мещан и цеховых 5 609; калмыков 3 304; персиян 320; поселенных солдат 3 062; государственных крестьян, однодворцев, пахотных солдат и прежних служб служилых людей 136 890; помещичьих крестьян 155 154 души» [Краткое известие..., 1786, с. 70–71]. В конце статьи дается описание городских гербов Симбирского наместничества. Например, на гербе г. Буинска изображена серебряная овца на зеленом поле, что обозначает изобилие здесь этого вида скота.

По мнению Т.А. Лукиной, «Краткое известие о Симбирском наместничестве» принадлежит И.И. Лепёхину. Она в этой связи писала: «Лепёхин посетил эти места в 1768 г., поэтому он очень живо, по личным воспоминаниям, описал и реки нового наместничества, и большой черный лес на берегах Суры, и виденные им фабрики и заводы. Многие из этих материалов были использованы в “Дневных записках”. Ново по сравнению с “Записками” подробное описание гербов, принадлежащих Симбирску, Сенгилею и другим городам, входящим в наместничество» [Лукина, 1965, с. 111–112]. Все это так. Но по поводу данной статьи имеются и другие точки зрения. Так, в каталоге книг XVIII в. в качестве автора в квадратных скобках указан Н.Я. Озерецковский, который являлся составителем «Месяцослова» [Сводный каталог..., 1966, с. 220]. Библиографическим редактором каталога был А.С. Мыльников, работавший тогда в Публичной библиотеке.

Дискуссионность вопроса об авторстве статьи подогревается еще и рядом обстоятельств. Ко времени ее публикации в «Месяцослове» существовали рукописи с аналогичным содержанием: «Топографическое описание городов губернии Симбирской. Сочиненное надворным советником Масленицким. 1783 года» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19024); «Топографическое описание Симбирского наместничества вообще, сочиненное из доставленных сведений от комендантов, городничих и нижних земских судов с дополнением исторических известий против запросных пунктов от кабинета Ея Императорского Величества 1785-го года» (Там же, д. 19025); «Топографическое описание губернии Симбирской. Вообще и порознь городов и уездов и обитающих в ней иноязычных народов по запросным пунктам от Кабинета ее императорского величества 1784 года. Сочиненное из доставленных сведений о городах от городских магистратов обще с комендантами и городничими, об уездах от нижних земских судов и от разных присутственных мест с приобщением историческим касательного до страны здешней, надворным советником Тимофеем Масленицким 1785 года» (Там же, д. 19026). Все

эти рукописи представляют солидные исследования, не потерявшие свою актуальность и на сегодняшний день. Солидны они и по объему. Например, дело № 19026 занимает 450 полноформатных листов. Материалы собирались по поручению Екатерины II, правившей Россией в 1762–1796 гг. На рукописи имеется пометка другим подчерком: «Получено февраля 12 дня 1786 года». Конечно, это дата получения рукописи заказчиком – Кабинетом императрицы. То есть в феврале 1786 г. рукопись о Симбирском наместничестве поступила в Петербург. О том, что «рукопись Масленицкого» послужила основой для анонимной статьи «Краткое известие о Симбирском наместничестве», свидетельствует совпадение их содержаний и очередности перечисления городов Симбирской губернии. В свою очередь, Т.Г. Масленицкий в представленную императрице рукопись включил очерк К.С. Мильковича «О чувашах», который занимает листы с 233 по 308.

Как видим, в 1786 г. и И.И. Лепёхину, и Н.Я. Озерецковскому, и другим петербургским исследователям были доступны рукописи о Симбирском наместничестве. Все основные сведения, приведенные в анонимной статье «Краткое известие о Симбирском наместничестве», содержались в трудах К.С. Мильковича и Т.Г. Масленицкого. Можно утверждать, что данная статья составлена по этим работам. Тем не менее у нас пока нет твердых оснований отдавать предпочтение в вопросе об авторстве статьи «Краткое известие о Симбирском наместничестве», опубликованной анонимно в «Месяцослове» в 1786 г., ни К.С. Мильковичу, ни Т.Г. Масленицкому, ни И.И. Лепёхину, ни Н.Я. Озерецковскому. Мы имеем дело с коллективной компиляцией.

Выводы

Как видим, И.И. Лепёхин, наряду с П.С. Палласом, одним из первых дал академическое описание Средневолжского региона в целом. Например, он зафиксировал ландшафтные особенности местности: боры, леса, болота, луга, тучные поля, множество кустарниковых роз и дикого хмеля, р. Большой Черемшан, небольшие речки, озера. В водоемах тогда водились исчезнувшие теперь выхухоль, белуга, осетр, стерлядь и севрюга.

И.И. Лепёхин в большинстве случаев фиксировал этническую принадлежность населенных пунктов. Здесь жили чувашы, татары, кызылбаши, мордва, русские. Исследователь обращал внимание на одежду местных жителей. Он отметил, что мордва, чувашы и татары носят такие же рубахи, как и русские крестьяне, и ходят в лаптях. Он также описал женские головные уборы *тухья/такья*, *хушну/кашпау*, *сурпан*.

Причеремшанские черноземы издревле были плодородными. В XVIII в. здесь сеяли в основном рожь,

овес и полбу, выращивали арбузы, дыни и табак. Женщины работали наравне с мужчинами. Правительство запрещало инородцам заниматься кузнечным делом, т.к. боялось, что народ будет изготавливать оружие. Поэтому сельскохозяйственные принадлежности люди покупали в Казани. Многие работали на местных винокурных заводах. И.И. Лепёхин отметил рачение немцев, поселившихся небольшими колониями. Бесчисленные налоги ставили народ в каменные условия.

Особенно ценными в записях И.И. Лепёхина следует назвать сведения о предводителях религиозно-обрядовых действий: о стариках, повитухах, знахарях. Не меньшую научную значимость имеют описания молений у чувашей и мордвы, например, на *киремещицах* (местах общественных жертвоприношений).

Итоги Средневожской экспедиции отряда И.И. Лепёхина отражены в его «Дневных записках», изданных в 1771 г. Привезенные вещи в Кунсткамере приводились в порядок, их систематизировали, снабжали этикетками.

Список литературы

Ал-Мукадаси. Лучшее разделение для познания климатов / пер. с араб., введ., коммент., указ., карта, таблица Н.И. Серикова // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – М.: Наука, 1994. – Вып. 2. – С. 268–334.

Ашмарин Н.И. Археология, этнография, фольклор. 1895–1943 гг. // Архив Чуваш. гос. ин-та гуманитарных наук. № 21. 611 с.

Ашмарин Н.И. Этнография, фольклор. 1841–1903 гг. // Архив Чуваш. гос. ин-та гуманитарных наук. № 6. 652 с.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1941. – Вып. XVI. – 376 с.

Бондарь Л.Д. Экспедиция И.И. Лепёхина. 1768–1771 гг. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в.: Очерки истории. – СПб.: Реноме, 2018. – Кн. 2. – С. 1024–1032.

Газимзянов И.Р., Набиуллин Н.Г. Антропология населения Джукетау (по материалам Донауровского некрополя) // Учен. зап. Казан. ун-та. – 2011. – Т. 153. – Кн. 3: Гуманитарные науки. – С. 21–28.

Громова Т.А. Историческая хроника нотариата Симбирской губернии – Ульяновской области. – М.: Фонд развития правовой культуры, 2010. – 288 с.

Гуркин В.А. Исследования Среднего Поволжья современниками Карла Линнея // Самарская Лука: проблемы ре-

гиональной и глобальной экологии. – 2011. – Т. 20, № 2. – С. 182–197.

Дневник Ив. Ив. Лепёхина с записью его наблюдений по экспедиции 1768–1772 гг. // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 4. 175 л.

Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда: (Приходо-расходная книга Симбирской Приказной избы). 1665–1667 гг. – Симбирск: [Типо-лит. А.Т. Токарева], 1896. – VI, 275, IV с.

Краткое известие о Симбирском наместничестве // Месяцослов исторический и географический на 1787 год. – СПб.: Имп. Акад. наук, [1786]. – С. 64–74.

Лепёхин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1771. – IV, 538 с., 23 табл.

Лепёхин И. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 году. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1814. – Ч. 3. – IV, 376, 28 с.

Лукина Т.А. Иван Иванович Лепёхин. – М.; Л.: Наука, 1965. – 208 с.

Мартынов П. Селения Симбирского уезда 1903 г. – Симбирск: [Типо-лит. А.Т. Токарева], 1904. – 198, 67, VIII с.

Никольский Н.В. Этнография. 1903–1910 гг. // Архив Чуваш. гос. ин-та гуманитарных наук. № 167. 474 с.

Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк графа В.Г. Орлова // Рус. архив. – 1908. – Вып. 7. – С. 301–395.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1773. – Ч. 1. – X, 115, 657 с., 117 ил.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – [СПб.: Тип. Его Имп. Величества Канцелярии], 1830. – Т. III: 1689–1699. – I, 690 с.

Приходо-расходная книга, выданная И.И. Лепёхину Комиссией АН. 1768–1772 гг. // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 10. 62 л.

Салмин А.К. История чувашского народа: анализ основных версий. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 464 с.

Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. – Симбирск: Симбир. губ. правление, 1868. – 281, 41, IV с.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. – М.: Книга, 1966. – Т. IV: Периодические и продолжающиеся издания. – 289 с.

Смирнов А.П. Волжские булгары. – М.: ГИМ, 1951. – 375 с., 18 табл., карта.

Фрадкин Н.Г. Академик И.И. Лепёхин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. – М.: Географгиз, 1953. – 224 с.

Материал поступил в редколлегию 29.05.18 г., в окончательном варианте – 28.08.18 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.119-126
УДК 39

Л.Н. Щанкина

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Стремянный пер., 36, Москва, 117997, Россия
E-mail: schanckina@yandex.ru

Мордва на территории Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: некоторые проблемы переселения и обустройства

Статья посвящена исследованию основных проблем, связанных с переселением и обустройством мордовских крестьян на территории Западно-Сибирского региона начиная с середины XIX в. и включая период проведения Столыпинской аграрной реформы. Особое внимание уделено обустройству новопоселенцев и их взаимоотношениям со старожилами, успехам и неудачам самовольного и обратного переселения, динамике численности. Основой для исследования послужили архивные источники, в частности, рукописи Е.И. Кривякова и В.Б. Русяйкина из Научного архива НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии. Выявлены причины переселения мордвы в Западную Сибирь, важнейшая из которых связана с экономическими условиями в местах выхода. Доказывается, что условия для крестьянских переселений начали формироваться в связи с отменой крепостного права в 1861 г. и проведением Столыпинской аграрной реформы, которая должна была разрядить аграрный кризис в центре страны. На основе анализа архивных материалов и литературных источников определено, что основные проблемы в переселенческой политике – неготовность переселенческого и всего административного аппарата справиться со значительной массой переселенцев, нехватка средств на мероприятия по перемещению людей, малые размеры земельных наделов для дальнейшего обустройства новоселов, трудности при оформлении документов, оказание правительством помощи в недостаточной мере и далеко не всем нуждавшимся в ней (лишение права самовольных переселенцев при получении земельных наделов, невмешательство в дело обустройства крестьян и непринятие мер, ограничивавших размер приемной платы в старожильческие поселения, и др.) – были обусловлены слабой организационной подготовкой.

Ключевые слова: Западная Сибирь, регионы Поволжья, мордва, переселенцы, расселение, переселенческая политика.

L.N. Shchankina

Plekhanov Russian University of Economics,
Stremyanny per. 36, Moscow, 117997, Russia
E-mail: schanckina@yandex.ru

Mordvins in Western Siberia in the Late 19th to Early 20th Century: Certain Issues in the Migration and Settlement

This study addresses the main aspects of the Mordvin peasant relocation to Western Siberia from the mid-1800s to Stolypin's agrarian reform, with a focus on resettlement and relationships with old residents, successful and failed unauthorized and reverse migration, and the displacement level. The sources are archival data, specifically E.I. Krivyakov's and V.B. Rusaikin's manuscripts owned by the archives of the Government of Mordovia Institute for the Humanities. Causes of migration were mostly economical, and the process was triggered by the abolishment of serfdom in 1861 and then by the Stolypin's reform, meant to defuse the imminent agrarian crisis in central Russia. On the basis of archival and published evidence, it is demonstrated that the main problems faced by the authorities were their unpreparedness for arranging the relocation of large numbers of peasants, insufficient funding, small size of land plots allotted to new settlers, difficulties with obtaining documents, the fact that governmental help was insufficient and provided not to all those in need (land plots were not allotted to unauthorized settlers), administration's laissez faire in the resettlement process, failure to limit admission fees paid to old settlers, and other factors caused by poor organizational training.

Keywords: Western Siberia, Volga Region, Mordvins, settlers, resettlement, migration policy.

Введение

Мордовский этнос отличается особой дисперсностью расселения. Значительные группы мордвы проживают не только в областях и республиках Среднего Поволжья, но и в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и др. Характер расселения мордвы начинает меняться во второй половине XVI в. в связи с переселением в мордовский край русских, а также миграциями мордвы в рамках коренной этнической территории и ее участием в освоении земель, входивших в состав Российского государства [Мордва, 1995, с. 47]. Систематические миграции мордовского населения с территории Поволжья начались в 1847 г., хотя официальные данные фиксируют переселение в азиатскую часть России только после 1852 г. [Волкова, 2007, с. 57]. До середины XIX в. переселенческое движение мордовского населения на территорию Западной Сибири носило самовольный характер. Большую роль в дальнейшем освоении сибирских земель сыграло государство. После реформы 1861 г. правительственная политика страны была направлена на решение аграрного вопроса, который к тому времени существенно обострился, путем переселения крестьян в Сибирь. Что касается мордовских крестьян, то они давно стремились перебраться в Сибирь [Разживин, Никонова, 2007, с. 46].

Переселенческое движение в пореформенный период (1861–1917 гг.)

Процесс переселения мордвы в Сибирь был достаточно длительным. Что же заставляло людей переселяться на такие далекие от Мордовии расстояния? Главной причиной было тяжелое экономическое положение крестьянства. В конце XIX – начале XX в. основой экономики Мордовии являлось отсталое сельское хозяйство, в котором было занято ок. 96 % всего населения, тогда как в целом по Пензенской губ. этот показатель был равен 90 %, а в Симбирской – 83 % и т.д. Земля принадлежала преимущественно помещикам, монастырям и кулакам. Трудовое крестьянство находилось в весьма тяжелых условиях малоземелья. Росло расслоение: возрастал удельный вес как бедняцких хозяйств, так и кулаков. Для ведения самостоятельного середняцкого хозяйства крестьянину необходимо было иметь не менее 15 дес. земли. В начале XX в. в Мордовии на одно крестьянское хозяйство обычно приходилось 7,5 дес. всех земель, а пахотных – лишь 4,5 дес. Нешадно угнетали и эксплуатировали мордовское и русское крестьянство монастыри, имевшие огромные капиталы и обширные земли. Их владения были сосредоточены главным образом в Краснослободском и Темниковском у. Так, в последнем площадь земель только трех монастырей равнялась площади всех надельных земель

4,5 тыс. крестьянских дворов. Один из крупнейших и богатых монастырей России – Саровский – владел 26 250 дес. лучших земель и лесных угодий [Филатов, Юрченков, 1989, с. 146–147].

Крестьяне нуждались в лошадях, крупном и мелком скоте, сельскохозяйственном инвентаре. Частые засухи и неурожаи усугубляли трудности крестьянской жизни. Военно-конской переписью 1905 г. в Мордовии зафиксированы 27,1 % безлошадных и 39,1 % крестьянских хозяйств с одной лошадей. Однолошадные и безлошадные крестьяне, как правило, были мало- и безземельными, т.е. составляли бедняцко-батрацкий слой населения мордовской и русской деревни. В Мордовии накануне 1905 г. доля таких хозяйств достигала 66,2 % от всех крестьянских хозяйств, что на 6,7 % больше, чем в среднем по европейской части России [Там же, с. 147].

Малоземелье и нищета в мордовской деревне, где в конце XIX – начале XX в. ускорился процесс расслоения крестьянства, слабое развитие фабрично-заводской промышленности во многом обусловили распространение в Мордовии отходничества. Им занимались крестьяне и других районов Среднего Поволжья – маришцы и чуваша, но не в таких масштабах. Ежегодно из Мордовии в рассматриваемое время уходило на отхожий промысел свыше 100 тыс. бедняков (русские и мордва), или более 30 % от всего взрослого мужского населения. В отличие от эпохи феодализма, отмеченного «ползучими» миграциями, которые не распространялись далеко и исходили преимущественно из сопредельных районов, период капитализма характеризуется переселениями большего масштаба и на далекие расстояния. Но и они не способствовали улучшению жизни крестьян [Там же]. Как отмечают историки, ввиду плохой организации переселения к 1912 г. многие мордовские крестьяне – разоренные, лишенные земли и средств к существованию – вернулись в места прежнего проживания.

Наиболее подходящим местом для проживания была часть Западной Сибири, расположенная ближе к европейской части России, с ее благоприятными почвенно-климатическими условиями. Мордовские крестьяне пытались осесть на территориях, которые по природным условиям напоминали им родину. Такими являлись лесостепные и степные районы Томской, Енисейской и Тобольской губ. Численность мордвы в них быстро увеличивалась.

В 1859 г., согласно статистическим сведениям, в Томской губ. мордвы было 957 душ обоего пола, они проживали в десяти населенных пунктах [Списки..., 1868, с. LXXXII]. Официальной статистикой первое мордовское моноэтническое поселение зафиксировано в Томском окр. Кривошековской вол. – это д. Марьяна (393 чел.), в которой жили «пензенские мордовцы, считавшиеся хорошими пахарями, живущими безбедно» [Волости..., 1894, с. 66]. Совместно с рус-

скими мордва проживала в д. Мало-Пичугина Мариинского окр. Почитанской вол. – 108 душ обоего пола, с. Солтонском Бийского окр. Уксунайской вол. – 102, с. Нижнем-Ненинском Яминской вол. – 38 душ обоего пола [Овчарова, 2016, с. 102].

По подсчетам этнографа В.И. Козлова, численность мордовского народа до 1861 г. в Томской губ. составляла ок. 1 тыс. чел. [1960, с. 27, 41], а к переписи 1897 г. она выросла до 14,7 тыс. чел. [Волкова, 2007, с. 59]. До 1861 г. в Сибирь переселяли в основном государственных крестьян из Тамбовской и Пензенской губ. Согласно информации Н.Ф. Тюгаева, исследователя крепостной деревни Мордовии конца XVIII – первой половины XIX в., в 1859–1882 гг. из Саранского у. Пензенской губ. в Томскую губ. переселились 1 077 чел.: из Краснослободского у. – 721, из Инсарского у. – 41 чел. [Там же, с. 57]. По данным Архива города Минусинска Красноярского края, в 1861–1914 гг. из Пензенской губ. (ныне территории, находящиеся в границах Республики Мордовии (далее – РМ) выбыло ок. 200 тыс. чел. В 1862 г. на Урале и в Сибири обосновались 39 семей из Краснослободского у., с 1863 по 1888 г. – 200 семей из Саранского у., с 1889 по 1891 г. – 140 семей из Инсарского, Спасского и Темниковского у. В действительности размеры миграций из мордовского края и регионов Поволжья были более значительные: в официальных документах не учитывались самовольные переселенцы и ходоки, которые, подыскав благоприятное местожительство, не возвращались обратно на родину [Никонова, Терняев, 2007, с. 26]. Не имея возможности переселяться легально, мордва вплоть до конца XIX в. передвигалась самовольно.

Переселенческое движение в Сибирь к концу XIX – началу XX в. стало возрастать. Так, с 1861 по 1891 г. в Сибирь поселились ок. 450 тыс. чел., из них в Западной Сибири осело примерно 350 тыс., а в Восточной Сибири – до 100 тыс. чел. Желание переселиться у крестьян иногда формировалось в условиях падежа скота, неурожаев, пожаров и т.д. Например, после случившегося в 1891 г. пожара в д. Гузынцы Саранского у. Пензенской губ. (ныне Большеберезниковский р-н РМ), который уничтожил большинство дворов, одна часть жителей уехала в Сибирь, другая – на Кавказ, а третья – в Уфимскую губ. [Русякин, 1987, с. 134, 138].

Всеобщая перепись населения, проведенная 20 января 1897 г., предоставила довольно точные сведения о численности и размещении населения, его социальном составе, религиозной структуре и образовательном уровне. В губерниях Российской империи числилось 1 023 841 чел. мордовской национальности, в т.ч. на территории Сибири – 20 223 чел. (0,4 %). Наибольший удельный вес мордовского населения был в Барнаульском, Мариинском, Змеиногорском, Томском, Бийском и Кузнецком окр. Томской губ., Минусинском окр. Енисейской губ., Тюкалинском и Ишим-

ском окр. Тобольской губ. [Первая всеобщая перепись населения..., 1904–1905, т. LXXV, с. 2–3; LXXVIII, с. 2–3; LXXIX, с. 2–3; LXXIII, с. 2–3].

Большую роль в обеспечении переселенцев земельными участками в местах водворения и оказании помощи в обустройстве на новом месте сыграло созданное в 1896 г. Переселенческое управление. Правительство гарантировало дешевый проезд по железной дороге, ссуды, бесплатное пользование местными лесами и т.д.

С открытием железнодорожного сообщения основной поток крестьян в Сибирь двигался через Челябинск. В 1896 г. переселенческий пункт, регистрировавший прибывавших из Тюмени, перевели в г. Омск. Здесь создавались бараки для временного размещения переселенцев, столовые, больницы и различные склады, а также базы Переселенческого управления [Хлеб..., 1999, с. 35–36].

Решаясь на переезд, мордовские крестьяне продавали все свое имущество и на собранные деньги рассчитывали доехать до нового места жительства, построить себе жилище и обзавестись хозяйством. Во время продолжительного и трудного переезда переселенцы все вырученные деньги часто тратили полностью и на новом месте оказывались без средств к существованию. Исключением являлись чуть более зажиточные крестьяне, имевшие достаточные средства и необходимые орудия труда для немедленного обзаведения новым хозяйством. Большинство крестьян, чтобы обосноваться на новом месте, приходилось работать по найму у старожилов либо у тех переселенцев, которые успели завести свое хозяйство [История Сибири..., 1968, с. 26]. Материалы об имущественном положении свидетельствуют о преобладании среди переселенцев бедняков. А.А. Кауфман в 1894 г. отмечал, что из мордовского края в Томскую губ. переселились 104 семьи, из них 81 семья (79,4 %) – безлошадные и однолошадные [1895, с. 250]. В пос. Островском, Воскресенском и Наумовском среди переселенцев крестьянская беднота составляла 80,6; 83,3 и 90,0 % соответственно [Кривяков, 1977, л. 38]. По данным Е.И. Кривякова, с минимальными средствами выезжали крестьяне из Пензенской и Симбирской губ. Так, в 1895–1896 гг. у 84 % семей-переселенцев не было домов, а некоторые оценили свои строения менее чем на 100 руб. [Там же, л. 46].

В конце XIX в. в переселенческом движении участвовали два потока переселенцев: один был организован государством, другой состоял из т.н. самовольных, «неорганизованных» поселенцев. Условия переселения были крайне тяжелыми. Выделение участков проводилось медленно, тысячи семей не могли устроиться и находились на краю гибели. Особенно большие страдания выпали на долю самовольных переселенцев: половина из них – бездомные, которые были вынуждены собирать милостыню. Как прави-

ло, все такие переселенцы относились к категории непричисленных. Правительство не выдавало таким переселенцам земельных наделов и не оказывало никакой материальной помощи. Если кому-то выделяли участки, то делали это наспех, часто в местах без воды и на неудобных для хозяйства землях. В результате эти прибывшие оказывались в значительно худших условиях, чем «законные» переселенцы. Правительство, лишив самовольцев права получать земельные наделы, не вмешивалось в дело обустройства в старожильческих поселениях и не ограничивало размер приемной платы. Например, в 1882 г. в с. Легостаево Барнаульского окр. Томской губ. прибыли четыре семьи из Краснослободского у. и три семьи из Саранского у. Пензенской губ. Старожилы потребовали за их приписку с мужской души от 80 до 100 руб. (в 1900 г. у четырех семей из Краснослободского у. они запросили от 50 до 100 руб.) и продали им для жилья свои старые хижинки. Ввиду отсутствия средств новоселы были вынуждены приписаться в мещане в г. Барнауле. Прибывшие со своими семьями на новые места жительства и обосновавшиеся там не имели земли, покосов и других угодий [Там же, л. 154, 157]. «За последнее время, – указывал А.И. Комаров, – старожилы часто берут и по 150–200 руб. за приписку мужской души» [1913, с. 76]. В рапорте саранского уездного исправника от 22 февраля 1900 г. также содержатся материалы о самовольных переселениях крестьян из мордовских сел Вязовка и Верхний Шкафт Городищенского у. Пензенской губ. В нем сообщается: «Пять семей, по сведениям родственников, без всяких письменных видов выехали из прежнего места жительства, предприняв самовольное переселение в Томскую губернию» [Гребнев, 1959, с. 59–60]. Иногда полицейским удавалось напасть на след переселенцев, задержать и вернуть их на прежнее поселение. Так, на ст. Тимирязево Московско-Казанской ж. д. (ныне ст. Красный Узел РМ), как сообщалось губернатору, «12 апреля были задержаны самовольные переселенцы (9 семейств в количестве 46 человек) из с. Кочуново Чуфаровской волости Саранского уезда Пензенской губернии. Все они распродали свои жилые и хозяйственные постройки, но их вернули обратно на старое местожительство» [Там же].

У неофициальных переселенцев выбор был небольшой: они могли приписаться к селениям старожилов либо арендовать землю у Сибирского казачьего войска или казахов. Зажиточные старожилы, пользуясь безвыходным положением самовольных переселенцев, притесняли их. Так, в 1901 г. шесть непричисленных семей из Краснослободского и Спаского у., водворившихся в пос. Думчевский Барнаульского у. Томской губ., отмечали, что «живут очень бедно, никакого имущества, кроме домов не имеют, старожилам платят 3 руб. за усадьбу, 2 руб. за пастьбу

скота, “полетки” по 2 руб. за десятина пахотной земли и т.д.» [Кривяков, 1977, л. 157]. Вот как в начале XX в. оценивал эту ситуацию чиновник: «Большинству переселенцев приписка была не по средствам, так как за приписку мужской души необходимо было заплатить от 30 до 50 руб., и для среднестатистической семьи она составляла 90–150 руб. А проживать в качестве неприписных было очень разорительно, так как они облагались такими поборами, что существование крестьян в таких условиях было невозможно, не говоря уж об их экономическом развитии» [Нововаршавский район..., 2004, с. 18–19].

Часто переселенцы не могли обосноваться в старожильческом поселении по той причине, что его жители опасались стеснения в пользовании личными земельными угодьями. Тем не менее новоселы пытались обосноваться в старожильческих поселениях, поскольку там легче было найти подработку, жилище до возведения своего, присмотреть более подходящую для обработки землю, а также приобрести продукты питания до получения своего урожая. Если переселенцам удавалось обосноваться в старожильческом селении, они, как правило, селились отдельно, создавая новые переселенческие участки. Например, мордовская деревня Тавлы Зырянского р-на Томской обл., по словам правнука ее основателя Виктора Михайловича Петрова, была образована Еремеем Петровым, который переселился со своей семьей из с. Подлесная Тавла Саранского у. Пензенской губ. (ныне Кочкуровский р-н РМ) в 1863 г. [Как Еремей Петров...]. Из материалов этнографической экспедиции в юго-восточную часть Западной Сибири 2009 г., организованной Научно-исследовательским институтом гуманитарных наук при Правительстве РМ, следует, что в деревне остался один житель мордовской национальности, а остальные переселились в соседнее село Высокое Зырянского р-на, в котором часть мордвы – это переехавшие из г. Заринска Заринского р-на Алтайского края.

Почему же мордовский народ переезжал на постоянное место жительства в Западную Сибирь? Один из основных факторов, оказывавших влияние на материальную культуру любого этноса, – географическая среда, а также экономическое положение в районе вселения. От климата, ландшафта, почвы, наличия тех или иных природных ресурсов зависела его хозяйственная деятельность. Многим Сибирь представлялась краем, богатым ценным зверем, рыбой, сенокосами, черноземом, не знающим недорода. Среди переселенцев распространялись слухи, что на новых местах выдают большие деньги, построенные усадьбы, скот, сельскохозяйственный инвентарь и др. В действительности длительное время земли Акмолинской обл. Омского у. считались малопригодными для земледелия. По данному поводу генерал-губернатор Акмо-

линской обл. Г.А. Колпаковский писал, что «свободных для переселения земель в Акмолинской области вообще не имеется и земледелие в степи невозможно». Поэтому давалось указание «под любым предлогом не разрешать оставаться здесь на длительное время, а самовольно поселившихся выдворять на место старого жительства поэтапно» [Нововаршавский район..., 2004, с. 17–19].

Тяжелые природно-климатические, а также сложные социально-экономические условия заставляли многих новоселов покидать полученные участки, искать новые места и лучшие земли в той же Сибири. Разочаровавшиеся переселенцы нередко возвращались обратно абсолютно разоренными. Согласно архивным данным, покинуть Сибирь их заставили: недостаток средств и суровый климат, плохое качество почвы, отсутствие свободных участков, воды и леса или наоборот – чрезмерная лесистость, заболоченность и затопляемость участков, отсутствие сенокосов и выпасов для скота, неурожай и т.д. Например, в 1882 г. четыре семьи из с. Слободские Дубровки Краснослободского у. вернулись на родину из Барнаульского окр. Томской губ. Причину неудачного переселения они объясняли так: «Для обустройства на удобной и плодородной земле необходимо было заплатить за приписку старожильческому обществу 100 руб., другая же земля была неудобная. Кроме того, их обманым путем заманили к себе родственники, которые написали в письме о том, что в Сибири все живут богато. Решившись на переселение и переехав в Сибирь, они очень разочаровались. На вопрос: “Для чего они их пригласили к себе?”, те ответили, “из-за вредности, что не одним им разоряться”» [Кривяков, 1977, л. 159–160].

Не все переселенцы решались вернуться на родину, многие оставались в Сибири, т.к. переезд требовал больших средств. В 1896–1900 гг. среди «обратных» переселенцев преобладали выходцы из Симбирской губ. (20,0 %), за ними следовали выходцы из Пензенской (17,5) и Тамбовской (14,1 %) губ. [Там же, л. 162–163]. Абсолютное большинство крестьян возвращались в Тамбовскую, Симбирскую и Пензенскую губ. главным образом из Томской губ., хотя и самый большой приток переселенцев из названных губерний был именно в Томскую губ. Из Енисейской, Тобольской и Иркутской губ. возвращались из-за того, что там была тайга, трудно поддающаяся расчистке. Самый большой процент вернувшихся из Тобольской губ. составили жители Пензенской губ., а из Енисейской – Тамбовской губ.

Большая часть крестьян вернулась на родину в год неудачного переселения. Основная причина возвращения таких крестьян – отсутствие в местах водворения благоприятных условий для ведения своего хозяйства, а главное, необеспеченность землей, при-

годной для обработки. Обратное переселение проходило медленно, т.к. многие переселенцы часто шли пешком, подрабатывали, попрошайничали, голодали, домой они вернулись беднее прежнего [Там же, 1977, л. 165–167]. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что правительство не создало благоприятные условия для хозяйственной деятельности новоселов в местах водворения. Правительственная помощь оказывалась в недостаточной мере и далеко не всем нуждавшимся.

Поток переселенцев усилился после принятия закона от 13 июня 1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». Переселяться людей заставляли также неурожай и голод в Европейской России в 1891–1892 гг. Чтобы стать законным переселенцем, требовалось получить разрешение двух министерств – Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ. Чиновники не справлялись с количеством поданных заявок, а тех, кто уезжал без разрешения, возвращали назад. Однако, несмотря на установленные порядки, поток самовольных переселенцев увеличивался. Только в 1892 г. он составил 35 %. В том же году правительство временно приостановило выдачу разрешений и переселение полностью стало самовольным. И это несмотря на то, что «самовольцы» не имели льгот на получение путевых ссуд по отбыванию воинской повинности и на передвижение по железной дороге. По закону от 13 июня 1889 г. они освобождались в первые три года от обложения за землю, в последующие три года платили половинную оброчную подать по 7,5 коп. за 1 дес. и только через шесть лет платили полную подать по 15 коп. за 1 дес. При законном переселении они получали ссуду на проезд и хозяйственное обустройство: минимум 51 руб. 28 коп., максимум 118 руб. 29 коп. [Нововаршавский район..., 2004, с. 18–19]. Так, при переселении в 1903 г. в Кыштовскую вол. (ныне Кыштовский р-н Новосибирской обл.) правительство выдавало переселенцам 14 руб. 50 коп. (Архив Кыштовского краеведческого музея. Ф. 296. Оп. 1. Л. 8). Статус официального переселенца был самым надежным и экономически выгодным, но, как отмечалось, чиновники не успевали «нарезать» участки и оформлять документы из-за нехватки средств.

После революции 1905 г. положение переселенцев в местах выхода стало еще больше ухудшаться. Так, в 1906 г. в телеграмме на имя царя 350 домохозяев Краснослободского у. Пензенской губ. писали: «Малоземелье и неурожай гонит нас в далекую Сибирь... Всемиловейший государь, не откажите нам в слезной просьбе о переселении на указанный участок в Сибирь». В примечании к описанию имущественного положения 16 семей с. Сивинь Краснослободского у., переселившихся в 1909 г. в Томскую губ., указано, что «все семьи земельного надела не имеют» [Кривяков, 1974, с. 28, 31].

Переселения в период Столыпинской аграрной реформы

Следующий этап переселения крестьян из центральных районов России в Сибирь связан с проведением Столыпинской аграрной реформы. Правительство провело большую работу, определяя переселенческие участки для создания будущих населенных пунктов. Такие участки выбирали на пустующих землях либо отрезали после межевания от владений старожилов сельских обществ. Отводу участков предшествовало геологическое обследование. При выборе отдавали предпочтение местам, расположенным, как правило, недалеко от реки или озера либо около колоков. При этом учитывался растительный покров почвы. С 1906 по 1916 г. на территории Томской губ. были заселены 5 092 переселенческих участка. В Томском переселенческом районе значился 21 подрайон водворения и устройства переселенцев, но люди заселились преимущественно в Томском и Кузнецком подрайонах [Никонова, Терняев, 2007, с. 31]. Прибывшим из Пензенской губ. предоставлялись земельные участки (доли) в Тобольской, Томской, Енисейской, Акмолинской обл. и др. Только в 1909 г. из Пензенской губ. было подано заявок главному управляющему землеустройством в Сибири на 7 631 долю. Предоставлено же было на всю губернию 2 004 доли [Гребнев, 1959, с. 63, 65]. Согласно архивным данным, в 1910–1911 г. ок. 100 семей из с. Колопина Краснослободского у. переселилось в Сибирь (обосновались в Томской губ.) [Материалы..., 1955, л. 18]. В то время на современной территории Омской обл. появилось много новых поселков: Нововаршавка, Новоцарицино, Ясная Поляна, Русская Поляна, Павлоградка, Одесское, Южно-Подольск, Добровольск и др. За 25 лет (с 1889 по 1914 г.) в них переселилось более 0,5 млн чел. [Рашин, 1956, с. 70], в т.ч. мордва (представители этноса проживают в настоящее время в с. Нововаршавка). В Кыштовской вол. Томской губ. (ныне Омская обл.) появилось 47 деревень. В 1871–1889 гг. расселением приехавших крестьян, а также перепланировкой уже существовавших деревень занимался Томский губернский землеустроительный отряд. На землеустроительных картах указывались места поселений, усадьбы, земельные участки, приводились списки проживавших в уже существовавших деревнях. В 1911 г. был образован пос. Шастинский, в который переселилась и мордва. Перепись 1926 г. зафиксировала в нем 69 жителей обоего пола, из них мужчин – 30 чел., женщин – 39 чел. (Архив Кыштовского краеведческого музея. Ф. 296. Оп. 1. Л. 3–8).

В период проведения Столыпинской реформы на территории Сибири были основаны многие поселки и деревни, поскольку правительство инициировало ряд законов о землеустройстве крестьян: об особом содействии Крестьянского Банка к покупке земли

крестьянами (Высочайший Указ от 3 ноября 1905 г.), о понижении процента по банковским ссудам (Указ от 14 октября 1906 г.), об обращении удельных земель и казенных земельно-оброчных статей и части лесов на расширение крестьянского землепользования (Указ от 27 августа 1906 г.), о свободном выходе из общины, наделе наделных участков, о помощи правительства в уничтожении чересполосицы, расселении на хутора и размежевании на отрубы, о ссудах Крестьянского Банка под залог наделов (Указы от 4 марта, 9 и 15 ноября 1906 г.) и Указ от 10 марта 1906 г., по которому всем крестьянам и мещанам-землепашам предоставлялось право переселяться в Азиатскую Россию на казенные, специально отведенные для этого земли без особого разрешения начальства или общественного схода. Однако правительство постоянно предупреждало желающих переселиться, что для нормального устройства и обзаведения хозяйством (постройка дома, покупка скота и инвентаря) необходимо было потратить не менее 400 руб., а государственная помощь при переселении в Амурскую и Приморскую обл. составляла не более 150 руб., в остальные области и губернии Сибири – 100 руб. Прибывшие «столыпинские» переселенцы наделялись землей из расчета 15 дес. на одну мужскую душу. Преимуществом пользовались семьи, имевшие больше сыновей, т.к. их шансы увеличить благосостояние были выше [Нововаршавский район..., 2004, с. 28–30].

Программа правительства по переселению крестьян осуществлялась непросто. В центральные правительственные органы от переселенцев поступали многочисленные прошения о предоставлении им земельных наделов и жалобы на притеснения со стороны старожилов, но в большинстве случаев они оставались без ответов. Ухудшение условий и ограничение возможности причисления привели к тому, что в Сибири в 1910 г. скопилось более 700 тыс. непричисленных переселенцев, преимущественно самовольных. Вместе с ними на положении непричисленных оказались «законные», которые не явились в назначенные места. На протяжении 1910–1915 гг. Переселенческое управление предоставило землю 288 272 непричисленным, более 40 тыс. самовольцев осталось без земли [Скляров, 1962, с. 440].

Серьезным испытанием аграрная политика правительства подверглась в 1911 г. Очередная засуха в Сибири наиболее губительно отразилась на переселенческих хозяйствах, еще не вставших на ноги и не имевших достаточного запаса продовольствия. «Помираем с голоду и экстренно просим помощи», – телеграфировали переселенцы из Тарского у. [Манякин, 2003, с. 13]. В период проведения Столыпинской аграрной реформы в Тамбовскую губ. возвратилась почти четвертая часть переселившихся, в Симбирскую и Пензенскую губ. – пятая. В годы политической реакции (1907–1909) процент вернувшихся был незна-

чительным. В тот период царское правительство старалось приостановить обратный поток переселенцев. На месте водворения собравшимся в обратный путь переселенцам не выдавали увольнительные свидетельства, без которых они, прибыв на родину, не могли вновь приписаться в своих общинах, возбуждали против них разные иски. Кроме того, правительство отменило для обратных переселенцев льготные проездные тарифы [Кривяков, 1977, л. 162–163].

Тяжелым испытаниям переселенцы подвергались и во время переезда из Центральной России. Они ехали в товарных вагонах-теплушках, питались скудно, ели в основном сухари. В Сибири они, ожидая выделения земельных участков, по несколько месяцев жили в переполненных бараках. Но самое страшное было впереди. Переселяя крестьянскую бедноту в Сибирь, правительство почти не позаботилось об ее устройстве. Сотни тысяч человек не могли получить землю, а выделявшиеся наделы не позволяли крестьянам полностью обеспечить себя и вести дальнейшее обустройство. Немногие имели возможность купить или арендовать частновладельческую или другую землю. Бедняки арендовали землю ввиду нехватки земли, зажиточные покупали ее для организации предпринимательского хозяйства. Земля распределялась неравномерно, особенно купчая (приобретенная в собственность), которая сосредоточивалась в основном в руках состоятельных переселенцев. Среди мордовских переселенцев тех, кто имел купчие, было немного. Так, в Томской губ. купчая имела только у 2 из 146 семей, одна – на 20,0 дес., другая – на 8,4 дес. Переселенцы, имевшие 20 дес. земли, могли засеять только 15, а те, в чьих руках находилось 8,4 – 3 дес. В связи с тем, что получить землю было трудно, а купить ее имели возможность не все, переселенцы часто самовольно захватывали пустовавшие земли и участки, предназначенные для продажи. Властям ничего не оставалось, как заключать с переселенцами арендные договоры на захваченную ими землю [Никонова, Терняев, 2007, с. 32–33].

Освоение земель переселенцами происходило в тяжелых условиях. В пос. Усть-Кайсас (с 1912 г. – пос. Кучум) Мариинского у., по воспоминаниям старожилов, с Поволжья в 1904 г. прибыли 4 семьи бедняков-переселенцев, в 1905 г. – 1, а в 1907–1908 гг. – 17 семей. Чтобы установить в тайге избу, расчистить участок для огорода или пашни, им приходилось валить лес. Некоторые охотились, заводили пчел, заготавливали кедровые орехи. Дорог не было, выбирались из тайги пешком, верхом или на волокушах. Заготовленную продукцию (тес, бочки, пушнину, дичь, мед, воск) вывозили по санному пути в Кемерово или в степные села, где меняли на хлеб. На время уборки многие нанимались за хлеб батрачить к зажиточным крестьянам степных районов. Благосостояние жителей поселка было крайне низким. Зимой и летом переселенцы

ходили в лыковых лаптях и одежде из грубого самодельного холста. Женщины и девушки ночами сидели у копящей лучины за прялкой [Там же, с. 33].

За годы столыпинской реформы за Урал фактически переселилось ок. 3,3 млн чел., причем создать свои хозяйства на новых местах смогли 2,0 млн чел. Около 0,5 млн вернулось обратно [Основы курса..., 2017, с. 343]. Несмотря на огромные трудности, в конце XIX – начале XX в. миграция мордовского крестьянства в Сибирь увеличилась. По подсчетам В.И. Козлова, численность мордвы составила в это время ок. 70 тыс., или 1,2 % от общей массы переселенцев [1960, с. 41].

Заключение

Сибирь всегда манила задавленных нуждой и безземельем крестьян европейской части России. Они смело отправлялись в дальний путь, смутно представляя, где находится столь отдаленный край. Лишь немногие переселенцы перед отправкой предварительно посылали ходяков; некоторые, руководствуясь лишь рассказами родственников и знакомых, двигались чаще всего наудачу.

Миграционная политика царского правительства вплоть до начала XX в. отличалась непоследовательностью: она была то разрешительной, то запретительной. На территорию Западной Сибири мордва массово начала переселяться во второй половине XIX в., после отмены крепостного права. Мордовские переселенцы обосновывались в сельской местности и, как правило, водворялись в населенные пункты, ранее основанные представителями других национальностей. С уменьшением фонда свободных земель новоселам приходилось осваивать таежные участки. Бедственное положение являлось причиной обратных переселений крестьян. Тысячи окончательно разоренных семей были вынуждены возвращаться в Центральную Россию. Только в первое десятилетие XX в. положение новоселов в Сибири изменилось в лучшую сторону. Создавались различные комиссии, деятельность которых была направлена на улучшение условий перевозки переселенцев в местах предполагаемого расселения новоселов, а также организовывались переселенческие районы и т.д.

Согласно архивным и полевым материалам, возвращаться на родину крестьян заставляли недостаток средств для существования и обустройства на новом месте, суровый климат, отсутствие в местах водворения благоприятных условий для ведения личного хозяйства, а главное, необеспеченность землей, пригодной для обработки (нехватка свободных участков, воды и леса и, наоборот, чрезмерная лесистость, заболоченность и затопляемость участков, отсутствие сенокосов и выпасов для скота, неурожаи и т.д.).

Следующая волна переселенческого движения с территории Поволжья была связана со Столыпинской реформой, предполагавшей переселение крестьян на свободные земли Сибири, Средней Азии и Казахстана. В период проведения аграрной реформы был облегчен выход крестьян из общины: у них появилась возможность продавать свои наделы для получения средств на переселение. Столыпинская реформа не смогла радикально решить проблему аграрного перенаселения европейской части России, но она дала мощный толчок для освоения Сибири. Переселенческое движение имело положительное значение. Благодаря переселенцам были освоены десятки миллионов десятин необжитых земель, превративших пустынные, малозаселенные местности в земледельческие районы, появилось много различных поселений, увеличились объемы зернового и мясомолочного производства и т.д. Осваивая окраинные земли, переселенцы вносили оживление в жизнь окраины и в конечном счете приумножали доходы государства.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства РМ в рамках проекта «Этнографическая научная экспедиция в юго-восточную часть Западной Сибири (Новосибирскую, Томскую и Омскую области)» (республиканский конкурс проектов проведения научных мероприятий).

Список литературы

Волкова М.С. Изменение в демографической ситуации среди мордвы Сибири в XIX–XX вв. // Мордва юга Сибири / ред. д-р ист. наук, проф. В.А. Юрченков, д-р ист. наук, проф. Л.И. Никонова. – Саранск: Науч.-исслед. ин-т гум. наук при Правительстве РМ, 2007. – С. 57–92.

Волости и населенные места 1893 года. – СПб.: Центральный стат. комитет Мин-ва внутр. дел, 1894. – Вып. 12: Томская губерния. – 116 с.

Гребнев А.М. О переселенческой политике царизма в период столыпинской аграрной реформы // Учен. зап. Морд. ун-та. – Саранск, 1959. – № 9. – С. 56–71.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. – Л.: Наука, 1968. – Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. – 530 с.

Как Еремей Петров Тавлы основывал. – URL: http://mordovia-news.ru/print_news-1937.htm (дата обращения: 05.10.2018 г.).

Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1895. – Т. 1: Описания отдельных поселков и поселенные таблицы. – Ч. 1: [Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Мариинского округа]. – 348 с. + 177 ил.

Козлов В.И. Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа – М.:

Изд-во АН СССР, 1960. – С. 5–62. – (Тр. Морд. этногр. экспедиции; вып. 1).

Комаров А.И. Правда о переселенческом деле. – СПб.: Тип. Альтшулера, 1913. – 139 с.

Кривяков Е.И. Социально-экономическое положение переселенцев на родине // Исследования по истории Мордовской АССР. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. – С. 11–37.

Кривяков Е.И. Переселение крестьян из Мордовии в период капитализма (1861–1917 гг.). Саранск, 1977. 180 л. // НА НИИГН. И-930.

Манякин С.И. Сибирь далекая и близкая. – М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 2003. – 447 с.

Материалы мордовской историко-этнографической экспедиции 1954 и 1955 г. Саранск, 1955. 117 л. // НА НИИГН. И-220.

Мордва: историко-культурные очерки / отв. ред. В.А. Балашов. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995. – 624 с.

Никонова Л.И., Терняев А.П. Переселение мордвы в Сибирь // Мордва юга Сибири / ред. д-р ист. наук, проф. В.А. Юрченков, д-р ист. наук, проф. Л.И. Никонова. – Саранск: Науч.-исслед. ин-т гум. наук при Правительстве РМ, 2007. – С. 19–45.

Нововаршавский район: история и люди / ред. П.А. Брычков. – Омск: [б. и.], 2004. – 608 с.

Овчарова М.А. Расселение мордвы на юго-востоке Сибири в XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23, № 3. – С. 101–106.

Основы курса истории России / А.С. Орлов, А.Ю. Полунов, Ю.Я. Терещенко. – М.: Проспект, 2017. – 576 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб.: 1899–1905. – Т. LXXIX: Томская губерния. – 1904. – [4], XXVI, 246 с.; Т. LXXXIII: Енисейская губерния. – 1904. – [4], X, 185 с.; Т. LXXXV: Иркутская губерния. – 1904. – [4], XVI, 172 с.; Т. LXXXVIII: Тобольская губерния. – 1905. – [4], XLXI, 247 с.

Разживин В.Ф., Никонова Л.И. Мордовское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Мордва юга Сибири / ред. д-р ист. наук, проф. В.А. Юрченков, д-р ист. наук, проф. Л.И. Никонова. – Саранск: Науч.-исслед. ин-т гум. наук при Правительстве РМ, 2007. – С. 45–57.

Рашин А.К. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. – М.: Госстатиздат, 1956. – 352 с.

Русяйкин В.Б. Фольклорный материал, собранный во время фольклорно-музыкальных экспедиций (1983–1986 гг.) в мордовские населенные пункты Сибири. Причины переселения мордвы в Сибирь. Саранск, 1987. 140 л. // НА НИИГН. Л-836.

Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1962. – 586 с.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: [по сведениям 1859]. – Б.Г.: б.и., 1868. – Т. 62: Томская губерния. – [3]. СХХIV. 148 с.

Филатов Л.Г., Юрченков В.А. Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1989. – 240 с.

Хлеб Прииртышья. – Омск: Кн. изд-во, 1999. – 400 с.

Материал поступил в редколлегию 17.10.18 г., в окончательном варианте – 23.01.19 г.

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.127-135
УДК 39+316.347 (571.54)

М.М. Боронова

Бурятский государственный университет
ул.Смолина, 24а, Улан-Удэ, 670000, Россия
E-mail: mboronova@yandex.ru

Буряты: этносоциальное развитие в условиях постсоветских трансформаций (по материалам опроса молодежи Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края в 2017 году)

В статье рассматриваются сдвиги в этническом самосознании и социальной мобильности бурят в постсоветский период. Основой исследования служат данные социологического опроса, проведенного летом 2017 г. Объектом изучения являлась бурятская молодежь, проживающая в Республике Бурятия, Иркутской обл. и Забайкальском крае. Изменение традиционной модели жизнедеятельности бурят освещается в контексте процессов этнической консолидации и этнической ассимиляции. Анализируются тенденции трансформации этнического самосознания и этнической идентичности бурят, их языковой компетенции, религиозности и религиозного поведения, социальной и территориальной мобильности в условиях широкого полиэтничного взаимодействия. Выявлены возрастание в постсоветский период этнической консолидации бурят на основе общебурятской идентичности, преодоление субэтнических различий и разрушение родоплеменной структуры сознания. Важнейшим фактором этнической консолидации становится традиционная религия бурят, что отражает рост числа верующих среди молодежи. Установлено наличие тенденций углубляющейся этнической ассимиляции, о чем свидетельствует, в частности, развивающийся процесс языковой аккультурации. Усиление угрозы этнической ассимиляции связано также с активизацией социальной и территориальной мобильности бурятской молодежи. Показана потенциальная готовность молодежи выйти за рамки привычного этнического окружения, жить в полиэтничной среде, вступать в межнациональные браки. Развитие данных тенденций стимулирует процессы деэтнизации и ассимиляции, что формирует новые вызовы для бурятского этноса. На основе проведенного исследования сделан вывод о необходимости конструирования новой модели развития бурятского этноса на современном этапе.

Ключевые слова: этнос, идентичность, консолидация, ассимиляция, мобильность, трансформация.

M.M. Boronova

Buryat State University,
Smolina 24a, Ulan-Ude, 670000, Russia
E-mail: mboronova@yandex.ru

The Buryats: Ethno-Social Development and Post-Soviet Transformations (Based on the 2017 Opinion Polls Among the Young People of Buryatia, the Irkutsk Region, and the Trans-Baikal Region)

On the basis of the summer 2017 opinion poll among the young Buryat residents of Buryatia, the Irkutsk Region, and the Trans-Baikal Region, post-Soviet tendencies in Buryat ethnic identity and social mobility are examined. Changes in the traditional lifestyle are analyzed with regard to ethnic consolidation and assimilation. The impact of growing ethnic diversity, social and territorial mobility on identity, language competence, attitudes to religion, and participation in religious ceremonies are discussed. Principal post-Soviet tendencies include ethnic consolidation based on common Buryat identity and the decline of subethnic identities following the collapse of tribal structure. Religion is becoming the key consolidating factor, as evidenced by the rising number of believers among the young people. However, opposite tendencies, such as growing ethnic assimilation and language shift triggered by social and territorial mobility among the young Buryats, are becoming a threat. Young people are potentially ready to abandon their

traditional ethnic milieu, live in a multiethnic society, and marry outside of their ethnicity. The growth of assimilative tendencies results in the erosion of ethnicity is a challenge which the Buryat people must face. It is concluded that a new model of Buryat ethnicity is needed at the present stage.

Keywords: *Ethnicity, ethnic identity, consolidation, assimilation, mobility, transformation.*

Введение

Распад Советского Союза коренным образом изменил жизнь бурят, как и других народов, входивших в состав многонационального государства. В постсоветское время в условиях глубокого кризиса в числе других обострились межнациональные и межэтнические противоречия. Сегодня мало кто сомневается в том, что этнический фактор играет важнейшую роль в общественных процессах и способен быть катализатором многих социальных потрясений. Тенденция возрастания его значимости в современной жизни стимулирует интерес исследователей к проблемам развития этносов.

В научной литературе представлено много теорий этнического феномена. Они различаются, как правило, по подходам, которые основаны на объективно-субъективной трактовке его понимания. С позиции примордиалистского подхода понятие *этнос* и все, что с ним связано, рассматривается в трудах Ю.В. Бромля [1983], В.И. Козлова [1982] и других советских ученых. Инструменталистский подход к пониманию данного концепта получил отражение в работах Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой [2014], М.Н. Губогло [1998], широко использующих социологические методы исследования. Конструктивистский подход к этничности базируется на отрицании объективных оснований этнической идентичности, на первый план выдвигается исключительно ее субъективный определитель. Наиболее активным сторонником данного подхода в современной этнологии является В.А. Тишков [2003]. Отметим, что, несмотря на разницу во взглядах, большая часть современных исследователей полагает, что дальнейшую разработку методологических основ для изучения этнического феномена следует вести с учетом единства объективных и субъективных составляющих. Разделяя в целом данный методологический подход, мы считаем наиболее продуктивным изучение процессов этносоциального развития бурят на современном этапе с позиций примордиалистской концепции, о чем свидетельствуют данные проведенного исследования.

Бурятская этническая система формировалась в процессе исторического развития монголоязычных племен в границах Российского государства с XVII в. На ранних этапах истории в составе Русского государства монголоязычные племена не являлись единой этнической общностью, их самоидентификация определялась родоплеменной и территориальной принадлежностью.

Наиболее крупными были этнические образования эхиритов, булагатов, хори, хонгодоров, которые занимали территории Забайкалья и Прибайкалья. Со временем под влиянием политики русской администрации развернулся процесс консолидации монголоязычных племен и формирования новой этносоциальной общности под названием «буряты». Вместе с тем территориально-географические особенности, а также специфика хозяйственно-экономического и социокультурного развития обусловили выделение двух субэтнических образований, известных под названиями «западные» и «восточные» буряты.

Проблемы бурятского этноса и этнического бытия изучались многими исследователями. В трудах Т.М. Михайлова [1996; 1998], Д.Д. Нимаева [1988], Б.Р. Зориктуева [2011], Р.П. Сыденовой [2003], В.С. Ханхараева [2000] с позиций примордиалистской концепции освещались разные стороны этносоциального развития бурятского народа. С точки зрения конструктивистского подхода состояние бурятской этничности в контексте социокультурной модернизации рассматривали Т.Д. Скрынникова, С.Д. Батомункуев, П.К. Варнавский [2004], Д.Д. Амоголонова, И.Э. Елаева [2005]. На основе методов социологического анализа проблемы бурятской идентичности в широком поле межэтнического взаимодействия исследовали Д.Л. Хилханов [2005], М.С. Васильева, Т.Ц. Дугарова [2007] и другие специалисты.

Усложнение социально-политических процессов и возрастание роли этнического фактора в современном мире, безусловно, увеличивают потребность в проведении конкретно-прикладных исследований. В данной статье предпринята попытка выявить главные трансформации в духовной и социальной жизни бурят в постсоветский период. Основой работы послужили материалы социологического опроса, проведенного летом 2017 г. в трех административно-территориальных субъектах Российской Федерации, где компактно проживает бурятское население, – Республике Бурятия, Иркутской обл. и Забайкальском крае. Объектом изучения стала бурятская молодежь в возрасте от 20 до 35 лет, поскольку эта возрастная группа является наиболее активной, социально мобильной частью этноса, чутко воспринимающей общественные инновации, в частности, в сфере этнического бытия.

Для проведения исследования были разработаны: а) анкета, в которую вошли вопросы, касающиеся самоидентификации, вероисповедания, межнациональ-

ных отношений, этнокультурного развития, стратегии социального поведения; б) вопросник для углубленного изучения качественных параметров рассматриваемых этнических характеристик. В процессе анализа использовались историко-сравнительный, историко-генетический, структурный, абстрактно-логический, а также социологический методы. Каждый из них имел свою область применения в обработке, систематизации и обобщении материала. Основные эмпирические данные для подготовки статьи были получены в результате анкетирования 350 респондентов: в г. Улан-Удэ – 100 чел., в сельских районах Республики Бурятия – 150, Иркутской обл. – 50, Забайкальском крае – 50 чел.

Среди опрошенных мужчины составляли 52,55 %, женщины – 47,45 %. Респондентов в возрасте 20–25 лет насчитывалось 58,16 %; 26–30 лет – 28,93; 31–35 лет – 12,91 %. В числе анкетированных было 57,06 % проживавших в сельской местности, 42,94 % – в городе. Лица со средним образованием составили 27,93 %, со средним специальным образованием – 28,83, с высшим – 43,24 %. По занятости респонденты распределились следующим образом: работники бюджетной сферы – 42,95 %, индивидуальные предприниматели – 13,51, безработные – 4,80, учащиеся системы высшего профессионального образования – 35,44, учащиеся системы среднего профессионального образования – 12,31 %. Следует отметить, что часть из них совмещала трудовую деятельность и обучение в высших и средних специальных учебных заведениях.

Социально-демографические сдвиги

Развал советской социально-политической системы и переход к новой модели общественного устройства коренным образом изменили условия жизнедеятельности этноса. Политика «шоковой капитализации», фронтального, одномоментного перехода к рынку привела к глубочайшему кризису в российской экономике. В Бурятии из 238 промышленных предприятий, действовавших накануне распада СССР, остались «на плаву» лишь единицы [Халбаева-Боронова, 2005, с. 88]. В результате фактически был парализован индустриально-аграрный комплекс республики, который создавался многие десятилетия.

Переход к рынку сопровождался резким падением уровня жизни большинства населения, что вызвало ухудшение демографической ситуации в регионе. Доминирующей тенденцией в демографических процессах в Бурятии в 1990–2000-х гг. стала убыль населения. Важно отметить, что неблагоприятные демографические тенденции в постсоветский период в меньшей степени затронули бурятский этнос. В отличие от русского населения, несмотря на снижение

темпов естественного прироста, численность бурят в республике не сокращалась, а продолжала расти. Всероссийская перепись населения 2010 г. зафиксировала увеличение численности бурят в республике на 37 314 чел., или на 14,9 %, по сравнению с данными переписи 1989 г. Удельный вес представителей титульной нации (буряты) вырос с 24 до 29,5 % (подсчитано по данным: [Население Республики Бурятия..., 2015, с. 17]). Во многом это было обеспечено высокой рождаемостью у бурят, особенно в сельской местности, и притоком в республику этнических бурят из соседних регионов, прежде всего из Иркутской обл. и Забайкальского края.

Важнейшая черта социально-демографического развития бурят в начале XXI в. – увеличение в составе этноса численности городских жителей. Кризис аграрного производства после разрушения колхозно-совхозной системы повлек отток населения из деревни в город. Об этом свидетельствуют материалы переписей населения: если в 1989 г. доля горожан в составе бурят составляла 45 %, в 2002 г. – 48,5, то в 2010 г. она достигла 51,3 % [Буряты..., 1996, с. 10; Ханхариев, 2016, с. 87]. Таким образом, развиваясь по модели «догоняющей модернизации», бурятский этнос впервые в своей истории стал городской нацией.

Этническая идентичность

Этническая самоидентификация бурят имеет иерархическую структуру: родоплеменной, субэтнический и общэтнический уровни. На разных ступенях исторического развития преобладал тот или иной уровень самосознания этноса. Исследователи отмечают, что в постсоветский период на самоопределение бурят этнический фактор оказывает большее влияние, чем религиозный, гражданский или региональный [Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии..., 2008, с. 22].

Усиление роли этнического фактора в формировании самосознания бурят в значительной мере связано с актуализацией проблемы выживания этноса в условиях радикальных общественных перемен. После распада СССР, согласно данным социологических опросов в трех субъектах Российской Федерации, возрос общэтнический уровень самосознания бурят. На вопрос: «кем Вы, прежде всего, себя считаете?» 57,36 % респондентов ответили «я – бурят», 19,82 % – «я – представитель своего племени (эхирит, булагат, хори и т.д.)», 22,52 % – «я – россиянин», 0,3 % затруднились ответить.

Общобурятская идентичность доминирует в ответах респондентов всех территориально-административных образований РФ – Республики Бурятия, Иркутской обл. и Забайкальского края. Это свидетельствует

ет о дальнейшей консолидации бурятского народа, постепенном преодолении субэтнических различий, разрушении традиционной родоплеменной структуры сознания. Вместе с тем нельзя не отметить сохранение определенных различий в темпах развития данных тенденций у бурят, проживающих в Иркутской обл. и Забайкальском крае. В Иркутской обл., где вследствие исторических обстоятельств модернизационные процессы протекали более интенсивно, этническое самосознание бурят подверглось большей трансформации, чем у их собратьев в Забайкалье. Здесь ввиду более слабого влияния индустриальной культуры на местное бурятское население этнические формы бытия и сознания испытали меньше разрушений. Поэтому бурятская молодежь в Забайкальском крае чаще выбирает родоплеменную идентичность (2,10 %), чем в Иркутской обл. (0,60 %). Это доказывает, что носителями традиционной этничности в большей степени являются восточные буряты. Западные буряты оказались в условиях более глубокой и масштабной аккультурации и деэтнизации. Следует отметить, что в условиях подъема национального самосознания бурят имели место попытки конструирования новых концептов этничности, основанных на культурно-генетических связях бурят с монгольскими народами. Так, известный ученый-монголовед Ш.Б. Чимитдоржиев предлагал вернуть народу его историческое название «бурят-монголы» [2004, с. 65]. Возврат к историческому этнониму, как справедливо отмечает Д.Д. Амоглонова, не предполагал возрождение панмонголизма и распространение сепаратистских настроений [2006, с. 137]. Попытки конструировать новую бурятскую этничность на общемонгольской основе не получили официальной государственной поддержки. Это не позволило интеллектуальной элите продвинуть свои идеи в широкие народные массы и каким-либо серьезным образом повлиять на этническое самосознание бурят.

Таким образом, при сохранении некоторых территориальных различий, современный бурят позиционирует себя прежде всего как представитель единого этноса. Сегодня, по нашему мнению, можно констатировать преодоление родоплеменного центризма в самосознании бурят. Буряты не перестали отождествлять себя с представителями своего рода и племени, однако родоплеменные различия уже не играют определяющей роли ни в мировоззрении, ни в общественной практике этноса.

В постсоветский период значительно активизировались внутриэтнические связи между бурятами, проживающими на разных территориях. Центром этнической консолидации стала Республика Бурятия и ее столица – г. Улан-Удэ. Именно здесь сосредоточены основные этнокультурные центры и социально-политические институты бурятского народа. Во многом

благодаря деятельности Народного Хурала Республики Бурятия, Всебурятской ассоциации развития культуры, Центрального духовного управления буддистов России и других организаций буряты – жители Иркутской обл. и Забайкальского края – стали активно участвовать в общепурятских мероприятиях. Одним из наиболее популярных стал международный Всебурятский фестиваль «Алтаргана», на который съезжаются буряты, проживающие не только в России, но и в Китае, Монголии и других странах.

Таким образом, Республика Бурятия и ее столица сегодня являются зоной этнического комфорта, центром общепурятской консолидации. Сюда направлены основные миграционные потоки бурятского населения. В республике объективно сложились наиболее благоприятные условия для развития этноса. Здесь, как отмечалось, сосредоточены основные социально-культурные учреждения (театры, музеи, вузы, религиозные центры и т.д.), которые обеспечивают развитие культуры, языка, религии и традиций бурятского народа. На соседних территориях, где буряты не имеют своей автономии, процессам этнической ассимиляции, аккультурации объективно способствуют система административно-хозяйственного управления, образования, СМИ, которые функционируют в основном на русском языке.

Этническая консолидация активизирует стирание субэтнических различий в сознании бурят. Результаты проведенного опроса свидетельствуют о том, что в Республике Бурятия и в двух бывших бурятских национальных округах* большая часть молодежи не делит свой этнос на восточных и западных: 76,88 % респондентов считают, что буряты – единый народ. При этом в Иркутской обл. и Забайкальском крае данный показатель выше среднего и составляет 87,50 и 87,23 % соответственно. Очевидно, что субэтнические различия, как и родоплеменная дифференциация, в самосознании бурят уходят в прошлое, уступая место общепурятской идентификации. Решающее значение при определении этнической идентичности у бурят, как и у многих других народов России, имеют кровно-родственные связи. Так, на вопрос: «почему Вы считаете себя бурятом?» 51,65 % респондентов ответили, что их национальность определена родителями, т.е. родством по крови; 20,72 % – воспитанием и 30,93 % – самосознанием. При этом некоторые из анкетированных выбирали более одного маркера, определяющего их этническую идентичность. Например, наряду с кровным родством они отмечали систему воспитания, которая, в свою очередь, оказывает

*Усть-Ордынский Бурятский а.о. объединен с Иркутской обл. 1 января 2008 г., Агинский Бурятский а.о. объединен с Читинской обл. 1 марта 2008 г. в новый субъект РФ – Забайкальский край.

большое влияние на процесс формирования самосознания человека. Таким образом, в отличие от населения многих стран Западной Европы и Северной Америки, где ввиду интенсивных межэтнических контактов и широкого распространения смешанных браков этничность превратилась в некий умозрительный конструкт, у бурят она во многом определяется в ключе традиционного примордиализма.

Языковая ситуация

Важнейшим фактором этнического самосознания является общность языка. По мнению ряда исследователей, сохранение и развитие нации прежде всего связано с сохранением и функционированием ее языка [Ошоров, 1996, с. 117]. Во многом разделяя данную точку зрения, мы вынуждены констатировать, что в настоящее время бурятский язык, к сожалению, не является фактором этнической консолидации. В 2002 г. по решению ЮНЕСКО он был занесен в Красную книгу исчезающих языков.

Современная ситуация с бурятским языком – это наследие недавнего советского прошлого, когда он был фактически вытеснен из сферы публичной коммуникации. В начале 1970-х гг. во всех бурятских школах обучение было переведено на русский язык. Одновременно происходило сокращение издания газет, журналов и книг на бурятском языке, радио- и телепередач.

За десятилетия языковой аккультурации выросло не одно поколение т.н. русскоязычных бурят, которые крайне слабо или вообще не владеют родным языком. Снижение практической значимости бурятского языка в повседневной жизни привело к тому, что часть бурятского населения, особенно молодые люди, утратила родной язык. Стремясь быть успешными в русскоязычном государстве буряты с детских лет старались хорошо овладеть русским языком, зачастую в ущерб родному. Родители, в т.ч. жители сельской местности, желая, чтобы их дети не испытывали трудностей в учебе, при поступлении в учебные заведения, в целом были успешными в современном российском социуме, добровольно переходили на использование русского языка в семейном кругу. В результате современные молодые буряты нередко испытывают дискомфорт и даже некоторую ущербность от незнания или плохого знания родного языка. Не случайно многим бурятским семьям знакома ситуация, когда повзрослевшие дети упрекают родителей в том, что в детстве их не обучали родному языку.

В постсоветский период в условиях демократизации общества, роста самосознания бурят государством были предприняты усилия по улучшению языковой ситуации в республике. В 1992 г. принимается

Закон о языке, в соответствии с которым в Республике Бурятия действуют два государственных языка – русский и бурятский. Это создает более благоприятные условия для возрождения бурятского языка, расширения сферы его функционирования и применения. С 1987 г. ведется обучение детей бурятскому языку в школах. Для популяризации бурятского языка, подъема его престижа в обществе привлечены СМИ и издательства. В 1991 г. в Бурятском государственном университете был открыт факультет бурятской филологии для подготовки педагогических кадров.

О повышении интереса к родному языку свидетельствует высокий конкурс при поступлении в образовательные учреждения с углубленным изучением бурятского языка и культуры. Одним из таких учреждений является Бурятский республиканский лицей-интернат, где уже более 10–15 лет конкурс на одно место составляет не менее 8 чел. [Васильева, Дугарова, 2007, с. 79]. Отдавая детей в подобные образовательные учреждения, старшее поколение стремится исправить допущенные ошибки и повысить языковую компетентность молодежи.

Предпринятые усилия пока недостаточны для восстановления общественного статуса бурятского языка. По данным прикладных социологических исследований 2005 и 2007 гг., на работе и по месту учебы используют язык своего народа 17,4 % бурят, в общественных местах (магазины, больницы и т.д.) – 10,8, в кругу семьи – 46,9, в общении с друзьями и знакомыми – 32,7 %. При этом, как отмечают исследователи, 58,1 % бурят общаются только на русском языке [Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии..., 2008, с. 33–34].

Таким образом, бурятский язык, вопреки официальному билингвизму, по-прежнему находится вне сферы массовой общественной коммуникации. Непростую языковую ситуацию отражают данные социологического опроса, проведенного среди бурятской молодежи в трех субъектах РФ. На вопрос о владении бурятским языком 30,33 % респондентов ответили: «понимаю и говорю», 30,03 % – «понимаю, говорю и читаю», 20,72 % – «понимаю, но не говорю», 18,92 % – «не владею». Из тех, кто не владеет родным языком, 12,61 % проживают в городах, а 6,31 % – в сельской местности, т.е. данный показатель почти в 2 раза выше среди молодых горожан. Среди респондентов, не владеющих родным языком, жители Республики Бурятия составляли 95,24 %; Иркутской обл. – 4,76 %; в Забайкальском крае таковых не выявлено. Это свидетельствует о том, что наибольшей языковой аккультурации подверглось городское население Республики Бурятия, наименьшей – аграрное бурятское население Забайкальского края.

Анализ уровня языковой компетенции позволяет сделать вывод о том, что значительная часть бурят-

ской молодежи не владеет или плохо владеет прежде всего литературным бурятским языком. В советский период он был фактически исключен из сферы образования, поэтому значительная часть современных бурят, хорошо владеющих русской грамотой, не может читать и писать на родном языке. Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о том, что, несмотря на институциональную поддержку бурятского языка в современной России, его функционирование по-прежнему крайне ограничено. Процесс языковой аккультурации продолжает развиваться. Для преодоления его последствий требуются более активные усилия со стороны государства и прежде всего самого этноса, осознающего значимость родного языка для сохранения и развития нации.

Религиозный ренессанс

Новая тенденция постсоветского развития – возрастание роли религиозного фактора. После десятилетий атеизма и гонений религия не просто возвращается в общественную жизнь, но и становится духовным стержнем этнического самосознания бурят. В условиях массовой языковой русификации традиционная религия бурят (шаманизм и буддизм) приобретает значение главного этноконсолидирующего фактора.

Республика Бурятия является одним из исторических центров буддизма в России. Помимо буддизма основу местного религиозного комплекса составляют шаманизм и православие. В постсоветский период заметно активизировалась деятельность иных религиозных объединений, прежде всего протестантских. Этому во многом способствовала политическая обстановка, сложившаяся вследствие беспрецедентной открытости постсоветской России Западу в 1990-х – начале 2000-х гг. Несмотря на отсутствие точных данных по численности верующих-неофитов даже у государственных органов, занимающихся делами религии и церкви, очевидно, что активный прозелитизм этих организаций, как отмечают некоторые исследователи, не может не представлять потенциальную угрозу для позиций традиционных конфессий [Бадмаев и др., 2006, с. 122–123]. Разделяя в целом данное мнение, мы не можем не отметить, что в наши дни буряты являются в основной своей массе по-прежнему приверженцами традиций буддизма и шаманизма. Согласно материалам опроса, большая часть респондентов из числа бурятской молодежи считает себя верующими: 73,87 % – исповедуют буддизм, 22,52 % – шаманизм. Атеистами себя назвали 5,41 % молодых бурят, затруднились определить свое вероисповедание 1,80 %. Верующих буддистов больше в Республике Бурятия и Забайкальском крае: 58,86 и 13,51 % соответственно.

Наибольшая доля верующих-шаманистов отмечена в Иркутской обл. – 11,11 %; буддистами здесь считают себя лишь 1,50 % опрошенных. Это объясняется тем, что исторически буддизм не успел получить широкого распространения в Западной Бурятии, поэтому традиционный шаманизм сохранил свое влияние в регионе. В Республике Бурятия шаманизм исповедуют 9,61 % верующих, в Забайкальском крае – 1,80 %.

Важно отметить, что часть респондентов называют себя последователями как буддизма, так и шаманизма. Подобный синкретизм религиозного сознания характерен для той части бурят, чьи предки мигрировали в Бурятию из соседних регионов, прежде всего из Иркутской обл. Как отмечают респонденты, являясь верующими-буддистами, они не отрекаются от веры своих предков – шаманизма. Существование подобного «двоеверия» во многом объясняется позицией буддийской церкви, которая в отличие от других конфессий характеризуется высокой степенью толерантности к иным вероисповеданиям, при условии их не враждебного отношения к религиозно-философскому учению Будды. Более того, в среде буддийских монахов бытует мнение, что верующим, ведущим свою родословную от шаманов, не следует забывать религию своих предков.

Таким образом, рост числа верующих среди молодежи свидетельствует о возрастании роли религии на современном этапе. Религия становится активным участником общественных процессов, формирует новые культурно-бытовые традиции, является духовно-психологической опорой для людей в повседневной жизни. Молодые люди, проживающие в сельской местности, чаще посещают культовые места, чем их сверстники в городе. В гендерном плане большей религиозностью отличаются женщины, как в городе, так и в деревне.

Вместе с тем, на наш взгляд, не следует преувеличивать степень и глубину религиозности молодого поколения. Как показывают данные проведенного исследования, для молодежи характерен в основном утилитарно-прагматический подход к религии. Так, на вопрос: «религиозны ли Вы в повседневной жизни?» 26,73 % респондентов ответили отрицательно, 33,33 % дали положительный ответ, 0,6 % – затруднились ответить, а 39,34 % – признали, что вспоминают о религии, когда в их жизни возникают проблемы. Очевидно, что десекуляризация общественного сознания в постсоветский период не привела к широкому внедрению религиозной этики в повседневную мирскую практику. Большинство населения, в т.ч. молодые люди, имеет весьма скудные знания в области догматических основ вероисповедания, не всегда может объяснить смысл ритуально-обрядовых действий, отличается упрощенно-потребительским отношением к религии. Вместе с тем следует подчеркнуть, что

возрастание религиозного фактора в общественной жизни способствует формированию толерантности к верованиям разных народов, что является одной из основ социальной стабильности в мультикультурном сообществе. На наш взгляд, сегодня можно говорить о некоей конвергенции религиозного поведения населения, особенно в Республике Бурятия. Здесь местное русское население посещает дацаны и центры шаманизма, а бурятское – отмечает основные праздники православного календаря – Рождество, Крещение, Пасху. И те, и другие считают, что религия играет позитивную роль, т.к. способствует формированию терпимого и доброго отношения друг к другу в семье и в обществе [Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии..., 2008, с. 64].

Социальная и территориальная мобильность

Радикальные общественные перемены постсоветского периода оказывают глубокое влияние на все стороны этнического бытия. Пройдя через коллективизацию, индустриализацию, урбанизацию в советский период, бурятский народ накопил большой опыт адаптации к нетрадиционным для себя формам общественной практики и в настоящее время активно осваивает рыночную экономику и рыночные отношения. Молодежь, как наиболее активная часть этноса, демонстрирует новые тенденции социальной мобильности.

Данные проведенного исследования показывают потенциальную готовность молодых людей вести собственный бизнес и быть экономически независимыми от государства. Это свидетельствует о глубоких трансформациях в общественном сознании, за которыми последуют изменения на практике. На вопрос «кем Вы видите себя в будущем?» 34,23 % ответили: «работником государственно-бюджетной сферы», 25,53 % – «бизнесменом», 21,02 % – «работником в частной компании», 18,02 % – «чиновником на государственной службе», 1,20 % затруднились с ответом на поставленный вопрос.

В целом у этноса в условиях перехода к рынку формируется новая модель социального поведения. В связи с этим нельзя не отметить возросшую миграционную мобильность молодежи. В XXI в. в отличие от начала XX в. буряты уже не боятся внешнего мира, готовы активно интегрироваться в него, осваивать новые общественные практики, адаптироваться и развиваться в иноэтнической среде. Объективной основой для этого является высокий образовательный уровень бурятского населения. По данным статистики, по удельному весу лиц с высшим образованием среди народов России буряты находились

на втором месте вместе с осетинами, уступая лишь евреям (<http://burstat.gks.ru>, пресс-релиз «Уровень образования населения отдельных национальностей Республики Бурятия»).

О наличии миграционных настроений среди молодежи свидетельствуют данные проведенного опроса. Так, на вопрос: «где Вы хотели бы жить в будущем?» 35,44 % респондентов ответили: «на малой родине», 48,05 % – «в любом регионе РФ», 15,92 % – «за пределами РФ», 0,59 % затруднились ответить на поставленный вопрос. Среди тех, кто готов покинуть место нынешнего проживания, преобладают сельские жители (35,74 %), которые особенно страдают от развала советской аграрной экономики, отсутствия рабочих мест и обусловленного этим снижения уровня жизни в деревне.

Причинами потенциальной миграции молодежи являются стремление получить образование в ведущих учебных заведениях страны и за рубежом – 19,22 %, поиск более высокооплачиваемой работы – 38,14, желание быть самостоятельным и приобрести новый жизненный опыт – 39,04 %; не указали причин своего желания сменить место жительства 3,6 % опрошенных. Высокая миграционная подвижность формирует новые черты в менталитете молодых бурят. Усиливается процесс разрушения традиционной родоплеменной структуры сознания, ослабевает привязанность к исторической малой родине, углубляется нацеленность на межэтническое общение.

При выборе жизненной стратегии большая часть молодых бурят рассчитывают прежде всего на себя, свои силы и возможности, а не на поддержку влиятельных родственников и земляков. На вопрос: «необходима ли Вам поддержка влиятельных земляков для успешной деловой карьеры?» 59,76 % участников опроса дали отрицательный ответ, 39,64 % – ответили утвердительно, 0,6 % затруднились с ответом. Как видим, зависимость от кланово-земляческих связей постепенно уходит в прошлое, амбициозная бурятская молодежь стремится самостоятельно строить свою жизнь и карьеру.

О высокой степени этнической толерантности молодого поколения, готовности выйти за рамки этнической общности и жить в полиэтнической среде свидетельствует потенциальная готовность вступить в межнациональные браки. Для 73,87 % респондентов национальность супруга не имеет значение, 0,3 % – не смогли ответить и лишь 25,83 % – признали, что им комфортнее общаться с представителями своего этноса.

Высокая степень включенности бурят в иноэтническую среду ускоряет процесс трансформации этничности. Появляется новый тип «модернизированного» буряты, который сочетает в своем сознании традиционную ментальность и современное миро-

воззрение. Как правило, это хорошо образованные молодые профессионалы, отличающиеся высокой конкурентноспособностью не только на общероссийском, но и на международном уровне.

Полиэтническая среда, как известно, стимулирует процесс ассимиляции и деэтнизации. Вместе с тем, как отмечают некоторые ученые, жизнь в инокультурном окружении зачастую сопровождается активизацией этнического самосознания и актуализацией земляческих связей, что подталкивает к созданию бурятских центров за пределами ареала этноса [Скрынникова, Батомункуев, Варнавский, 2004, с. 14]. Такие центры и землячества существуют практически везде, где имеются диаспоры бурят. Они становятся «островками» малой родины, местом этнического общения, передачи культурного наследия новым поколениям. Таким образом, вдали от исторической родины происходит не только ассимиляция этноса, но и формирование современной бурятской идентичности, которая рождается не в результате включенности в этническую общность, а вследствие территориальной мобильности и исключения из национальной среды [Васильева, Дугарова, 2007, с. 76].

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что процессы этносоциального развития бурят в постсоветской России определяются тенденциями усиления общеэтнической консолидации при одновременном нарастании угроз дальнейшей этнической ассимиляции. Их развитие и взаимодействие определяют основной вектор этнокультурной модернизации бурят на современном этапе.

В постсоветский период происходит дальнейшее формирование этнической идентичности на общенациональной основе, значительно возрастает роль религиозного фактора в этнокультурном развитии, активизируется социальная и территориальная мобильность. В то же время в социокультурном развитии этноса немало проблем, требующих своего решения. Одной из самых сложных является проблема восстановления языковой компетенции бурят, особенно молодого поколения. Для этого требуется не только поддержка со стороны государства, но и, прежде всего, усилия самого этноса, осознающего значимость родного языка для сохранения и развития нации.

Практика свидетельствует, что современная бурятская молодежь выбирает активную жизненную стратегию. Буряты интегрируются в современный мир, включаются в рыночные отношения. При этом они продолжают оставаться «азиатами», не утратившими свою этнокультурную самобытность.

В начале XXI в., как и в начале XX в., буряты должны встраиваться в новую для них социокультурную систему, осваивать новые формы социальной жизни и хозяйственной практики. Для них это очередной исторический вызов, требующий внутренней мобилизации и выработки новой стратегии этнического развития. Данная стратегия, на наш взгляд, должна соединить в себе две в известном смысле противоположные парадигмы: модернизационную и традиционную. Для их практической реализации необходимо диалектическое взаимодействие традиционных и современных форм этнического бытия, что позволит этносу сохранить свою идентичность и успешно развиваться в стремительно меняющемся мире.

Благодарности

Статья подготовлена на средства гранта на проведение инициативных научных исследований Бурятского государственного университета 2017 г. № 16-09-4401. В сборе и обработке данных для исследования принимали участие студенты Бурятского государственного университета, а также сотрудники отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН; специалисты социологической службы «Эйдос» оказали помощь в подготовке рабочих материалов. Автор выражает благодарность всем, кто участвовал в выполнении данного исследования.

Список литературы

- Амоголонова Д.Д.** Бурятская идентичность в условиях переходного периода в России // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии: Батыевские чтения: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2006. – С. 136–142.
- Амоголонова Д.Д., Елаева И.Э., Скрынникова Т.Д.** Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). – Иркутск: Радиан, 2005. – 245 с.
- Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М.** Пройденные пути и некоторые проблемы современной этносоциологии // Социол. исслед. – 2014. – № 7. – С. 102–112.
- Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М.** Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. – Новосибирск: РИЦ Новосиб. гос. ун-та, 2006. – 168 с.
- Бромлей Ю.В.** Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
- Буряты** в зеркале статистики. – Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1996. – 28 с.
- Васильева М.С., Дугарова Т.Ц.** Буряты в новом столетии: социально-экологический аспект. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – 184 с.
- Губогло М.Н.** Языки этнической мобилизации. – М.: Языки славянской культуры, 1998. – 813 с.

Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф, 2013. – 226 с.

Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. – М.: Вост. лит., 2011. – 280 с.

Козлов В.И. Национальности СССР. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 303 с.

Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии в свете общественного мнения (по материалам прикладных социологических исследований 2005 г. и 2007 г.) / Ц.Б. Будаева, Н.Ц. Хантургаева, Д.Ц. Будаева и др. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – 127 с.

Михайлов Т.М. Национальное самосознание и менталитет бурят // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития: мат-лы науч.-практич. конф. – Улан-Удэ, 1996. – С. 18–26.

Михайлов Т.М. Бурятский этнос в свете современных социальных изменений // Республика Бурятия – государство в составе Российской Федерации (к 75-летию образования). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – С. 130–145.

Население Республики Бурятия в зеркале статистики: от переписи к переписи: статист. сб. – Улан-Удэ: Бурятстат, 2015. – 298 с.

Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск: Наука, 1988. – 168 с.

Ошоров Д. Язык наш родной... // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития: мат-лы науч.-практич. конф. – Улан-Удэ, 1996. – С. 117–120.

Скрынникова Т.Д., Батомункуев С.Д., Варнавский П.К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 215 с.

Сыденова Р.П. Улусная община западных бурят (вторая половина XIX – начало XX в.) – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 129 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

Халбаева-Боронова М.М. Бурятия: проблемы комплексного развития региона (исторический опыт исследования). 1960–1990 гг. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. – 192 с.

Ханхараев В.С. Буряты в XVII–XVIII вв.: демографическая история и этнические процессы. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 147 с.

Ханхараев В.С. Этнодемографические процессы в Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. – 105 с.

Хилханов Д.Л. Этническая идентичность и этносоциальные процессы в Бурятии: история и современность. – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств, 2005. – 204 с.

Чимитдоржиев Ш.Б. Кто мы, бурят-монголы? – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2004. – 129 с.

*Материал поступил в редколлегию 04.05.18 г.,
в окончательном варианте – 02.07.18 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.136-144
УДК 572

**Е.Б. Яцишина¹, С.В. Васильев², С.Б. Боруцкая³, А.С. Никитин⁴,
С.А. Никитин⁵, Р.М. Галеев², С.И. Карташов¹, В.Л. Ушаков¹,
О.А. Васильева⁶, О.П. Дюжева⁶, М.М. Новиков⁷, И.А. Чичаев¹**

¹Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
пл. Академика Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия
E-mail: Yatsishina_EB@nrcki.ru; nrcki@nrcki.ru; chichaev.ilya@gmail.com

²Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский пр., 32а, Москва, 119334, Россия
E-mail: vasbor1@yandex.ru; ravil.galeev@gmail.com

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 12, Москва, 119234, Россия
E-mail: borsbor@yandex.ru

⁴Московский государственный медико-стоматологический университет им. А.И. Евдокимова
ул. Кузковская, владение 1А, стр. 4, Москва, 111398, Россия
E-mail: zateya@bk.ru

⁵Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения г. Москвы
Тарный проезд, 3, Москва, 115516, Россия
E-mail: nikitserg@gmail.com

⁶Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ул. Волхонка, 12, Москва, 119019, Россия
E-mail: vassilievagmii@gmail.com; olga.dyuzheva@arts-museum.ru

⁷Федеральный научно-исследовательский центр «Кристаллография и фотоника» РАН
ул. Святоозерская, 1, Шатура, 140700, Россия
E-mail: novikov@rambler.ru

Комплексное исследование египетских мумий из коллекции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (методические аспекты)

В статье представлены результаты уникального для нашей страны междисциплинарного исследования девяти египетских мумий из коллекции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ГМИИ), проведенного в Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт». Подробно описаны методики. Показано, что метод рентгеновской компьютерной томографии чрезвычайно перспективен для неинвазивного исследования структуры мумий. На основе полученных данных, а также заключения специалистов в области судебной медицины проведен детальный антропологический анализ. Выявлены общие особенности способов мумификации, определен пол и возраст всех исследованных мумий. В трех случаях пол отличался от указанного в списке ГМИИ. Краниологический анализ позволяет с уверенностью отнести все исследованные черепа к различным вариантам средиземноморского антропологического типа. Среди изученных мумий одна имеет характерные негроидные черты. Выявлены патологические изменения, в основном позвоночника, как возрастные, так и вследствие травм. У двух мумий прижизненные повреждения позвоночника могли стать причиной смерти.

Ключевые слова: мумии, компьютерная томография (КТ), краниологический анализ, остеологический анализ.

**E.B. Yatsishina¹, S.V. Vasilyev², S.B. Borutskaya³, A.S. Nikitin⁴,
S.A. Nikitin⁵, R.M. Galeev², S.I. Kartashov¹, V.L. Ushakov¹,
O.A. Vasilieva⁶, O.P. Dyuzheva⁶, M.M. Novikov⁷, and I.A. Chichayev¹**

¹National Research Center “Kurchatov Institute”,
Pl. Akademika Kurchatova 1, Moscow, 123182, Russia
E-mail: Yatsishina_EB@nrcki.ru; nrcki@nrcki.ru; chichayev.ilya@gmail.com

²Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Leninsky pr. 32a, Moscow, 119334, Russia
E-mail: vashbor1@yandex.ru; ravil.galeev@gmail.com

³Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory 1, bldg. 12, Moscow, 119234, Russia
E-mail: borsbor@yandex.ru

⁴Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Kuskovskaya, prop. 1A, bldg. 4, Moscow, 111398, Russia
E-mail: zateya@bk.ru

⁵Bureau of Forensic Medical Expertise, Moscow Health Department,
Tarny proezd 3, Moscow, 115516, Russia
E-mail: nikitserg@gmail.com

⁶Pushkin State Museum of Fine Arts,
Volkhonka 12, Moscow, 119019, Russia
E-mail: vassilievagmii@gmail.com; olga.dyuzheva@arts-museum.ru

⁷Federal Scientific Research Centre “Crystallography and Photonics”, Russian Academy of Sciences,
Svyatozerskaya 1, Shatura, 140700, Russia
E-mail: novikov@rambler.ru

A Multidisciplinary Study of Egyptian Mummies from the Pushkin State Museum of Fine Arts (Methodical Aspects)

We present the results of a multidisciplinary study (the first one in Russia) of nine Egyptian mummies owned by the Pushkin State Museum of Fine Arts (Moscow), carried out at the Kurchatov Institute. A detailed description of the methods is provided. X-ray computed tomography is shown to be a highly informative non-destructive technique for studying the 3D structures of mummies. On the basis of the results, plus the conclusions of forensic experts, a detailed anthropological analysis was conducted. Mummification techniques, sex, and age of all individuals were assessed. In three cases, the sex differed from that indicated in the museum inventory. Morphologically, all crania represent varieties of the Mediterranean type. One individual, however, has typically sub-Saharan features. Pathological changes concern mostly the spine and are both age-related and traumatic. In two individuals, spinal pathologies might have caused death.

Keywords: Mummies, computed topography (CT), craniological analysis, osteological analysis.

Введение

Палеоантропологические исследования традиционно базируются на изучении костных останков людей. Однако в случае мумий исследование возможно только неразрушающими методами. Существенные изменения в изучении мумифицированных останков начались с привлечением естественно-научных методов, в первую очередь с развитием технологий ядерной физики [Васильев, Ковальчук, Яцишина, 2016; Ковальчук и др., 2016; Macková et al., 2016; Пахунов и др., 2017; Глазков и др., 2018]. В последние десятилетия для неинвазивного исследования способов мумификации, криминалистической и медицинской экспертизы мумий, создания трехмерной реконструкции применяются современные методы магнитно-резонансной и компьютерной томографии (далее КТ) [Marx, D’Auria, 1988; Friedman, Nelson, Granton et al., 2011; Friedman, Nguyen, Nelson et al., 2012; Hawass, Saleem, 2016; Zesch et al., 2016]. Важным достоинством КТ является возможность многократно исследовать мумии без их разрушения, протоколировать

и перепроверять результаты. Создание 3D-моделей также позволяет визуализировать различные патологии и проводить антропометрические исследования мумифицированных останков [Nedden et al., 1994; Cesarani et al., 2003; Vlijmen et al., 2011; Öhrström et al., 2015; Seiler, Rühli, 2015]. Такие модели имеют важное значение для популяризации науки в рамках различных выставочных проектов. Первая КТ мумифицированных останков мальчика и молодой женщины была проведена в 1977 г. [Lewin, Harwood-Nash, 1977]. Со временем количество мумий, исследованных в различных странах при помощи КТ, возросло. На основании полученных данных были дополнены сведения о методах и способах бальзамирования, иногда устанавливались причины смерти индивидов.

В отечественной науке искусственные мумификации, по опубликованным данным, исследовались только с помощью магнитно-резонансной томографии [Летягин, Савелов, 2014]. Комплексное изучение древнеегипетских мумий на основе КТ в нашей стране ранее не проводилось. Поэтому междисциплинарное исследование в Национальном исследователь-

ском центре «Курчатовский институт» девяти мумий из коллекции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ГМИИ) стало первым в своем роде для отечественной науки [Яцишина и др., 2018]. Исследовательская инфраструктура Курчатовского института открывает широкие возможности для исследований в самых разных областях знаний. В 2015 г. здесь была создана лаборатория естественно-научных методов в гуманитарных науках (ЛЕНМГН), ориентированная на комплексное изучение музейных экспонатов и археологических объектов. Междисциплинарное исследование древнеегипетских мумий из ГМИИ проведено в сотрудничестве с учеными Института этнологии и антропологии РАН и специалистами Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения города Москвы. Основной целью данной работы является применение компьютерной томографии для получения комплексных данных о таких сложных археологических объектах, как древнеегипетские мумии.

Материалы и методы

В Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт» было проведено томографическое сканирование девяти египетских мумий различной степени сохранности из ГМИИ им. А.С. Пушкина. Использовалась комбинированная система ПЭТ-КТ Siemens Biograph mCT40s. Сканирование проводилось в трех режимах с напряжением и током на рентгеновской трубке: 140 кВ и 120 А; 100 кВ и 70 А; 80 кВ и 20 А. Выбор параметров КТ-сканирования определяет качество получаемых данных [Сох, 2015].

Алгоритмы КТ-сканирования для медицинских задач хорошо разработаны, в отличие от исследований мумифицированных объектов. Несмотря на наличие довольно обширной научной литературы по этому вопросу, оптимальные параметры КТ-сканирования для каждой конкретной мумии могут быть определены только опытным путем.

По результатам проведенных исследований для дальнейшей работы были выбраны оптимальные параметры 140 кВ и 120 А с пространственным разрешением КТ-изображений объектов $0,6 \times 0,5 \times 0,5$ мм. Дополнительно использовались два режима контрастирования изображений, различающиеся по чувствительности к костным и мягким тканям, с размером вокселя $0,3 \times 0,5 \times 0,5$ мм. Проведенное исследование позволило получить наиболее точные данные неразрушающим методом.

Удалось описать лишь семь черепов, т.к. у двух мумий они сильно разрушены (см. описание мумий I, 1a 1241 и 1290). Для описания использовалась краниологическая программа [Алексеев, Дебец, 1964]. Краниометрические

измерения производились непосредственно на твердотельных копиях, полученных из DICOM-данных – результатов компьютерной томографии.

На первом этапе черепа сегментировали из общих сканов. Главная задача состояла в том, чтобы на моделях были хорошо различимы краниометрические точки. Поэтому в одном случае (I, 1a 1235) пришлось занизить плотность кости без значительного изменения геометрии. Проблема сегментации дегидратированной костной ткани от окружающих мумифицированных останков не раз поднималась в специальной литературе [Friedman, Nelson, Granton et al., 2011; Friedman, Nguyen, Nelson et al., 2012]. Основная задача, которая решалась на этом этапе, – автоматическое, полуавтоматическое и ручное отделение близких по плотности элементов мумии. Часто бальзамированные мягкие ткани и просмоленный текстиль имеют фактически одинаковый уровень поглощения рентгеновских лучей, и сегментация костей возможна только ручным способом. Копии черепов были напечатаны на 3D-принтере (zCorp Zprinter 650) из мелкодисперсного композитного порошка на основе гипса в режиме монохромной печати с последующей обработкой полученных моделей клеем на основе цианакрилата.

Половозрастные определения и описания морфологии производились с помощью программы Inobitek DICOM Viewer (pro version 10). Пользовательские настройки «окно/уровень» и функционал сегментации позволяли четко визуализировать необходимые анатомические элементы и оценивать стертость зубов, облитерацию швов, морфологию тазовых костей и пр.

Было проведено измерение костей посткраниального скелета по стандартной остеометрической программе [Алексеев, 1966]. Для описания развития мышечного рельефа использовалась схема В.Н. Федосовой [1986]. Остеометрические измерения производились непосредственно на объемных реконструкциях (визуализациях) в Inobitek DICOM Viewer, в некоторых случаях измерительные данные получали с STL-моделей в программе Rhinoceros. Исследования виртуального образца имели свои преимущества, т.к. позволяли измерять кости с фрагментированными эпифизами, четкую морфологию которых можно было проследить по окружающим мумифицированным тканям. В случае извлечения костей эти фрагменты не удалось бы сохранить.

Результаты исследования

Согласно результатам антропологического анализа, подкрепленного криминалистической экспертизой, четыре мумии оказались мужскими, пять – женскими (табл. 1). Важно подчеркнуть, что в трех случаях отличался от указанного в списке ГМИИ (I, 1a 5301,

5302, 5303). По всей вероятности, еще до приобретения мумий музеем, они были помещены в не принадлежавшие им саркофаги, что привело к ошибочному атрибутированию. Пятеро индивидов умерли в воз-

расте до 35 лет, трое – 35–50, одна женщина, вероятно, перешагнула рубеж 55 лет.

Процедура посмертного вмешательства перед бальзамированием была примерно идентичной: через

Таблица 1. Список мумий с кратким описанием

Номер	Описание	Биологический пол/возраст	Прижизненный рост, см
I, 1a 1240	Мумия в картонной позолоченной маске. II–III вв. н.э.	♀ / 20–25	153,3
I, 1a 5303	Мумия с маской и накладками из картонажа. I в. до н.э. – I в. н.э.	♂ / 20–25	149,8
I, 1a 5301	Мумия с бисерной сеткой в саркофаге с именем Хор-ха. VII–IV вв. до н.э.	♀ / 20–25	157,9
I, 1a 1235	Мумия с маской и накладками из картонажа. III в. до н.э. – III в. н.э.	♀ / >50	151,0
I, 1a 6756	Мумия в картонном чехле. I–III вв. н.э. (?)	♀ / 30–35	150,3
I, 1a 1241	Мумия. I тыс. до н.э.	♂ / 20–30	158,8
I, 1a 5302	Мумия в саркофаге с именем египтянки Ташет. IV–I вв. до н.э.	♂ / 20–25	160,8
I, 1a 1290	Мумия. I тыс. до н.э. (?)	♂ / 35–40	166,8
I, 1a 6930	Мумия в просмоленных бинтах. I тыс. до н.э.	♀ / 45–50	159,2

Таблица 2. Краниологические характеристики

Признак	1240 ♀	5301 ♀	1235 ♀	6756 ♀	6930 ♀	5303 ♂	5302 ♂
1. Продольный диаметр	174	186	176	176	191	177	183
8. Поперечный диаметр	136	146	136	137	133	141	136
17. Высотный диаметр	128	137	134	123	132	140	133
5. Длина основания черепа	93	105	98	94	106	94	102
9. Наименьшая ширина лба	94	98,5	98	87	92	90	96
10. Наибольшая ширина лба	121	124	119	112	123	123	121
11. Ширина основания черепа	114	118	118	116	114	119	117
12. Ширина затылка	108	108	103	100	111	100	106
45. Скуловой диаметр	121	128	123	123	123	127	129
40. Длина основания лица	89	94	...	91	...	89	88
48. Верхняя высота лица	68	71	70	65	70	69	71
43. Верхняя ширина лица	104	107	103	100	102	97	103
46. Средняя ширина лица	95	98	95	96	97	93	92,5
55. Высота носа	52,3	53,4	55,3	47,5	55,4	50,5	87,6
54. Ширина носа	21,4	23,5	27,4	27,2	26,3	23,2	24,2
51. Ширина орбиты от мф.	40,5	40,2	38	38	42,3	39	38,5
52. Высота орбиты	33,2	32,5	32,8	31,6	32,2	32,8	33,3
77. Назолярный угол	144°	131°	136°	142°	136°	134°	128°
∠zm. Зигмаксиллярный угол	135°	122°	...	135°	122°	121°	126°
75 (1). Угол выступания носа	32°	22°	30°	17°	28°	34°	27°
8 : 1. Черепной указатель	78,2	78,5	77,3	77,8	69,6	79,7	74,3
48 : 45. Верхний лицевой указатель	56,2	55,5	56,9	52,8	56,9	54,3	55,0
48 : 46. Верхний среднелицевой указатель	71,6	72,4	73,7	67,7	72,2	74,2	76,7
54 : 55. Носовой указатель	46,1	44,0	49,5	57,3	47,5	45,9	42,0
52 : 51. Орбитный указатель	82,0	80,8	86,3	83,2	76,1	84,1	86,5

поперечный разрез передней брюшной стенки в левой подвздошной области изымались все органы грудной и брюшной полости, а также малого таза. Удаление диафрагмы привело к объединению всех полостей в единое пространство. В ряде случаев полости тела и черепа залиты затвердевшим раствором, внутри тела определяются тканевые свертки и другие инородные предметы (I, 1a 6930, 1235, 1241, 5301).

В ходе исследования по стандартной краниологической программе было изучено семь черепов (табл. 2). Мужские черепа в среднем длинные и относительно узкие, долихокраничные. По высотно-продольному указателю они высокие (гипсикрания). Лицевой скелет среднеширокий и невысокий, по верхнелицевому указателю мезенный (верхний отдел лица средний). Углы горизонтальной профилировки малые, т.е. лицо хорошо профилировано. Орбиты относительно высокие. В абсолютных размерах нос длинный и относительно узкий (лепторинный). Угол выступающего носа большой.

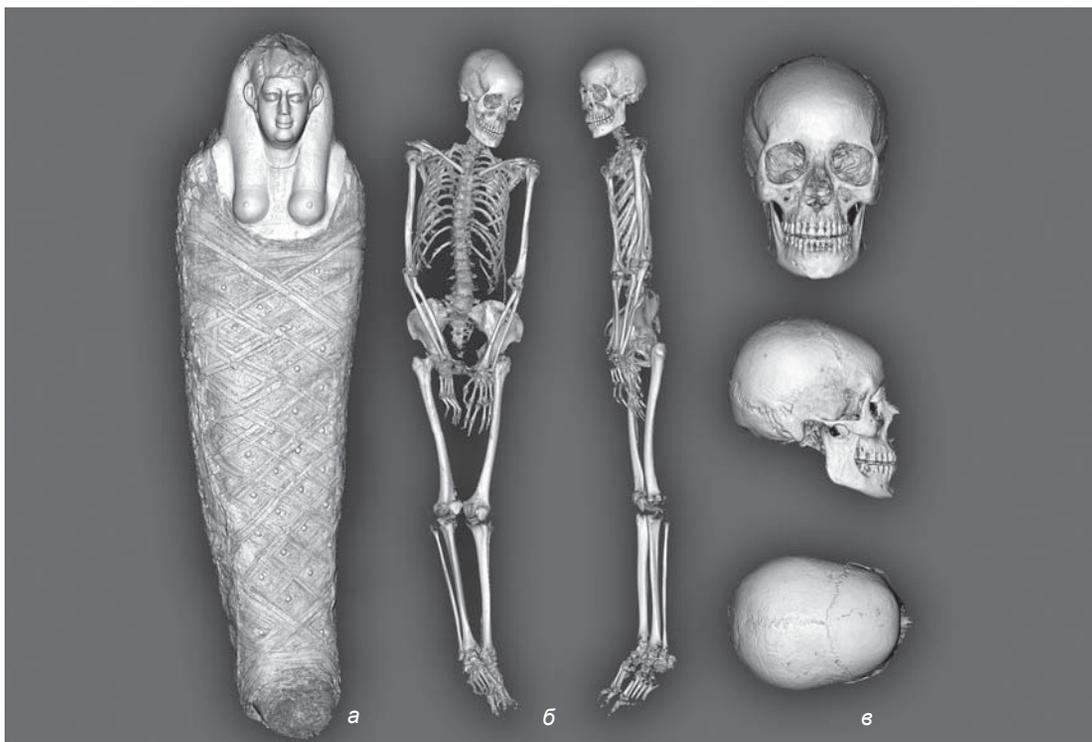
Череп женщины относительно длинные и неширокие, мезокраничные, форма сверху в большинстве случаев пентагоноидная. Череп мумии I, 1a 6930 отличается от других долихокранией (длинная и узкая мозговая коробка). В большинстве случаев черепа высокие по высотно-продольному указателю. Основная часть абсолютных размеров мозговой коробки попа-

дает в категорию средних, отмечено только несколько малых. Лицевой скелет среднеширокий и высокий, по верхнелицевому указателю лептенный (исключение – мумия I, 1a 6756). Орбиты невысокие и несколько узкие (мезоконхные). Нос в абсолютных размерах средний (мезоринный). При этом у мумии I, 1a 5301 он узкий, а у мумии I, 1a 6756 самый широкий из исследованных.

Антропологическое описание мумий, морфологические особенности скелетов, палеопатология

Во всех случаях положение мумифицированных тел было стандартным для Древнего Египта – «лежа на спине». Комплекс краниологических признаков позволяет с уверенностью отнести индивидов к различным вариантам средиземноморского антропологического типа, за исключением одного (I, 1a 6756), имеющего ярко выраженные негроидные черты. Отличительные антропологические особенности исследованных скелетов представлены ниже.

Мумия I, 1a 1240 (см. рисунок). Череп несколько повернут влево. Кости кистей находятся параллельно над лонным сочленением, соприкасаются. Кости ног вытянуты, коленные суставы соприкасаются ме-

Мумия I, 1a 1240.

а – верхний уровень визуализации; б – положение скелета (фронтальная и латеральная нормы); в – три основные нормы черепа.

диальными сторонами; кости незначительно разогнутых стоп также соприкасаются. Исследование пропорций конечностей выявило относительно удлиненные голени, что можно считать проявлением адаптации к жаркому климату. Для женщины были характерны довольно узкие плечи и очень широкий и низкий таз. Плечевые кости и ключицы среднемаассивны, остальные грацильные. Большеберцовые кости относительно расширены в диафизе. Мышечный рельеф костей рук развит слабо, а ног – умеренно. Имеются признаки многоуровневого повреждения позвоночника, а также перелома крестца. Наиболее вероятно, что травма прижизненная, в результате падения с высоты.

Мумия I, 1a 5303. Кости предплечий скрещены на грудной клетке (правая над левой). Кости правой кисти вытянуты, средние и ногтевые фаланги почти соприкасаются с головкой левой плечевой кости, фаланги левой кисти согнуты в суставах, ногтевые соприкасаются с грудинной половиной правой ключицы. Кости ног вытянуты, коленные суставы находятся очень близко друг от друга, кости разогнутых стоп соприкасаются. Определяются переломы костей черепа, скорее всего, возникшие в процессе мумификации. Исследованный индивид обладал удлиненными предплечьями и голеними, а также очень малым ростом (ок. 149,8 см). Вероятно, эти качества связаны с адаптацией к жаркому климату. Скелет конечностей грацильный, за исключением большеберцовых костей средней массивности (даже выше средней). Мышечный рельеф костей рук в целом развит слабо. Неплохо выражены дельтовидная шероховатость, малые бугорки на плечевых костях, лучевая и локтевая бугристости, гребень пронатора на лучевых костях, рельеф сухожилий разгибателей кисти и пальцев. Вероятно, в ходе жизнедеятельности этого человека имела место определенная нагрузка на дельтовидную и некоторые другие мышцы, отводящие и вращающие внутрь плечо, на сгибатели предплечья, пронаторы и супинатор рук, разгибатели кисти и пальцев. Необходимо также отметить прямой межкостный край лучевых костей, что встречается довольно редко. Мышечный рельеф костей нижних конечностей выражен средне. Можно предположить достаточную физическую нагрузку на все группы мышц ног. Из патологий отмечается вертикальный перелом тела третьего шейного позвонка, вероятнее всего, прижизненный.

Мумия I, 1a 5301. Положение тела внутри саркофага практически идентичное вышеописанному (I, 1a 5303). Показатели посткраниального скелета говорят об узком тазе, малой ширине плеч, относительно удлиненном плече по сравнению с бедром и сильно укороченном предплечье. Мышечный рельеф костей верхних конечностей развит средне; в основном это рельеф мышц, связанных со сгибанием и пронацией в локтевом суставе. Мышечный рельеф костей ног вы-

ражен достаточно хорошо и указывает на значительную нагрузку на соответствующие мышцы. Из патологий определяется невыраженный спондилез в виде передних краевых остеофитов шестого и седьмого шейных позвонков.

Мумия I, 1a 1235. Кости предплечий скрещены на грудной клетке (правая над левой). Кости кисти вытянуты, фаланги правой находятся над левой плечевой костью на границе верхней и средней ее трети, левой – соприкасаются с головкой правой плечевой кости. Кости ног вытянуты, коленные суставы почти соприкасаются медиальными сторонами; кости незначительно разогнутых стоп также соприкасаются, фаланги отсутствуют. Имеются симметричные вдавления обеих теменных костей. Редукция диплоэ этих костей может быть связана с возрастом индивида, а может иметь искусственный характер. У женщины были немного укороченные руки, удлиненные голени, довольно узкие плечи, очень узкий и высокий таз. Длинные кости верхних конечностей характеризуются средней степенью массивности. Скелет ног грацильный. Большеберцовые кости расширены и, вероятно, эурикнемичны. Мышечный рельеф костей рук в целом развит хорошо. Можно предположить немалую физическую нагрузку на плечевые суставы. При этом супинация и сгибание предплечий имели меньшее значение. Также надо отметить наличие прямого межкостного края лучевых костей, в то время как большинству людей присущ вогнутый. Кроме того, можно констатировать прочность соединения лучевых и локтевых костей межкостной мембраной. Вероятно, немалое значение для данной женщины имели движения кистей и пальцев. Мышечный рельеф ног развит средне. Хуже всего выражен рельеф мышц, обеспечивающих сгибание в коленных суставах.

Мумия I, 1a 6756. Череп мумии отделен от позвоночника и при КТ-сканировании лежал на некотором удалении от позвоночника, на осевой линии последнего, на левом боку (затылком к позвоночнику). Кости вытянутых кистей расположены над лонным сочленением, правые над левыми. Кости ног вытянуты, коленные суставы почти соприкасаются; кости стоп, расположенных почти под прямым углом к голени, повернуты влево, соприкасаются. Имеется повреждение решетчатой кости черепа, связанное, скорее всего, с манипуляциями при бальзамировании. Краниологические характеристики резко отличаются от всей серии и имеют ярко выраженные негроидные черты: низкий свод черепа, слабая горизонтальная профилировка и относительно короткий и широкий, слабо выступающий, с низким переносом нос, альвеолярный прогнатизм. Отмечается удлиненность медиальных отделов конечностей, особенно ног, что, вероятно, связано с адаптацией к жаркому климату. С одной стороны, Египет находится в тропической климатической

зоне, с другой – женщина могла прибыть сюда из другой области Африки, где в жарких и влажных условиях сформировался ее этнос. На это может указывать наличие признаков экваториальной расы, выявленных на черепе. Посткраниальный скелет характеризуется повышенной грацильностью. Ярко выражена сплюснутость в поперечном направлении большеберцовых костей. Весь мышечный рельеф плечевых и локтевых костей развит крайне слабо. Чуть более выражены лучевая бугристость, межкостный край и рельеф задней поверхности нижней области лучевых костей. Таким образом, можно предположить относительно повышенную нагрузку на бицепс и мышцы-разгибатели кисти и пальцев. Мышечный рельеф костей ног развит слабо или умеренно. Лучше выражен рельеф мышц, связанных с отведением и вращением бедра, а также разгибанием коленного сустава. Мышцы ног, обеспечивающие передвижения и некоторые позы, развиты слабо, скорее всего, в силу общей грацильности индивида.

Мумия I, 1a 1241. Кости вытянутых кистей расположены параллельно над лонным сочленением, не соприкасаются. Кости ног вытянуты, коленные суставы не соприкасаются; кости стоп, расположенных почти под прямым углом к голени, соприкасаются. Исследование пропорций посткраниального скелета выявило удлиненность предплечий и голени, вероятно обусловленное экологической адаптацией. Индивид также имел довольно большую ширину плеч, среднеширокий и низкий таз. Кости конечностей от грацильных до массивных. Мышечный рельеф плечевых костей развит довольно хорошо. Вероятно, мужчина испытывал немалую физическую нагрузку на мышцы, приводящие в движение плечевой сустав, а также супинирующие предплечье. Хорошо развит рельеф сгибателей локтевого сустава, разгибателей кисти и пальцев. На бедренных костях можно отметить крупные размеры большого и малого вертелов. Остальной мышечный рельеф развит средне. Можно предположить большую нагрузку на мышцы, приводящие в движение коленный и тазобедренный суставы. На большеберцовых костях в целом мышечный рельеф развит слабо или умеренно. Только большеберцовая бугристость выражена довольно хорошо. На КТ определяется обширное разрушение переднего отдела грудной клетки, при этом видны только единичные обломки ребер (грудина отсутствует). Проксимальные фаланги левой стопы неестественно согнуты. Отсутствуют шейные позвонки с четвертого по седьмой и первые девять грудных. Остальные позвонки имеют начальные признаки остеохондроза.

Мумия I, 1a 5302. Кости предплечья скрещены над средним отделом грудной клетки (правые над левыми), кости кисти вытянуты. Акромиальные концы

ключиц и плечевые кости смещены до уровня нижней челюсти, грудинные концы ключиц и передние концы ребер – к позвоночнику. Кости ног вытянуты, коленные суставы не соприкасаются. Кости левой предплюсны и стопы находятся над голеностопным суставом и повернуты влево, а правой – расположены под голеностопным суставом и повернуты вправо. Показатели посткраниального скелета свидетельствуют о малой ширине плеч, относительно удлиненном плече по сравнению с бедром и сильно укороченном предплечье. Кости рук можно охарактеризовать как не очень массивные. В то же время скелет нижних конечностей достаточно грацильный. Мышечный рельеф костей рук развит умеренно или слабо. Можно предположить, что нагрузка на мышцы, приводящие в движение плечевой сустав, а также супинаторы и пронаторы кисти, была незначительной. Чуть более развиты сгибатели локтевого сустава – двуглавая и брахиальная мышцы плеча. Мышечный рельеф нижних конечностей выражен лучше, чем верхних. Можно говорить о средней степени его развития и предполагать умеренную нагрузку на мышцы, обеспечивающие ходьбу, бег и иную локомоцию. В целом же мышечная система данного индивида была слабо развита, вероятно, он не занимался тяжелым физическим трудом. Из патологий выявлена двусторонняя аномалия Киммерли – «костный мостик» над бороздой позвоночной артерии на атланте. В большинстве случаев она является асимптомной.

Мумия I, 1a 1290. Имеет значительные повреждения: многооскольчатый перелом всех костей черепа (осколки перемешаны с шейными позвонками, некоторые из них также частично разрушены); обширное разрушение переднего отдела грудной клетки (определяются лишь единичные обломки ребер, грудина отсутствует); перелом левой ключицы и имеющейся головки левой плечевой кости; кости запястий и кистей, а также предплюсны и стоп отсутствуют. Скорее всего, все повреждения возникли уже после смерти мужчины. Дистальные концы костей предплечий находятся над лонным сочленением. Кости ног вытянуты, коленные суставы соприкасаются друг с другом медиальными сторонами. Остеологическое исследование выявило удлиненность предплечья и укороченность голени. Мышечный рельеф правой плечевой кости в целом развит хорошо. Крупные размеры малого бугорка позволяют предположить большую нагрузку на мышцы, вращающие плечо назад. В целом очевидна немалая физическая нагрузка на весь мышечный аппарат, приводящий в движение плечевой сустав. Бедренные кости грацильны, а большеберцовые при выраженной массивности саблевидно уплощены, у них сильно выдается вперед передний край.

Мумия I, 1a 6930. Кости предплечий скрещены на грудной клетке (правые над левыми); кости кистей

вытянуты, пястно-фаланговые суставы соприкасаются с ключицами. Кости ног вытянуты, коленные суставы не касаются друг друга; кости незначительно разогнутых стоп соприкасаются. Имеются симметричные вдавления обеих теменных костей, что, видимо, вызвано возрастным рассасыванием диплоэ кости. Показатели посткраниального скелета свидетельствуют о широком тазе, малой ширине плеч, удлинённом плече и сильно укороченном предплечье. Кости верхних и нижних конечностей грацильные. Мышечный рельеф рук в целом развит средне. На лучевых и локтевых костях неплохо выражены гребни квадратного пронатора и супинатора. Можно предположить занятие нетяжелым физическим трудом, связанным с вращательными движениями предплечий. Мышечный рельеф нижних конечностей в целом достаточно хорошо развит, о чем свидетельствует, в первую очередь, шероховатая линия и ягодичная шероховатость бедренной кости. Именно к ним прикрепляются мышцы, обеспечивающие движение ног при ходьбе и беге. Степень развития рельефа на большеберцовых и бедренных костях указывает на значительную нагрузку на соответствующие мышцы.

Выводы

По результатам краниологического исследования можно сделать следующие выводы. Череп мужчин долихокранные, с хорошей горизонтальной профилировкой, длинным и узким носом, женские мезокранны при высоком и узком лице, с такой же хорошей профилировкой. Это говорит о принадлежности индивидов к средиземноморскому типу европеоидной расы. Сравнительный анализ угловой морфометрии черепов показал, что древнеегипетское население в I тыс. до н.э. было достаточно разнородным. Выявлена мумия женщины с характерными негроидными чертами (I, 1a 6756).

Остеологический анализ показал в большинстве случаев удлиненность предплечья и голени, относительную грацильность костей конечностей и достаточно малую прижизненную длину тела как у мужчин, так и у женщин. Хорошее развитие мышечного рельефа у большей части индивидов связано с их жизнедеятельностью. Исключения составляют мумии женщины I, 1a 1240 и мужчины I, 1a 5302.

Основные патологические изменения выявлены в позвоночнике. Это и переломы позвонков, и их возрастные изменения. У двух индивидов прижизненные повреждения позвоночника могли стать причиной смерти. У мумий I, 1a 1235 и I, 1a 6930 зафиксирована возрастная редукция диплоэ теменных костей. Отмечается разрушение решетчатых костей, связанное с процессом мумификации (удаление мозга).

Полученные результаты представляют несомненный интерес. Метод рентгеновской КТ чрезвычайно перспективен для неинвазивного исследования с высоким пространственным разрешением трехмерной структуры мумий. В рамках проекта запланирована реконструкция внешнего облика и изготовление моделей с помощью аддитивных технологий. В Курчатовском комплексе НБИКС-технологий проведены исследования состава покрытия волос трех мумий, бальзамирующей смолы. Кроме того, запланирован отбор проб для генетического анализа и радиоуглеродного датирования. Представленная комплексная междисциплинарная методика изучения древнеегипетских мумий уникальна для российской науки. Подобное исследование имеет большое значение для развития отечественной исторической науки, антропологии и музейного дела.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-29-04144 офи_м). Авторы выражают благодарность М.В. Ковальчуку за идею проведения исследований и обсуждение статьи.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Остеометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 249 с.
- Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф.** Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
- Васильев А.Л., Ковальчук М.В., Яцишина Е.Б.** Исследование объектов культурного наследия методами электронной микроскопии // Кристаллография. – 2016. – Т. 61, № 6. – С. 845–857.
- Глазков В.П., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Подурец К.М., Велигжанин А.А., Колобылина Н.Н., Расторгуев В.А., Тулубенский М.Г., Терещенко Е.Ю., Кашкаров П.К., Яцишина Е.Б., Ковальчук М.В.** Исследование бронзовых статуй «Иоанн Креститель» и «Танцующий амур» из фондов ГМИИ им. А.С. Пушкина // Кристаллография. – 2018. – Т. 63, № 4. – С. 670–676.
- Ковальчук М.В., Яцишина Е.Б., Благов А.Е., Терещенко Е.Ю., Просеков П.А., Дьякова Ю.А.** Рентгеновские и синхротронные методы в исследованиях объектов культурного наследия // Кристаллография. – 2016. – Т. 61, № 5. – С. 681–690.
- Летягин А.Ю., Савелов А.А.** Жизнь и смерть «Алтайской принцессы» // Наука из первых рук. – 2014. – Т. 57/58, № 3/4. – С. 116–137.
- Пахунов А.С., Дэвлет Е.Г., Молодин В.И., Лазин Б.В., Каратеев И.А., Дороватовский П.В., Калоян А.А., Подурец К.М., Сенин Р.А., Благов А.Е., Яцишина Е.Б.** Сравнительный анализ красок на плитах погребений каракольской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 3. – С. 56–68.

Федосова В.Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // *Вопр. антропологии*. – 1986. – Вып. 76. – С. 104–116.

Яцишина Е.Б., Ковальчук М.В., Лошак М.Д., Васильев С.В., Васильева О.А., Дюжева О.П., Пожиданов В.М., Ушаков В.Л. Междисциплинарные исследования египетских мумий из коллекции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Национальном исследовательском центре «Курчатовский институт» // *Кристаллография*. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 479–490.

Cesarani F., Martina M.C., Farraris A., Grilletto R., Boano R., Marochetti E.F., Donadoni A.M., Gandini G. Whole-body three-dimensional multidetector CT of 13 Egyptian human mummies // *Am. J. of Roentgenology*. – 2003. – Vol. 180. – P. 597–606.

Cox S.L. A critical look at mummy CT scanning // *The Anatomical Record Advances in Integrative Anatomy and Evolutionary Biology*. – 2015. – Vol. 298, iss. 6. – P. 1099–1110.

Friedman S.N., Nelson A.J., Granton P.V., Holdsworth D.W., Chhem R., Cunningham I.A. Dual-energy computed tomography automated bone identification in ancient Egyptian mummies // *Yearbook of Mummy Studies*. – Munchen: Verl. Dr. Friedrich Pfeil, 2011. – Vol. 1. – P. 63–68.

Friedman S.N., Nguyen N., Nelson A.J., Granton P.V., MacDonald D.B., Hibbert R., Holdsworth D.W., Cunningham I.A. Computed Tomography (CT) Bone Segmentation of an Ancient Egyptian Mummy: A Comparison of Automated and Semiautomated Threshold and Dual-Energy Techniques // *J. of Computer Assisted Tomography*. – 2012. – Vol. 36, iss. 5. – P. 616–622.

Hawass Z., Saleem S.N. Scanning the Pharaohs: CT Imaging of the New Kingdom Royal Mummies. – Cairo: The American University in Cairo Press, 2016. – 318 p.

Lewin P.K., Harwood-Nash D.C. Computerized axial tomography in medical archaeology // *Paleopathology Newsletter*. – 1977. – Vol. 17. – P. 8–9.

Macková A., MacGregor D., Azaiez F., Nyberg J., Piassetzky E. Nuclear physics for cultural heritage: A topical review by the Nuclear Physics Division of the European Physical Society. – Les Ulis: Édition Diffusion Presse Sciences, 2016. – 79 p.

Marx M., D'Auria S.D. Three dimensional CT reconstruction of an ancient Egyptian Mummy // *Am. J. of Radiology*. – 1988. – Vol. 150. – P. 147–149.

Nedden D.N., Knapp R., Wicke K., Judmaier W., Murphy W.A., Seidler H., Platzer W. Skull of a 5300-year-old Mummy: Reproduction and Investigation with CT-guided Stereolithography // *Radiology*. – 1994. – Vol. 193. – P. 269–272.

Öhrström L., Fischer B.M., Bitzer A., Wallauer J., Walther M., Rühli F. Terahertz Imaging Modalities of Ancient Egyptian Mummified Objects and of a Naturally Mummified Rat // *The Anatomical Record*. – 2015. – Vol. 298, iss. 6. – P. 1135–1143.

Seiler R., Rühli F. “The Opening of the Mouth” – a new Perspective for an Ancient Egyptian Mummification Procedure // *The Anatomical Record*. – 2015. – Vol. 298, iss. 6. – P. 1208–1216.

Vlijmen O.J.C., van Rangel F.A., Bergé S.J., Bronkhorst E.M., Becking A.G., Kuijpers-Jagtman A.M. Measurements on 3D models of human skulls derived from two different cone beam CT scanners // *Clinical Oral Investigations*. – 2011. – Vol. 15. – P. 721–727.

Zesch S., Panzer S., Rosendahl W., Nance J.W., Jr., Schönberg S.O., Henzler T. From First to Latest Imaging Technology: Revisiting the First Mummy Investigated with X-ray in 1896 by Using Dual-Source Computed Tomography // *European J. of Radiology*. – 2016. – Vol. 3. – P. 172–181.

*Материал поступил в редколлегию 01.04.19 г.,
в окончательном варианте – 31.05.19 г.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.3.145-157
УДК 572

Т.К. Федотова, А.К. Горбачева

НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия
E-mail: tatiana.fedotova@mail.ru;
angoria@yandex.ru

Секулярная динамика показателей длины и массы тела детей России от рождения до 17 лет

Рассматривается длительная временная динамика длины и массы тела детей в разные периоды онтогенеза – новорожденность, грудной, ранний возраст, первое детство, второе детство, подростковый и юношеский возраст. В каждой половозрастной группе ок. 100 чел., общая численность выборок ок. 2 000. Мета-анализ основан в первую очередь на материалах ростовых стандартов детей и подростков России, унифицированных и регулярно обновляемых НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков, и охватывает в целом XX столетие, разбитое на десятилетние интервалы. Инструментом оценки интенсивности секулярных трендов являются диаграммы рассеяния. Показано, что основной вклад в секулярное увеличение размеров тела населения вносит рост на втором году жизни и в период ростового спурта в подростковом возрасте, а наименьший – рост во внутриутробный период развития, ограниченный фактором материнской морфологии, и в юношеском возрасте, когда практически достигнут дефинитивный уровень морфофункциональной зрелости и темпы ростовых процессов минимальные. Выявлено, что более экочувствительные мальчики подвержены секулярным изменениям в большей степени, чем экорезистентные девочки. Менее выраженный вклад временного фактора в динамику массы тела в сравнении с длиной у детей обоего пола определяет секулярное усиление лептосомности телосложения; в наибольшей степени эта гетерохрония касается новорожденных, чья масса тела является классическим объектом стабилизирующего отбора.

Ключевые слова: секулярный тренд, XX век, длина и масса тела, новорожденные, дети грудного и раннего возраста, дошкольники, школьники.

T.K. Fedotova and A.K. Gorbacheva

Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology,
Lomonosov Moscow State University,
Mokhovaya 11, Moscow, 125009, Russia
E-mail: tatiana.fedotova@mail.ru; angoria@yandex.ru

Secular Dynamics of Body Height and Weight in Russian Children Aged 0–17

This study deals with long-term temporal changes of body height and weight during various stages of ontogeny: newborns, infancy, early age, first childhood, second childhood, adolescence, and youth. Each age/sex group numbers ca 100 persons, the total sample size is ca 2 000. The meta-analysis is based primarily on growth standards for Russian children, regularly renewed by the Research Institute for the Hygiene and Health Protection of Children and Adolescents and mostly relating to separate decades of the 20th century. The intensity of the secular trends was assessed through the analysis of scatter plots. The largest share in the secular increase of bodily dimensions belongs to intense growth during the second year of life and during the adolescent growth spurt. The smallest share is that of intrauterine growth, limited by the mother's body size, and that of growth during adolescence, when the mature body size has been virtually reached and growth rate is minimal. Boys, who are more eco-sensitive, demonstrate greater secular changes than girls, who are eco-resistant. Smaller secular changes in weight than in height in both boys and girls result in the increase of leptosomy. This heterochrony concerns mostly newborns, whose body mass is a standard example of stabilizing selection.

Keywords: Secular changes, 20th century, body height, body weight, newborns, preschool children, school children.

Введение

Секулярный тренд (от лат. *secularis* – «столетний»), иначе вековая тенденция или эпохальный сдвиг, в широком смысле интерпретируется, во-первых, как межпоколенный сдвиг в размерах тела детей и взрослых, скоростях биологического созревания детей и биологических показателях взрослых (возраст менопаузы, продолжительность жизни, темпы старения); во-вторых, как направленные изменения физического типа современного человека вне расового контекста (колебания длины тела, брахикефализация, грацилизация черепа). Проявление секулярного тренда в XX столетии, сочетающее ускоренное биологическое созревание и замедление темпов старения, не вполне соответствует магистральной линии эволюционных преобразований *Homo* – синхронному замедлению этих процессов. Иллюстрацией такого алгоритма преобразований онтогенеза являются долгожители популяции, в частности, абхазская до военных событий 1990-х гг., которые привели к необратимому нарушению особенностей онтогенеза абхазов, сочетавшего изначально замедленные темпы как созревания детей, так и старения.

Палеоантропологические материалы свидетельствуют о колебательном характере эпохальной динамики морфофункционального статуса на протяжении всей биологической истории *Homo* в пределах некоей физиологической нормы. Например, в древней и средневековой Европе возраст менархе опускался до нижней физиологически приемлемой планки в 12 лет, впоследствии увеличивался до 17,5–18 лет, в частности, в Северной Европе; в XIX в. отмечается его выраженное снижение; современные показатели в большинстве европейских стран составляют 12–12,5 лет, а в некоторых азиатских популяциях 18 и более лет. Равным образом ростовой спурт у мальчиков, например, германского племени англов I–VI вв. имел место позднее, чем в среднем у современных европейских подростков (в 14–16 лет), что в настоящее время встречается у некоторых высокогорных групп в Гималаях [Хрисанфова, Перевозчиков, 1999, с. 161]. Волнообразные временные колебания характерны и для длины тела [Дерябин, 2009, с. 270–271]. Так, у древнего населения Литвы реконструированная по скелетным материалам длина тела мужчин на протяжении II–XII вв. составляла в среднем чуть больше 172 см, что соответствует показателю литовцев второй половины XX в.; в XIV–XVII вв. она была 166,8 см, а в конце XX в. у мужчин-военнослужащих – 175 см. Аналогичную картину представляют временные колебания длины тела мужчин Германии: с V до середины XIX в. происходило постепенное снижение от 172 до 167 см, а затем восстановление в середине XX в. и увеличение до более 173 см. Тер-

мин «восстановление» как нельзя более актуален применительно к описанным длительным секулярным трендам – ситуация и с возрастом менархе, и с длиной тела в известном смысле указывает на восстановление у современного населения морфофункционального статуса населения Европы раннего Средневековья. В этом контексте существенно представление о некоей глобальной причине масштабной (охватывающей длительный исторический период) временной динамики размеров тела и биологических характеристик. Предполагается, что цикличность процессов роста и развития обусловлена адаптацией к земным проявлениям циклов солнечной активности, максимум которой совпадает с замедлением ростовых процессов, а спад – с ускорением [Никитюк, Алпатов, 1979; Хрисанфова, Перевозчиков, 1999, с. 162]. Если значительно расширить хронологические рамки наблюдений, например, от австралопитеков до современного человечества, то мы станем свидетелями таких же циклических изменений, только с большим «шагом»: длина тела африканского австралопитека была не более 130 см, спустя 2 млн лет у *Homo erectus* из Нариокотоме (Кения) этот показатель составлял ок. 180 см, у неандертальцев он существенно уменьшился (например, длина тела «шапелльца» всего 154–155 см), а у кроманьонцев вновь увеличился (так, рост «Старика» (Кро-Маньон 1) 182 см) [Зубов, 2004, с. 250, 384]. Исчерпывающее описание динамики физического типа человека в процессе эволюции (с обсуждением всех сопутствующих и содействующих обстоятельств и иерархии факторов) представлено в монографиях ведущих российских антропологов А.А. Зубова [Там же, с. 131–466] и Е.Н. Хрисанфовой [1978, с. 5–183]. Нельзя не согласиться с А.А. Зубовым, что асимптотическим пределом эволюции *Homo* является самый широкий морфологический полиморфизм в сочетании с высочайшей поведенческой пластичностью, основанной на развитии мозга [2004, с. 64].

Результаты многочисленных и системных ростовых исследований в XX столетии [Cole, 2000], совокупность которых, собственно, и породила понятие секулярного тренда, складываются в весьма пеструю картину временной динамики морфофункционального статуса современного населения Земли, указывают на большое разнообразие как возможных факторов, так и специфических проявлений секулярных изменений.

Интенсивность и направление временной динамики соматических показателей детей в пределах физиологической структурной нормы отражает существенные аспекты взаимоотношений организма со средой и собственно антропогенным фактором, в значительной степени зависит от конкретного периода онтогенеза и его биологической специфики (решаемых организмом задач, степени его экочувствительности,

характера взаимодействия наследственных и средовых факторов). Под антропогенным фактором понимается совокупность факторов среды, обусловленных случайной или целенаправленной деятельностью человека. Последствиями антропогенной деятельности последних десятилетий являются глобальные экологические катастрофы – парниковый эффект, кислотные дожди, уничтожение лесов, опустынивание территорий; непосредственно связанное с повседневной жизнедеятельностью человека усиление факторов дистресса – возрастание уровня техногенного загрязнения атмосферы, почвы, воды, усиление информационного стресса, повышение уровня гипокинезии, длительные психофизиологические нагрузки. Совокупность этих явлений можно обобщить понятием «возрастание антропогенной нагрузки». Человечество приспосабливает под себя биосферу, а затем вынуждено адаптироваться к им же созданной искусственной среде, носящей в сегодняшнем цивилизованном мире дистрессовый характер. Это циклическое интерактивное биокультурное взаимодействие является знаковым для начала III тыс. [Shell, 2014]. Важной критической точкой в деятельности человека со времен палеолита стало возникновение городов и, как следствие городского образа жизни, техногенное загрязнение пространства, являющееся в известном смысле вызовом биологическим адаптивным возможностям вида [Ibid.]. С возникновением городов человечество стало единой системой, которая противопоставила себя биосфере. Урбанистическая экологическая ниша характеризуется уровнем стресса, кратно превышающим таковой любых естественных, даже экстремальных, экологических ниш, по степени воздействия сравнима с генетическим фактором и альтернативна той среде, в которой формировался геном человека. Помимо прочего, в III тыс. главным фактором, влияющим на ростовые процессы, стало техногенное загрязнение окружающего пространства, в то время как в ростовых исследованиях XX в. на роль важнейших претендовали одновременно социальные, семейные факторы, уровень модернизации вкупе с климатом, температурным режимом и широтой. Влияние последних на ростовые процессы указывает на сохранение эволюционно обоснованных связей показателей жизненного цикла с климатическими факторами как регуляторами иммунитета и в современном техногенном мире.

В мировой литературе обсуждаются разные аспекты секулярной соматической динамики детей в связи с периодом онтогенеза. Так, размеры тела новорожденных являются итогом адаптации организма растущего плода, основанной на высокой пластичности роста, к относительно стабильным компонентам материнского фенотипа [Wells, Figueiroa, Alves, 2018]. Главными медиаторами этого процесса, по ре-

зультатам множественного регрессионного анализа, со стороны материнского организма выступают размеры таза, опосредующие нутритивный и морфологический статус матери в целом; а со стороны новорожденного – обхват головы. Чувствительность роста плода к размерам таза роженицы снижает риск неблагоприятного исхода родов. Итогом этой адаптации является синхронность секулярной динамики обхвата головы новорожденного и размеров таза рожениц. В частности, достоверная децелерация показателя для новорожденных России на протяжении 1950–2010 гг. совпадает с тенденцией к сужению таза у рожениц, систематически отмечаемой для различных регионов России с 1980-х гг. [Могеладзе, Щуров, Холодков, 2009; Федотова, Горбачева, 2016; Яцык, Малкова, Сюткина, 2007]. Интересно, что для новорожденных Москвы в период с 1880-х по 1960-е гг. отмечается интенсивное увеличение окружности головы в сочетании с более умеренной акцелерацией длины и массы тела и децелерацией обхвата живота [Никитюк, 1972] на фоне некоторого увеличения сагиттальных размеров таза рожениц. Такая последовательность секулярной динамики обхвата головы новорожденных подтверждает представления о флуктуации временных трендов соматических размеров в рамках общего колебательного процесса изменений биоритмов человека [Хрисанфова, Перевозчиков, 1999, с. 162]. Английский антрополог Дж.К. Уэллс осуществил довольно спекулятивную, по утверждению самого автора, попытку реконструировать тренды массы тела новорожденных в эпоху палеолита и неолита, основываясь исключительно на секулярных трендах длины тела взрослого населения, абстрагируясь от множества экологических факторов [Wells, 2009]. Полученные им результаты позволяют говорить о существенном уменьшении массы тела новорожденных от палеолита к неолиту и более умеренных колебаниях впоследствии.

Заметим, что размеры тела новорожденных и таза рожениц с самого начала эволюционной истории *Homo sapiens* оказались в центре почти непримиримого биологического конфликта – необходимость совершенствования бипедии, дававшей нашим предкам известные энергетические преимущества, вступила в противоречие с необходимостью родоразрешения крупным плодом с объемным мозгом. Компромисс и достигнутый единожды баланс между расширением женского таза и ограничением темпов внутриутробного развития плода, в частности, верхним пределом соматических размеров новорожденного и снижением скорости развития мозга (развития, вынесенного «за скобки» внутриутробного развития) продолжает поддерживаться на протяжении всей биологической истории нашего вида под строгим контролем стабилизирующего отбора. В литературе высказывается

точка зрения, что небольшое уменьшение размеров тела и мозга, которое произошло у *Homo sapiens* в течение последних 30–40 тыс. лет, было связано с экономией ресурсов, затрачиваемых матерью на вынашивание, рождение и вскармливание детей, и стало одним из факторов, обеспечивших быстрое заселение нашими предками просторов Евразии [De Leon et al., 2008]. Не исключено, что именно в преодолении указанного биологического конфликта потерпели фиаско неандертальцы.

По материалам когортного исследования детей Джимма, крупнейшего города Юго-Западной Эфиопии, у новорожденного жировая масса тела не зависит от его длины, а в 2 года положительно связана с длиной тела и объясняет значительную долю ее варибельности [Admassu et al., 2017]. Параллельный анализ секулярных трендов длины и массы тела на протяжении 50 лет в Японии (1950–2010) и Южной Корее (1965–2005), проведенный для однолетних возрастных групп детей, подростков и юношества (возрастной охват от 1 до 20 лет), показал существенные различия в этнических паттернах роста, которые с трудом поддаются интерпретации в контексте различий в национальном доходе, диете и образе жизни. В обеих выборках отмечен ускоренный рост длинных костей в младенческий период. В результате значительные секулярные различия в дефинитивной длине тела определяются уже к возрасту 1,5 года [Cole, Mori, 2018].

По материалам продольного исследования в Непале, социально-экономический статус семьи новорожденного в значительной степени определяет в последующие годы развитие жировотложения (жировой массы), а высшее образование матери ассоциируется с увеличением длины тела на величину 0,6–0,7 среднеквадратического отклонения в возрасте 2,5 и 8,5 года [Devakumar et al., 2018].

Судя по результатам анализа секулярной динамики длины тела голландских детей 0–21 года, впервые за 150 лет истории с 1858 г. самая высокая популяция в мире стабилизировалась по данному показателю, дефинитивная длина тела мальчиков и девочек остается на уровне 1997 г. – $183,8 \pm 7,1$ и $170,7 \pm 6,3$ см соответственно [Schonbeck et al., 2013]. Это может означать как достижение генетического оптимума, так и стабилизацию акцелерирующих факторов среды в последнее десятилетие, что препятствует свободному проявлению ростового потенциала.

Анализ возрастной динамики соотношения наследственных и средовых факторов в популяционном варьировании параметров физического развития московских детей с привлечением близнецовых данных [Хамаганова, 1979] показал, что от периода новорожденности до 15 лет удельный вес генотипа в фенотипической изменчивости этих параметров уве-

личивается. В целом роль наследственных факторов в популяционном разнообразии показателей физического развития высока и больше, чем в детерминации нейрофизиологических параметров. При этом в межиндивидуальной изменчивости длины тела выявлено значительное влияние средовых факторов в период новорожденности и в 7–9 лет, массы тела – в период новорожденности, в 4–6 и 10–12 лет, окружностей груди и головы – в 7–9 лет.

В задачу настоящей работы входит мета-анализ секулярной динамики двух интегральных показателей физического развития российских детей – длины и массы тела – в конце XIX – начале XXI в. с привлечением большого спектра городских выборок. Рассмотрение широкого возрастного интервала, от новорожденности до юношества, предоставляет возможность для сравнительной оценки интенсивности секулярной динамики в зависимости от периода онтогенеза и его биологического содержания. Формат статьи не позволяет подробно остановиться на временной динамике длины и массы тела всех однолетних половозрастных групп, поэтому в каждом периоде онтогенеза мы выбрали наиболее информативные с физиологической и поведенческой точки зрения возрастные срезы, в известном смысле контрастные друг другу. Их последовательность достаточно четко описывает содержание периода роста и развития. Возрастная периодизация соответствует методическим рекомендациям в современной возрастной физиологии [Безруких, 2006]. Новорожденность (1–10 дней, в современной неонатологии – этап от момента перевязки пуповины до достижения возраста 28 дней [Практическое руководство..., 2008, с. 10]) – размеры и масса тела маркируют качество внутриутробного роста, являются производным факторов, ограничивающих рост (морфология матери), и объектом стабилизирующего отбора. Один год (грудной возраст: 10 дней – 1 год) – размеры тела определяют качество периода компенсаторного роста и итог интенсивных перестроек структуры межиндивидуального и межпопуляционного разнообразия основных антропометрических параметров на первом году жизни. Два года (ранний возраст: 1–3 года) – размеры тела описывают статус организма, почти полностью независимого от обстоятельств внутриутробного роста и материнского фактора. Три года (также ранний возраст) – условная граница между физиологически и поведенчески зависимым организмом и автономным; размеры тела в известной степени могут считаться началом устойчивого индивидуального ростового канала. Шесть лет (первое детство: 4–7 лет) – накопление морфофункциональных изменений приводит к значительному изменению общего плана строения и пропорций тела, появлению новых биомеханических свойств, обретению черт индивидуальности личности; возраст полуростового скачка, ко-

торый фиксируется не во всех ростовых исследованиях. Девять лет (второе детство: 8–12 лет у мальчиков, 8–11 лет у девочек) – небольшие скорости соматического роста, самые низкие темпы приростов в интервале между первым и вторым ростовыми скачками, минимальные межгрупповые соматические различия; при этом активная первичная социализация. Тринадцать лет (подростковый возраст: 13–16 лет у мальчиков, 12–15 лет у девочек) – пубертатный скачок роста, ранние стадии которого связаны с активацией секреции гормона роста; критический период развития, резкая активация генома, бурные дифференцировочные процессы. Семнадцать лет (юношеский возраст: 17–21 год у юношей, 16–20 лет у девушек) – конец полового созревания на фоне продолжающегося, хотя и не столь заметного, биологического развития организма до достижения морфофункциональной стабильности в 21 год у девушек и 25 лет у юношей.

Анализ секулярной динамики дефинитивной длины тела взрослых мужчин и женщин проведен недавно коллективными усилиями ученых всего мира (исключая Россию и сопредельные государства – бывшие республики СССР) [NCD Risk Factor..., 2016]. Обобщение трендов за столетие на базе 1 472 популяционных исследований позволило ответить на вопрос, как изменилась длина тела человечества за XX в. Цель нашей работы – оценить изменения весоростовых показателей детей разного возраста (0–17 лет), также за столетие для большинства возрастных категорий, на территории одной шестой части суши (бывшего СССР), не охваченной этим исследованием. В нем фигурируют специально рассчитанные средние значения показателя для стран, а в нашем – для городов и этнических групп.

В указанном исследовании в числе прочего была прослежена эпохальная преемственность географического распределения показателя – области высокорослости и низкорослости на историческом интервале 1896–1996 гг. не изменяются. Сохраняется также разница в длине тела между высокорослыми и низкорослыми популяциями (для женщин 19–20 см, для мужчин даже несколько увеличивается вне связи с социальным контекстом). Аналогичная эпохальная преемственность географического распределения соматических параметров показана на материалах масштабных прикладных обследований взрослого городского населения бывшего СССР [Дерябин, Пурунджан, 1990, с. 121–167; Куршакова, 1983]. Она характерна и для детей, но не исчерпывает всех нюансов ростовых процессов и нарушается по очевидным причинам (межгрупповые различия возраста максимальных скоростей роста, накопление стохастических изменений в связи с неоднородным социальным составом выборок, спецификой условий жизни и т.д.). Например, анализ ростовых процессов детского насе-

ления стран – членов СЭВ (НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, СССР, ЧССР) на исходе 1960-х гг. показал, что только у детей 3 лет и отчасти 17 лет межгрупповые (этно-территориальные) различия имеют такой же характер, как у взрослых. Во всех других возрастах и для всех прочих признаков (обхват груди, длина туловища и конечностей) соотносительное положение детских выборок непостоянно [Дунаевская, 1974]. Замечательно, что в возрасте 3 лет происходят коренные изменения в иммунной системе, именно в этом возрасте начинают формироваться системы корреляций между соматическими признаками. Возможно, трехлетний интервал является шагом периодичности в деятельности иммунной системы человека, определяющей наступление онтогенетических кризисов [Куршакова и др., 1994]; у детей соматическая реакция фиксируется в год кризиса, у взрослых – годом позже.

Материалы и методы

Исследование выполнено, как уже упоминалось, по материалам бывшего СССР и России; охватывает 193 территориальные группы, представленные выборками за разные десятилетия; включает широкий спектр этнических групп России и сопредельных государств (адыги, азербайджанцы, армяне, башкиры, белорусы, грузины, долганы, кабардинцы, казахи, калмыки, киргизы, карелы, коми, кумыки, латыши, литовцы, марийцы, молдаване, ненцы, осетины, русские, таджики, татары тувинцы, туркмены, удмурты, узбеки, украинцы, хакасы, ханты и манси, чукчи, эстонцы, якуты). Его субъектом являются новорожденные (338 выборок), годовалые дети (188 выборок), двухлетние (116 выборок), трехлетние (256 выборок), шестилетние (312 выборок), девятилетние (418 выборок), 13-летние (402 выборки), 17-летние (254 выборки). Численность каждой половозрастной группы ок. 100 чел. Выборки городские, что обеспечивает большую гомогенность материала. Строго говоря, противопоставление городского и сельского населения в сегодняшнем мире в значительной степени утратило свою актуальность, однако наше исследование включает большой ретроспективный массив данных, а для материала 50-летней и большей давности такое разделение было принципиальным. Например, для большого набора этнотерриториальных групп бывшего СССР показаны систематические различия возраста менархе (наиболее чувствительного к воздействию условий среды индикатора) городских и сельских девочек вне зависимости от этнической принадлежности и удивительное единообразие, в некотором смысле «консерватизм» в темпах созревания жительниц крупных городов. Для русских девочек Москвы, Архангельска, Смоленска, Нижнего Новгорода,

Улан-Удэ, Омска, Томска, Иркутска, Южно-Сахалинска колебания показателя укладываются в диапазон 12,9–13,1 года, для сельского русского населения соответствующих областей размах изменчивости больше – 0,8 года [Година, 2003, с. 157]. Изучение этнотерриториального разнообразия размеров тела новорожденных бывшего СССР на базе 63 ростовых исследований выявило систематические различия между горожанами и сельчанами тех же регионов (весоростовые показатели у городских новорожденных выше, чем у сельских) [Боровкова и др., 2012].

Исторический отрезок наблюдения для детей дошкольного и школьного возраста – с 1880-х гг. по настоящее время с десятилетним интервалом, для новорожденных и грудных – с 1920-х, для детей раннего возраста – с 1950-х. Общая численность массива данных составляет более 310 тыс. чел. Основным источником – материалы по физическому развитию детей и подростков бывшего СССР и России, собранные по единым требованиям и вследствие этого сравнимые [Материалы..., 1962, 1965, 1977, 1986, 1988, 1998; Физическое развитие..., 2013, 2019]. Эти сборники, регулярно издаваемые Научным центром здоровья детей РАМН, обновляются примерно раз в десять лет, поскольку существенные, в т.ч. достоверные, секулярные соматические изменения накапливаются не быстрее, чем за десятилетие. Именно такой «естественный» временной шаг (10 лет) использован в нашем исследовании. Напомним, что сома обладает длительной онтогенетической и эволюционной памятью, ответ организма на влияние различных факторов на соматическом уровне отражает системный (целостный) характер реакции, поэтому сома наиболее информативный объект для анализа специфики развития живой системы и процесса формирования ее надежности [Куршакова и др., 1994]. Дополнительный источник материала – статьи [Чучукало, 1929; Штефко, 1925], диссертации [Бауер, 1900; Боровка, 1913; Грацианов, 1889; Дик, 1883; Зак, 1892; Зейлигер, 1900] и некоторые собственные архивные материалы. Объектом исследования являются два основных антропометрических параметра: длина и масса тела как интегральные показатели соответственно скелетного развития и обменных процессов. Уменьшение массы тела при увеличении его длины, или усиление лептосомности телосложения, связано с ослаблением физических кондиций и адаптивного потенциала, что подтверждается многочисленными ауксологическими исследованиями детей разных возрастных периодов.

В отсутствии доступных индивидуальных данных и возможности применения многомерных статистических методов для оценки уровня и направления связи антропометрических параметров детей с временным фактором для каждой половозрастной группы строились диаграммы рассеяния (эффективный инстру-

мент при работе с большими наборами выборочных средних). Это графический вариант корреляционного анализа для двух переменных на плоскости в декартовой системе координат. В нашем случае независимая переменная – годы обследования (1880-е... 1920-е... 2000-е), зависимая – длина или масса тела для каждой отдельно взятой половозрастной группы. Всего, таким образом, проанализировано 32 диаграммы. Для иллюстрации интенсивности секулярных изменений в каждой группе рассчитана средняя скорость секулярной прибавки длины или массы тела за десятилетие (отношение секулярной прибавки параметра за весь период наблюдений к числу десятилетних интервалов в нем).

Результаты

Направление секулярной динамики длины тела в возрастном интервале от рождения до 3 лет идентично для мальчиков и девочек всех рассматриваемых возрастных групп и состоит в достоверном увеличении размера, или акцелерации скелетного развития (рис. 1, а–в). Для новорожденных обоего пола прибавка составляет более 2 см на протяжении 1920–2010-х гг. ($r = 0,27$ для мальчиков, $r = 0,37$ для девочек, $p = 0,00$), для 12-месячных детей за период 1930–2010-е гг. – 4,7 см у мальчиков и 3,8 см у девочек ($r = 0,4$, $p = 0,00$), для двухлетних в интервале 1950–2010-е – ок. 3 см ($r = 0,46$ для мальчиков, $r = 0,47$ для девочек, $p = 0,00$), для трехлетних в том же интервале – ок. 2 см ($r = 0,27$, $p = 0,00$). Небольшое уменьшение может отражать хорошо известный в ауксологии факт постепенного снижения скорости роста в возрастном интервале от рождения до 3 лет при сохранении достаточно высоких темпов в целом [Deryabin, Krans, Fedotova, 2005].

В возрастном интервале от 6 до 17 лет (рис. 1, г) наименьший вклад временного фактора в секулярную динамику длины тела выявлен для шестилетних мальчиков ($r = 0,19$, $p = 0,02$) и девочек ($r = 0,42$, $p = 0,00$), затем он последовательно увеличивается к 9 ($r = 0,66$ для мальчиков, $r = 0,61$ для девочек, $p = 0,00$) и 13 ($r = 0,76$ для мальчиков, $r = 0,73$ для девочек, $p = 0,00$) годам, а к 17-летнему возрасту вновь уменьшается ($r = 0,42$ для мальчиков, $r = 0,62$ для девочек, $p = 0,00$). Как видно, динамика вклада временного фактора, определяющего секулярные изменения показателей физического развития на фоне усиления антропогенной нагрузки, в целом одинакова для детей обоего пола. Неожиданно выше он у менее экочувствительных в норме девочек, сравнительно с мальчиками, в возрасте 6 и 17 лет, что случается на фоне дистрессовой антропогенной нагрузки. Так, например, в крайне экологически неблагоприятных районах мегаполиса Москвы, в сравнении с относительно благополучными, для детей 3–6 лет характерно некоторое замед-

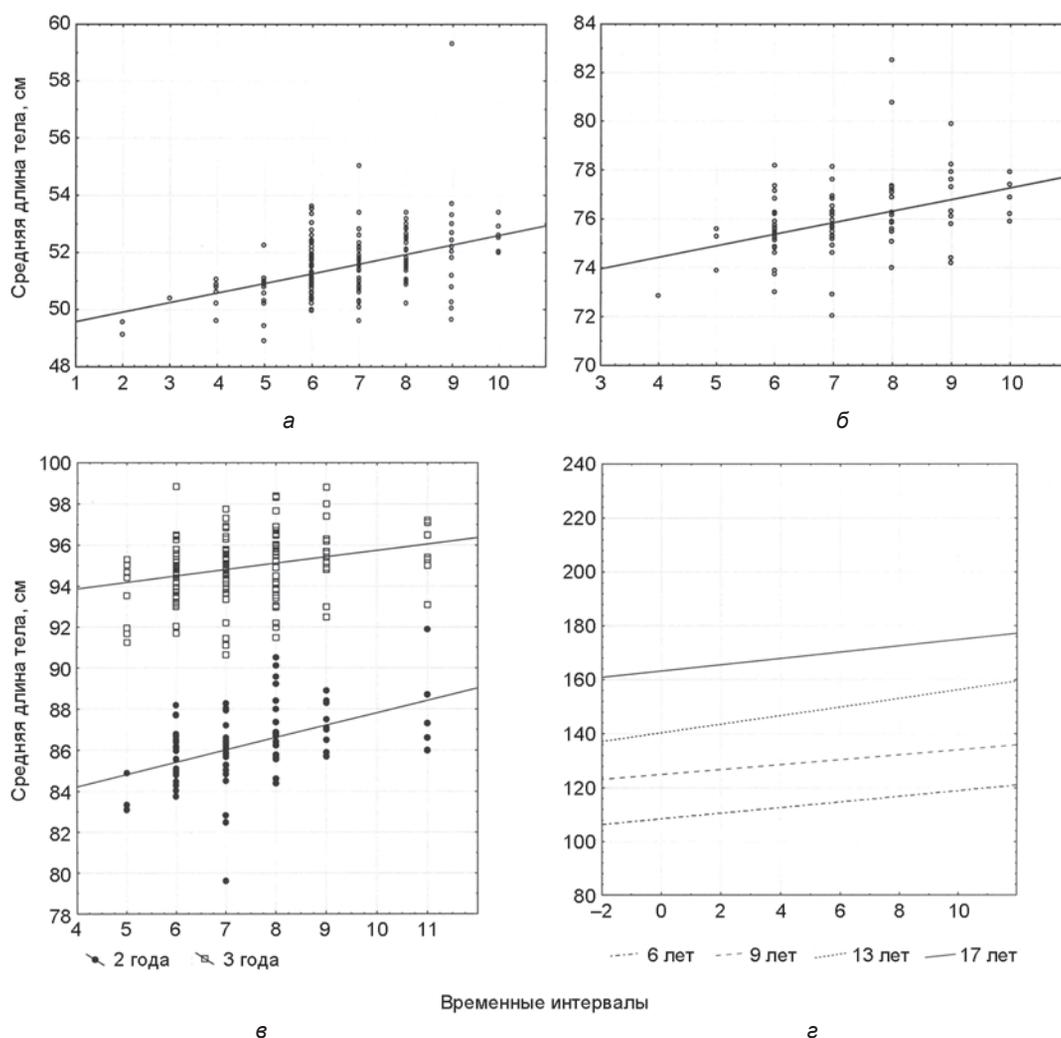

Рис. 1. Секулярная динамика длины тела мальчиков городов России.
 а – новорожденные; б – годовалые; в – раннего возраста; г – дошкольного и школьного возраста. Временные интервалы (шаг в 10 лет): –2 – 1880-е гг., 0 – 1900-е, 2 – 1920-е... 10 – 2000-е.

ление скелетного развития в сочетании с усилением жировотложения, что отчетливо выражено у девочек и менее явно у мальчиков [Федотова, Дерябин, 2006].

Средняя скорость секулярной прибавки длины тела за десятилетие на старте онтогенеза у новорожденных мальчиков составляет 0,32 см, у годовалых – 0,38, двухлетних – 0,61, у трехлетних – 0,29 см; у девочек – соответственно 0,23; 0,37; 0,6 и 0,37 см. В возрастном интервале 6–17 лет этот показатель у мальчиков 6 лет – ок. 1 см, 9 лет – 0,9, 13 лет – 1,7, 17 лет – 0,75 см; у девочек – соответственно ок. 0,9; 0,9; 1,45 и 0,8 см. Таким образом, наиболее интенсивная секулярная динамика по длине тела характерна для детей в пубертатный период, причем мальчики обгоняют девочек, а самая низкая – для 17-летних. Следовательно, основной вклад в секулярное увеличение длины тела населения в возрастном

интервале 6–17 лет вносит ростовой скачок в подростковом возрасте.

Секулярные изменения массы тела детей на старте онтогенеза (рис. 2, а–в) существенно отличаются от трендов длины тела. У новорожденных отмечается секулярная стабильность показателя. Небольшое его увеличение у девочек (50 г за восемь десятилетий) недостоверно ($r = 0,08$, $p = 0,33$). В связи с этим нельзя не упомянуть, что масса тела новорожденных является классическим объектом стабилизирующего отбора, а наибольший вклад в вариации показателя принадлежит семейному фактору – параметрам родителей и сибсов при рождении [Боровкова, 2012; Tanner, Lejarraga, Turner, 1972]. Данный фактор объясняет ок. 16 % изменчивости размеров тела новорожденных, в то время как все прочие – не более 1–4 %. Несколько большие абсолютные секулярные прибав-

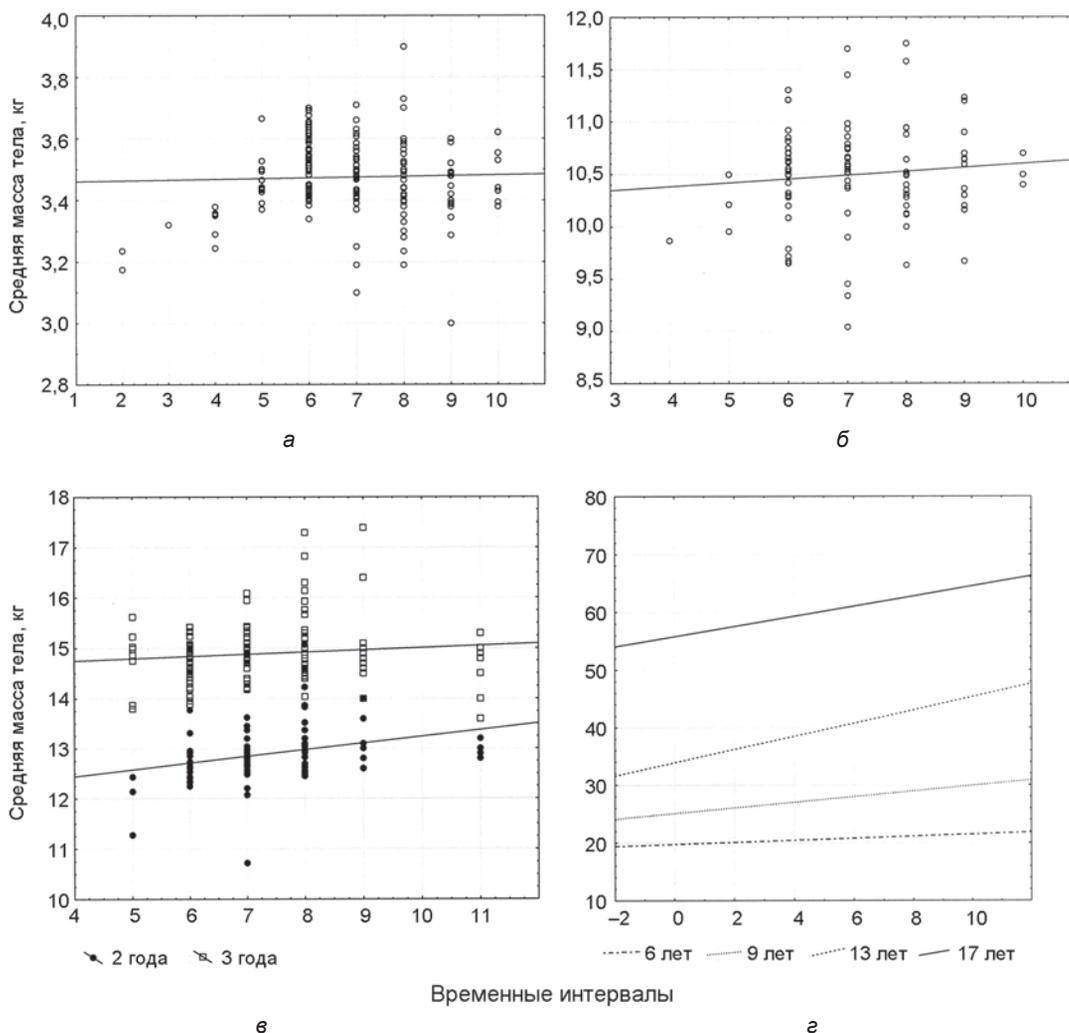

Рис. 2. Секулярная динамика массы тела мальчиков городов России.

а – новорожденные; б – годовалые; в – раннего возраста; г – дошкольного и школьного возраста. Временные интервалы (шаг в 10 лет): –2 – 1880-е гг., 0 – 1900-е, 2 – 1920-е... 10 – 2000-е гг.

ки массы тела у годовалых детей (300–400 г за 60 лет) также недостоверны ($r = 0,03$, $p = 0,17$ для мальчиков, $r = 0,33$, $p = 0,33$ для девочек). Сочетание секулярной стабильности массы тела с тенденцией увеличения его длины отражает усиление лептосомности телосложения на старте онтогенеза. У годовалых детей обоего пола это сопровождается также усилением узкосложенности (отрицательная секулярная динамика обхвата груди на фоне акцелерации длины тела) [Федотова, Горбачева, 2017]. В раннем возрасте отмечается более синхронное секулярное увеличение длины и массы тела. В частности, для двухлетних детей абсолютная секулярная прибавка массы тела составляет ок. 700 г за шесть десятилетий и является достоверной ($r = 0,32$, $p = 0,00$ для мальчиков, $r = 0,27$, $p = 0,01$ для девочек). Этот показатель у мальчиков и девочек 3 лет приближается к достоверному. Таким образом, секулярный

тренд лептосомности у детей раннего возраста выражен меньше, чем у новорожденных и младенцев.

В возрастном интервале 6–17 лет (рис. 2, г) вклад временного фактора в динамику массы, как и в случае с длиной тела, наименьший в 6 лет ($r = 0,31$ для мальчиков, $r = 0,25$ для девочек, $p = 0,00$), последовательно увеличивается к 9 ($r = 0,50$ для мальчиков, $r = 0,46$ для девочек, $p = 0,00$) и 13 ($r = 0,65$ для мальчиков, $r = 0,55$ для девочек, $p = 0,00$) годам, а к 17-летнему возрасту уменьшается ($r = 0,37$ для мальчиков, $r = 0,26$ для девочек, $p = 0,00$). В целом он выше у более экочувствительных мальчиков, сравнительно с девочками.

Средняя скорость секулярной прибавки массы тела за десятилетие на старте онтогенеза у новорожденных мальчиков составляет 3 г, у годовалых – 30, у двухлетних – 100, у трехлетних – 57 г; у девочек – соответственно 5; ок. 50; 125 и 63 г. В возрастном интервале

6–17 лет этот показатель у мальчиков 6 лет – 0,16 кг, 9 лет – 0,5, 13 лет – 1,1, 17 лет – 0,6 кг, у девочек – соответственно 0,11; 0,48; 1,2 и 0,31 кг. Таким образом, темпы секулярных изменений массы тела в возрасте 6–17 лет самые высокие в период пубертатного ростового скачка и существенно снижаются в 17 лет, особенно у девочек. Последнее может быть связано как с более быстрым достижением ими дефинитивного морфологического статуса, так и с социально-культурными «требованиями», диктующими определенные стереотипы телосложения, диеты, занятия фитнесом и проч., поскольку этим веяниям девушки подвержены больше, чем юноши.

Очевидно, что в младших возрастах (0–3 года) вклад временного фактора в секулярную динамику массы тела существенно ниже, чем в старших (6–17 лет), и с осторожностью может считаться пренебрежимо малым. В то время как вклад в секулярную динамику длины тела в возрастном интервале 0–3 года хотя и меньше, чем в последующих, но в целом сравним по величине с прибавками в интервале 6–17 лет.

Обсуждение

Вклад временного фактора в секулярную динамику длины и массы тела последовательно увеличивается от рождения до 2 лет, уменьшается к 3 годам, затем вновь возрастает от 6 до 13 лет и уменьшается к 17 годам. Таким образом, секулярная динамика основных показателей физического развития в онтогенезе носит нелинейный характер и наиболее явно фиксируется на втором году жизни в период активного поиска устойчивой индивидуальной ростовой траектории и в пубертатном возрасте (13 лет) на этапе окончательной корректировки индивидуальной онтогенетической траектории. Это хорошо согласуется с результатами мировых исследований, показавших, что секулярная динамика дефинитивной длины тела взрослых определяется увеличением длины ноги в первые два года жизни [Cole, 2003; Cole, Mori, 2018]. По итогам межнационального исследования близнецов, обобщившего целый ряд европейских работ, вклад генетического фактора в изменчивость показателя длины тела увеличивается от рождения до подросткового возраста и достигает пика как раз в 13 лет [Jelenkovic et al., 2016]. Авторы подчеркивают, что следует с осторожностью интерпретировать зафиксированный в ходе анализа максимум соотносительного вклада средового компонента в вариации длины тела в первые годы жизни (50 % в 1 год, затем уменьшается в детском и подростковом возрасте), поскольку паттерны роста близнецов на старте онтогенеза существенно отличаются от ростовых траекторий одиночнорожденных детей. Менее четко секулярные

тренды проявляются в относительно биологически нейтральных возрастах – 3 года, 6 и 17 лет, – характеризующихся меньшими скоростями роста. Некоторое увеличение интенсивности секулярных изменений в девятилетнем возрасте хорошо согласуется с отмеченным в работе Т.Г. Хамагановой [1979] возрастанием роли средовых факторов в межиндивидуальном разнообразии показателей длины тела и обхвата груди в 7–9 лет и массы тела в возрастном интервале 10–12 лет – пограничном для рассматриваемых в нашей работе возрастов 9 и 13 лет. Сходные различия в интенсивности секулярных трендов соматических показателей в разных возрастных группах выявлены у сельского населения Южной Мексики в 1968–2000 гг. Секулярные изменения длины тела и ноги, роста сидя минимальны в группе мальчиков 6–9 лет и существенно больше у подростков; у девочек, напротив, в возрастных интервалах 6–9 и 10–13 лет они более интенсивны, чем в 13–17 лет; секулярный прирост длины тела молодых взрослых обоего пола ниже, чем подростков [Malina et al., 2004]. В национальном исследовании роста и развития китайских детей дошкольного возраста по материалам девяти городов отмечено отсутствие в 1975–2015 гг. достоверных секулярных приростов длины и массы тела до 3 лет и их наличие в возрастном интервале 3–7 лет [A national survey..., 2018].

В целом вклад временного фактора в динамику длины тела несколько больше по сравнению с массой тела. Таким образом, секулярные тренды показателя скелетного развития с высокой степенью наследственной детерминации выражены более четко, чем массы тела, вариации которой почти в равной мере зависят от развития всех трех компонентов сомы – скелетного, мышечного и жирового – и, следовательно, от образа жизни (уровень физической нагрузки, характер питания и т.д.). Еще раз подчеркнем, что временная динамика скелетного компонента сомы реализуется в основном через нейрогенные механизмы как ответ на усиление антропогенной нагрузки, а секулярные тренды показателей поперечного развития тела являются более «непосредственной» реакцией на образ жизни. Например, в лонгитюдном исследовании Института Фелса (США) показано, что индекс массы тела у юношей в последние годы возрастает в первую очередь за счет увеличения жировой массы, а у девушек также и за счет обезжиренной. Авторы связывают это с возможными изменениями образа жизни и паттернов поведения, не охватившими еще мужскую половину населения и требующими дополнительной идентификации [Johnson et al., 2013]. Об известной независимости роста длины тела от развития жировой ткани, а следовательно, от характера питания и доходов семьи свидетельствуют результаты обследования детей Калькутты (Индия) в 1982–2011 гг. [Scheffler

et al., 2018]. Выраженное секулярное усиление лептосомности новорожденных и младенцев соответствует аналогичным морфологическим особенностям их потенциальных матерей – манифестных лептосомных подростков 1970–1990-х гг. – и указывает на межпоколенные ассоциации микроэволюционных соматических изменений.

Наконец, секулярная динамика в целом более четко выражена у мальчиков по сравнению с девочками. Это вполне согласуется с фактом большей экокочувствительности мужского пола в норме. Как уже было упомянуто выше, половые различия в секулярных трендах продольных размеров выявлены для сельского населения Мексики [Malina et al., 2004]. Большая экокочувствительность практически здоровых новорожденных мальчиков отмечена для периода 1962–1988 гг. в Японии на фоне существенного социально-экономического прогресса, так или иначе влияющего на физиологию пренатального роста; секулярные сдвиги касаются в первую очередь длины и массы тела и недостоверны для обхватных размеров груди и головы [Oishi et al., 2004].

Отметим, что направление секулярной динамики основных показателей физического развития можно считать универсальным для разных территориальных групп, вошедших в мета-анализ, но есть региональные особенности в ее интенсивности/выраженности. Это указывает на актуальность локальных ростовых стандартов и заслуживает отдельного рассмотрения.

Заключение

По итогам нашего исследования можно констатировать большую интенсивность секулярных трендов длины и массы тела детей обоего пола в период наиболее активного роста и развития – на втором году жизни и в подростковом возрасте 13 лет – и меньшую чувствительность к временному фактору (фактически описывающему возрастание уровня антропогенного стресса) в периоды замедления ростовых процессов, в частности, в 6 и особенно 17 лет. Вклад временного фактора в динамику основных показателей физического развития в целом больше у мальчиков, которые более экокочувствительны, чем девочки.

Менее выраженный секулярный тренд массы тела, по сравнению с длиной, у детей обоего пола всех возрастных групп указывает на различие факторов изменчивости продольного и поперечного развития тела и определяет секулярную динамику его формы – уменьшение отношения массы тела к длине, что приводит к усилению лептосомности телосложения. Особенно явно процессы лептосомизации детского населения отмечались в разных регионах Европы во второй половине XX столетия.

Можно, видимо, констатировать, что основной вклад в секулярное увеличение размеров тела населения вносит интенсивный рост на втором году жизни и в период ростового спурта в подростковом возрасте, а наименьший – рост на внутриутробном этапе развития, ограниченный фактором материнской морфологии, и в юношеском возрасте, когда практически достигнут дефинитивный уровень морфофункциональной зрелости и темпы ростовых процессов минимальные. Поскольку девушки достигают дефинитивного морфологического статуса раньше юношей, половые различия в интенсивности секулярной динамики особенно заметны именно в 17-летнем возрасте.

Обсуждаемые в статье закономерности представляют один из аспектов изучения секулярных трендов, который можно назвать надэтническим или надпопуляционным. Аналогичный алгоритм анализа пространственной соматической изменчивости на материалах более 70 ростовых исследований детского населения бывшего СССР позволил установить наличие западно-восточного градиента в распределении длины тела детей разных этнотерриториальных групп [Година, 2001]. Для более детального изучения временной соматической динамики, в частности, последствий стресса, необходимо, выражаясь образным языком, более сильное увеличение – рассмотрение отдельно взятых популяций и индивидуальных данных, в т.ч. для расчета коэффициента вариации как информативного статистического маркера стресса даже в отсутствии собственно соматических изменений. Так, для московской выборки показано, что девочки, рожденные в годы Великой Отечественной войны, смогли без значительного ущерба реализовать программу роста и развития с эволюционно обусловленными чередованиями темпов на ранних этапах онтогенеза [Задорожная, 2018]. Согласно результатам исследования долгожительской абхазской популяции, военные события 1992–1993 гг. и сопутствующие им стрессовые социальные последствия нарушили темпы онтогенеза абхазов, соответствующие особенностям долгожительских популяций. За 25-летний период (1980–2004) существенно увеличились темпы скелетного созревания и соматического развития, однако достоверные изменения показателей фиксируются у детей не раньше возраста 10–11 и 12–13 лет соответственно [Бацевич и др., 2006]. В последние десятилетия важнейшим стресс-фактором становится техногенное загрязнение пространства как следствие индустриальной гонки, имеющее, возможно, более тяжелые последствия, чем социальные катаклизмы. Так, агрессивное влияние на детский организм комбинированных радиационно-токсических метаболитов в Брянской обл. провоцирует задержку процессов роста и развития детей 7–9 лет вкупе с неблагоприятными изменениями кле-

точного иммунитета и увеличением частоты цитогенетических нарушений [Корсаков, 2012]. В районах Белгородской обл. с критическими экологическими ситуациями на протяжении последних десятилетий XX в. выявлены достоверно большие средние значения основных морфофункциональных показателей новорожденных и одновременно достоверно меньшие антропометрических показателей детей дошкольного и младшего школьного возраста по сравнению с ровесниками из районов, где экологические условия удовлетворительные [Крикун, 2006]. Зафиксированные в нашей работе различия в темпах secularных изменений у детей в зависимости от периода онтогенеза хорошо сочетаются с приведенными фактами разной экочувствительности детского организма в связи с возрастом.

Список литературы

- Бауер А.К.** К вопросу о физическом развитии подрастающего женского организма по наблюдениям над воспитанницами московских сиротских заведений Ведомства учреждений императрицы Марии: Рост и вес: дис. ... д-ра медицины. – М., 1900. – 78 с.
- Бацевич В.А., Година Е.З., Прудникова А.С., Ясина О.В., Квициния П.К.** Секулярные изменения показателей соматического развития детей и подростков сельских районов Абхазии за последние 25 лет // Современная сельская Абхазия: Социально-этнографические и антропологические исследования. – М.: ИЭА РАН, 2006. – С. 189–227.
- Безруких М.М.** Методологические подходы к проблеме возрастного развития // Физиология роста и развития детей и подростков (теоретические и клинические вопросы): практическое руководство. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006. – С. 39–67.
- Боровка В.А.** Санитарное обследование городских училищ и учащихся: (Наблюдения и исследования, произведенные в Санкт-петербургских городских училищах): дис. ... д-ра медицины. – СПб., 1913. – 180 с.
- Боровкова Н.П.** Размеры тела новорожденных в связи с морфологическими показателями роженицы // Ломоносов-2012: XIX Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 9–13 апр. 2012 г. Секция «Биология»: тез. докл. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 4–5.
- Боровкова Н.П., Горбачева А.К., Федотова Т.К., Чтецов В.П.** Этнотерриториальное разнообразие размеров тела новорожденных // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2012. – № 3. – С. 56–71.
- Година Е.З.** Динамика процессов роста и развития у человека: пространственно-временные аспекты: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 2001. – 50 с.
- Година Е.З.** Аукология // Антропология: учебник для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Владос, 2003. – С. 113–172.
- Грацианов Н.А.** Материалы для изучения физического развития детского и юношеского возрастов в зависимости от наследственности и успешности в школьных занятиях: дис. ... д-ра медицины. – СПб., 1889. – 94 с.
- Дерябин В.Е.** Антропология: курс лекций. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2009. – 342, [1] с.: ил., табл.
- Дерябин В.Е., Пурунджан А.Л.** Географические особенности строения тела населения СССР. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1990. – 191 с.
- Дик А.Я.** Материалы к исследованию роста, веса, окружности груди и жизненной емкости легких детского и юношеского возрастов, основанные на наблюдениях, сделанных в С.-Петербурге: дис. ... д-ра медицины. – СПб., 1883. – 168 с.
- Дунаевская Т.Н.** Морфологические особенности и ростовые процессы у детей // Размерная типология населения стран-членов СЭВ. – М.: Легкая индустрия, 1974. – С. 247–255.
- Задорожная Л.В.** Изменчивость показателей жиросотложения московских школьников начала 1960-х гг. (по материалам обследования В.С. Соловьевой) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2018. – № 3. – С. 96–101.
- Зак Н.В.** Физическое развитие детей в среднеевропейских заведениях г. Москвы: дис. ... д-ра медицины. – М., 1892. – 273 с.
- Зейлигер Д.Л.** Материалы для исследования физического развития учащихся в начальных школах г. Петрозаводска: дис. ... д-ра медицины. – СПб., 1900. – 208 с.
- Зубов А.А.** Палеоантропологическая родословная человека. – М.: ИЭА РАН, 2004. – 551 с.
- Корсаков А.В.** Комплексная эколого-гигиеническая оценка изменений состава среды как фактора риска для здоровья населения: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – Брянск, 2012. – 47 с.
- Крикун Е.Н.** Изменчивость морфофункциональных показателей организма человека под влиянием неблагоприятных эколого-биологических факторов: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 2006. – 39 с.
- Куршакова Ю.С.** Факторы, определяющие вариации типологического состава населения во времени и на территории // Антропометрическая стандартизация населения стран-членов СЭВ. – М.: Легкая и пищевая промышленность, 1983. – С. 111–126.
- Куршакова Ю.С., Дунаевская Т.Н., Смирнова Н.С., Шугаева Г.Ш.** Исследование доли соматической нормы у детей от 3-х до 17 лет с целью выявления периодов онтогенеза с повышенной чувствительностью к воздействию среды // Биология, экология, биотехнология и почвоведение. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. – С. 32–41.
- Материалы по физическому развитию детей и подростков.** – М.: Медгиз, 1962. – Вып. I / ред. А.Я. Гольдфельд, А.М. Мерков, А.Г. Цейтлин. – 375 с.
- Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР.** – М.: Медицина, 1965. – Вып. II / ред. А.Я. Гольдфельд, А.М. Мерков, А.Г. Цейтлин. – 670 с.
- Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР.** – М.: Медицина, 1977. – Вып. III / ред. А.М. Мерков, А.Ф. Серенко, Г.Н. Сердюковская. – 496 с.
- Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР.** – М.: Всесоюз. НИИ социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н.А. Семашко, 1986. – Вып. IV. – Ч. I: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика /

ред. В.В. Канеп, Г.Н. Сердюковская, А.Ф. Серенко, В.К. Овчаров – 171 с.

Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей СССР. – М.: Всесоюз. НИИ социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н.А. Семашко, 1988. – Вып. IV. – Ч. II / ред. Г.Н. Сердюковская, В.В. Канеп, А.Ф. Серенко, В.К. Овчаров – 223 с.

Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей Российской Федерации. – М.: НИИ социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением им. Н.А. Семашко РАМН, 1998. – Вып. V / ред. Т.М. Максимова, Л.Г. Подунова. – 192 с.

Могеладзе Н.О., Щуров В.А., Холодков В.А. Влияние изменения качества жизни населения на показатели роста и развития детей // Физиология развития человека: мат-лы Междунар. науч. конф. Москва, 22–24 июня 2009 г. Секция 4. – М.: Вердана, 2009. – С. 63–64.

Никитюк Б.А. Изменения размеров тела новорожденных за последние 100 лет // Вопр. антропологии. – 1972. – № 42. – С. 78–94.

Никитюк Б.А., Алпатов А.М. Связь вековых изменений процессов роста и развития человека с процессами солнечной активности // Вопр. антропологии. – 1979. – № 63. – С. 34–44.

Практическое руководство по неонатологии / ред. Г.В. Яцык. – М.: Мед. информ. агентство, 2008. – 344 с.

Федотова Т.К., Горбачева А.К. Соизменчивость размеров тела новорожденных и размеров таза рожениц в связи с фактором стабилизирующего отбора // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2016. – № 4. – С. 37–58.

Федотова Т.К., Горбачева А.К. Физическое развитие новорожденных и грудных детей российских городов: секюлярная динамика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. – 2017. – № 2. – С. 26–38.

Федотова Т.К., Дерябин В.Е. Специфика соматического статуса современных детей 3–7 лет в экологически контрастных районах Москвы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2006. – № 1. – С. 79–86.

Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации. – М.: Педиатр, 2013. – Вып. VI / ред. А.А. Баранов, В.Р. Кучма. – 191 с.

Физическое развитие детей и подростков Российской Федерации. – М.: Литтерра, 2019. – Вып. VII / ред. В.Р. Кучма, Н.А. Скоблина, О.Ю. Милушкина. – 176 с.

Хамаганова Т.Г. Влияние факторов внешней среды и наследственности на морфофункциональное развитие детей и подростков на разных этапах онтогенеза: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 1979. – 22 с.

Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1978. – 218 с.

Хрисанфова Е.Н., Первозчиков И.В. Антропология: учебник. – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. – 400 с.

Чучукало Г.И. Физическое развитие детей от одного года до восьми лет // Материалы по антропологии Украины. – Харьков: Гос. изд-во Украины, 1929. – Вып. 4: Дети дошкольного возраста / ред. Л.П. Николаев. – С. 90–140.

Штефко В.Г. Материалы по физическому развитию детей и подростков. – М.: Наркомздрав, 1925. – 49 с.

Яцык Г.В., Малкова И.И., Сюткина Е.В. Динамика показателей здоровья новорожденных детей на протяжении 21-летнего периода (январь 1985 г. – декабрь 2005 г.) // Рос. педиатр. журн. – 2007. – № 5. – С. 10–14.

A national survey on physical growth and development of children under seven years of age in nine cities of China in 2015 // Zhonghua Er Ke Za Zhi. – 2018. – Vol. 56, iss. 3. – P. 192–199.

Admassu B., Wells J.C.K., Girma T., Andersen G.S., Owino V., Belachew T., Michaelsen K.F., Abera M., Wibaek R., Friis H., Kæstel P. Body composition at birth and height at 2 years: a prospective cohort study among children in Jimma, Ethiopia // *Pediatr. Res.* – 2017. – Vol. 82, iss. 2. – P. 209–214.

Cole T.J. Secular trends in growth // *Proc. Nutr. Soc.* – 2000. – Vol. 59, iss. 2. – P. 317–324.

Cole T.J. The secular trend in human physical growth: a biological review // *Econ. Hum. Biol.* – 2003. – Vol. 1. – P. 161–168.

Cole T.J., Mori H. Fifty years of child height and weight in Japan and South Korea: Contrasting secular trend patterns analyzed by SITAR // *Am. J. Hum. Biol.* – 2018. – Vol. 30, iss. 1. – P. 1–13.

De Leon M.S.P., Golovanova L., Doronichev V., Romanova G., Akazawa T., Kondo O., Ishida H., Zollikofer C.P.E. Neanderthal brain size at birth provides insights into the evolution of human life history // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America.* – 2008. – Vol. 105, iss. 37. – P. 13764–13768.

Deryabin V.E., Krans V.M., Fedotova T.K. Comparative analysis of age dynamics of average values of body dimensions in children from birth to 7 years // *J. Phys. Anthropol.* – 2005. – Vol. 24, iss. 4. – P. 487–492.

Devakumar D., Kular D., Shrestha B.P., Grijalva-Eternod C., Daniel R.M., Saville N.M., Manandhar D.S., Costello A., Osrin D., Wells J.C.K. Socioeconomic determinants of growth in a longitudinal study in Nepal // *Matern. Child Nutr.* – 2018. – Vol. 14, iss. 1. – P. 1–8.

Jelenkovic A., Sund R., Hur Y.M., Yokoyama Y., Hjelmberg J.V., Möller S., Honda C., Magnusson P.K., Pedersen N.L., Ooki S., Aaltonen S., Stazi M.A., Fagnani C., D'Ippolito C., Freitas D.L., Maia J.A., Ji F., Ning F., Pang Z., Rebato E., Busjahn A., Kandler C., Saudino K.J., Jang K.L., Cozen W., Hwang A.E., Mack T.M., Gao W., Yu C., Li L., Corley R.P., Huibregtse B.M., Derom C., Vlietinck R.F., Loos R.J., Heikkilä K., Wardle J., Llewellyn C.H., Fisher A., McAdams T.A., Eley T.C., Gregory A.M., He M., Ding X., Bjerregaard-Andersen M., Beck-Nielsen H., Sodemann M., Tarnoki A.D., Tarnoki D.L., Knafo-Noam A., Mankuta D., Abramson L., Burt S.A., Klump K.L., Silberg J.L., Eaves L.J., Maes H.H., Krueger R.F., McGue M., Pahlen S., Gatz M., Butler D.A., Bartels M., van Beijsterveldt T.C., Craig J.M., Saffery R., Dubois L., Boivin M., Brendgen M., Dionne G., Vitaro F., Martin N.G., Medland S.E., Montgomery G.W., Swan G.E., Krasnow R., Tynelius P., Lichtenstein P., Haworth C.M., Plomin R., Bayasgalan G., Narandalai D., Harden K.P., Tucker-Drob E.M., Spector T., Mangino M., Lachance G., Baker L.A., Tuvblad C., Duncan G.E., Buchwald D., Willemsen G., Skytthe A., Kyvik K.O., Christensen K.,

Öncel S.Y., Aliev F., Rasmussen F., Goldberg J.H., Sørensen T.I., Boomsma D.I., Kaprio J., Silventoinen K. Genetic and environmental influences on height from infancy to early adulthood: An individual-based pooled analysis of 45 twin cohorts // *Scientific Reports*. – 2016. – Vol. 6. – P. 1–13.

Johnson W., Chumlea W.C., Czerwinski S.A., Demerath E.W. Secular trends in the fat and fat-free components of body mass index in children aged 8–18 years born in 1958–1995 // *Ann. Hum. Biol.* – 2013. – Vol. 1. – P. 107–110.

Malina R.M., Pena Reyes M.E., Tan S.K., Buschoing P.H., Little B.B., Koziel S. Secular change in sitting height and leg length in rural Oaxaca, southern Mexico: 1968–2000 // *Ann. Hum. Biol.* – 2004. – Vol. 6. – P. 615–633.

NCD Risk Factor Collaboration (NCD-RisC): A century of trends in adult human height // *eLife*. – 2016. – Vol. 5. – P. 1–29.

Oishi K., Honda S., Takamura N., Kusano Y., Abe Y., Moji K., Takemoto T., Tahara Y., Aoyagi K. Secular trends of sizes at birth in Japanese healthy infants born between 1962 and 1988 // *J. Phys. Anthropol. Appl. Hum. Sci.* – 2004. – Vol. 5. – P. 155–161.

Scheffler C., Krutzfeldt L.M., Dasgupta P., Hermanussen M. No associations between fat tissue and height in 5 019 children and adolescents, measured between 1982 and

in 2011 in Kolkata/India // *Anthropol. Anz.* – 2018. – Vol. 74, iss. 5. – P. 403–411.

Shell L.M. Culture, Urbanism and Changing Human Biology // *Glob. Bioeth.* – 2014. – Vol. 25, iss. 2. – P. 147–154.

Schonbeck Y., Talma H., van Dommelen P., Bakker B., Buitendijk S.E., HiraSing R.A., van Buuren S. The world's tallest nation has stopped growing taller: the height of Dutch children from 1955 to 2009 // *Pediatr. Res.* – 2013. – Vol. 73. – P. 371–377.

Tanner J.M., Lejarraga H., Turner G. Within-family standards for birth weight // *The Lancet*. – 1972. – Vol. 2. – P. 193–197.

Wells J.C.K. What was human birth weight in the past? Simulations based on data on stature from paleolithic to the present // *J. Life Sci.* – 2009. – Vol. 2. – P. 115–120.

Wells J.C.K., Figueiroa J.N., Alves J.G. Maternal pelvic dimensions and neonatal size: Implications for growth plasticity in early life as adaptation // *Evol. Med. Public Health*. – 2018. – Iss. 1. – P. 191–200.

*Материал поступил в редколлегию 13.11.18 г.,
в окончательном варианте – 11.12.19 г.*

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ВДИ – Вестник древней истории
ВУА – Военно-ученый архив
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
ИЭРиЖ УрО РАН – Институт экологии растений и животных УрО РАН
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН (АН СССР)
МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГО – Русское географическое общество
РИЦ – Редакционно-издательский центр
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СПбФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СЭ – Советская этнография
УрО РАН – Уральское отделение РАН
BAR – British Archaeological Reports

- Бауло А.В.** – доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090. E-mail: bau194@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8379-3760>
- Боронова М.М.** – доктор исторических наук, профессор Бурятского государственного университета, ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, 670000, Россия. E-mail: mboronova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4166-5327>
- Боруцкая С.Б.** – кандидат биологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 12, Москва, 119234, Россия. E-mail: borsbor@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0753-151X>
- Васильев С.В.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119334, Россия. E-mail: vasbor1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0128-6568>
- Васильева О.А.** – кандидат исторических наук, заведующая отделом Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, ул. Волхонка, 12, Москва, 119019, Россия. E-mail: vassilievagmii@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9603-2167>
- Галеев Р.М.** – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119334, Россия. E-mail: ravil.galeev@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5816-4820>
- Гнездилова И.С.** – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: gnezdilova06@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3318-0848>
- Горбачева А.К.** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия. E-mail: angoria@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5201-7128>
- Гуляев В.И.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: viguliaev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7327-9995>
- Дураков И.А.** – кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Виллойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия. E-mail: idurakov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>
- Дюжева О.П.** – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, ул. Волхонка, 12, Москва, 119019, Россия. E-mail: olga.dyuzheva@arts-museum.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2084-1881>
- Женест Ж.-М.** – доктор наук с правом возглавлять исследования (HDR), ассоциированный исследователь научно-исследовательского подразделения 5199 Национального центра научных исследований, Франция. UMR 5199 CNRS, Université de Bordeaux, Bâtiment B8, Allée Geoffroy Saint Hilaire CS 50023 33615 PESSAC CEDEX, France. E-mail: jeanmichelgeneste@orange.fr; <https://orcid.org/0000-0003-1626-2884>
- Забяко А.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Амурского государственного университета, Игнатьевское шоссе, 21, Благовещенск, 675027, Россия. Email: sciencia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6128-4401>
- Зоткина Л.В.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; старший преподаватель Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: lidiazotkina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>
- Зубова А.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: zubova_al@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7981-161X>
- Каргашов С.И.** – лаборант-исследователь Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», пл. Академика Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия. E-mail: nrcki@nrcki.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0181-3391>
- Кобелева Л.С.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>
- Косинцев П.А.** – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Уральского федерального университета, пр. Ленина, 51, Екатеринбург, 620002, Россия; старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН, ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144, Россия. E-mail: kpa@ipae.uran.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0973-7426>
- Кретэн К.** – доктор философии (PhD), хранитель Национального музея первобытной истории, Франция. Musée national de Préhistoire, 1 Rue du Musée, 24620 Les Eyzies-de-Tayac-Sireuil, France. E-mail: catherine.cretin@culture.gouv.fr; <https://orcid.org/0000-0002-5471-4004>

- Марченко-Вагапова Т.И.** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии Коми научного центра УрО РАН, ул. Первомайская, 54, Сыктывкар, 167982, Россия. E-mail: timarchenko@geo.komisc.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4406-7939>
- Молодин В.И.** – академик РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; профессор Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: office3@archaeology.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>
- Мурыгин А.М.** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, ГСП-2, 167982, Россия. E-mail: alek-murygin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1243-8096>
- Мыльникова Л.Н.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: l.mylnikiva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>
- Нестеркина А.Л.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3703-1527>
- Никитин А.С.** – кандидат медицинских наук, заведующий учебной частью кафедры Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова, ул. Кусковская, владение 1А, стр. 4, Москва, 111398, Россия. E-mail: zateya@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1883-1123>
- Никитин С.А.** – главный специалист Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения г. Москвы, Тарный пр., 3, Москва, 115516, Россия. E-mail: nikitserg@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9057-7270>
- Новиков М.М.** – заведующий лабораторией Федерального научно-исследовательского центра «Кристаллография и фотоника» РАН, ул. Святоозерская, 1, Шатура, 140700, Россия. E-mail: novikov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0626-793X>
- Павленок Г.Д.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: lukianovagalina@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>
- Салмин А.К.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: antsalmin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>
- Соловьева Е.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: easolovievy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3481-7292>
- Ткачев В.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Оренбургского федерального исследовательского центра УрО РАН, ул. Пионерская, 11, Оренбург, 460000, Россия. E-mail: vit-tkachev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6355-1745>
- Труфанов А.Я.** – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-аналитического центра проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ – Наследие», ул. Токарей, 24А, оф. 9–22, Екатеринбург, 620028, Россия. E-mail: trufanov_alex@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3638-4731>
- Ушаков В.Л.** – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», пл. Академика Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия. E-mail: nrcki@nrcki.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4716-2109>
- Федотова Т.К.** – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник НИИ и Музея антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, Москва, 125009, Россия. E-mail: tatiana.fedotova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7750-7924>
- Хансен С.** – доктор наук (Prof. Dr.), директор Евразийского отделения Германского археологического института, Германия. Eurasien-Abteilung, Deutsches Archäologisches Institut, Im Dol 2-6, 14195 Berlin, Deutschland. E-mail: Svend.Hansen@dainst.de; <https://orcid.org/0000-0002-6714-4629>
- Черемисин Д.В.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: topsya@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1184-4044>
- Чичаев И.А.** – ведущий инженер Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», пл. Академика Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия. E-mail: chichaev.ilya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7155-0681>
- Щанкина Л.Н.** – доктор исторических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Стремянный пер., 36, Москва, 117997, Россия. E-mail: schanckina@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-5512-679X>
- Яцишина Е.Б.** – кандидат философских наук, заместитель директора Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», пл. Академика Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия. E-mail: Yatsishina_EB@nrcki.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7652-7253>